

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. С. Кубрякова

ОСНОВЫ
МОРФОЛОГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА

(на материале германских языков)

771854

Издательство «Наука»
Москва
1974

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**ЗАДАЧИ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ
И ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ**

**I. Задачи морфологического анализа
и постановка обсуждаемых проблем
в современной лингвистике**

Рассмотрение вопросов, относимых ныне к сфере морфологического анализа и касающихся структуры слова, имеет в отечественном языкоznании давние традиции. Достаточно назвать в этой связи имена И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатова или А. М. Пешковского и В. А. Богородицкого, чтобы оценить тот огромный вклад, который внесли русские ученые в исследование форм слова и его грамматических особенностей. Значительные успехи в разработке этих проблем связаны позднее и с именами В. В. Виноградова и Л. В. Щербы, Г. О. Винокура и А. И. Смирницкого, О. С. Ахмановой и П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского и М. В. Панова, а также целого ряда их учеников и последователей. Большое общетеоретическое значение имели также в интересующей нас области труды советских германистов — В. М. Жирмунского, В. Н. Ярцевой, Э. А. Макаева, М. М. Гухман, М. Д. Степановой, И. П. Ивановой и др.

Несмотря на различие точек зрения, характеризующее взгляды указанных авторов по многим отдельным вопросам морфологии (см. подробнее ниже), можно все же утверждать, что исследование морфологических явлений велось в советском языкоznании в едином направлении. Сильную сторону отечественного языкоznания составляла глубокая преемственность знаний, и обсуждение морфологических проблем всегда концентрировалось вокруг слова. Изучение форм слова и его структурных типов никогда не проводилось здесь в отрыве от их значения и функций, благодаря чему вырабатывались принципы

морфологического анализа, во многом отличные от тех, которые в это же время выдвигались за рубежом.

Как особая разновидность лингвистического исследования морфологический анализ оформляется примерно с 40-х годов нашего столетия. Хотя, как мы уже говорили выше, многие из относящихся сюда проблем обсуждались в отечественном языкоznании и раньше и, несмотря на то, что проблемы структурной морфологии начинают занимать заметное место в исследованиях Пражского лингвистического кружка и у представителей дескриптивного направления до указанного периода, осознание специфики самого морфологического анализа и его задач происходит несколько позднее и может быть связано с перенесением в морфологию ряда приемов и методов, оправдывающих себя в фонологии.

Первоначально в рамках дескриптивного направления, а затем и за его пределами, одна за другой появляются статьи, посвящаемые целям морфологического анализа, определению его теоретических установок и отправных понятий. На страницах лингвистических изданий широко обсуждаются проблемы описания на уровне морфологии, предлагаются новые процедуры анализа, и на несколько десятилетий вперед именно морфология оказывается источником новых идей и новых моделей описания.

Важной вехой на этом пути становится внедрение в практику морфологического анализа понятия морфемы. Отталкиваясь от определения этого понятия, данного Л. Блумфилдом (сам термин «морфема» был впервые предложен И. А. Бодуэном де Куртенэ¹), американские лингвисты вносят свои корректины в понимание морфемы и начинают соотносить отдельные этапы морфологического анализа с отдельными моментами в описании морфемы. Описание морфемы, достигаемое, как и описание фонемы, в определенной последовательности, приводит к значительному совершенствованию техники анализа, ибо заставляет подробно эксплицировать те требования, которым должна удовлетворять вычленяемая единица.

Мысль о том, что морфологический анализ целесообразно разбить на ряд последовательных ступеней, содержалась уже в работе Л. Блумфилда «Язык», но кон-

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкоznанию, т. I. М., 1963, стр. 182.

крайнее преломление она получила в статье З. Харриса, относящейся к 1942 г.² Здесь подчеркивалось, что в проведении морфологического анализа лингвист проходит те же ступени, что и при анализе фонологическом и что при этом используются сходные приемы и понятия. Нельзя отрицать, что подобный подход к морфологии оказался в целом достаточно плодотворным³. Несомненно, например, что детальное обсуждение отдельных этапов лингвистического исследования в их логической последовательности способствовало развитию методологических аспектов исследования и, конечно, разработке процедур описательного, дескриптивного языкоznания.

На первой ступени анализа высказывания дробились на мельчайшие из повторяющихся сегментов, и соответственно для этого разрабатывались разные приемы расчленения текста; на второй ступени выделенные отрезки систематизировались по их отношению к морфеме, и морфемные отрезки, отвечающие определенным требованиям, группировались в одну морфему, т. е. отождествлялись; в значительной мере параллельно процессу идентификации морфемных отрезков протекал и процесс определения их классной принадлежности и установления структурных и функциональных свойств морфем разных классов. Наконец, на последней стадии анализа осуществлялась группировка выделенных морфем по их формальным или дистрибутивным классам⁴. При этом, однако, нередко типовые последовательности морфем приравнивались к отдельным морфемам и распределялись сообразно классам этих последних. Таким образом, переход от отдельной морфемы к сочетанию морфем не был очерчен с достаточной четкостью и принципиальной разницы между морфемой и особыми последовательностями морфем не подчеркивалось; не проводилось надлежащего различия деривационных и словоизменительных морфем. В недифференциированном подходе к морфемным последовательностям и их компонентам растворялась спе-

² Z. S. Harris. Morpheme alternants in linguistic analysis. «Language», 1942, v. 18, № 3.

³ См.: Г. А. Климо в. Фонема и морфема. М., 1967, стр. 95.

⁴ См. подробнее: Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубракова. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 203—232.

цифика слова, и качественное своеобразие данного типа сочетания морфем в целостный комплекс не оценивалось должным образом. Не случайно в американской лингвистике сравнительно долго была распространена идея о том, что через морфему и комбинаторику морфем можно описать высказывание и на синтаксическом уровне.

Другие существенные недостатки морфологического анализа в его дескриптивном варианте выявились постепенно в плане общей теории языка. Широко освещенные в специальной литературе, они были связаны в основном с переоценкой возможностей чисто дистрибутивного анализа⁵, с недостаточным учетом парадигматических связей языка на уровне морфологии⁶, с неразграничением функциональных разрядов морфем⁷, с явной недооценкой роли деривационной морфологии в системе языка⁸, а также с некоторыми иными просчетами в определении основных единиц описания и их стратификации⁹. Несомненно поэтому, что при выработке более адекватной программы морфологического анализа следует по мере возможности преодолеть именно указанные

⁵ Ср.: P. Diderichsen. The importance of distribution versus other criteria in linguistic analysis. «Proceedings of the 8 International Congress of Linguists». Oslo, 1958; W. Haas, On defining linguistic units.— TPS, 1955, стр. 57—58; Y. Bar-Hillel. Logical syntax and semantics. «Language», 1954, v. 30, № 2; ср.: А. М. Щербак. О методике морфологического описания языка.— ВЯ, 1963, № 5.

⁶ См., например: Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 96 и сл.

⁷ См.: М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, стр. 80.

⁸ Ср.: W. Winter. Form and meaning in morphological analysis. «Linguistics», 1964, v. 3, стр. 8—9; E. Stankiewicz. The interdependence of paradigmatic and derivational patterns. «Word», 1962, v. 8, № 1—2; D. S. Worth, A. S. Kozak, D. B. Johns o n. Russian Derivational Dictionary. Introduction. N. Y., 1970, стр. IX; Е. С. Кубрякова. О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках. «Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков». М., 1972, стр. 172 и сл. Интересно в этой связи подчеркнуть, что вопрос о месте деривационной морфологии в описании языка признается позднее одной из наиболее насущных проблем современной лингвистики. Ср.: J. D. McCawley. Рец. на кн.: «Current trends in linguistics», v. III. The Hague, 1966. «Language», 1968, v. 44, № 3, стр. 578.

⁹ Э. А. Макаев. Современное состояние общего языкознания и соотношение сравнительной, сопоставительной и типологической грамматики. «Теоретические проблемы современного советского языкознания». М., 1964, стр. 92 и сл.

недостатки. В настоящей работе мы пытались прежде всего учитывать на всех стадиях анализа данные деривационной морфологии; мы пытались также дополнить сведения о синтагматике морфем данными об их paradigmatischen свойствах, уточнить и представить в дифференциированном виде структурную и функциональную классификацию морфем, сузить и в то же время конкретизировать роль дистрибутивных факторов в проведении морфологического анализа и т. п.

Вместе с тем, излагая основы морфологического анализа, мы считали необходимым внести известные коррективы не только в методику исследования. Нам казалось важным определить также исходные принципы анализа и его конечные цели. Хотя, казалось бы, дескриптивная модель морфологического анализа предусматривает широкую программу исследования, остается не вполне ясным, получение каких именно данных она должна обеспечить в конечном итоге. По мнению Ч. Хоккета, например, морфологический анализ «это процедура, с помощью которой лингвист выделяет минимальные значащие единицы из высказываний языка и решает вопрос, какие из случаев появления этих единиц должны рассматриваться как случаи появления „одного и того же“»¹⁰. Очевидно, однако, что в приведенном определении указываются только начальные этапы анализа и вообще не уточняются его цели.

В задачи морфологического анализа входит полное описание морфологической структуры слова и, следовательно, создание всего сложного аппарата понятий, терминов и специальных методик, с помощью которых подобное описание оказывается удовлетворяющим определенной программе или анкете. Иначе говоря, программа должна включать весь список вопросов, ответы на которые обеспечат адекватное описание морфологической структуры слов разных типов и, главное, закономерностей их синхронного конструирования. Такое понимание целей морфологического анализа связано, несомненно, с традицией отечественного языкоznания рассматривать морфологию как грамматическое учение о слове и определять слово как центральную единицу языка. Соответств-

¹⁰ Ch. F. H o c k e t t . Problems of morphemic analysis. «Language», 1947, v. 23, № 4, стр. 321.

венно, значимость морфологического анализа в описании языка обуславливается не столько вычленением, отождествлением и классификацией такой минимальной значащей единицы языка, как морфема, сколько его участием в познании определенного аспекта слова. Этим аспектом слова, получающим в процессе морфологического анализа исчерпывающую характеристику, является его морфологическая структура, т. е. строение слова, описанное в терминах данного уровня. В отличие от морфемного анализа, целью которого является вычленение морфем, составляющих данное слово, и их структурная и функциональная классификация, в задачи морфологического анализа входит вся область изучения структуры слова в ее грамматическом аспекте.

Если представить задачи морфологического анализа в более развернутом виде, можно утверждать, что он, подчиняя себе задачи морфемного анализа, направлен на выделение значащих частей слова и определение их иерархии, на обнаружение зависимостей между этими частями и вхождением слова в определенный парадигматический ряд, на обнаружение корреляций между строением слова и передаваемыми им грамматическими значениями.

«Под морфологическим строением,— писал М. Докулил,— обычно понимают морфемный состав слова или словоформы; путем морфологического анализа в слове выделяются отдельные морфемы и устанавливается их функция в слове или словоформе. Этим мы, однако, не достигаем понимания истинного строения слова...»¹¹ На поиски такого «истинного строения» и направлен, на наш взгляд, морфологический анализ, обнаруживающий пути синхронного формирования слова из тех, а не иных частей (морфем), выраженность или невыраженность в непосредственно наблюдаемой структуре всех актов ее порождения и, наконец, соотношение между установленными частями и той грамматической информацией, которая передается данным словом, а также его принадлежностью к определенному парадигматическому классу.

Поскольку с развитием теории порождающих грамматик выявились некоторые несомненные преимущества

¹¹ M. Dokulil. Tvoření slov v češtině, 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, str. 210.

процессуального подхода к явлениям языка, следует распространить и на морфологию понятие деривации. В качестве особой задачи морфологического анализа возникает в этой связи задача восстановления глубинных морфологических структур и механизма перехода от этих структур к непосредственно наблюдаемым структурам. Глубокую связь морфологического анализа с изучением отношений деривации на уровне морфологии и с познанием синхронных принципов конструирования слова мы и попытаемся доказать настоящим исследованием.

II. Исходные понятия настоящей работы. Слово и морфема

Классические определения морфемы появляются в 30-е годы. Хотя в специальной литературе более обычны ссылки на определение морфемы, данное Л. Блумфилдом, в практике анализа чешских и советских лингвистов широко использовалось определение морфемы, содержавшееся в «Проекте стандартизованной фонологической терминологии» и относившееся, таким образом, к 1931 г. Важно отметить, что уже в этом определении указывались такие свойства морфемы, как ее предельность, ее связь со словом, ее функциональная значимость. Морфемой именовалась здесь «морфологическая единица, которую нельзя разложить на более мелкие морфологические единицы, то есть часть слова, которая в целом ряде слов имеет одну и ту же формальную функцию и которую невозможно разложить на более дробные части, обладающие этим свойством»¹².

Трактовка морфемы у Л. Блумфилда была связана прежде всего с двусторонностью данной единицы: морфемой, или простой формой, называлась «языковая форма, лишенная частичного фонетико-семантического сходства с какой-либо другой формой». При этом за языковую форму принималась «общая часть каких-либо (двух и более) комплексных форм»¹³. Не трудно увидеть в

¹² Projet de terminologie phonologique standardisée.— TCLP, v. 4. Praha, 1931, стр. 309 и сл.; ср.: Л. И о в а к. Основная единица грамматической системы и типология языка (1936). «Пражский лингв. кружок». М., 1967, стр. 210 и сл.

¹³ Л. Б л у м ф и л д. Язык. М., 1968, Комментарий — стр. 578, 581—582, текст — стр. 168.

этих двух разных определениях зародыши будущих разных подходов к ее пониманию. И хотя полемика по поводу адекватного истолкования морфемы не прекращается вплоть до настоящего времени и ранние трактовки морфемы претерпели значительное преобразование¹⁴, в сущности за всем многообразием высказанных точек зрения можно усмотреть три основных направления:

— морфема — это единица плана выражения; значение не имеет никакого отношения к ее определению¹⁵; морфема существует только как повторяющаяся часть отдельных высказываний¹⁶;

— морфема — это чисто функциональная единица языка, и ее форма несущественна для выполнения ее функции;

— морфема — это знаковая, двусторонняя единица языка, соотносящая план выражения с планом содержания¹⁷.

¹⁴ Ср., например, постепенные изменения, вносившиеся в понятие морфемы, у представителей дескриптивного направления, в работах: Z. S. H a g r i s. Morpheme alternants in linguistic analysis. «Language», 1942, v. 18, № 3; Ch. F. H o c k e t t. Problems of morphemic analysis. «Language», 1947, v. 23, № 4; D. L. B o l i n g e r. On defining the morpheme. «Word», 1948, v. 4, № 1; C. E. B a z e l l. On the problem of the morpheme. «Archivum Linguisticum», 1949, v. I, fasc. I; S. S a p o r t a. Morph, morpheme, archimorpheme. «Word», 1956, v. 12, № 1; F. H o u s e h o l d e r. On linguistic primes. «Word», 1959, v. 15, № 2; Ch. F. H o c k e t t. Linguistic elements and their relations. «Language», 1961, v. 37, № 1; A. K o u t s o u d a s. The morpheme reconsidered. — IJAL, 1963, v. 29, № 2.

¹⁵ Ср. обсуждение этих проблем в работах: C. E. B a z e l l. Meaning and the morpheme. «Word», 1962, v. 18, № 1—2; E. N i d a. The identification of morphemes. «Language», 1948, v. 24, № 4; H. F o w l e r. 'Meaning' and the theory of the morpheme. «Lingua», 1963, v. 12, № 2; B. M. H. S t r a n g. Theory and practice in morpheme identification. «Preprints of papers for the Ninth International Congress of Linguists». Cambridge, Mass., 1962 (далее «Preprints»).

¹⁶ Ср. G. L. T r a g e r. The field of linguistics. «Studies in Linguistics», Occasional Papers, I. Norman, 1949, стр. 5; D. L. B o l i n g e r. Указ. соч., стр. 21; Z. S. H a g r i s. Methods in structural linguistics. Chicago—London, 1963.

¹⁷ Об основных расхождениях в понимании морфемы см.: Ю. С. М а с л о в. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема». «Уч. зап. ЛГУ», № 301, серия филол. наук, вып. 60. Л., 1961; Н. Д. А р у т ю н о в а, Е. С. К у б р я к о в а. Указ. соч.; Л. Е. Р у ф и м о в и ч. К понятию морфемы. «Иностранные языки в высшей школе», вып. III. М., 1964; О. С. А х м а н о в а. Фонология, морфонология, морфология. М., Изд-во МГУ, 1966, стр. 67 и сл.; Н. Д. А р у т ю н о в а.

Не полемизируя по поводу достоинств или недостатков этих направлений и не излагая историю вопроса (в серии перечисленных выше работ обе эти темы освещались достаточно подробно), мы стремимся настоящей книгой показать, к каким последствиям приводит на практике последовательное признание двусторонности морфемы. Таким образом, все последующее изложение может рассматриваться как обсуждение вопроса об эффективности морфологического анализа, согласуемого со следующими теоретическими предпосылками в трактовке морфемы:

1 — морфема понимается как элементарная, простейшая, но не единственная единица описания на морфологическом уровне; она представляет собой минимальную и предельную единицу морфологического уровня;

2 — морфема рассматривается как единица знаковая, имеющая отношение к передаче разных типов лингвистического значения;

3 — морфема определяется как единица двусторонняя, и потому для ее характеристики оказывается равно важным как учет ее формы, так и учет ее значения.

Три этих пункта указываются нами взамен простого определения морфемы как мельчайшей знаковой единицы языка, чтобы подчеркнуть три следующих обстоятельства. Пункт первый вводится отдельно, чтобы отметить, что «выбор только морфемы в качестве единицы морфологического уровня не позволяет разграничивать словообразовательные и словоизменительные формы»¹⁸ и отразить в должной мере тот факт, что описание морфологической системы языка не может быть достигнуто вне описания таких «более крупных» единиц этого же уровня, как слово, основа и парадигма, качественное своеобразие которых не объяснимо с помощью понятия морфемы.

Второй пункт вводится затем, чтобы подчеркнуть специально, что с морфемой может быть связана не только передача лексического значения, что отнюдь не обязатель-

О значимых единицах языка. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968; И. Г. М и л о с л а в с к и й. К вопросу о морфеме как значимой единице языка. «Филол. науки», 1969, № 2; ср. также: Н. Д. А р у т ю н о в а. Стратификационная модель языка. «Филол. науки», 1968, № 1, стр. 105 и сл.; С. Л. Е в е l i n g. *Linguistic units*. 's-Gravenhage, 1960, ch. 5.

¹⁸ См.: М. М. Г у х м а н. Грамматическая категория и структура парадигм. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 123.

но и что сужало ранее круг единиц, попадающих под определение морфемы¹⁹, но и передача других типов лингвистического значения — остаточного, как это продемонстрировал А. И. Смирницкий, дифференциального, как это показал В. Коатс, структурного, как это отмечали представители Пражского лингвистического кружка.

Наконец, третий пункт вводится для того, чтобы подчеркнуть факт конгруэнтности формы и содержания морфемы. Это заставляет отводить особое место в изучении морфемы вопросу о конкретной соотнесенности определенного формального облика морфов, реализующих морфему, с выполняемыми ими функциями. Таким образом, если признание второго пункта существенно для вычленения морфемы и особенно ее идентификации, то признание пункта третьего важно в связи с разработкой критериев отождествления морфов одной морфемы и в силу особой значимости проблемы их возможного альтернирования (см. ниже соответствующие главы книги).

Остается отметить еще одну черту морфемы, признаваемую далеко не всеми лингвистами, — производность понятия морфемы по отношению к понятию слова²⁰. Морфема вычленяется только в ходе специального исследования, являясь результатом сознательной абстракции; слово дано в непосредственном опыте человека, и оно легче, чем морфема, опознается носителем языка²¹.

По всей видимости, при моделировании морфологической системы можно идти двумя разными путями — от слова к морфеме и от морфемы к слову²²; во втором случае в качестве первичного термина выбирается морфема²³. Од-

¹⁹ Ср.: Ю. С. М а с л о в. Указ. соч., стр. 142; W. C o a t e s. Meaning in morphemes and compound lexical units. «Preprints», стр. 413 и сл.; A. M a k k a i. The two idiomaticity areas in English and their membership: a stratification view. «Linguistics», 1969, v. 50, стр. 50—51.

²⁰ См.: П. С. К у з п е ц о в. Опыт формального определения слова. — ВЯ, 1964, № 5, стр. 77.

²¹ Ср.: Е. С. К у б р я к о в а. Об основных единицах лингвистического анализа и предмете морфологии. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». (далее МСС). М.—Л., 1963, стр. 182; А. А. Л е о н т'ев. Слово в речевой деятельности. М., 1965; J. K r á m s k ý. The word as a linguistic unit. The Hague, 1969, стр. 7.

²² См.: И. И. Р е в з и н. Модели языка. М., 1962, стр. 58.

²³ См., например: Б. А. У спенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 52—53.

нако при описании аналитических процедур естественнее идти именно от слова; логично оперировать этим понятием как исходным и при анализе письменных текстов²⁴. Этот путь сообразуется более и с тенденцией считать слово центральной единицей «языка вообще» и едва ли не главной единицей грамматической системы языка²⁵: со словом может соперничать только предложение.

При подходе «от слова» морфема может быть удовлетворительно определена как «минимальная значащая единица, связанная со словом и неспособная перемещаться <в пределах этого слова>»²⁶. Понятно в то же время, что принимаемая иерархия морфологических единиц делает предметом первостепенной важности определение слова.

Литература, посвященная слову, в настоящее время почти необозрима. И. Е. Аничков, например, указывает шесть разных трактовок слова, каждая из которых связана с целой серией работ²⁷. Список этих работ можно было бы значительно расширить. Нет, собственно, ни одного выдающегося языковеда, который бы не высказал в той или иной форме свое отношение к слову. Разделяя мнение тех языковедов, которые считают вполне возможным указать на отличительные, конституирующие черты этого понятия и определить его границы с достаточной ясностью, мы исходим из следующего понимания слова.

Словом может быть названа такая формальная последовательность, части которой сочетаются для выполнения общих (коммуникативных) функций; все последовательности этого рода могут быть перемещены в тексте или отделены друг от друга без их потери идентичности самим себе²⁸. Перечисленные признаки — известная свобода слова, его

²⁴ Ср.: B. Mandelbrot. Structure formelle des textes et communication. «Word», 1954, v. 10, № 1, особ. стр. 2 и 20.

²⁵ А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»). «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 183.

²⁶ Ср.: B. Trnka. Morfologické protiklady.— В сб.: «O vědeckém poznání soudobých jazyků». Praha, 1958, стр. 94, где он ссылается на Б. Блока; И. П. Иванова. О принципах анализа сложного слова в современном английском языке. «Исследования по английской филологии», сб. III. Л., Изд-во ЛГУ, 1965, стр. 7—8.

²⁷ И. Е. Аничков. Об определении слова.— МСС, стр. 146 и сл., ср. также другие материалы данного сборника.

²⁸ Ср.: B. Trnka. Words, semantemes, and sememes. «To Honor Roman Jakobson», v. III. The Hague—Paris, 1967, стр. 2050.

потенциальная изолируемость из состава предложения²⁹, возможность ограничить слово в потоке речи паузами любой длины³⁰, а в письменной речи — пробелами³¹, позволяют отличить слово от морфемы. Как отмечал еще в 1944 г. В. В. Виноградов, «глубокая разница между словами и морфемами как будто обнаруживается в том, что только слово способно более или менее свободно перемещаться в пределах предложения, а морфемы, входящие в состав слова, обычно неподвижны...»³². Иначе говоря, морфема может быть свободной только по своей сочетаемости с другими морфемами, но она не свободна по отношению к «своему» слову (см. подробнее стр. 118 и сл.), слово же может быть свободным и по своему местоположению в предложении, и по непосредственному окружению. Таким образом, в языке существует объективная возможность разграничить слово и морфему не только по характеру передаваемых ими значений, что тоже, несомненно, имеет место³³, но и по их чисто структурным признакам.

Приведенное выше определение слова может быть отнесено не только к словам, способным сформировать отдельное предложение: этот признак характерен для полнозначных, или знаменательных слов. Оно охватывает и такие слова, которые встречаются всегда в сочетании с другими словами (ср. артикли, приинфinitивные частицы и т. п.) и выступают на правах частей предложения³⁴. Таким

²⁹ Понятие *Isolierungsfähigkeit des Wortes*, выдвинутое Е. Д. Поливановым, позволяет считать отдельными словами все служебные частицы языка, см.: E. Polivanov. Zur Frage der Betonungsfunktionen.— TCLP, v. 6. Praha, 1936, стр. 79; ср. также критерий отделяемости слова от соседних слов у Вл. Горейши: VI. Н о ġ e j š i. Postavení morfologie v mluvnici a její obsah.— CMF, 1957, R. 39, č. I, стр. 75.

³⁰ См.: П. С. К у з и н е ц о в. Указ. соч., стр. 76.

³¹ Это определение слова распространено в работах по машинному переводу; см., например, в работах И. А. Мельчука.

³² В. В. Виноградов. О формах слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. 3, вып. I, стр. 33.

³³ Ср.: В. З. Панфилов. Грамматика и логика. М.—Л., 1963, стр. 9 и сл.; О. С. Ахманова. Указ. соч., стр. 79 («Слово в отличие от морфемы,— справедливо подчеркивает здесь О. С. Ахманова,— имеет значение само по себе, т. е. независимо от непосредственно предшествующих ему или следующих за ним элементов»).

³⁴ Ср., например, замечание Ф. Ф. Фортунатова о том, что полными словами могут быть либо целые предложения, либо ча-

образом, в конечном итоге словом может быть названа наименьшая функциональная единица языка, способная вступать в свободные сочетания³⁵.

Функциональный статус слова обусловливается его способностью называть что-либо. Именно это ономасиологическое свойство делает слово центральной единицей системы языка. Поэтому, несмотря на то, что «слово в системе языка представляет собой очень сложную, далеко не гомогенную единицу»³⁶ и что в конкретных языках типы слов широко варьируют (ср. гл. шестую), отнесение определенного речевого отрезка к числу слов и отделение слова от смежных единиц (от морфемы, с одной стороны, и от словосочетания — с другой) следует признать принципиально разрешимой задачей. Следует признать также, что неудача выделения слова по каким-то одним признакам (например, фонетическим или фонологическим) отнюдь не свидетельствует о невозможности опознать категорию слова по совокупности его основных, кардинальных, неотъемлемых свойств³⁷. Среди этих свойств и выступает особая морфологическая характеристика слова — его морфологическая цельность или целостность. Наличие этого свойства мы связываем с тем, что слово обладает определенной морфологической структурой. В языках каждого типа все слова строятся по определенным моделям, и потому единица, характеризуемая определенным строением, включается в определенный формальный класс слов.

Не вызывает сомнения, что идентичность слова самому себе обусловливается морфологически тем, что оно принадлежит определенному классу слов и в рамках этого класса выражает каждую из присущих ему в данном языке категорий³⁸. В то же время сама эта принадлежность является в значительной мере следствием особой формы слова, в частности, наличием в нем определенной морфологичес-

сти предложения. Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. I. М., 1956, стр. 134.

³⁵ См. параграфы, написанные М. В. Пановым в кн.: «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 111.

³⁶ А. А. Уфимцева. К вопросу об изучении слова. «Проблемы современной филологии». М., 1965, стр. 270.

³⁷ Ср.: В. З. Панилов. Об определении понятия слова.— МСС, стр. 142.

³⁸ J. Кгáмскý. Указ. соч., стр. 54—55.

кой структуры (составленности из частей, находящихся в определенных отношениях друг к другу). В свою очередь, эта составленность и эти связи являются на морфологическом уровне результатом разных диахронических и синхронических процессов. Распутать их сложное переплетение, выявить их синхронную значимость — таковы должны быть цели морфологического анализа, позволяющего не только соотнести каждую выделенную часть слова с его определенными структурными и функциональными характеристиками, но и с теми процессами, результатом которых они являются. Отсюда — интерес не только к непосредственно наблюдаемому строению слова, но и к тем синхронным процессам, которые привели к данному строению и отразились в виде особой морфологической структуры.

Слово занимает в системе языка совершенно особое место. В отличие от морфемы, конституирующей только один, морфемный уровень, слово выступает как единица «сквозная», проходящая по нескольким уровням одновременно. Соответственно этому можно говорить о слове как единице лексического или фонетического или морфологического уровня³⁹. Не стоит, по-видимому, специально оговаривать, что в последующем изложении, сообразно общему направлению книги, речь идет о слове морфологическом, т. е. слове в совокупности его морфологических характеристик и свойств. На данном уровне слово определяется прежде всего как известная последовательность, символизирующая совокупность словоформ, «образующих целостную структуру, представленную в виде парадигмы»⁴⁰. Нельзя не отметить в то же время, что наличие этой парадигмы тесно связано с характером лексемы и, что для нас особенно важно, с тем или иным строением основы. Так, исследователи совершенно правильно обращают внимание на то, что во флексивных языках грамматическая характеристика слова закреплена не только его вхождением в особую парадигму, но и его словообразовательной моделью⁴¹. Тем самым и строение слова, и его принадлежность определенному парадигматическому ряду, и, наконец, его значение тесно связаны и представляют со-

³⁹ См. подробнее: Э. А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, стр. 256.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Ср.: Н. И. Коротков, В. З. Панфилов. О типологии грамматических категорий.— ВЯ, 1965, № 1, стр. 40.

бой факторы взаимообусловленные и взаимообуславливающие. Выявляя некоторые из этих особенностей, морфологический анализ вносит свой вклад и в понимание категории «слова вообще».

III. О предмете морфологии и ее основных разделах

Для того чтобы уяснить, какое место занимает морфологический анализ в описании языка, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать область морфологии и ее основные подразделения. Общеизвестно, что даже в отечественном языкоznании мнения по поводу предмета морфологии расходятся⁴². В одних концепциях исходят из того, что объектом изучения на данном уровне являются «в первую очередь формы словоизменения и их значения, иными словами — формообразование»⁴³. Оспаривая это несколько суженное определение, В. В. Виноградов указывал, что «задачу морфологии составляет изучение правил, а также типов и норм изменения слов в системе языка», и подчеркивал, что это «изменение» осуществляется не только за счет формообразования, но и за счет словообразования. Таким образом, в его учении область морфологии расширялась из-за подключения к ней области словообразования⁴⁴.

С развитием структурной морфологии и выделением такой единицы описания, как морфема, ряд исходных понятий морфологии подвергся пересмотру⁴⁵; в новых терминах стали определять и область исследования морфологии. Морфология была определена как учение о морфеме и моделях морфемного строения слова. Естественно, однако, что при таком подходе слово оказывалось не более чем

⁴² См. подробнее: В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. «Вопросы теории и истории языка». М., 1952; В. М. Жирмунский. О границах слова.— МСС; «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 92 и сл.

⁴³ П. С. Кузнецов. Введение в морфологию. «Современный русский язык. Морфология». М., Изд-во МГУ, 1952, стр. 32, 21.

⁴⁴ См.: В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, стр. 111 и сл.

⁴⁵ См., например: З. М. Волоцкая и Т. Н. Молошная. О некоторых понятиях морфологии. «Исследования по структурной типологии». М., 1963.

особой последовательностью морфем и что внимание исследователя привлекали в большей степени синтагматические характеристики слова, а не его парадигматические особенности. По-видимому, в соответствии с традициями классических грамматических описаний, в морфологии надлежит найти должное место именно парадигматике, и все сведения должны быть в общем подчинены тому, чтобы морфология стала подлинным грамматическим учением о слове. Несомненно, однако, и то, что учение о морфеме тоже следует выделить в отдельный (вводный) раздел морфологии⁴⁶.

По мнению Э. А. Макаева, в морфологии следует выделять два основных раздела: м о р ф е м и к у, занимающаяся исследованием структуры и вычленимости морфем, и п а р а д и г м а т и к у, занимающуюся исследованием структурной оформленности парадигм.

В настоящей работе под морфологией понимается учение о форме слова в одном определенном аспекте, а именно грамматическом. Морфология должна изучать совокупность формальных свойств слова, связанных с передачей данным словом всех не-лексических значений, т. е. всех «служебных» значений, взятых в абстракции от индивидуального значения слова.

В отличие от дескриптивистов, которые на первых порах неоправданно широко трактовали понятие «морфемная последовательность», благодаря чему в морфологии растворялась большая часть синтаксиса, границы морфологии в советском языкоznании были всегда связаны с тем, что объектами ее изучения считались морфемные последовательности, не превышающие слова. В ее ведение попадали отрезки, начиная с представленных одной морфемой, но не большие слова. Эта точка зрения была высказана настолько ясно, что даже аналитические конструкции (аналитические слова) выводились за пределы собственно морфологии на том основании, что аналитическая конструкция «остается в принципе синтаксической» и подключается к морфологии только по своей функции⁴⁷. Бла-

⁴⁶ См., например: В. Н. Ярцева. Историческая морфология английского языка. М.—Л., 1960, стр. 4; Е. С. Кубрякова. Об основных единицах лингвистического анализа и предмете морфологии, стр. 182.

⁴⁷ См.: Б. А. Серебренников. К вопросу о «морфологизме». «Аналитические конструкции в языках различных типов».

годаря этому термин «морфологический» стал означать не только ‘относящийся к морфологии’, ‘связанный с морфологическим уровнем’ и т. п., но и «не выходящий за пределы слова, или, точнее, словоформы»⁴⁸. В целом эта точка зрения разделяется и нами.

В зависимости от конкретных целей исследования и его назначения описание морфологии флексивных языков может принимать разные формы. Работы, предназначенные для практических или учебных целей или рассчитанные на общее ознакомление с морфологическим строем отдельного языка, неизбежно связаны более всего с формообразованием (парадигматикой), с учением о частях речи и с характеристикой их грамматических категорий. Не случайно при составлении проспекта новой Академической грамматики русского языка было подчеркнуто, что «в широком смысле слова предмет морфологии включает в себя парадигматику, грамматические разряды слов, объединенных по признаку общности парадигм, и грамматические категории»⁴⁹. Показательно, однако, что при публикации этого труда предложенное определение оказалось недостаточно широким и в Грамматику был включен новый раздел: «Морфемика»⁵⁰.

По нашему мнению, описание морфологии, преследующее научные цели, должно содержать три раздела: морфемику, формообразование совместно со словоизменением (парадигматику) и словообразование. При этом может быть осуществлено как раздельное представление каждой из дисциплин, так и объединенное освещение двух последних в рамках описания отдельных частей речи с предшествующим этому описанию разделом о морфологической структуре слова.

Выделение трех указанных разделов диктуется прежде всего разными задачами исследования: введение морфемики отходит все, что связано со спецификой морфем, их

М.—Л., 1965; В. М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях.—Там же, стр. 9; ср. также: М. Докулил. К вопросу о морфологической категории.—ВЯ, 1967, № 6, стр. 11.

⁴⁸ См.: И. А. Мельчук. Автоматический анализ текстов. «Славянское языкознание». М., 1963, стр. 485.

⁴⁹ См.: «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», стр. 92.

⁵⁰ См.: «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 30—36.

вычленимостью и классификацией⁵¹; в ведение парадигматики — все, что связано со структурой и организацией парадигматических рядов и отношений между ними, все, что относится к словоизменению и формообразованию данного языка; в ведение словообразования — все, что относится к организации моделей производных, к построению и организации словообразовательных объединений разной сложности (рядов, гнезд и т. п.). Вместе с тем подобное разделение условно уже потому, что хотя многие термины, с помощью которых описывают парадигматические и словообразовательные группировки, получают истолкование в морфемике, никакая классификация морфем, как и их вычленение, невозможны вне обращения к тем парадигматическим и деривационным рядам, членами которых служат слова, эти морфемы содержащие. Вне обращения к указанным рядам невозможно и описание морфологической структуры слова, которое, по нашему мнению, и составляет основной предмет морфемики, ибо изучение морфемы не является самоцелью, а подчинено общей задаче характеристики строения слова. Таким образом, морфемика как бы вклинивается в парадигматику и словообразование, вбирая в себя все, что относится к общим принципам строения слова в морфологическом аспекте.

Можно было бы также указать на то, что отдельные разделы морфологии обособляются в зависимости от того, какая единица оказывается при этом в центре внимания исследователя. В морфемике все так или иначе связано с описанием морфемы, в парадигматике — с описанием парадигмы, в словообразовании — с описанием производного слова. Соответственно этому исследование ориентируется преимущественно: в морфемике — на изучение типов морфем и установление моделей сочетания морфем, в парадигматике — на изучение типов парадигматических объединений, в словообразовании — на выявление моделей производных и моделей словообразовательных объединений. Однако и в этом плане дифференциация морфологии тоже условна, ибо сквозной единицей, проходящей по всем перечисленным разделам, является, как уже было подчеркнуто нами, слово. В действительности поэтому разделы мор-

⁵¹ См.: Э. А. Макаев. Морфологический строй общегерманского языка. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963, стр. 54.

фологии выделяются прежде всего ракурсом рассмотрения слова. Так, в морфемике слово изучается со стороны его морфемного состава, иерархии в нем отдельных морфем и отдельных последовательностей морфем. Сами морфемы вычленяются при этом как предельные части слова, и их тождество определяется в первую очередь тождеством функций, выполняемых в слове⁵². Центральным объектом изучения морфемики становится тем самым не столько морфема, сколько м о р ф о л о г и ч е с к а я с т р у к т у - р а с л о в а . В парадигматике, с другой стороны, слово рассматривается в системе реализующих его словоформ, как участник особых парадигматических объединений. Наконец, в словообразовании слово изучается как единица номинации, но в то же время и как вторичное образование, обязанное своим возникновением другому знаку: мотивированное этим знаком до содержанию и зависимое от него по своей структуре.

Признавая три самостоятельных раздела морфологии и относя к морфологии словообразование, мы признаем одновременно, что положение их внутри морфологии не одинаковое. Об особом положении морфемики мы уже говорили выше: она как бы подготавливает описание формообразования и словообразования, позволяя увидеть как точки их соприкосновения, так и их различия в организации морфологической структуры слова. Особое место занимает в морфологии и словообразование⁵³. В то время как морфемика и формообразование принадлежат собственно морфологии, составляя непосредственную область ее исследования, словообразование лишь частично пересекается с морфологией, образуя одновременно свою собственную область исследования. Существуют поэтому веские основания рассматривать словообразование как самостоятельную дисциплину грамматики, выделяемую здесь наряду с морфологией и синтаксисом. Какое бы решение ни принималось по этому поводу, важно учитывать само существование области д е р и в а ц и о н н о й м о р ф о - л о г и и , области, не менее релевантной для понимания системы флексивных языков, чем область словоизменения и формообразования. Ниже, при более подробном описа-

⁵² Ср.: Г. А. К л и м о в . Фонема и морфема, стр. 55.

⁵³ См. подробнее: Е. С. К у б р я к о в а . Словообразование. «Общее языкознание». М., 1972.

нии принципов различения разных областей морфологического исследования, мы постараемся детальнее обосновать эту двойственность словообразования. Однако и в этой вводной главе нам казалось необходимым всячески подчеркнуть причастность словообразования морфологии и невозможность выработки основных понятий этой науки без глубокого осмыслиения данных деривационной морфологии.

«Правила сочетания морфем в слова и фонетико-морфологические способы объединения морфем в структуре слов разных грамматических разрядов,— указывал В. В. Виноградов,— должны быть отнесены к законам грамматики языка»⁵⁴. Но создание слов разных грамматических разрядов не происходит без участия процессов словообразования. Различие морфологических структур есть результат объединенных актов разных процессов, среди них — и словообразовательных. Тем самым морфологический анализ неизбежно связан с исследованием фактов деривационной морфологии и с вовлечением этих фактов в свою орбиту.

IV. Цели настоящего исследования

Настоящая работа представляет собой исследование в области теоретической морфологии, связанное с уяснением основ морфологического анализа и определением его роли в общем описании морфологии языка. В ней делается попытка осветить основы морфологического анализа, понимаемого как определенная совокупность исследовательских приемов, направленных на познание структуры слова и закономерностей ее синхронного формирования. Описываемая здесь методика согласуется с определением морфологии как учения о слове и с определением морфемы как мельчайшей значащей части слова.

Обращение к данной теме вызвано не столько неизученностью самой проблемы, сколько почти полным отсутствием в этой области работ обобщающего характера. Несмотря на то, что многие отдельные детали морфологического анализа получили подробное освещение, картина его проведения в целом не вполне ясна. Следует отметить и то,

⁵⁴ В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, стр. 130.

что с развитием теории порождающих грамматик выявились некоторые преимущества процессуального подхода к языковым явлениям и что это потребовало известного пересмотра кардинальных понятий морфологии с указанных позиций, а отчасти и введение новых понятий. С этим связана, например, предлагаемая ниже новая трактовка формообразования, словоизменения и словообразования как определенных процессов конструирования вторичных единиц языка, а также введение понятий разных типов производности как понятий, способствующих разграничению областей морфологии и уточнению задач морфологического анализа в его отличии от анализа словообразовательного.

Цель работы заключается в том, чтобы показать, чем вызывается необходимость морфологического анализа в изучении языка (гл. первая) и с исследованием каких явлений он непосредственно связан (гл. вторая). Мы стремимся аргументировать необходимость проведения морфологического анализа в определенной последовательности, т. е. с прохождением особых ступеней или этапов анализа (главы третья — пятая), демонстрируя, какие конкретные сведения может получить лингвист на каждом из описываемых этапов. Наконец, заключая книгу, мы пытаемся показать, как могут быть использованы полученные сведения в целях характеристики структуры слова рассматриваемых языков.

Для обоснования выдвигаемых положений мы обращаемся к материалу современных германских языков, выбирая те из примеров, которые, как представляется, наиболее наглядно иллюстрируют все виды рассуждений. Вследствие этого книга отнюдь не представляет собой систематизированного описания морфологической системы одного языка или группы языков: ее задачей является прежде всего демонстрация возможностей морфологического анализа в том его виде, в каком он очерчен автором настоящей книги. Помимо материала современных германских языков — исландского, английского, немецкого, голландского, датского и шведского — мы полагали также целесообразным, где это возможно, привлекать данные русского языка. Привлечение материала нескольких современных языков было вызвано стремлением доказать эффективность некоторых процедур анализа или во всяком случае возможность применения их к разным флексивным языкам.

Прошло более четверти века со времени выхода в свет единственной специальной книги по теоретической морфологии — труда Ю. Найды, содержавшего изложение дескриптивных взглядов на сущность и задачи этой дисциплины. С тех пор было опубликовано множество работ по отдельным проблемам морфологии, разнообразных по тематике и нетождественных по защищаемым подходам и направлениям. И все же богатейший опыт, накопленный в морфологии за этот период, остался в основном не обобщенным. Конечно, и настоящая книга далека от того, чтобы служить источником сведений по истории разработки проблем морфологического анализа. Однако почти каждому разделу предпосыпается краткий обзор литературы, охватывающий издания, опубликованные до 1970 г. Опираясь на труды своих предшественников и прямых учителей⁵⁵ и стремясь продолжить традиции представления морфологии в отечественном языкознании, мы стремились вместе с тем учесть в своей работе различные специальные исследования в области морфологического анализа и в области изучения морфологической структуры слова и отдать дань достижениям зарубежной лингвистики. Принимая то или иное решение, мы всегда считали поэтому своим долгом указывать на существование или возможность иных мнений по вопросу, аргументируя собственную точку зрения исключительно

⁵⁵ Из числа их работ мы позволим себе привести только главные, имеющие непосредственное отношение к основной теме книги: В. М. Жирмуниский. О границах слова.— МСС; Э. А. Макаев. Морфологический строй общегерманского языка; Он же. Структура слова в индоевропейских и германских языках; В. Н. Ярцева. Сопоставительный анализ структуры слова в современных германских языках. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963; М. М. Гухман. Морфологическая структура слова в древних германских языках. «Сравнительная грамматика германских языков». т. III. М., 1963; А. И. Смиринский. Морфология английского языка. М., 1959; О. С. Ахманова. Фонология, морфонология, морфология; ср. также: М. Д. Степанова. Структура слова и анализ по непосредственно составляющим. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963; С. С. Масловая-Лапаанская. К характеристике морфем шведского языка.— Там же; И. П. Иванова. О морфологической характеристике слова в современном английском языке.— Там же; материалы сб.: «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках». М., 1970.

ее соответствием наблюдаемым фактам, а не априорно сформулированной жесткой системе взглядов. По этой же причине мы излагаем в первой главе лишь самые общие от правные пункты своей концепции, полагая, что ее содержание будет постоянно уточняться по мере исследования фактического материала. В целом работе присущ поэтому индуктивный, а не дедуктивный характер.

На смену увлечению морфологическими проблемами в 40—60-е годы в лингвистике пришел интерес к синтаксису и семантике. Однако и в рамках порождающих грамматик место морфологического компонента по существу очень значительно. Это понятно — трудно представить себе синтез форм без их предварительного анализа.

Могут устареть некоторые приемы и методы морфологического исследования. Могут появиться новые единицы описания. Может усовершенствоваться техника морфологического анализа. Несмотря на это, мы глубоко убеждены в том, что успехи, достигнутые в описании морфологического уровня за предыдущие годы, — отнюдь не перевернутая страница языкоznания.

При характеристике языка нельзя обойтись без сведений морфологического порядка. А это значит, что и данные морфологического анализа будут по-прежнему занимать надлежащее им место в общем описании языка. Перед морфологией стоит еще много нерешенных задач. Автор надеется, что настоящая книга поможет читателю ориентироваться хотя бы в том круге проблем, который возникает на начальных этапах морфологического исследования. В этом он и усматривает главную цель своей книги.

Автор от души благодарит всех, ознакомившихся с рукописью книги и сделавших ценные замечания,— О. С. Ахманову, М. Д. Степанову, С. Д. Кацнельсона, П. А. Соболеву, Н. Д. Арутюнову, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, И. П. Иванову и особенно Э. А. Макаева, оказавшего мне большую помощь при работе над книгой.

ПЕРВИЧНАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ ТЕКСТА

I. Общие замечания о сегментации текста

Описание морфологической системы начинается с выделения тех элементарных единиц, в терминах которых будет проводиться дальнейший анализ. Определив отличительные признаки этих единиц, а по мере необходимости и инвентарь их классов, мы сможем перейти далее к описанию моделей сочетания исходных единиц в более крупные конструкции и к изучению общих особенностей построения всей морфологической системы в целом.

Основываясь на принципах морфологического анализа, сформулированных выше, мы начинаем исследование морфологической системы с членения текста, производя членение вплоть до того момента, когда весь анализируемый материал окажется разбитым на минимальные отрезки, наделенные значением и повторяющиеся в другом лингвистическом окружении в том же составе и с тем же значением. Предпосылкой подобного членения текста служит, следовательно, убеждение в том, что в каждом тексте или в каждом куске речи некоторые речевые отрезки являются сходными или частично сходными по своему содержанию и форме¹. Это положение означает также, что в любом корпусе речевых высказываний, в частности в письменном тексте достаточного объема, всегда может быть обнаружено конечное число минимальных повторяющихся единиц, из которых он состоит. В качестве такой единицы, соотносящей план выражения с планом содержания и передающей с помощью определенной последовательности — фонологической или графической — определенное значение, рассматривается морфема и реализующие ее в тексте морфемные отрезки, или морфы.

¹ Ср.: Л. Бумфилд. Язык. М., 1968, стр. 166. Комментарий, стр. 576.

Сегментировать текст на морфологическом уровне — значит расчленить его на такие части, каждая из которых представляла бы собой одну морфему². Несмотря на ясность исходных установок, обусловливающих проводимое членение, сама процедура обнаружения в тексте отдельных морфов сопряжена нередко со значительными практическими трудностями, связанными как с определением границ разных морфем, так и неясностью статуса выделенных единиц. Параллельно вопросам о том, сколькими морфами представлена та или иная форма, на практике часто возникают также вопросы о том, где именно проходит морфемная граница, или о том, действительно ли обладает выделенная единица морфемным статусом, если мы не можем связать с нею какого-либо четкого значения или обнаружить одну из сочетающихся с нею единиц в другом лингвистическом окружении.

Особенно отчетливо выступают затруднения этого рода при анализе сплошного текста, когда исследователь ставит своей целью расчленить на морфы не отдельные разрозненные формы, а кусок связного текста. Но без тотальной по-морфемной переписи текста, основанной на принципе безостаточной членности высказываний и всеобщей сводимости текста к конечному числу составляющих его морфем³, результаты морфологического анализа вряд ли могут считаться адекватными. Лишь находя морфемный аналог не для выборочных, а всех встреченных в тексте форм, исследователь не рискует упустить из поля зрения факты, важные для характеристики морфологического строя изучаемого языка. Хотя сегментация сплошного текста была предложена Дж. Гринбергом и связанными с ним американскими лингвистами в целях типологического сравнения языков и первоначально проводилась для исчисления статистических индексов, представляется важным подчерк-

² См.: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 107.

³ Принцип total morphemic accountability был обоснован в серии работ американских лингвистов, см.: Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis. «Language», 1947, v. 23, № 4, стр. 331; Оиже. Two models of grammatical description. «Word», 1954, v. 10, № 2—3, стр. 214; A. Hall. A postulate for linguistics in the sixties. «Language», 1962, v. 38, № 4, стр. 345; J. H. Greenberg. Essays in linguistics. N. Y., 1957, стр. 18; см. также: Ю. С. Маслов. Промежуточные уровни в структуре языка. «Проблемы языкоznания», М., 1967, стр. 29,

нуть целесообразность той же методики и для общей интерпретации морфологических особенностей отдельного языка. Таким образом, перед тем, как перейти к сравнению отдельных пар высказываний, идентичных в каких-либо отношениях, необходимо произвести членение связного куска текста и представить его в виде морфемных цепочек. При таком подходе становится особенно существенной роль непротиворечивой сегментации материала.

Уже различия по степени простоты или, наоборот, сложности разбиения текста на морфы свидетельствуют о расхождении отдельных языков в организации их морфологической системы. Так, членение слов в агглютинативных языках представляет собой, по-видимому, несравненно более простую процедуру, чем в языках флексивных, и свидетельствует о значительно большей морфологической прозрачности морфологического строя этих языков. Таким образом, с точки зрения общей характеристики морфологии изучаемого языка очень важно, насколько ясен морфемный состав слова и насколько легко выделяются в нем его отдельные компоненты. Несомненно и то, что трудности сегментации предопределяют направление дальнейших изысканий: так, трудности, связанные с установлением морфемных границ, заставляют обратить особое внимание на морфонологию, неясность значения выделенных компонентов — на поиски дополнительного материала, в котором этот же компонент демонстрировал бы большую смысловую четкость и т. п.⁴ Если учесть далее, что часть выделяемых компонентов имеет прямое отношение к передаче грамматических значений, то связь между простотой морфологического членения и сравнительной легкостью описания грамматической системы данного языка станет еще очевиднее.

Указанное обстоятельство имеет большое значение и с методической точки зрения. Для языков с разной степенью членности отдельных форм и с известной нечеткостью морфемных границ приходится предусматривать специальные приемы сегментации текста и вводить целый ряд осо-

⁴ О возрастании трудности морфемного анализа с увеличением синкремизма см.: P. L. G a g v i n. On the relative tractability of morphological data. «Word», 1957, v. 13, № 1, стр. 15; А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова. «Морфологическая типология и проблемы классификации языков». М.—Л., 1965, стр. 85 и сл.

бых правил, относящихся к принятию того или иного решения в определенной ситуации и обеспечивающих однотипность подобных решений для одинаковых случаев. Конечно, уже исходное определение морфемы предлагает некоторую позитивную информацию о конечных целях первичной сегментации текста: предполагается, естественно, что она направлена на выделение минимальных двусторонних единиц. Однако правила одно-однозначного соответствия формы и содержания выдерживаются в пределах морфемы достаточно редко. В силу этого следует эксплицировать исходное определение морфемы и ограничить морфы от фонологических последовательностей, не репрезентирующих морфемные единицы. Так, совершенно правильное определение морфемы как «наиболее элементарной неделимой далее значимой единицы языка»⁵ оставляет необъясненным положение о неделимости данной единицы. Отрезок типа исл. -*ur* в слове *hestur* ‘конь’, передающий значение рода, числа, падежа и типа склонения, не может быть назван неделимым ни с фонологической, ни с семантической точек зрения. Он неразложим лишь в том смысле, что в современном исландском данный комплекс значения при его сочетании с определенным типом лексем не может быть выражен фонологической последовательностью, большей или меньшей -*ur*; в исландском языке нет таких окружений, в которых -*u-* отдельно и -*r-* отдельно передавали бы значения рода или числа и т. д. Следует поэтому констатировать, что морф может быть «составной» единицей как с точки зрения своего означаемого, так и с точки зрения своего означающего и что он неразложим только в пределах самого морфологического уровня. Это значит, что только здесь он демонстрирует особенности, не вытекающие непосредственно из особенностей его составных частей или их суммы. Предельность какой-либо единицы существует лишь по отношению к «своему» уровню; единица не может быть расчленена на части, демонстрирующие те же свойства, что вся единица в целом⁶. Так, морф характеризуется прежде всего тем, что он неразложим далее на двусторон-

⁵ См.: П. С. Кузнецова. Значение грамматики для сравнительно-исторического языкознания. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 144 со ссылкой на А. И. Смирницкого.

⁶ Ср.: Т. В. Булыгина. О понятии уровня. «Общее языкознание». М., 1972, стр. 96.

ние сущности, — он сам является собой такую минимальную двустороннюю сущность.

Понятие морфологической предельности можно поэтому сформулировать следующим образом: если один и тот же отрезок сигнализирует об одном и том же значении, повторяясь в этом виде в разных окружениях и не поддаваясь дальнейшему разложению по форме без разрушения его смысла, этот значащий отрезок представляет собой предельную или минимальную морфемную единицу. Первая ступень морфологического анализа заключается, следовательно, в обнаружении морфемных единиц как последовательностей, повторяющихся в сходной форме и со сходным значением в разных окружениях. Каждый такой отрезок является, в свою очередь, членом определенной морфемы. На данной ступени анализа мы, однако, еще не знаем, какой именно морфеме принадлежит выделенный из слова морф. Мы выделяем последний лишь как реальную протяженность, обладающую морфемным статусом, т. е. как конечное составляющее более сложных конструкций. Представлению о морфеме соответствует не только представление о том, что рассматриваемый отрезок обязательно ассоциируется с определенным содержанием — простым или комплексным — и что в нем уже не могут быть выделены никакие части, по отдельности связанные с фрагментами содержания. В равной мере понятию о морфеме отвечает и представление о том, что известное содержание находит регулярное выражение в данном языке с помощью определенной минимальной формы. Морфема является предельной единицей как кратчайшее средство реализации связей формы и содержания в данном языке. Это своеобразный мостик между планом выражения и планом содержания, и он создается актуальным представителем морфемы — одним из ее морфов⁷. Признание подобной двусторонней сущности морфемы чрезвычайно важно для ее отождествления (см. гл. третью), существенно оно, однако, и для уточнения процедуры сегментации. Хотя, действитель но, «нет такого способа, который механически привел бы путь к правильной сегментации»⁸, ориентация на выявление минимальных двусторонних единиц помогает установить объ-

⁷ См.: C. E. B a z e l l. On the problem of the morpheme. «Archivum Linguisticum», 1949, v. I, fasc. 1, стр. 15.

⁸ См.: Г. Г л и с о н. Указ. соч., стр. 107,

ективно «верхний» и «нижний» пределы членения. С одной стороны, морф выступает как последовательность, формальное членение которой на единицы нижележащего уровня не производится из-за потери такого ее свойства, как осмысленность или значимость. С другой стороны, требование минимальности предусматривает невозможность остановиться при членении отрезка на выделении частей, которые поддаются дальнейшему смысловому или формальному членению. Нельзя, например, не членить такие отрезки, как русск. *-ство*, *-ение*, *-ать*, исл. *-samur*, *-legur*, шведск. *-formig*, датск. *mæssig* и т. п. Представляя собой единые форманты, эти последовательности являются вместе с тем сочетанием морфем и потому должны быть расчленены на соответствующие морфы. Неправильно называть морфемой такую протяженность, в которой могут быть обнаружены другие морфемные части⁹. Отсюда операциональное определение морфемы как единицы, в которую «не укладывается целиком другая морфема»¹⁰. Наконец, «верхний» предел при сегментации слова обуславливается тем, что предотвращается выделение бессодержательных отрезков. Так, мы не можем произвести членения последовательности, которая, хотя и выделяет какие-то части, не соотносит их с отдельными значениями. По этой причине нельзя, например, членить на морфемном уровне немецкие суффиксы типа *-ler*, *-per*, *-iker*, *-enser* и т. п. (хотя в этом языке существует суффикс *-eg*) или русские суффиксы типа *-чик*, *-щик*, несмотря на наличие суффикса *-ик*; точно так же нельзя выделить часть *-исе* из английских суффиксов *-апсе*, *-енце* и т. п.

Важно отметить в этой связи, что возможность вычленения таких элементов, как морф, заложена не только в их повторяемости, как это неоднократно утверждали американские дескриптивисты¹¹, но и в том, что, повторяясь, они выступают в качестве носителей определенной информации. Разложимость отрезка является прежде всего следствием

⁹ Ср.: О. П. Суник. О морфологическом составе слова в агглютинативных языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1958, т. 17, вып. 4, стр. 332, 334—335.

¹⁰ И. И. Ревзин. О логической форме лингвистических определений (на примере определения морфемы). «Применение логики в науке и технике». М., 1960, стр. 145.

¹¹ См., например: Z. S. Harris. Distributional structure. «The structure of language». New Jersey, 1964, стр. 39.

сепаратной значимости его частей. Именно эту сторону дела подчеркивали представители русской формальной школы, например А. М. Пешковский¹². О морфеме можно говорить, следовательно, только там и тогда, когда некий фрагмент содержания получает отдельное и кратчайшее из возможных в данном языке внутрисловное выражение. Морфема служит передаче одного или нескольких совместно реализуемых семантических признаков в особой языковой форме, минимальной и значимой одновременно. По словам К. Эбелинга, морфема является единицей, конституирующуюшей уровень, начиная с которого вступает в действие семиотическая функция языка¹³. Из сказанного следует, что признание морфемного статуса за последовательностью, не передающей никакой информации, противоречило бы самой идеи выдвижения морфемы как единицы, связывающей план выражения с планом содержания и существующей в силу соединения определенного означаемого с определенным означающим. На этом основании мы должны с самого начала отвергнуть возможность существования класса так называемых пустых морфем и сильно сузить понятие о пустых морфах. Ведь если исходить из того, что морфема всегда лингвистически значима, возможность появления пустых морфем следует считать логически противоречащей принятому определению морфемы. Либо выделенная единица значаща, и тогда она не может являться «пустой», либо эта единица «пуста», но тогда она не может рассматриваться как морфема и потому ее выделение в качестве морфемной единицы неправомерно. Вопрос о том, может ли быть пустым морф, т. е. член какой-либо полноценной морфемы, несколько сложнее.

Понятие о пустых морфах было введено Ч. Хоккетом, и оно нашло впоследствии достаточно широкое применение в практике морфологического анализа у дескриптивистов¹⁴. Использование этой единицы было вызвано чисто тактическими соображениями: с одной стороны, принцип всеоб-

¹² А. М. Пешковский. Сборник статей. Л.—М., 1925, стр. 73—74.

¹³ C. L. Ebeling. Linguistic units. 's-Gravenhage, 1960, стр. 111.

¹⁴ Ch. F. Hockett. Problems of morphemic analysis; P. L. Kirk. A note on morphemic fusion and empty morphs. «Studies in Linguistics», 1959, v. 14, № 1—2; Г. А. Климов. Фонема и морфема. М., 1967, стр. 32; М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, стр. 83—85.

щей сводимости текста к конечному числу морфем требовал того, чтобы каждый кусочек текста был описан в морфологических терминах; с другой стороны, в тексте нередко встречались такие остаточные фонологические последовательности, которые, казалось бы, не имеют никакого отношения к передаваемой текстом информации. Эти последовательности, остающиеся за вычетом явных «нормальных» морфем, и стали рассматривать как пустые морфы. По определению Хоккета, пустые морфы — это такие отрезки высказывания, которые «не имеют значения и не принадлежат никакой морфеме». В качестве примеров пустых морфов приводились разного рода соединительные или связочные элементы. Однако трактовка этих единиц как бессодержательных или незначащих представляется неубедительной.

Выступая как носители классификационных значений, морфы этого типа, действительно, более своеобразны по семантике, чем другие служебные элементы. Тем не менее, являясь четкими показателями деклинационных, конъюгационных или деривационных разрядов, они отнюдь не лишены структурной лингвистической значимости¹⁵, и при более тщательном анализе становится очевидным, что они нередко принимают участие в формировании тех или иных значащих оппозиций. Это относится, в частности, и к тем тематическим испанским гласным -a-, -e- и -i- в формах инфинитива, которые Хоккет считает пустыми, но которые в действительности дифференцируют формы сослагательного и изъявительного наклонений¹⁶. Что же касается связочных элементов внутри сложного слова, то можно полагать, что они выражают идею соединения и потому приближаются по своему значению к семантике союза *и*¹⁷. На

¹⁵ Ср.: Ю. С. М а с л о в. Промежуточные уровни в структуре языка, стр. 29; Э. А. М а к а е в и Е. С. К у б р я к о в а. О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке. «Фонетика. Фонология. Грамматика». М., 1971, стр. 206 и сл.

¹⁶ Ср.: E. N i d a. The identification of morphemes. — R i L., стр. 256—257; Н. Д. А р у т ю н о в а, Е. С. К у б р я к о в а. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 223—224.

¹⁷ См.: Н. М. Ш а н с к и й. О соединительной гласной как словообразовательной морфеме. «Русский язык в школе», 1958, № 5, стр. 31.

существование особого разряда подобных соединительных морфем, именно морфем, указал впервые еще Н. С. Трубецкой.

Конечно, на стадии первичной сегментации текста вопрос о функциональной нагрузке подобных элементов не может получить окончательного решения: это значило бы, что все детали грамматической системы изучаемого языка известны еще до того, как мы приступаем к анализу текстов. Определение морфологического статуса каждого такого элемента требует специального исследования. Поэтому, завершая сегментацию текста, мы должны считать эту процедуру осуществленной даже в тех случаях, когда после выделения единиц, обладающих безусловным морфемным статусом, мы встретимся также с последовательностями, роль которых в построении целого еще неясна. Эти последовательности станут предметом анализа на следующем этапе исследования. Так, например, последовательности *Parisian* ‘парижский’, *Iranian* ‘иранский’ и т. п. в английском языке при первичной сегментации текста могут быть расчленены на *Paris-i-an*, *Iran-i-an* в силу их противопоставленности названиям *Paris*, *Iran*, с одной стороны, и образованиям *African* ‘африканский’, *Burman* ‘бирманский’, с другой. Мы совершим такое членение постольку, поскольку выделим из последовательности уже известные нам морфы. Однако уже то, что *-i-*, по всей видимости, не передает никакого значения, заставит усомниться в правильности сегментации и в дальнейшем отвергнуть ее.

Обобщая случаи такого рода, можно указать на две возможные трактовки остаточных элементов при более детальном их анализе. Остаточный элемент:

1) может оказаться з и а ч а щ и м, т. е. принимающим участие в создании смысловых оппозиций (как, например, в тех случаях с испанскими тематическими гласными, о которых мы говорили выше); естественно, что в этом случае последовательность будет рассматриваться как самостоятельная морфемная единица;

2) может оказаться н е з и а ч а щ и м и тогда принадлежащим либо корню, либо аффиксу; в этих случаях анализируемый отрезок оказывается частью самостоятельной морфемной единицы, имеющей нетождественные варианты, или алтернанты.

В английских примерах, приведенных выше, мы выде-

лим два морфа одного аффикса -ap и -ian. Ср. аналогично при сопоставлении образований типа датск. *kommunist* — *kommunistisk* ‘коммунистический’, *Litauen* — *litauisk* ‘литовский’ и *Iran* — *iransk* ‘иранский’, *København* — *københavnsk* ‘копенгагенский’; сравнивая эти слова, мы придем в конечном счете не к искусственному вычленению прокладки или пустого морфа -i-, а к установлению двух вариантов одной и той же морфемы.

В рассмотренных выше случаях введение категории пустых морфов вообще не оправдано. Какие же морфы можно тогда называть пустыми? Чтобы ответить на этот вопрос, остается проанализировать еще одну возможность, возникающую в процессе первичной сегментации текста, — случай, когда по отсечении безусловных морфов из последовательности в ней все же остается такой элемент, которому не удается приписать никакого значения и который вместе с тем не может быть присоединен ни к каким соседним морфам. Ср. русск. *лис-a* — *лис-иц-a*; исл. *frum-a* — *frym-l-al* ‘клетка’, *hul-a* — *hul-d-a* ‘покрывало’ и т. п. Ведь в таких случаях морф, действительно, кажется пустым (точнее, он семантически опрошен инейтрален). Что же побуждает рассматривать подобную протяженность как морф? По-видимому, исключительно его структурный параллелизм остальным членам «своей» морфемы. Таким образом, в противовес Хоккету, который полагал, что пустой морф не принадлежит никакой морфеме и как бы остается на субморфемном уровне, мы считаем, что остаточный элемент может рассматриваться как морф именно благодаря его неоспоримой принадлежности определенной морфеме. Таким образом, если при анализе остаточного элемента исключены две возможности, о которых мы говорили выше (он значим или включается в состав корня или аффикса), его можно квалифицировать как морф только тогда, когда в других случаях сходная последовательность является носителем четких значений и когда значение этого остаточного элемента не противоречит значению его коррелята. Ср.: *волч-иц-a*, *льв-иц-a* и по аналогии *лис-иц-a*. При таком понимании пустой морф — это особый, «нейтрализованный», семантически опрошенный член морфемы; это морф, который в противоположность другим морфам той же морфемы в данном окружении лишен соответствующей функциональной нагрузки. Понятие пустого морфа помогает отразить противоречия между системой и узусом, между

виртуальным статусом морфемы и ее актуальными реализациями в конкретных единичных случаях (ср. *гвоздик*, *ночик*).

Подобно тому, как корневая морфема не перестает принадлежать своему классу морфем даже при полной потере собственного лексического значения (например, в составе фразеологических оборотов), служебные морфемы не перестают являться особыми строительными кусками высказываний, даже если их основные функции видоизменены или элиминированы. Практически это означает, что если морфемный статус какой-либо единицы полностью доказан, отдельные ее члены можно рассматривать в качестве ее морфов даже при «пустоте» последних, т. е. вопреки сугубо индивидуальной и случайной бессодержательности их в отдельных окружениях и несмотря на нечеткость выполнения ими их обычных функций. Так, если в русском языке морфемный статус тематических гласных в глаголе может быть доказан серией таких противопоставлений, как *лишить* — *лишать*, *решить* — *решать* или *белый* — *белить*, *белеть*, *синий* — *синить*, *синеть* и т. п., то эти тематические гласные можно выделить и во всех остальных случаях, полагая, что *-a-*, *-i-* и *-e-* (ср. *дел-а-ть*, *дел-и-ть*; *бел-е-ть*, *бел-и-ть* и т. п.) осуществляют прежде всего классификационные функции, т. е. маркируют — каждый — свой тип глагола.

Из сказанного выше следует, что данные первичной сегментации текста подлежат постепенному пересмотру и уточнению по мере проведения более глубокого анализа, привлечения дополнительного материала и, естественно, рассмотрения спорных случаев на фоне всей изучаемой системы.

Первичная сегментация текста может проводиться с помощью разных методов¹⁸, сводящихся в конечном счете к выделению повторяющихся отрезков, их сопоставлению и, наконец, к проверке выделенных отрезков на возможность или невозможность их замены другими отрезками. Формально наиболее строгим из этих методик является способ членения, предложенный З. Харрисом, который учты-

¹⁸ См. их подробное описание в работах: Н. Д. Арутюнова, Е. С. Курбякова. Указ. соч., стр. 204—211; Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Курбякова. Американский структурализм. «Основные направления структурализма». М., 1964, стр. 255 и сл.

вает одни дистрибутивные особенности сегментов вне зависимости от их значения. Как уже было отмечено в специальной литературе, однако, эта методика не только исключительно громоздка и трудоемка, — она вряд ли может привести к обнаружению морфем¹⁹. Как справедливо указывает Н. Д. Арутюнова, «если морфемный сегмент принадлежит к числу двусторонних единиц языка, обладающих планом выражения и планом содержания, то в принципе невозможно вычленение морф только исходя из фактов плана выражения»²⁰. В целом это же замечание может быть отнесено и к «стыковому расчленению» (*junctural cutting*), предлагаемому А. Хиллом. Для такого языка, как английский, пишет А. Хилл, в качестве показателя морфемного шва можно использовать явления стыка: даже в этом языке, однако, некоторые сочетания морфем соединяются без паузы и, наоборот, — некоторые одноморфемные последовательности содержат внутри них паузу, или стык²¹. Таким образом, и явления стыка не позволяют произвести адекватное членение текста.

Методика, используемая в настоящей работе, тесно связана с исходным определением морфемы, и потому она строится на отыскании и слиянии отрезков, повторяющихся с полным или частичным формально-семантическим сходством. Это значит, что в тексте мы ориентируемся прежде всего на материальное совпадение последовательностей, проверяя затем, соответствует выделенным этим путем отрезкам одинаковая информация или нет. Естественно, что линейная последовательность не может быть расчленена, если в тексте ни одна ее часть не встречается без другой. Именно формальное совпадение последовательностей служит здесь тем сигналом, который заставляет исследователя предположить возможное членение форм. Уже и на этом этапе, однако, мы постоянно обращаемся к значению форм. Более того. Опираясь первоначально на чисто материальную близость последовательностей, мы признаем этот факт релевантным с морфологической точки зрения только тогда, когда находим ему семантическое

¹⁹ Ch. F. Hockett. Linguistic elements and their relations. «Language», 1961, v. 37, № 1, стр. 45—46.

²⁰ Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубракова. Указ. соч., стр. 260.

²¹ См.: A. Hill. Introduction to linguistic structures. N. Y., 1958, стр. 91 и сл.

подтверждение. Другими словами, с опорой на значение или значимость морфемной единицы мы не только отождествляем морфему и определяем ее принадлежность к тому или иному классу морфем, но и производим проверку правильности проделанной сегментации. Можно поэтому подчеркнуть, что критерии фонетического, фонологического и графического сходства представляют собой важное подспорье при опознавании морфов. Несомненно, однако, и то, что, взятые сами по себе, они никак не обеспечивают правильности проводимого членения. Это достигается только сознательным использованием, наряду с другими критериями, критерия значения. Практически о каждой форме, которая подвергается анализу, необходимо прежде всего сказать, значима она или нет. Вслед за В. Хаасом мы полагаем, что форма является значащей, когда подстановка на ее место другой ясной формы соответствует разному содержанию²². Если форма незначаща, после привлечения дополнительного материала, подтверждающего то же самое, следует проверить, не является ли анализируемая последовательность пустым морфом (в том понимании этого термина, которое мы охарактеризовали выше). Если выделенный отрезок бессодержателен и не может квалифицироваться как пустой морф, т. е. семантически нейтральный член обычной морфемы, членение, приведшее к выделению незначащего отрезка, следует отвергнуть. Таким образом, на этом этапе анализа семантические факторы играют серьезную роль.

Высказанные здесь общие соображения о первичной сегментации текста вытекают из определения морфемной единицы как наименьшего комплекса единиц плана выражения, способного к передаче информации и оформлению какого-либо фрагмента плана содержания. Именно в соответствии с этим определением мы полагаем, что сегментация текста на морфологическом уровне направлена на вычленение морфов, а тем самым — на обнаружение составляющих текст повторяющихся последовательностей, обладающих свойствами целостности, предельности и значимости (см. выше). Естественно, в силу этого, что на сегментацию текста налагаются с самого начала вполне опре-

²² W. Haas. Semantic value. «Preprints of papers for the Ninth International Congress of Linguists». Cambridge, Mass., 1962, стр. 425.

деленные формальные и семантические ограничения. Целесообразно описать указанные ограничения в более развернутом виде. Введем для этого специальное понятие морфологической членности форм.

II. О членности слов и типах морфологической членности

Возможность сопоставления языковых элементов заложена в их сходстве и повторяемости; она тесно связана с тем, что эти элементы передают известное значение. Членность формы зависит от того, можем ли мы выделить в ней хотя бы одну составную часть, встречающуюся с тем же значением в других словах²³. Основой для вычленения морфемных последовательностей служит структурная соотнесенность слов, под которой понимается наличие у целой серии слов общности значения при частичном их формальном совпадении; морфему можно тогда определить как общий элемент, повторяющийся в серии структурно-соотнесенных слов²⁴. Членнымими вследствие этого мы будем называть такие отрезки текста, отдельные части которых повторяются в другом месте текста или другом тексте с тем же содержанием и в одинаковой или сходной форме. Поскольку это определение зависит от понимания таких категорий, как тождество и сходство, а последние трактуются разными языковедами не одинаково, результаты членения высказываний оказываются зачастую весьма различными²⁵. Подобные расхождения, сказывающиеся впоследствии при описании морфологической и деривационной структуры слова, конечно, нежелательны. В связи с этим рядом учебных разрабатываются специальные правила, касающиеся решения задач о членности и нечленности форм на морфологическом и особенно на словообразовательном уров-

²³ Ср.: M. Dokulil. *Tvoření slov v češtině*, I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, стр. 212; Е. А. Земская. Понятие производности, оформленности и членности слов. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 3.

²⁴ В. В. Лопатин, И. С. Ульханов. О некоторых принципах морфемного анализа слов. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1963, т. 22, вып. 3, стр. 190.

²⁵ См., например: R. S. Meierstein. *Informant morphemes versus analyst morphemes*. «Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists», London, 1964.

нях²⁶. Признается, однако, что общая теория морфологической членности еще во многом не ясна.

Подчеркнув в предыдущем параграфе зависимость производимого членения от исходного определения морфемы и конкретных задач исследования, мы хотим описать теперь более детально те частные ограничения, которые налагаются на сегментацию морфологического характера. Эти ограничения связаны, по-видимому, с тем, что реальная разложимость формы проявляет зависимость не только от существования формально-семантического сходства ее частей с частями других высказываний, но и от того, насколько подобное сходство очевидно. Чем большей сферой распространения характеризуется каждый из компонентов формы, чем чаще он встречается в тексте и чем более определенное значение ассоциируется с каждым из них, тем проще и естественнее осуществляется разложение всей формы в целом. Это интуитивное представление может найти выражение и в более строгих правилах. Зависимость сегментации формы от условий повторяемости или воспроизведения ее частей в других окружениях, а также степени сохранения ясного содержания у такой части при повторении делают возможным определение не только факта членности отдельной последовательности, но и степени ее членности.

В качестве показателей степени членности лингвистической формы могут использоваться свойства отдельных ее частей, связанные с их дистрибуцией и семантикой. Соответственно в качестве объективных критериев членности формы выступает способность ее частей повторяться в уникальном или неуникальном окружении и повторяться с тем же или не с тем же значением. В зависимости от сочетания указанных свойств мы предлагаем различать:

1) живое морфологическое членение слов;

²⁶ Из специальных работ последнего времени укажем в этой связи: «Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, гл. 8; Е. А. Земская. Указ. соч., Н. А. Янко-Трииницкая. Членность основы русского слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1968, т. 27, вып. 6; Н. А. Крылов. О некоторых параллелях между фонетическим и морфематическим анализом. «Филол. науки», 1970, № 2; М. Д. Степанова. Указ. соч., стр. 111 и сл.; Г. А. Пастушенко. Структура русского слова в ее отношении к структурно-семантическому и функциональному уровням членения. «Уч. зан. Калининского пед. ин-та», т. 53. Калинин, 1968.

- 2) условное членение слов;
- 3) дефектное членение слов²⁷.

Соответственно тому типу членения, которому подлежит языковая форма (в письменном тексте — каждое слово) в силу ее объективных свойств, выделяются четыре группы последовательностей: 1) характеризующихся полной нечленимостью, 2) обладающих признаками живой морфологической членности, 3) обладающих признаками условной членности и, наконец, 4) обладающих признаками дефектной членности. Каждый из указанных типов последовательностей — нечленимые, морфологически-членимые, условно-членимые и дефектно-членимые — обладает своими четкими отличительными свойствами, зависящими от конкретных дистрибутивных и семантических особенностей их частей. Описание этих свойств позволяет говорить об особой шкале членности разных форм на уровне морфологии. Такими свойствами являются:

I — способность ∞ неспособность слова выделять отдельные значащие части, повторяющиеся в другом лингвистическом окружении; согласно этому признаку все слова делятся на членные и нечленные;

II — способность выделенных отрезков в членных образованиях встречаться в неуниверсальном ∞ уникальном окружении; согласно этому признаку членные образования делятся на формально-членные, т. е. такие, у которых каждая из выделенных частей повторяется в разном окружении, и дефектно-членные, у которых одна из выделенных частей встречается в уникальном или почти уникальном окружении;

III — способность выделенных отрезков у формально-членных слов повторяться в разных окружениях с тем же ∞ не с тем же значением; согласно этому признаку слова делятся на обладающие свойством живой морфологической или же условной членности.

Указанное распределение слов по типам членности может быть схематически представлено в виде «деривационного дерева», отдельные точки ветвления у которого соответствуют выделенным группам (рис. 1).

²⁷ Эти понятия были введены нами в работах «О типах морфологической членности слов, квази-морфах и маркерах» (ВЯ, 1970, № 2) и «Морфологическая структура слова в германских языках» (сб. «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках». М., 1970).

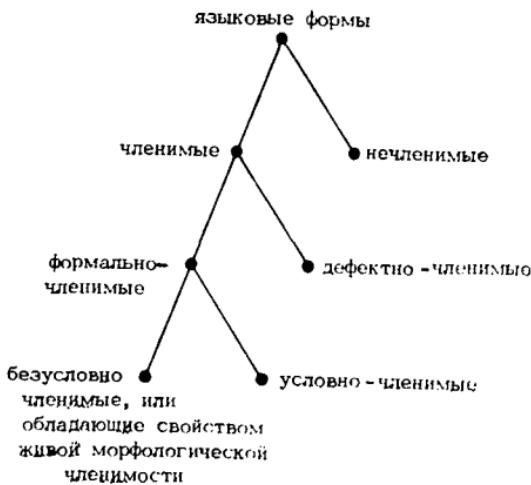

Рис. 1

Введение разных типов членности на уровень морфологии мотивировано не только необходимостью ограничить безусловно-членимые образования от столь же безусловно нечленимых, но и стремлением найти определенное место всем промежуточным (спорным) случаям. Оно продиктовано также необходимостью показать, на основании изучения каких форм строятся выводы относительно строения морфологической системы. Можно отметить, в частности, что для описания этой системы сведения о четырех названных группах слов имеют неодинаковую ценность. Так, не вызывает сомнения, что данные первостепенной важности исследователь получает путем отбора и дальнейшего анализа форм, обладающих признаками живой морфологической членности. Именно эти безусловно-членимые образования, с одной стороны, и безусловно-нечленимые, с другой, отражают материал, на основе которого делаются заключения об особенностях центральной, основной части изучаемой морфологической системы. Напротив, сведения об условно-членимых и дефектно-членимых образованиях, важные с точки зрения дифференциации центральной и маргинальной частей морфологической системы, интересны тем, что они позволяют делать некоторые выводы относительно прошлого системы и общих тенденций ее исторического развития. Таким образом, в соответствии с конкретными задачами исследования, лингвист может об-

ращать преимущественное внимание на описание тех или иных случаев. Для характеристики синхронного состояния изучаемой им системы он должен обратиться прежде всего к анализу группы слов, обладающих признаками живой морфологической членности.

Живое морфологическое членение последовательности осуществляется тогда, когда каждая из повторяющихся частей находит соответствие в целой серии форм и когда каждой из этих частей можно легко и без натяжек поставить в соответствие некий фрагмент информации. Подобное членение наглядно выступает в тех случаях, когда определенной части звуковой или графической последовательности коррелятивно определенное постоянное содержание, простое или комплексное — безразлично, ср. англ. *cat* — мн. ч. *cat-s*, по русск. *кот* — им. п. мн. ч. м. р. *кот-ы*. Одно-одпозначные корреляции между комплексом единиц плана выражения и плана содержания способствуют простой членности форм (ср. агглютинативные формы), но отнюдь не являются обязательными. Предпосылкой живого морфологического членения последовательности может служить также ее организация по регулярной модели: структура формы и возможность ее членения обнаруживают прямую и непосредственную связь. Производя членение, мы устанавливаем строение и состав формы, а зная модели регулярных форм и их структуру, мы легко членим последовательности, созданные по их образцу. Пропорциональность однотипных структурно-соотнесенных форм создает тот эталон, по которому опознают незнакомые последовательности. Анализ моделирования формы и ее разбиение протекают часто как процессы, параллельные друг другу. Формы, построенные по типовым и регулярным моделям — морфологическим или деривационным, демонстрируют обычно свойства живой морфологической членности. Верно и обратное: у языковых форм, прозрачных по составу, легко выделяющих отдельные части, несложно определить и ту модель, которая лежит в их основе. Можно поэтому подчеркнуть, что живое морфологическое членение поддерживается вхождением частей формы в многочисленные однотипные образования и пропорциональностью объемных серий слов, возможностью простой замены любой из выделяемых частей другою и естественностью сопоставления всей формы в целом со структурно-соотносительными формами и, наконец,

легкостью соотнесения каждой отдельной части с постоянным и тождественным самому себе фрагментом плана содержания. Последнее существенно в том смысле, что хотя морфема по определению и значаща, из этого не следует, что само это значение легко описать. Так, несмотря на явные трудности описания значения морфемы *m*- в *мыть* или *v*- в *выть* безотносительно к значению того целого, в котором эти морфемы встречаются, можно с полной уверенностью утверждать, что данные морфемы значащи и что *m*- в *мыть* значит то же, что и в *мою, омовенье, умытый* и т. п. Важна поэтому возможность сделать заключение о значимости форм, а не определение значения как таковое. При живом морфологическом членении необходимо исключить противоречие значений (ср. англ. *ham* 'ветчина' и *hammer* 'молоток', русск. *ищ-* в *ищи* и *топор-ищ-е* и т. п.), но исключить трудности описания значений невозможно. Прямые параллели этому наблюдаются, впрочем, и при описании значения слов²⁸.

Даже при живом морфологическом членении окончательной сегментации форм должно предшествовать тщательное изучение их самих и их частей в разных лингвистических окружениях, по возможности исчерпывающе отражающих ту микросистему, в которой фигурирует изучаемая последовательность. Упустив из виду хотя бы одно звено этой микросистемы, мы можем прийти к сегментации, не отражающей действительного строения формы и ее реального состава. Приведем для примера анализ сложных именных образований с постпозитивным суффигированным артиклем в современном исландском языке. Парадигму склонения этих существительных мужского рода обычно представляют в следующем виде, вычленения в словах типа *hestur* 'конь' три части — корневую, флексивную, склоняемый артикль:

Ед. число:	Мн. число:
Им. п. <i>hest-ur-inn</i>	<i>hest-ar-nír</i>
Род. п. <i>hest-s-ins</i>	<i>hest-a-nna</i>
Дат. п. <i>hest-i-num</i>	<i>hest-u-num</i>
Вин. п. <i>hest-inn</i>	<i>hest-a-na</i> ²⁹

²⁸ Ср.: И. Г. М и л о с л а в с к и й. К вопросу о морфеме как значимой единице языка. «Филол. науки», 1969, № 2, стр. 74; о трудности определения семантики морфемы ср. также: L. A n t a l.

²⁹ A new type of dictionary. «Linguistics», 1963, v. 1, стр. 78 и сл.
B. K r e s s. Laut- und Formenlehre des Isländischen. Halle, 1963, стр. 100.

Можно показать, однако, что данная сегментация не является поморфемной, т. е. выделяющей минимальные последовательности, морфы, и что она не совсем точно отражает подлинную структуру этих форм.

С одной стороны, уже повторяемость таких последовательностей, как *-n-* и *-in-*, наводит на мысль о том, что разложение указанных форм еще не доведено до конца. С другой стороны, становится очевидным, что привлекающегося материала для продолжения анализа недостаточно, ибо сравнение с однотипными формами ничего нового не дает. Для завершения анализа необходимы, следовательно, дополнительные данные. Эти данные мы можем получить, обратившись к поискам других окружений элементов *-n-* и *-in-*. Сравним для этого анализируемые последовательности с формами склонения свободно стоящего артикла. Для мужского рода эти формы таковы:

Ед. число:	Мн. число:
Им. п. <i>hinn</i>	<i>hinir</i>
Род. п. <i>hins</i>	<i>hinna</i>
Дат. п. <i>hinum</i>	<i>hinum</i>
Вин. п. <i>hinn</i>	<i>hina</i>

В этих образованиях мы легко вычленим корневую местоименную часть *hin-* и следующие за ней словоизменительные элементы с комплексными значениями рода — числа — падежа, т. е. получим формы:

Ед. число:	Мн. число:
Им. п. <i>hin-n</i>	<i>hin-ir</i>
Род. п. <i>hin-s</i>	<i>hin-na</i>
Дат. п. <i>hin-um</i>	<i>hin-um</i>
Вин. п. <i>hin-n</i>	<i>hin-a</i>

Теперь, соответственно этим новым данным, мы можем представить членение форм существительных в следующем виде:

Ед. число:	Мн. число:
Им. п. <i>hest-ur-in-n</i>	<i>hest-ar-n-ir</i>
Род. п. <i>hest-s-in-s</i>	<i>hest-a-n-na</i>
Дат. п. <i>hest-i-n-um</i>	<i>hest-u-n-um</i>
Вин. п. <i>hest-≠-in-n</i>	<i>hest-a-n-a</i> ³⁰

³⁰ Знак ≠ здесь и далее вводится для обозначения пулевой морфемы.

Образцы аналогичного членения можно представить и для существительных другого рода и других типов склонения, ср., например, для существительных женского рода типа *kinn* ‘щека’:

Ед. число:	Мн. число:
Им. п. <i>kinn-≠-in-≠</i>	<i>kinn-ar-n-ar</i>
Род. п. <i>kinn-ar-in-nar</i>	<i>kinn-a-n-na</i>
Дат. п. <i>kinn-≠-in-ni</i>	<i>kinn-u-n-um</i>
Вин. п. <i>kinn-≠-in-a</i>	<i>kinn-ar-n-ar</i>

Ср. далее для существительных слабого склонения среднего рода типа *aug* ‘глаз’:

Ед. число:	Мн. число:
Им. п. <i>aug-a-≠-ð</i>	<i>aug-u-n-≠</i>
Род. п. <i>aug-a-n-s</i>	<i>aug-na-n-na</i>
Дат. п. <i>aug-a-n-u</i>	<i>aug-u-n-um</i>
Вин. п. <i>aug-a-≠-ð</i>	<i>aug-u-n-≠</i>

Указанная сегментация позволяет описывать формы существительных с суффигированным артиклем как четырехчленные структуры, строящиеся по модели «корневая морфема + флексия именного типа + показатель определенности -n-∞-in- + флексия местоименного типа». Формально подобное представление оправдано тем, что каждый из перечисленных здесь компонентов повторяется с тем же значением и в сходном облике в другом окружении, т. е. тем, что каждому из них следует приписать статус морфа. Так, флексии именного типа повторяются в сочетании с другими корневыми морфемами; флексии местоименного типа — в сочетании с другими местоименными корнями, а частично — и в сочетании с адъективными корнями. Местоименный же корень -n-∞-in-, как мы продемонстрировали выше, повторяется в склонении свободно стоящего артикля и меняет свою форму в соответствии с изменившимся окружением, откуда *hin-∞-n-∞-in-*.

Кажущееся, на первый взгляд, несколько искусственным членение типа *hest-ig-in-n* и т. п. отвечает, тем не менее, правилам живого морфологического членения как по формальным, дистрибутивным показаниям, так и по семантике выделенных элементов. Именно оно позволяет представить в наглядном виде структурные принципы моделирования форм существительных и упростить описание

правил их порождения. Так, членение заставляет обратить внимание на особенности присоединения суффигированного артикла, который, вклиниваясь между двумя сериями флексий, теряет начальное *h*- и выступает в зависимости от окружения в одном из двух вариантов *-n-* или *-in-*. Проведенное членение выявляет также структурный параллелизм имен — существительных, прилагательных и некоторых разновидностей местоимений. Так, вычленяемость второго *n* в им. п. ед. ч. у слов типа *hesturinn*, оправданная легкой отделаемостью всех противопоставленных ему элементов, и возможность связать с ним значения рода, числа и падежа позволяют сблизить указанные образования с прилагательными типа *heidinn* ‘языческий’. По этому же образцу склоняются многие причастия II сильных глаголов. Синхронная близость имен существует, следовательно, как поддерживаемая тождеством словоизменительных формантов, ср., например, для слов мужского рода:

Ед. число:

Им. п. <i>heiðin-n</i>	<i>min-n</i>	<i>hin-n</i>	<i>hest-ur-in-n</i>
Род. п. <i>heiðin-s</i>	<i>min-s</i>	<i>hin-s</i>	<i>hest-s-in-s</i>
Дат. п. <i>heiðin-um</i>	<i>min-um</i>	<i>hin-um</i>	<i>hest-i-n-um</i>
Вин. п. <i>heiðin-n</i>	<i>min-n</i>	<i>hin-n</i>	<i>hest-≠-in-n</i>

Можно подчеркнуть, наконец, что предлагаемое членение морфологических конструкций соответствует их синхронному разложению, но не противоречит и истории возникновения этих форм. Не менее важным оказывается и то обстоятельство, что данная сегментация разрешает установить тот обязательный набор значений грамматического характера, который служит оформлению корневой морфемы именного типа. Ясно в то же время, что свéдения этого рода имеют непосредственное отношение к глобальному описанию морфологической системы исландского языка и что без них такое описание немыслимо.

Мы привели данный пример живого морфологического членения не только для того, чтобы продемонстрировать конкретную методику сегментации сложных форм³¹, но и для того, чтобы показать, что и живое морфологическое членение не является чем-то само собой разумеющимся и

³¹ Ср.: Г. Глисон. Указ. соч., стр. 109—117.

очевидным. Хотя оно относится обычно к регулярным и продуктивным формам, по образцу которых членяются другие образования, проведение сегментации этого типа тоже требует специальной лингвистической подготовки. Это значит, прежде всего, что и живое морфологическое членение требует привлечения достаточных данных о каждой из вычленяемых морфем и, в частности, постоянного соотнесения морфемы с той информацией, которую она выражает. Можно предполагать, что часть такой информации остается незамеченной ее носителями и распознается только в ходе лингвистического анализа (таковы, по-видимому, некоторые типы классификационных значений — принадлежности к тому или иному типу склонения или спряжения и т. п.). Не случайно поэтому, что членение, проведенное лингвистом, не всегда соответствует членению, осуществляемому информантом и носителем языка. Еще в большей мере относится это замечание к другим типам членения, как носящим сугубо специальный характер.

III. Спорные случаи членения форм и описание условного и дефектного типов морфологической членности

Простое разложение форм достигается, как мы убедились выше, при наличии четких корреляций между определенной последовательностью и определенным фрагментом содержания и при достаточной повторяемости этой последовательности в разных окружениях. Напротив, спорные случаи членения возникают тогда, когда одно из этих условий оказывается нарушенным. Так, членение формы часто затрудняется тем обстоятельством, что, хотя каждый из выделяемых в ней отрезков встречается более чем в одном лингвистическом окружении, у нас нет оснований приписать какому-либо из этих отрезков ясного значения. Такой тип членения, при котором членение, вполне оправданное с формальной точки зрения, вызывает возражения по семантическим соображениям, мы предлагаем называть *у словны м*.

Отмечая одну серию слов, определение состава которых вызывает трудности, И. А. Мельчук указывает, что образования типа *ручка* 'письменная принадлежность', *белье* и пр. «формально членны не в том же самом смысле и не в

той степени, что, например, *домик, ровик, самолетик*³². Представляется, однако, что именно с формальной точки зрения *ручка* ‘письменная принадлежность’ может подвергнуться тому же членению, что и *ручка* ‘маленькая рука’, и что выделение корневой и аффиксальных морфем с морфемной точки зрения вполне оправдано. Невозможность же установить одинаковые отношения между корневой и суффиксальной морфемой выявляется только при словообразовательном анализе, уточняющем семантику этих отношений. Расхождения данных разных уровней и накладывает отпечаток условности на проводимую сегментацию формы. Точно так же форма *бычок* в значении ‘детеныш мужского пола определенного животного’ поддается живому морфологическому членению в силу простых корреляций ее частей с отрезками *бык-/быч-* и *-ок* как в формальном, так и семантическом планах. Напротив, членение формы *бычок* в значении ‘сорт рыбы’ возможно лишь как условное, притом только на собственно морфемном уровне. Со словообразовательной точки зрения данная форма целостна. Таким образом, условное членение вводится здесь, как и в других случаях, для описания форм, семантическая неразложимость которых как будто бы противоречит их морфемной структуре. Благодаря формальной возможности отделить в подобных образованиях либо корневую, либо аффиксальную морфему и даже приписать каждой из них непротиворечащее обычному значению содержание³³, про эти образования можно сказать, что они стереотипны по морфемной, но не по словообразовательной модели. Они регулярны по составленности из отдельных частей, но не по семантическим связям между ними. Этот последний признак отличает не только морфологические фразеологизмы. Семантическое тождество сопоставляемых отрезков может быть поставлено под сомнение и тогда, когда индивидуальные значения сходных отрезков существенно расходятся

³² И. А. Мельчук. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1968, т. 27, вып. 5, стр. 434.

³³ Так, значение корневой морфемы в слове *ручка* ‘письменная принадлежность’ не противоречит значению морфемы *рук-* в *рука*: это предмет, который держат в руке; точно так же аффиксальная морфема *-ок* в *бычок* и пр. сохраняет отчасти значение уменьшительности, присущее суффиксу *-ок*, и в составе фразеологизмов: *бычок* — это небольшая рыбка, *кружок* — небольшое объединение людей, *росток* — маленький побег растения и т. п.

(ср. *предлагать* — *предложение* ‘грамматический термин’) или когда эти значения вообще не удается описать с достаточной степенью убедительности.

Ср., например, английские образования типа de-tect ‘обнаруживать’, pro-tect ‘защищать’; de-ceive ‘обманывать’, ge-ceive ‘получать’, reg-ceive ‘схватывать’, con-ceive ‘воспринимать’ и т. п., структура которых, казалось бы, дублирует сочетания префикса с корневой морфемой типа de-form ‘деформировать’, reg-form ‘производить’, con-form ‘уподоблять’ и т. д. от form ‘формировать’, но значение вторых компонентов в которых не поддается четкому определению. В отличие от морфологических фразеологизмов, которые характеризуются прежде всего невыводимостью общего значения из значения частей, их составляющих, данная серия форм ущербна семантически потому, что значение этих составляющих по отдельности вообще не ясно. Характеризуя случаи этого рода, В. Коатс указывал на то, что лексические значения морфемы отступают здесь на задний план, уступая место особому типу значения, которое он описывает как дифференциальное: так, англ. de- служит в приводимых выше примерах для того, чтобы отличить de-ceive ‘обмануть’ от reg-ceive ‘получить’ или con-ceive ‘воспринимать’, а -ceive, чтобы отличить de-ceive от de-tect ‘обнаружить’ или de-stroy ‘разрушить’³⁴. Простоте разложения таких форм мешает, следовательно, не их идиоматичность, а специфика значения морфем, их составляющих. Необходимо отметить поэтому, что вопрос о членности данных форм решается в известной мере в зависимости от признания или непризнания такого типа значения морфемы, как дифференциальное, или различительное.

Как видно из приведенных примеров, появление условно-членных образований в языке связано с несколькими различными процессами. Один из них — это процесс заимствования слов из другого языка. При интенсивном пополнении лексики языка иноязычными словами последние выступают не как единичные индивидуальные образования, но выстраиваются, с одной стороны, в протяженные ряды, объединяемые общностью словообразовательного фор-

³⁴ W. Coates. Meaning in morphemes and compound lexical units. «Preprints», стр. 14; ср.: R. S. Ginzburg, S. S. Kidekel, G. Y. Knyazeva, A. A. Sankin. A course in Modern English lexicology. M., 1966, стр. 35 и сл.

манта, ср. *эгоист*, *атеист*, *журналист*. С другой стороны, они формируют объединения, напоминающие словообразовательные гнезда, т. е. группируются вокруг определенной «основы»: ср. *эгоист*, *эгоизм*, *эгоистический*; *атеист*, *атеизм*, *атеистический* и т. п. Повторяемость отдельных компонентов таких слов способствует их морфологической членности, а членность, в свою очередь, придает им черты производности³⁵. Многие из этих слов, однако, остаются на положении псевдон производных, так как отношения внутри них не соответствуют обычным и регулярным для той или иной модели отношениям основы и аффикса (ср. стр. 286 и сл.).

Другим источником условно-членимых образований является нерегулярное словообразование, приводящее к возникновению деривационных фразеологизмов. По нашему мнению, семантические сдвиги, а отсюда и неполная совпадимость значения целого к значениям составляющих его элементов чрезвычайно типичны и для регулярного словаобразования. Можно поэтому полагать, что самый факт изменения значения морфемы в разных окружениях не ведет автоматически к большей сложности ее вычленения. Естественно вместе с тем, что когда значение целого не до конца мотивировано значением его частей, разложение формы выглядит тем менее убедительным, чем большей оказывается степень идиоматичности целого и чем менее объяснимой кажется синхронная семантическая фузия компонентов. По-видимому, решающим является в этих случаях не факт частичной идиоматичности производного, а наличие или отсутствие мотивированности его другой единицей. Так, лексикализованные, по мотивированные производные могут вполне выступать как образования, характеризующиеся живой морфологической членностью (ср. *писатель*, *водитель*). С другой стороны, идиоматичные образования с неясной мотивированностью часто выступают как условно-членимые.

Сопоставляя такие образования в датском языке, как *fly* ‘бежать’ — *undfly* ‘убежать’, *komme* ‘приходить’ — *undkomme* ‘ускользнуть’, *løbe* ‘бегать’ — *undløbe* ‘убегать’ и т. п., мы считали членными по аналогии с ними и

³⁵ См.: «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века». М., 1964, стр. 121—122.

немотивированное с синхронной точки зрения undsige ‘бросать вызов’ при *sige* ‘говорить’. По образцу форм *klangfull* ‘полнозвучный’, *taktfull* ‘тактичный, полный такта’, *bräddfull* ‘полный до краев’ мы членим также образование *dödfull*, хотя оно и значит не ‘полностью мертвый’, а ‘мертвецки пьяный’. Ср. также нем. *entstehen* ‘возникать’ при *stehen* ‘стоять’, англ. *become* ‘становиться’ при *come* ‘приходить’ и т. п. Представляется, однако, что выявление семантики соотношения частей целого в рамках производного относится к словообразовательному анализу, а потому данные этого порядка и не могут иметь существенного значения для членения на морфемном уровне. Из этого следует, что нарушение семантической регулярности у какого-либо образования, принадлежащего серии слов, связанных формально-структурной близостью, еще не является достаточным основанием для исключения его из разряда членимых. Можно подчеркнуть также, что для большинства условно-членимых образований «сама членимость слова не является еще его словообразовательной формой»³⁶. Это происходит потому, что условное членение, выявляя формальную структуру последовательности, может не соответствовать истории слова и его реального строения. Так, в описанных выше случаях заимствований мы имеем дело со сложными по форме, но не сложенными реально из определенных деривационных частей словами; то же самое можно сказать о трактовке морфологических фразеологизмов с синхронной точки зрения; слово типа *белье* членимо, и отдельные элементы его формально соотносятся с корневой и аффиксальной морфемами, но мотивированность образования словом *белый* уже стерта. Между членимостью последовательности и его деривационной моделью устанавливается лишь односторонняя зависимость: членение, оправданное в словообразовательном плане, ведет автоматически к признанию определенных морфемных границ, но не наоборот. Условное морфологическое членение часто не соответствует словообразовательному (подробнее см. ниже) и вводится именно для таких образований, морфологическая структура которых не повторяет их словообразовательной модели и не отражает тех семантических признаков, которые данной модели свойственны. Это касается как семантических особенностей соот-

³⁶ См.: M. Dokulil. Указ. соч., стр. 210.

ионения компонентов внутри производного, так и отношений между производной и производящей единицами. Ниже, с уточнением понятия производности, мы остановимся на некоторых случаях возможного расхождения результатов морфологического и словообразовательного анализа, относящихся к несовпадению конечных составляющих и непосредственно составляющих форм. Условное членение также отражает расхождения морфологических и деривационных структур одной и той же формы, но только в области, относящейся к несоответствию формальной и смысловой производности.

Итак, при условной сегментации форм мы предлагаем придерживаться правила, согласно которому членению формы не препятствует некоторая неясность значения или наличие дифференциального значения у ее частей, если только в структурно-соотносительных рядах слов эти части выделяются в соответствии с правилами живого морфологического членения. При этом условному членению последовательности не препятствует несводимость значения целого к значениям его компонентов, если только частные значения постулируемых морфов не противоречат друг другу. Сознавая некоторую искусственность этого типа членения, мы тем не менее считаем его целесообразным по причинам структурного порядка.

И живое морфологическое членение, и условное членение отвечают тем общим формальным требованиям, которые предъявляются к сегментации форм на морфологическом уровне,— повторяемости значащих последовательностей в разных окружениях. Эти типы членения могут быть в силу указанных свойств охарактеризованы как способы формального предельного членения высказываний. Их отличает совпадение границ формального и смыслового членения в первом случае и расхождение — во втором. Дефектное членение противостоит данным способам по формальному признаку: при дефектном членении нарушается ведущее правило сегментации — вычленять отрезки, обладающие свойством повторяемости (гесиггенсу) в нескольких различных окружениях. Отклонение от указанного правила возможно, собственно, только для небольшого числа реликтовых или маргинальных образований, не показательных для анализируемой системы в целом. Нельзя не отметить вместе с тем, что решение вопроса относительно сегментации этих образований сыграло

значительную роль в выработке непротиворечивых правил членения и при обсуждении принципов морфологического анализа. В отечественном языкоznании рассмотрение вопроса вылилось в длительную и еще по существу незавершенную полемику, развернувшуюся в связи с обсуждением членности форм типа *малина*, *буженина*, *петух* и пр.³⁷ В зарубежном языкоznании дискуссия была сосредоточена в основном вокруг спора о членности форм типа *cranberry*³⁸. И в том, и в другом случае речь шла о членении форм, одна часть которых уникальна, т. е. совсем не встречается или встречается очень редко в ипом окружении.

Суть разногласий заключается как в том, признавать ли вообще эти формы членными, так и в том, к какому уровню — морфологическому или словообразовательному — следует отнести разложение этих форм, если признавать их членными. Обсуждается также вопрос о том, какой статус следует приписать остаточному элементу членения, т. е. отрезку, выделяющемуся после вычленения безусловных морфов. Так, если в сложении *cran-berry* ‘клюква’ второй компонент можно квалифицировать как обычную морфему на том основании, что он повторяется с тем же значением в другом окружении, ср. *black-berry* ‘смородина’, *raspberry* ‘малина’, *gooseberry* ‘крыжовник’ и даже встре-

³⁷ См.: Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1946, т. 5, вып. 4; А. И. Смиринский. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. «Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ», 1948, выш. 5; Он же. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 59—64; Н. Д. Арутюнова. Некоторые вопросы образования и морфологии основ слова. «Филол. науки», 1958, № 1; А. А. Рейфортский. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова, стр. 76—80; Н. А. Крылов. Типы основ в современном русском языке. «Филол. науки», 1963, № 2; Он же. О некоторых параллелях между фонетическим и морфематическим анализом; Е. С. Курякова. Что такое словообразование. М., 1965, стр. 30—34; Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, стр. 54 и сл. и др.; ср. также: Н. Ю. Шедова и др. Изучение грамматического строя русского языка. «Теоретические проблемы советского языкоznания». М., 1968, стр. 289.

³⁸ См., например: Л. Бумфилд. Язык, стр. 167; Г. Глисон. Указ. соч., стр. 121—122; Ch. F. Hockett. A course in Modern linguistics. N. Y., 1958, стр. 126—127; D. L. Bolingег. On defining the morpheme. «Word», 1948, v. 4, № 1; J. A. Sheld. The words we use. London, 1954, стр. 35.

чается в изоляции, самостоятельно, ср. *berry* 'ягода', то при анализе данного образования в целом надо ответить на следующие вопросы:

1) позволяет ли четкая выделимость одного компонента признавать членимым все образование в целом;

2) что представляет собой отрезок *стап-* и в каких морфологических терминах может быть описана его сущность.

Подобно многим другим лингвистам, мы считаем эти формы членимыми, причем членимыми на морфемном уровне³⁹. Это означает, что форма считается членимой, если хотя бы один из ее компонентов обладает явным морфемным статусом. В то же время мы полагаем, что если хотя бы один из компонентов такой формы не характеризуется свойством достаточной повторяемости или, что то же, уникален, членение является дефектным. Соответственно, дефектным называется такое членение формы, которое приводит к выделению компонента или компонентов, встречающихся в уникальном или почти уникальном окружении. Подобный способ членения предусматривает, следовательно, разложение таких последовательностей, которые включают в свой состав уникальную служебную или уникальную корневую морфемы; наличие двух рядом стоящих уникальных морфем исключается по определению⁴⁰. Так, англ. *стап-* является собой пример последовательности, встречающейся в уникальном окружении, а русск. *-овь* в *любовь*, *свекровь* — последовательности в почти уникальном окружении; ср. аналогично *-тух* в *петух* и *пастух*, англ. *-т* в *him* 'ему', *them* 'им', *whom* 'кому' и т. п.

Дефектному членению подвергаются иногда весьма употребительные, частотные формы. В голландском языке, например, формы определенного артикля имеют следующий вид:

Общий род, им. п. ед. ч. — de

М. р., род. п. ед. ч. — des

Ж. р., род. п. ед. ч. — des

Род. п. мн. ч. всех родов — der и т. п.

³⁹ Ср.: В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Рец. на кн.: Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. «Филол. науки», 1961, № 1, стр. 137—139; «Словообразование современного русского литературного языка», стр. 214; А. А. Реформатский. Указ. соч., стр. 80 и др.

⁴⁰ S. Saporta. Morpheme alternants in Spanish. «Structural studies on Spanish themes», Urbana, Ill., 1959, стр. 33.

Повторяемость местоименного корня de- в нескольких окружениях и существование его в несвязанном виде заставляют предположить членение указанных форм с выделением корневого элемента. Однако статус остаточных элементов такого разложения не равнозначен: в то время, как генитивный показатель -s вычленен обязательно и его морфемный статус сомнений не вызывает (он повторяется с тем же значением в других окружениях — в связанном виде в сочетании с существительными,ср. *Vondels werken* «произведения Вонделя», в местоимениях — *mijns* ‘моего’, числительных — *eens* ‘одного’, в несвязанном виде в паречных оборотах — *'s nachts* ‘ночью’, *'s winters* ‘зимой’ и т. п.), остаточные элементы форм der и den встречаются в уникальном окружении. Их вычленение не строго обязательно, хотя по структурным соображениям представляется вполне целесообразным: членение позволяет отразить строение форм как сочетания местоименного корня с показателями рода — числа — падежа. В силу уникальности этих показателей, однако, членение должно быть признано дефектным. В голландских примерах уникальными являются служебные элементы; в немецких словах *Brombeere* ‘ягода ежевика’, *Damhirsch* ‘лань’, *beginnen* ‘начинать’ и др. уникальными являются неслужебные единицы⁴¹.

Чтобы продемонстрировать нагляднее различия в разных типах членения, приведем несколько конкретных примеров. Так, англ. *ablaze* ‘в огне’, *abed* ‘в постели’, *abloom* ‘в цвету’, *aboard* ‘на борту’ и т. п. характеризуются живой морфологической членимостью, а слова *away* ‘прочь’ и *abroad* ‘за границей’ — условной. Англ. *dangerous* ‘опасный’, *murderous* ‘убийственный’, *disastrous* ‘бедственный’ и т. д. легко членятся в соответствии с живыми нормами этого языка, но слова *jealous* ‘ревнивый’ или *raucous* ‘хриплый’ проявляют лишь свойства дефектной членимости, демонстрируя в своем составе после выделения суффикса -ous уникальные связанные корни. Среди шведских названий ягод легко членится слово *lingon* ‘брусника’, ср. *lingbär* ‘брюсличный’, но не *hallon* ‘малина’ или *smultron* ‘земляника’, демонстрирующие дефектное членение.

Итак, в зависимости от возможности или невозможности выделить в анализируемой последовательности ее составные части все последовательности делятся при первич-

⁴¹ Ср.: М. Д. Степанова. Указ. соч., стр. 84—85.

ной сегментации текста на членимые и нечленимые, или что то же, разложимые и неразложимые⁴². Как, вероятно, ясно из предыдущего изложения, слова оказываются нечленимыми либо потому, что в них нельзя выделить таких частей, которые бы повторялись как значащие в другом окружении, либо потому, что вычленение в такой последовательности составных частей привело бы к необходимости признать возможным соседство в одном целом двух уникальных морфем, что исключено по определению. Напротив, слова оказываются членимыми в силу структурно-семантической соотносительности их составляющих с составляющими других форм. При этом, однако, степень членимости разных форм является нетождественной. Членимость формы оказывается бесспорной, когда ее составным частям свойственны определенные семантические и дистрибутивные особенности: повторяемость в разных лингвистических окружениях с тем же значением. Любые отклонения от этих свойств, т. е. нарушения обычных дистрибутивных или семантических признаков, приводят к затруднениям в разложении формы. Поскольку подобные затруднения достаточно однотипны, мы пытались описать их характер, отделив случаи спорного членения форм, связанные с их семантикой, от тех, которые связаны с ограничениями дистрибутивного порядка.

Анализ фактического материала продемонстрировал, что формальная членимость последовательности не всегда соответствует ее семантической разложимости: семантически целостные (неделимые) образования могут выступать как морфологически членимые. Для характеристики таких слов мы ввели понятие об условно-членимых образований. Среди членимых слов этого типа оказались как фразеологизмы, так и слова иноязычного происхождения, когда-то заимствованные именно как отдельные слова, но позднее начавшие выделять в своем составе их деривационные части. При анализе этих слов особенно ясно, что семантические основания для членения на морфемном уровне оказываются иными, чем для членения на уровне словообразования, и что результаты членения на разных уровнях рас-

⁴² Ср.: Ф. Ф. Фортунатов. Слова языка.— В кн.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. I. М., 1956, стр. 140—141 и др.; Г. О. Винокур. Форма слова и части речи в русском языке.— В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 414—415.

ходятся. Главное, чем мотивируется необходимость условного членения, — это структурный параллелизм некоторых образований отчетливо разложимым формам; немаловажное значение имеет, однако, и ряд причин, связанных с обычным обликом морфемы в данном языке и ограничениями, касающимися длины и фонемной протяженности отдельного морфа.

Если выделение разряда условно-членимых образований вызвано необходимостью описать разложение форм с неясной семантикой, выделение разряда дефектно-членимых образований диктуется необходимостью описать формы, компоненты которых характеризуются дистрибутивными ограничениями, не свойственными анализируемому классу морфем. Таким образом, если некоторые исследователи устанавливали степень членности формы «прежде всего в зависимости от того, одна или обе (все) значимые части основы повторяются в других словах с тем же значением»⁴³, мы считали более целесообразным учитывать при определении степени членности формы как ее дистрибутивные, так и ее семантические особенности. При таком подходе оказывается также возможным выразить различия членимых, условно-членимых и дефектно-членимых образований путем описания их составляющих.

IV. Типы простейших морфологических единиц. Морфы и квазиморфы

Первичная сегментация текста была направлена на то, чтобы обнаружить в нем простейшие морфемные единицы, из которых он состоит. С завершением этой процедуры весь анализируемый текст предстает в виде своеобразной по-морфемной цепочки: создан морфемный аналог текста. На следующем этапе анализа мы стоим перед необходимостью ответить на вопрос о том, равноценны ли все отдельные звенья данной цепочки с морфологической точки зрения, т. е. по их роли в строении слова и в организации конкретных словоформ. Поскольку предыдущий этап анализа заключался в обнаружении морфов, этот вопрос можно сформулировать и по-иному, как вопрос о том, можно ли действительно приписать всем выделенным отрезкам статус мор-

⁴³ Н. А. Янко-Триницкая. Членность основы русского слова, стр. 535.

фов. По-видимому, уже само признание того факта, что отдельным последовательностям была присуща неодинаковая степень членности, заставляет предположить, что статус выделенных в них частей тоже неодинаков. Одни из них отличаются частой воспроизведимостью, легко вступают в соединение с другими последовательностями, четко ассоциируются с определенным содержанием. Другие, наоборот, в большей или меньшей степени лишены указанных свойств и в качестве полноценных строевых элементов слова, казалось бы, рассматриваться не могут.

Расхождения, связанные с определенными семантическими и дистрибутивными ограничениями отдельных отрезков, уже были подчеркнуты нами в противопоставлении членимых, условно-членимых и дефектно-членимых форм, но указанные различия относились в первую очередь к характеристике самих целостных последовательностей. Целесообразно проанализировать теперь, как отражаются эти же различия на составе изучаемых форм.

Если мы установили, что одна часть данной последовательности является морфом, пишет С. Сапорта, следует признать, что и другая часть этой формы тоже морф⁴⁴. Нодобный тезис не может быть принят без известных оговорок. Он правилен, по всей видимости, в том, что вычленение одного или нескольких безусловных морфов свидетельствует о разложимости всей формы в целом. Справедлив он и в том отношении, что остаточная часть любого деления должна получить истолкование в морфологических терминах. Вряд ли, однако, он правилен в том, что признание одной части отрезка морфом ведет механически к рассмотрению в качестве морфов всех его остальных частей. По нашему мнению, это справедливо только в отношении образований, характеризующихся свойствами живой морфологической членности. Эти образования, действительно, сводимы к определенному количеству безусловных морфов, и они могут рассматриваться на данном основании как конструкции из морфов. Образования же, обладающие свойствами условной или дефектной членности,— это конструкции иного состава. Наряду с обычными морфами, они включают некие единицы, функционирующие параллельно морфемным единицам, но по тем или иным причинам не достигающие их статуса. Такие

⁴⁴ S. Saporta. Указ. соч., стр. 34.

единицы мы и предлагаем называть с у б м о р ф е м н ы - м и , или к в а з и м о р ф а м и ⁴⁵. Итак, квазиморфы — это такие языковые элементы, которые, встречаясь в виде строевых частей индивидуальных или нерегул ярпых форм, не достигают в данной морфологической системе статуса подлинного морфа либо из-за несвойственной соответствующему классу морфем узкой сочетаемости (дистрибутивные ограничения), либо из-за семантической ущербности, т. е. опять-таки несвойственной классу морфем «невыразительности». Квазиморфы — это такая разновидность морфемных единиц, на дистрибуцию которых в данной синхронной системе налагаются ограничения большие, чем на дистрибуцию обычного представителя того или иного класса морфем. Это единицы, неполноценные по своим строевым качествам: характеризуя готовые единицы, они вряд ли способны принять участие в создании новых единиц. В пределах морфологических фразеологизмов, которые, как мы указывали выше, характеризуются свойствами условной членности, их компоненты неполноценны по сравнению с обычными морфами в семантическом плане. В таком сложном слове, как англ. blackbird 'дрозд', компонент black уже не значит 'черный', а сочетание компонентов — 'черная птица'; элементам cran- в англ. cran-berry, как и нем. Brom- в Brombeere, вообще нельзя приписать никакого точного значения, кроме дифференциального или остаточного ⁴⁶. Сравнивая англ. de-duce 'выводить', ge-duce 'сводить', in-duce 'побуждать' или de-tain 'задерживать', con-tain 'содержать', re-tain 'удерживать' и т. п., мы можем спорить о том, допустимо ли приписать отрезку -duce или -tain какое-либо лексическое значение и каково оно, но мы вряд ли можем отрицать, что связанность этого элемента резко отличает его от других корневых морфем данного языка, особенно исконных. Пределы сочетаемости таких элементов явно ограничены. Наконец, служебный унитарный элемент в примерах типа русск. люб-овь,

⁴⁵ Е. С. Кубрикова. О типах морфологической членности слов, квази-морфах и маркерах.— ВЯ, 1970, № 2.

⁴⁶ Понятие остаточного значения принадлежит А. И. Смирницкому. По его мнению, вывод о наличии этого значения у отрезка ма-ли-в ма-лина следует из того, что отрезок -ина обладает ясным значением и, следовательно, первому отрезку можно приписать содержание, обнаруживаемое вычитанием значения -ина из значения слова ма-лина. См. его «Лексикологию английского языка». М., 1956, стр. 59—64.

стекл-ярус дефектен, по-видимому, и дистрибутивно и семантически, т. е. как по сочетаемости, так и по смыслу. Все подобные элементы мы и рассматриваем как квазиморфемные единицы.

По мнению некоторых ученых, «субморфы тождественны морфам не просто физически, а в рамках данной языковой системы — но только в аспекте формы: самостоятельный смысл субморфы не имеют»⁴⁷. Мы считаем, однако, что субморфные единицы, или квазиморфы, не обязательно тождественны обычным морфам и в физическом отношении: этим качеством материального сходства с безусловными морфами обладают только квазиморфы в составе фразеологических единиц. Иначе говоря, мы считаем возможным расширить представление о субморфемных единицах и применять термин «квазиморф» по отношению к элементам как имеющим, так и не имеющим никакого самостоятельного морфемного коррелята. Ср., с одной стороны, английские связанные корневые элементы *-duce*, *-tain* и др. типа рассмотренных выше, или элементы *-ок* в *бычок* ‘сорт рыбы’, *-ик* в *носик* (чайника) и т. п., с другой. Поэтому, как видно из примеров, одни квазиморфы являются особыми членами обычных морфем (ср. также англ. *black* в *blackbird*), другие же остаются па положении субморфемных единиц, не включаясь ни в одну «нормальную» морфему или, быть может, формируя квазиморфему.

Квазиморф может выступать как единица, параллельная служебному морфу, или как единица, функционально эквивалентная (в пределах своей формы) морфу корневому. Первые вычленяются в результате выделения из формы безусловных корневых морфов (ср. *люб-овь*, англ. *ox* ‘бык’ *ox-en* ‘быки’), вторые — по отсечению аффиксов (ср. англ. *con-veni-ent* ‘удобный’, *con-veni-ence* ‘удобство’). Их отличия мы усматриваем также в следующем. Корневой квазиморф отличается от корневого морфа своей связанностью деривационными аффиксами, ср. *низ-верг-нуть*, *по-вергнуть*, *с-верг-нуть*. Служебный квазиморф отличается от обычного аффикса исключительно узкой сочетаемостью: он соединяется с ограниченным кругом основ, перечисленных особым списком.

⁴⁷ См.: И. А. Мельчук. К понятию словообразования. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1967, т. 26, вып. 4, стр. 354—355.

Интересно указать на то, что связь между уникальностью элемента и его принадлежностью к классу квазиморфемных единиц отнюдь не прямолинейна. Так, не все квазиморфемные единицы уникальны и не все уникальные единицы — квазиморфы. Не уникальны, например, английские корневые элементы типа *-dise*, *-tain*, *-ceive* и т. п.; с разными аффиксами выступает и такой квазиморф, как *-верг-* или *ул-*,ср. *пере-ул-ок*, *ул-иц-а*. С другой стороны, не являются квазиморфами такие уникальные корневые морфемы, как англ. *catamagan* ‘сварливая женщина’ и пр. Интересно, что при создании благоприятных условий квазиморфы могут превратиться в обычные морфы (морфемы). Это происходит, например, при так называемом обратном словообразовании, или реверсии, а также при окказиональном словоупотреблении.

Так, до определенного времени заимствованное существительное *chauffeur* могло рассматриваться в английском языке лишь как условно-членимое. С появлением глагола *to chauff* ‘возить в машине’ это слово перешло в разряд членимых, а квазикорень *chauff-* превратился в безусловный морф. Пока в английском языке не было создано глагола *to teleview* ‘передавать по телевидению’, существительное *television* могло считаться только условно-членимым; создание указанного глагола превратило потенциальную морфологическую членимость слова в актуальную и т. п.

В связи со всем вышеизложенным можно утверждать, что первичная сегментация текста приводит по существу к установлению не одной, а двух простейших единиц описания на морфологическом уровне, одна из которых обладает действительно морфологическим статусом, другая же субморфемна. Этими единицами являются морфы и квазиморфы. Только первые являются подлинными строевыми — серийными — элементами системы языка. В центре внимания исследователя должны по этой причине находиться прежде всего формы, обладающие свойствами живой морфологической членности, целиком состоящие из морфов. С другой стороны, если удельный вес условно-членимых и дефектно-членимых образований в языке достаточно высок, это является признаком относительной сложности морфологической системы, признаком наличия в ней разных гетерогенных и гетерохронных напластований, разных маргинальных и реликтовых единиц и, следовательно, призна-

ком расщепления системы на две разные части — центральную и периферийную. Соотношение форм, характеризующихся свойством живой морфологической членности, и форм, обладающих свойствами условной или дефектной членности,— это важное соотношение, определяющее общий облик анализируемой системы и ее внутреннюю сбалансированность. Выделение квазиморфов может быть признано правомерным как раз в силу того, что оно позволяет определить меру этой сбалансированности и провести объективное разграничение морфемных единиц по их реальному расположению в системе языка. Оно отвечает тем самым требованиям формального и компактного описания языка, в котором единицы, объективно отличающиеся друг от друга, должны получить разное наименование.

Итак, морфологический состав всех форм, встречающихся в тексте, может быть описан в терминах двух простейших морфемных единиц. Слова, характеризующиеся разными типами членности, представляют собой одновременно морфологические конструкции с разными конечными составляющими. Слова, обладающие признаком живой морфологической членности, имеют всегда в качестве своих компонентов морфы. Слова, обладающие признаком условной членности, представляют собой либо: а) конструкции, целиком состоящие из квазиморфов (это морфологические фразеологизмы), причем квазиморфов, являющихся членами обычных морфем, либо: б) конструкции из связанных корней и квазиморфов (связанные корни в этих случаях не уникальны, т. е. встречаются в разных окружениях). Наконец, слова, обладающие признаком дефектной членности, содержат в качестве своих конечных составляющих либо уникальные служебные квазиморфы, либо уникальный корневой квазиморф.

Эти сводные данные отражены в табл. 1.

По степени членности все рассмотренные морфологические конструкции можно, по-видимому, расположить следующим образом:

- самым отчетливым свойством разложимости обладают конструкции из одних морфов;
- за ними следуют слова, обладающие признаком дефектной членности и вычленяющие служебный квазиморф по отсечению обычного корневого элемента (модель типа *люб-овь*, англ. *child-ren*);
- далее на шкале членности располагаются слова,

Таблица 1

Типы форм, обнаруженных при первичной сегментации текста

Характер формы в целом	по признаку членности	Членимые			Нечленимые
	по степени членности	безусловно-членимые	условно-членимые	дефектно-членимые	
	по морфемному составу	конструкции из морфов	конструкции из морфов и квазиморфов		слова-морфемы
Характер конечных составляющих форм	по повторяемости в другом окружении	составляющие неуникальны		одно из составляющих уникально	
	по повторяемости с тем же и не с тем же значением	повторяются с тем же значением	повторяются с неясным значением	уникальное составляющее с остаточным значением	

тоже обладающие признаком дефектной членности, но составленные из корневого квазиморфа, выделяемого по отсечению обычной корневой морфемы, и морфа (модель типа англ. *cran-berry*);

— свойством менее выраженной и потому спорной членности обладают слова, характеризующиеся условной членностью и состоящие из повторяющихся связанных корней и морфов, являющихся членами обычных аффиксальных морфем (модель типа англ. *con-seive*, *de-duce*, *con-tain*, *de-test* и т. п.⁴⁸);

— свойством слабо выраженной членности обладают дефектно-членимые слова, состоящие из уникального свя-

⁴⁸ Некоторыми лингвистами эта группа форм причисляется к разряду безусловно-членимых образований, ср.: А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка, стр. 52—53; Z. S. Harris. Structural linguistics. Chicago—Lnd., 1963, стр. 161; Г. Глисон. Указ. соч., стр. 121—122; S. Sartor. Указ. соч., стр. 28 и др.

занного корня (квазиморфа) и служебного морфемного элемента с доказанным морфемным статусом;

— на грани нечленимости стоят морфологические фразеологизмы.

Если, таким образом, исключить из рассмотрения морфологические идиоматические конструкции, разложение которых может быть проведено по чисто формальным соображениям, следует отметить, что членимость слова есть результат вхождения в его состав хотя бы одного морфа с доказанным морфемным статусом. Необходимо отметить также, что в строении нерегулярных индивидуальных образований, наряду с безусловными морфами, участвуют также квазиморфемные единицы, которые определяются как остаточные элементы условно-членимых и дефектно-членимых форм после выделения в них безусловных морфов.

Если учесть далее, что морфы и квазиморфы не тождественны также по своему функциональному характеру и что состав всех членимых форм должен быть подвергнут анализу и с этой точки зрения, то ясно, что классификация морфемных единиц не может быть закончена на их описании по тем общим основаниям, которые позволили отграничить класс морфов от класса квазиморфов. Перед тем как перейти к функциональной характеристике, которая относится не только к отдельным морфам, но и к морфеме в целом, и прежде чем описать дистрибутивные особенности морфем разных классов и их формально-семантические признаки, необходимо рассмотреть черты строения самой морфемы и, в частности, определить характер отношений между морфемой и теми морфами, с помощью которых она экспонируется.

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ МОРФЕМЫ

I. Общие замечания об отождествлении морфов одной морфемы

Вплоть до настоящего момента мы строили свои наблюдения, основываясь на данных первичной сегментации текста, и довольствовались определением состава каждой последовательности в тексте в терминах их простейших морфемных конечных составляющих. Опирая понятиями морфов и квазиморфов, мы не задавались вопросом о том, что представляют собой выделенные нами простейшие единицы на более высоких уровнях языка и как может быть описано их место в системе языка в целом. С другой стороны, мы рассуждали так, как если бы выделение каждого нового морфемного отрезка означало одновременно и констатацию новой морфемы. Термины «морф» и «морфема» легко заменяли друг друга и считались как бы равноценными: их различие усматривалось лишь в том, что морф выступал как конкретная единица, экспонирующая в тексте единицу более абстрактную, морфему. Однако такое допущение об одно-однозначном соответствии морфа и морфемы было бы корректным лишь в том случае, если бы каждая морфема могла экспонироваться в языке одним единственным способом и воспроизводилась бы в тексте в одном и том же виде. Между тем, если на основе проведенного членения составить полный список всех морфов и указать при каждом из них, какую информацию он выражал в тексте, легко убедиться в том, что подобный список охватит:

- а) морфы, не тождественные ни по их материальному облику, ни по передаваемой ими информации;
- б) морфы, тождественные по их материальному облику и по передаваемой ими информации;
- в) морфы, тождественные по их материальному облику, но отличающиеся по передаваемой ими информации;

г) морфы, не тождественные по их облику, но одинаковые по их содержанию;

д) морфы, сходные по своему материальному облику и тождественные или сходные по передаваемой ими информации.

Такое сравнение морфов позволяет поставить вопрос о том, какие из указанных случаев появления морфов могут рассматриваться как случаи появления «одного и того же»¹. По-видимому, и без специального анализа можно установить, что морфы в группе *a* никак не могут считаться «одним и тем же» и тем самым являться представителями одной морфемы п что, напротив, морфы группы *b* — это морфы, репрезентирующие — каждый — свою морфему. По-видимому, можно также исключить из рассмотрения омонимичные морфы (группа *c*). Наконец, для решения вопроса о классификации морфов группы *g* и группы *d* требуется, по всей видимости, специальное исследование.

Описанная в самых общих чертах процедура классификации морфов с точки зрения их принадлежности одной или разным морфемам получила в американской дескриптивной лингвистике название идентификации, или отождествления морфем². Процедура эта представляет собой особую ступень морфологического анализа, сущность которой заключается в объединении морфов одной морфемы. Естественно, что она требует особых правил лишь там, где морфы одной морфемы не полностью идентичны друг другу, т. е. в каком-либо отношении варьируют.

Процедура идентификации морфемы знаменует собой переход от наблюдений на синтагматической оси к рассмотрению парадигматических отношений между морфемными

¹ Ch. F. Hockett. Problems of morphemic analysis. «Language», 1947, v. 23, № 4, стр. 321.

² Подробное описание методики отождествления и историю вопроса см. в работах: Н. Д. Арутюнова, Е. С. Курякова. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 211—222; Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Курякова. Американский структурализм. «Основные направления структурализма». М., 1964, стр. 261—266; Е. С. Курякова. Комментарий к книге Л. Блумфильд. Язык. М., 1968, стр. 581—582; Н. Д. Арутюнова. О значимых единицах языка. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 78 и сл. Ср. также: М. Д. Степанова. Вопросы лексико-грамматического тождества.— ВЯ, 1967, № 2.

единицами. Эта ступень исследования отражает выявление постоянных корреляций, наблюдающихся в данном языке между единицами, из которых складывается текст, и единицами, которые конституируют систему языка. Таким образом, если морф выступает как член определенного класса, то морфема выступает уже как представитель самого класса. Морф получает при этом характеристику по его отношению к морфеме, т. е. описывается как альтернат или вариант определенной морфемы, а морфема — как обобщенный представитель класса альтернатов, т. е. по отношению к морфам, ее экспонирующим. Нельзя в этом смысле не согласиться с О. С. Ахмановой, когда она утверждает, что «научное исследование предполагает не только обнаружение и определение мельчайших или предельных единиц, но их соотношение, их место по отношению к другим единицам того же порядка (так же, как и других порядков), иными словами — их место в системе или структуре языка»³. С этой точки зрения все то, что противостоит первичной сегментации текста, есть процедура установления отношений между выделенными на предыдущей ступени анализа единицами. Отождествление морфов одной морфемы — это установление простейших отношений указанного типа. Поднявшись на новую ступень абстракции, мы можем осуществлять дальнейшее описание уже не в терминах конкретных составляющих текста, а в терминах их классов. Точно так же на более высоких ступенях абстракции, осуществив новое объединение морфем, мы сможем описывать морфологические конструкции уже не в терминах морфемы, а в терминах классов морфем (корней и аффиксов), а далее — в терминах сочетаний этих классов (основ, слов и т. п.).

В то же время, описывая отношения между отдельными морфемными единицами, мы стараемся придерживаться принципа иерархичности, сообразуясь с переходом от самых простых отношений к более сложным. Мы не случайно подчеркиваем в силу этого, что объединение морфов в одну морфему отвечает тенденции описать первоначально наиболее элементарные из отношений между морфами языка. Такие отношения мы усматриваем в том, что одни морфы воспринимаются как тождественные, другие —

³ См.: О. С. Ахманова. Фонология, морфонология, морфология. М., Изд-во МГУ, 1966, стр. 26.

как «близкие», третьи — как разные. Первые и вторые из указанных типов отношений могут в более широком плане рассматриваться как отношения между инвариантами и реализующими его вариантами⁴. Этот подход к установлению центральной единицы описания на морфологическом уровне представляется нам вполне правомерным⁵. Именно он влечет за собой постановку и решение вопроса о том, что определяет основной стержень инвариантности морфемы, или, что то же, чем обосновываются единство целого класса единиц, морфов, группируемых в одну морфему. Важно поэтому подчеркнуть, что расхождения в ответе на этот вопрос означают принципиальные различия в понимании морфемы и существенно сказываются на практике морфологического анализа.

Следуя блумфилдианским традициям, во многом совпадающим в этом отношении со взглядами в традиционной грамматике, при отнесении морфов к одной морфеме следовало бы использовать в равной мере критерии как семантического, так и фонетического или фонологического сходства. В практике американских лингвистов, однако, исходное определение морфемы, данное Л. Блумфилдом, оказывается нарушенным, и единица, которая была первоначально введена для описания языковых элементов, характеризующихся хотя бы частичным фonoсемантическим сходством, становится на этапе отождествления морфемы единицей чисто функциональной, т. е. единицей, члены которой характеризуются тождеством выполняемых

⁴ Если вслед за Л. Ельмслевом понимать под инвариантами некую сущность, а под вариантами — образцы этой сущности и если считать далее сущностью морфемы ее способность соотносить план выражения с планом содержания, то следует признать, что пропорция «морфема: морф: ; фонема: фон» неверна только тогда, когда, как в дескриптивной лингвистике, попытка варианта относят к плану выражения, а понятие инварианта морфемы — к плану содержания. В этом случае, действительно, как справедливо подчеркивает Н. Д. Арутюнова, постулируемые отношения связывают неоднородные элементы, что исключается по определению (см.: Н. Д. Арутюнова. О значимых единицах языка, стр. 98—99). Однако признание двусторонней сущности морфа, по-видимому, снимает данное возражение.

⁵ Ср., например, такой подход у К. Эбелинга, который исходит из того, что «морфемы есть инварианты, допускающие разные реализации». C. L. Ebeling. Linguistic units. 's-Gravenhage, 1960, стр. 111.

ими ролей. Такой скачок следует считать, по нашему мнению, не только неправомерным, но и нецелесообразным. Во избежание недоразумений отметим сразу же, что в описании морфологической системы, как и другой подсистемы языка, нельзя обойтись без группировки единиц с одинаковой функциональной нагрузкой. Это не значит, однако, что подобное объединение функционально равноправных единиц на уровне морфологии должно обязательно производиться в терминах морфемы. Как мы указывали выше, морфема представляет собой единицу двуплановую, индивидуально соотносящую форму и содержание, и отведение главенствующей роли функциональным признакам морфемы нарушает основной принцип ее строения: слияние определенного означаемого с определенным означающим в единый знак. Соответственно этой точке зрения необходимо признать, что несомненная важность функциональных признаков идентификации морфемы не означает их определяющей роли в этом акте.

Если обратиться к анализу фактического материала, можно сделать вывод о том, что как различие функций не исключает возможности отнести морфы, сходные в фонетическом и семантическом отношении, к одной морфеме, так и сходство или тождественность функций не исключает возможности отнести разные морфы к разным морфемам. В русском языке, например, функции морфа *при* в оборотах типа *дом при дороге*, *управление при глаголе* и т. п. отличны от функций морфа *при* в конструкциях *придорожный*, *приглагольный* и т. п.; однако в силу несомненного семантического и материального тождества эти элементы в компактном и экономном описании целесообразно рассматривать как морфы одной морфемы. Статус элемента *-изм* в словах *кубизм*, *центризм* и других и в обороте типа *ох, уж эти мне измы* не одинаков, как и его функциональная нагрузка, но вряд ли можно усомниться в том, что перед нами реализация одной и той же сущности. Напротив, роль англ. *-s* в формах типа *cat-s* ‘коты’ и *-еп* в *ох-еп-‘быки’* совершенно однакова, это — роль оформителя категории множественного числа. Вместе с тем квалификации этих морфов как членов одной морфемы мешает, на наш взгляд, принципиальное несоответствие в их форме. В предложениях *Лечение его стало затруднительным* и *Лечить его стало затруднительным* функции слов *лечение* и *лечить* эквивалентны; к одной морфеме относятся

и корневые элементы этих слов. Следует ли из этого, что морфы *-ени(е)* и *-(и)ть* должны быть включены в одну морфему? Ср., с другой стороны, иное поведение указанных единиц в других окружениях, например, *длительное лечение*, но *лечить длительно*. Придерживаясь строго критерия функционального тождества, мы должны были бы принимать решения, из которых одно противоречит другому. Ожидать же полного тождества функций во всех окружениях не приходится даже от несомненных морфов одной морфемы.

Таким образом, сообразно с исходным определением морфемы логичнее предполагать, что объединение морфов одной морфемы обусловливается не столько фактом их функциональной тождественности, сколько обязательностью формально-семантического сходства между ними. Согласно этому общему положению устанавливаются и правила отождествления морфемы (см. следующий раздел). Не случайно поэтому, что данные правила оказываются отличными от тех, которые признаются большинством американских исследователей и лингвистами, разделяющими их взгляды. По нашему мнению, эти правила, правда, с известными корректировками, могут быть использованы только на следующем, так сказать, суперморфемном или архиморфемном уровне. Чтобы аргументировать нашу точку зрения более обстоятельно, рассмотрим, каким требованиям должны удовлетворять морфы одной морфемы. Соответственно канонам дескриптивной лингвистики, критериями отождествления морфемы следует считать: 1) тождество значения у отдельных ее членов, 2) отношения дополнительного распределения между ними, 3) специфику их окружения. Другими словами, морфы одной морфемы должны отвечать следующим условиям: 1) иметь одно и то же значение, 2) никогда не встречаться в одинаковом окружении, 3) иметь комбинированное окружение, равное окружению неварьирующейся морфемы того же класса. Эти правила, сформулированные по аналогии с правилами идентификации фонемы в работе З. Харриса, относящейся к 1942 г., были затем предметом широкой дискуссии среди группы американских лингвистов⁶. В 1947 г.

⁶ Материалы этой дискуссии нашли отражение в хрестоматии по дескриптивной лингвистике, изданной М. Джосом, см.: «Readings in linguistics. The development of descriptive linguistics in Amer-

требование дополнительного распределения в этих правилах было заменено Ч. Хоккетом требованием не-контрастирующей дистрибуции, а требование особого диапазона окружения у членов одной морфемы — требованием его не-的独特性⁷.

Определяя основное направление в эволюции взглядов, касающихся идентификации морфемы у американских лингвистов, можно отметить прежде всего постепенный полный отказ от критерия формального сходства. Как разъяснили впервые Дж. Трейджер и Г. Ли Смит, фонемное подобие отнюдь не является необходимой основой для эмического объединения⁸. Параллельно снятию критерия материального сходства все большее значение в отождествлении морфемы начали придавать дистрибутивным критериям. Способность некоторых позиций нейтрализовать различия означающих и аннулировать значимость части фонологических противопоставлений в морфологии не была, однако, расценена американскими лингвистами по достоинству и получила неглубокую и одностороннюю интерпретацию. Роль дистрибутивных факторов оказалась незаслуженно преувеличенней в ущерб факторам семантическим. Формула «морфы одной морфемы не встречаются никогда в тождественном окружении» была неясной как потому, что не уточнялось, о каких именно окружениях (фонологических или морфологических) идет речь, так и потому, что следование этой формуле приводило к противоречащим решениям.

Исходя из перечисленных выше правил, мы не могли бы определить, следует ли рассматривать нем. *kalt* и *kält* как морфы одной или разных морфем, если они:

1) явно обладают сходным значением, ср. *kalt* ‘холодный’ — *die Kälte* ‘холод’;

rica since 1925», I. N. Y., 4-th ed., 1966. Далее всюду дано сокращенно: RiL.

⁷ Это позволяло отождествлять морфемы, если они встречаются в одинаковом окружении, но не выражают при этом никакого семантического различия, ср.: *тракторы* и *трактора*, нем. Friede ↔ Frieden ‘мир’ и т. п., с одной стороны, и морфы, занимающие в нерегулярных парадигматических рядах то же место, что морфы в регулярных парадигмах, ср. англ. I ‘я’ — my как John — John’s — с другой.

⁸ J. T r a g e r, H. L. S m i t h. An outline of English structure. Norman, 1951, стр. 54.

2) могут встречаться в одинаковом окружении, ср. в одинаковом фонетическом окружении eine kalte Diele 'холодный пол' — die Kälte 'холод', ein kalter Wind 'холодный ветер' — kälter 'холоднее', ср. также в одинаковом морфологическом окружении: kalten 'холодеть', 'остывать' — kälten 'делать холодным', 'холодить', 'остужать'.

Сравнивая формы множественного числа типа *столы* и *дома*, следовало бы сделать заключение, что морфы *-ы* и *-а* являются членами одной морфемы, ибо они выражают одно и то же значение и встречаются в разном окружении; сравнивая формы типа *хлебы* и *хлеба*, *тракторы* и *трактора*, следовало бы, однако, прийти к обратному выводу как на основании семантических данных, так и на основе окружения форм. Морфы *-ы* и *-а* оказывались бы, следовательно, то принадлежащими, то не принадлежащими одной морфеме. Таким образом, последовательное применение правил отождествления морфемы в том виде, в каком они постулировались американскими лингвистами, приводило на практике к значительным трудностям и либо означало объединение того, чего, по-видимому, следовало бы избежать (ср. морфы *-а* и *-ы*), либо, напротив, разъединение того, что было бы желательно соединить (ср. *kalt* и *kält-*). Важно также отметить, что как первоначально сформулированные правила, так и поправки к ним действенны только в пределах отождествления функциональных единиц безотносительно к их форме. В случае же формальной идентификации морфов одной морфемы, та необходимости которой мы настаиваем, приходится предуматривать иные решения.

Как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова, при функциональной идентификации морфемы стремятся к тому, чтобы каждой грамматической категории соответствовала бы лишь одна морфема, разные же способы выражения одной категории рассматривались бы на уровне морфов⁹. Однако по многим соображениям это представляется неоправданным: так, по наблюдениям В. Винтера, на основе критерия функционального сходства пришлось бы объединить в одну морфему все морфы, участвующие, например, в создании фактивных глаголов от прилагательных

⁹ См.: Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубрякова. Указ. соч., стр. 265.

в английском языке типа:

wide — widen	'широкий' — 'расширять'
warm — (to) warm	'теплый' — 'утеплять, обогревать'
normal — normalize	'нормальный' — 'нормализовать'
long — lengthen	'длинный' — 'удлинять'
rich — enrich	'богатый' — 'обогащать'
	и т. п. ¹⁰

Категория морфов была введена для характеристики конкретного состава конкретных слов и для описания реальных конечных составляющих последовательностей, встречающихся в тексте. Описывать в тех же терминах способы выражения грамматических категорий вряд ли целесообразно, тем более что не все они имеют морфемный характер (ср. внутреннюю флексию, некоторые суперсегментные явления и т. п.).

Как это ни парадоксально, стремясь к формализации анализа, американские лингвисты пришли в действительности к игнорированию формы и к преувеличенному оценке фактора значения, ибо показания дистрибутивных критериев могли проверяться в конечном счете только значением или функцией соответствующих форм.

Дистрибутивные критерии были введены в практику лингвистического анализа с тем, чтобы объективизировать его и проводить исследование, не прибегая к значению форм. На самом деле при определении типов дистрибуции опираются в конечном счете на семантику формы. К тому же не все типы дистрибуции показательны для характеристики тождества различия форм. Хотя дистрибуция понимается как сумма всех контекстов, в которых встречается данная единица, в отличие от тех контекстов, в которых она не может быть употреблена, т. е. это понятие как будто бы связано исключительно с установлением окружения формы, как только мы переходим к квалификации самого окружения, мы обязаны ответить на вопрос о том, является оно смыслоразличительным или нет. Рассмотрим три типа распределения, выделенных американскими лингвистами: дополнительное распределение, свободное варьирование, контрастное и неконтрастное

¹⁰ W. Winter. Form and meaning in morphological analysis. «Linguistics», 1964, v. 3, стр. 9—10.

распределение. О двух элементах говорят, что они находятся в отношении дополнительной дистрибуции, если один из них встречается в таком окружении, в каком никогда не встречается другой¹¹. Таким образом, для морфов, находящихся в отношении дополнительного распределения, не может существовать такого контекста, в котором встретились бы они оба; классическим примером дополнительного распределения служит распределение формативов /s/ и /z/ в формах мн. ч. в современном английском языке. Если же два элемента встречаются в одном и том же окружении, но при этом не выражают разных значений, про них говорят, что они находятся в отношениях свободного варьирования: примером свободно варьирующихся морфов являются окончания мн. ч. в русском языке для случаев типа *тракторы* — *трактора*, *секторы* — *сектора*, *вымпелы* — *вымпела* и т. п. Для того чтобы узнать, имеем мы дело со свободным варьированием или нет, нам необходимо знать значение формы: так, в формах типа *тракторы* — *трактора* элементы *-ы* и *-а* характеризуются свободным варьированием, ибо подстановка одной формы на место другой не меняет общего содержания сообщаемого; напротив, про те же элементы в противопоставлении типа *листы* — *листья* мы должны говорить как о контрастных, ибо они дифференцируют два разных значения. Про этот тип отношений между двумя элементами и говорят как о контрастной и ой дистрибуции, противопоставляя его дистрибуции неконтрастной и ой, т. е. несмыслоразличительной. Наконец, неконтрастивной или неконтрастирующей дистрибуции называют распределение такого рода, когда элементы, обычно встречающиеся в разном окружении, попадая в одинаковое окружение, не могут выполнять дистинктивной роли. Неконтрастирующая дистрибуция — это, следовательно, такой тип распределения, который как бы объединяет появление форм в однапаковом и разном окружении, но при выполнении ими тождественной функции. Как видно из всех этих определений, контрастирующая дистрибуция противопоставляется неконтрастирующей по принципу эквивалентности \Leftrightarrow не-

¹¹ Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 125.

эквивалентности значения или функции элементов, а дополнительная дистрибуция противопоставляется свободному варьированию по принципу одинаковости ∞ неодинаковости окружения. Но тогда само противопоставление разных типов дистрибуции, основанное на противопоставлении невзаимоисключающих признаков, не может привести к выделению взаимоисключающих типов распределения (ср. табл. 2):

Таблица 2
Признаки разных типов распределения

Окружение	Типы распределения		
	Неконтрастирующая дистрибуция		Контрастирующая дистрибуция
	дополнительное распределение	свободное варьирование	
Одноковое	—	+	+
Неодноковое	+	—	++

Как видно из табл. 2, контрастивная дистрибуция элементов может осуществляться как в одинаковом, так и в разном окружении, ср. *листы — листья*, *листы — ласты*, но *столы — листы*, *столы — дома* и т. п. Ясно, что о ее наличии мы можем судить только в случаях выраженного смыслоразличения. Неконтрастная дистрибуция элементов тоже может осуществляться как в одинаковом (*тракторы — трактора*, *свечой — свечою*), так и в разном окружении (*хочу — хотят*, *cat-s /s/, но boy-s /z/*), а чтобы отделить случаи свободного варьирования от дополнительного распределения, опять-таки необходима осведомленность о значении форм. Она же необходима и для случаев разграничения свободного варьирования как неконтрастирующей дистрибуции и дистрибуции контрастирующей. Так, окружение в случаях типа

- 1) свеч-ой 3) свеч-а
2) свеч-ою 4) свеч-е

одно и то же; определить, что в первых двух примерах дистрибуция *-ой* ∞ *-ою* неконтрастива, можно только убе-

дивишься в том, что замена одной формы другой не ведет к нарушению или изменению смысла; напротив, определить, что в третьем и четвертом примерах дистрибуция -а и -е контрастивна, можно только убедившись в том, что субSTITУЦИЯ форм по семантическим соображениям невозможна.

Таким образом, как возможность встретить какую-либо форму в одинаковом окружении, так и невозможность встретить формы в разных окружениях, взятые сами по себе, не могут получить однозначной интерпретации, и дистрибуция форм, рассматриваемая без учета других критериев, не может считаться решающим доводом в пользу тождественности или нетождественности форм.

Небезынтересно проанализировать также, как используются указанные типы дистрибуции при идентификации морфем. «Два морфа не могут рассматриваться как алломорфы одной морфемы,— пишет, например, Ч. Хоккет,— если они контрастируют», если флексивные аффиксы соединяются с одной основой, они необходимо являются разными морфемами¹². Правило представляется вполне разумным, но с дескриптивной точки зрения оно непоследовательно; следуя ему, нельзя отождествить окончания -ы и -а в *хлеб-ы* и *хлеб-а* и, следовательно, объединить в одну морфему все морфы со значением мн. ч. По-видимому, учитывая возможность таких случаев, в общие правила идентификации морфем включают не негативную формулировку о контрасте сравниваемых последовательностей, а тезис о том, что морфы одной морфемы должны находиться в неконтрастирующей дистрибуции. Тем самым разрешается отождествление форм, которые либо находятся в дополнительном распределении, либо в отношениях свободного варьирования. Как мы указывали выше, однако, определение последнего типа дистрибуции сопряжено с семантическим анализом форм. Следует поэтому признать правоту Ч. Хоккета, когда он указывает, что для перехода от фонетического уровня на уровень морфологии нужен «дополнительный ключ», который, как бы мы его ни маскировали, остается «по своей природе семантическим»¹³ (разрядка наша.— Е. К.). В силу

¹² Ch. F. H o c k e t t . A course in Modern Linguistics. N. Y., 1958, стр. 274—275.

¹³ Ch. F. H o c k e t t . Linguistic elements and their relations. «Language», 1961, v. 37, № 1, стр. 45—46.

этого на уровне морфологии еще более важным нам представляется учет двух разных субстанций, о котором применительно к фонологии писала Б. Сиертсема. «Для того чтобы быть подлинно лингвистическим,— подчеркивала она на Восьмом международном конгрессе лингвистов,— полное дистрибутивное (т. е. построенное на отношениях) описание фонематической структуры языка требует двух субстанций — звука и значения на двух ступенях: 1) для отождествления его элементов и 2) для мотивировки их дистрибуции»¹⁴.

Итак, в принципах отождествления морфемы все большее значение американские лингвисты стали придавать функциональным критериям. Этот переход, естественно, ознаменовался тем, что от скрупулезного анализа означающих морфем дескриптивисты перешли к изучению их содержательной стороны¹⁵. Подобный переход сопровождался полным отказом от учета материального тождества или сходства единиц на морфологическом уровне. Некоторым лингвистам это представляется значительным достижением теории языкознания, и полная абстрагированность от фонетической субстанции языка связывается с прогрессом этой теории¹⁶. Мы не можем согласиться с подобной оценкой указанных концепций. Возможность и даже необходимость отвлечения от материального субстрата аргументируется обычно релевантностью одних лингвистических, т. е. функциональных, характеристик¹⁷. Но ведь о функции той или иной лингвистической единицы мы можем судить исключительно на основе субстанциональных данных. Именно такими на уровне морфологии являются данные о форме последовательности. Отказ от критериев формального сходства кажется нам неправомерным именно потому, что «о функции абстрактной единицы можно говорить, только если она как-то формально

¹⁴ B. S i e r t s e m a. Further thoughts on the glossematic idea of describing linguistic units by their relations only. «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists». Oslo, 1958, стр. 143.

¹⁵ И. Д. Арутюнова. О значимых единицах языка, стр. 82.

¹⁶ Ср.: Г. А. Клинов. Фонема и морфема. М., 1967, стр. 47; И. Д. Арутюнова. Указ. соч., стр. 82 и сл.

¹⁷ Ср. выступление Л. Ельмслева на II Международном конгрессе по фонетике («Proceedings of the II International Congress of Phonetic Sciences». Cambridge, 1936, стр. 60).

выражается в данной единице» (или в ее позиции в предложении) ¹⁸. Логично предполагать вследствие этого, что отрыв функциональных критериев от формальных не оправдан.

Уже Ю. Найда в своей специальной статье, посвященной принципам отождествления морфемы, указывает на ряд теоретических и практических трудностей, возникающих в проведении морфологического анализа в связи с пренебрежением к признакам фонетического сходства. Он ставит в упрек своим коллегам то, что они склонны игнорировать реально выраженные и очевидные различия (*overt distinctions*) и, напротив, преувеличивать роль скрытых и неявных расхождений (*covert distinctions*) ¹⁹. Еще в более резкой форме критикуются принципы отождествления морфемы Б. Стрэнг, В. Винтером, А. А. Реформатским ²⁰. По нашему мнению, следует предусмотреть поэтому такие правила, которые бы предотвращали объединение в одну морфему морфов, не имеющих ничего материально общего. По-видимому, с этим положением, которое мы выдвигали и раньше, согласны в принципе и другие советские исследователи ²¹. Переходим к формулировке таких правил.

II. Правила отождествления морфов одной морфемы

Выведение правил отождествления морфов одной морфемы основывается прежде всего на определении порогов допустимого варьирования лингвистического знака на

¹⁸ См.: Б. А. Усиенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 93.

¹⁹ E. Nida. The identification of morphemes. «Language», 1948, v. 24, № 4.

²⁰ Ср.: А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 110—111; W. Winterg. Указ. соч., стр. 6 и сл.; B. Strang. Theory and practice in morpheme identification. «Preprints», 1962, стр. 247 и сл.

²¹ Ср.: Н. Д. Арутюнова, Е. С. Курякова. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов, стр. 219—221; Л. Е. Руфимович. К понятию морфемы. «Иностранные языки в высшей школе», вып. III. М., 1964, стр. 35 и сл.; «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 52.

уровне морфологии. В силу двусторонности лингвистического знака подобные границы варьирования должны быть выявлены как для означающего, так и для означаемого знака. В практике проведения морфологического анализа, однако, это положение часто нарушается. Как мы продемонстрировали выше, в практике американских лингвистов и их последователей варьирование формы знака было объявлено несущественным, и для его отождествления полагали необходимым исключительно сохранение его функциональной тождественности самому себе во всех случаях реализации. Следствием такого подхода явилось расхождение принципов идентификации морфов и морфем: морфы отождествлялись по означающим, а морфемы — по означаемым²². Однако признание морфемы единицей знаковой, двусторонней, по-видимому, исключает такую идентификацию. Ни морфы, ни морфемы не могут быть опознаны иначе, чем установлением соотношения их формы и содержания; они не могут быть отождествлены по означаемым или означающим по отдельности. Совершить это так же невозможно, как получить порознь северный и южный полюса магнита.

Если признавать, что формальной основой морфемы является определенная фонологическая последовательность²³, то для отождествления морфемы необходимо показать такие пределы фонологического варьирования, которые не ведут к разрушению ее цельности²⁴. Самое важное при этом — учесть в строении языка роль элементов, которые, не являясь абсолютно тождественными, демонстрируют вместе с тем не случайные, а системные формально-семантические параллели. Применительно к морфеме это означает учесть морфы, расхождения в облике которых являются системами, регулярно повторяющимися и серийными. Таким образом, при определении границ допустимого фонологического варьирования нас интересует, конечно, не столько степень фонологиче-

²² Ср.: Н. Д. Арутюнова. О значимых единицах языка, стр. 84.

²³ Ср.: В. Скаличка. Асимметричный дуализм языковых единиц. «Пражский лингв. кружок» М., 1967, стр. 122 и сл.

²⁴ А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии), стр. 107 и 110, где правильно указано, что преимущество подобного решения — в опоре на объективные критерии.

ских расхождений, сколько их место в системе данного языка. «Степень» расхождения по глухости и звонкости в английском и голландском языках одна и та же, но их роль в строении языковых единиц различна: в английском языке указанное противопоставление используется для смыслоразличения — *cad* значит ‘негодяй’, а *cat* ‘кошка’, *rice* значит ‘рис’, а *rise* ‘подниматься’ и т. п. В голландском языке появление звонких (не в начальном положении) мотивируется окружением и различие глухих и звонких не мешает восприятию содержащих их морфов как одного и того же, ср. *ik schrijf* ‘я пишу’ — *wij schrijven* ‘мы пишем’, *duif* ‘голубь’ — *duiven* ‘голуби’, *wijs* ‘мудрый’ — *wijzer* ‘мудрее’ и т. д.

Возможность манифестирования одной сущности различающимися единицами, причем манифестирования не случайного, а регулярного, типичного не для индивидуальных единиц, а для объемных рядов, служит для нас основанием для того, чтобы в компактном и экономном описании языка оперировать не только понятием абсолютного тождества единицы, но и понятием близости, сходства, *near-identity*²⁵. Можно, таким образом, полагать, что стремление расширить показания к идентификации единиц и развинуть границы одной морфемы согласовано с более общей тенденцией включать в состав лингвистической единицы не только элементы, остающиеся тождественными самим себе при реализации своей единицы, но и элементы, проявляющие при этом лишь относительное тождество. Правила отождествления морфов одной морфемы и должны отразить предел подобной относительности. В то время как абсолютно тождественными являются такие морфемные единицы, которые полностью дублируются по наборам составляющих их элементарных единиц обоих планов (например, фонем и сем, дифференциальных признаков фонемы и дифференциальных семантических признаков, или семантических множителей и т. п.), морфемные единицы, повторяющие лишь часть этих единиц, являются относительно тождественными. Можно думать, что именно второй случай является более типичным для системы естественных языков и что по этой причине морфема может включать и относительно тождественные морфы.

²⁵ W. Winter. Form and meaning in morphological analysis, стр. 16; ср.: Г. А. Климо в. Фонема и морфема, стр. 60.

Это значит, что ее отдельные члены характеризуются лишь частичным формально-семантическим сходством. Положение о том, что при тождествлении морфемы приходится учитывать две субстанции, или о том, что морфологические явления имеют двойную идентичность — фонетическую и семантическую²⁶, можно сформулировать в виде двух основных допущений о тождестве морфемы:

1) тождество морфемы обеспечивается тождеством значений у отдельных экспонирующих ее единиц (т. е. морфов) или их регламентированным варьированием;

2) тождество морфемы обеспечивается тождеством формы у отдельных экспонирующих ее единиц или их регламентированным формальным варьированием.

Тождество морфемы обеспечивается одновременным соблюдением этих допущений.

Объяснение к первому допущению: признание тождества — абсолютного или относительного — значения морфов одной морфемы означает не то, что морфы, выражающие одинаковые значения, должны быть включены в одну морфему, но только то, что объединение в однгу морфему морфов, обладающих разными значениями, исключается. Отклонения от этого условия возможны, по-видимому, лишь для случаев частичного снятия тех или иных функций у многофункциональных морфем или для случаев элиминации некоторых функций, описанной нами при выделении класса пустых морфов. При этом расхождения в функциях варьирующихся по форме морфов являются обычно большими, чем у неварьирующихся морфов одной морфемы. Тождество функций или их аналогичность делают возможным группировку морфов в одну морфему только при выполнении второго допущения.

Объяснение ко второму допущению: тождество морфемы не может быть обосновано помимо формального тождества ее членов²⁷. Тождество это может быть как абсолютным, так и относительным. Относительно тождественными по форме являются морфы, связанные отношениями регламентированного варьирования. Регламентированы-

²⁶ Ср.: Э. Хауген. Направления в современном языкоznании. «Новое в лингвистике», вын. I. М., 1960, стр. 253.

²⁷ См. подробнее: Э. А. Макаев, Е. С. Кубракова. О предмете и задачах морфонологии и ее месте среди других лингвистических дисциплин. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1967, стр. 17—20.

ми являются внутриморфемные чередования, обусловленные фонологически, или же морфологические чередования, проходящие по серии структурно-соотносительных слов. Пределы фонологического варьирования и определение понятия относительного формального тождества морфов устанавливаются отдельно для каждого конкретного языка. Решение этих задач относится к сфере морфонологии.

Следствием двух сформулированных выше допущений является то, что при идентификации морфемы, как и ранее при сегментации текста, мы должны обращаться к показаниям двух планов. С этой точки зрения понятно, что мы считаем невозможным проведение процедуры отождествления морфов без учета значения. По-видимому, признание этого факта становится в настоящее время достоянием многих языковедов. Так, подводя итоги Девятому международному съезду лингвистов, Р. Якобсон подчеркнул: «Что касается отождествления (идентификации) морфем, то „попытка осуществить его без семантических критериев“ была провозглашена сомнительной в методологическом отношении и, более того, практически невыполнимой»²⁸. Сторонники противоположной концепции приводят доказательства, которые представляются нам либо неубедительными²⁹, либо противоречащими отправному определению морфемы³⁰.

Процедура отождествления морфемы начинается с отбора морфов, характеризующихся признаками формально-семантического сходства, и завершается проверкой того, что можно было бы назвать диапазоном допустимого варьирования означающих и означаемых морфемы. Подобное допустимое варьирование проходит обычно по серии структурно-соотносительных форм. Морфы, не обладаю-

²⁸ См.; Р. Якобсон. Итоги Девятого конгресса лингвистов. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 586.

²⁹ См., например: Н. Д. Айдреев. Морфемное членение слова и статистико-комбинаторная граница между словоизменением и словообразованием. «Статистико-комбинаторное моделирование языков». М.—Л., 1965, особ. стр. 21—22; ср.: Б. Н. Головин. Рец. на кн.: Н. Д. Айдреев. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., 1967.—ВЯ, 1969, № 1, особ. стр. 115—116.

³⁰ Ср.: Х. Путинам. Некоторые спорные вопросы теории грамматики. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 82, 88—89.

щие признаками частичного сходства в двух планах, вообще отождествляться не могут. Возможность объединить морфы в одну морфему обнаруживается после того, как выполнены следующие условия:

1) изучены окружения морфов, проявляющих черты формально-семантического сходства, и определены типы этих окружений;

2) изучен диапазон расхождений в формальном облике морфов и установлено, что он укладывается в варьирование, разрешаемое данной системой и воспроизведенное, по крайней мере, в другой паре случаев (ср. англ. *north* — *northern* и *south* — *southern* с чередованием /θ/ и /ð/);

3) изучен диапазон расхождений в значениях морфов и установлено, что они укладываются в варьирование, разрешаемое данной системой (ср., например, прямые и переносные значения слов, обозначающих животных, типа *лиса*, *петух*, *медведь* и т. п.).

Очевидно, что первое условие относится к выяснению дистрибутивных особенностей морфов, а второе и третье — к определению порогов отклонений от единицы, принимаемой за эталон, или, другими словами, к установлению определенной модели варьирования означаемых или означающих морфемы. Очевидно также, что в отличие от правил, касающихся отождествления фонемы и начинающихся с изучения звуков в одном окружении, в морфологии целесообразно начинать с общего правила, касающегося появления сходных морфов в разном окружении. В остальном правила отождествления морфемы аналогичны тем, которые были установлены Н. С. Трубецким для различия фонем и вариантов фонем³¹.

Первое и основное правило подведения морфов под одну морфему гласит: если морфы, проявляющие формально-семантическое сходство, никогда не встречаются в одном и том же окружении (за исключением случаев воспроизведения в абсолютно тождественных ситуациях), то они являются членами одной морфемы.

П р и м е р ы: а) на идентификацию корневых морфем — ср. русск. *снег* — *снега*, *снеговой*, *снегурочка*, но *снежный*, *Снегана*, исл. akigr-∞ akr-∞ ökr-, где морфы передают одно и то же значение ‘пашия’, связаны отно-

³¹ Н. С. Т р у б е ц к о й . Основы фонологии. М., 1960, стр. 52—59, особ. стр. 53.

шениями чередования, известного и в других случаях, но где сами морфы не встречаются в одном окружении, ибо морф *a^kig-* встречается в позиции перед пробелом, перед другой корневой основой или же перед флексией *-s*, морф *a^kr-* встречается в позиции перед флексиями, состоящими из гласной или начищающихся с гласных, а морф *ö^kg-* — только в позиции перед флексией *-im*; б) на идентификацию служебных морфем —ср. русск. *-чик* и *-щик*, англ. /s/ ∞ /z/ ∞ /iz/ или /t/ ∞ /d/.

Отклонения от этого основного правила могут быть предусмотрены дополнительным правилом отождествления морфов одной морфемы, гласящим: если морфы, проявляющие черты формально-семантического сходства, встречаются в одинаковом окружении, они могут рассматриваться как морфы одной морфемы в том случае, если замена одного морфа другим не ведет к изменению общего смысла конструкции. Если же замена одного морфа другим ведет к искажению смысла или его полному изменению, отождествления морфов произойти не может и морфы включаются в разные морфемы.

Приимеры: а) на идентификацию корневых морфем — русск. *матрас* ∞ *матрац*, *калоша* ∞ *галоша*, англ. *hoofs* и *hooves* ‘подковы’, нем. *benutzen* ∞ *benützen* ‘использовать’, ср. далее нем. *blutig* и *heißblütig*, *durstig* и *blutdürstig*, *mutig* и *müfig*; б) на идентификацию служебных морфем — русск. *синей краской* — *синею краскою*, нем. *experimental* — *experimentell*.

Про морфы, принадлежность которых одной морфеме установлена благодаря тому, что они находятся в отношениях дополнительного распределения, говорят, что они являются алломорфами одной морфемы; в отличие от этого про морфы, не находящиеся в отношениях дополнительного распределения, говорят, что они являются вариантами одной морфемы³². Иногда, однако, алломорфами называют также морфы после того, как обнаружена их принадлежность одной морфеме, т. е. морфы, уже прошедшие процедуру отождествления³³.

³² Ср., например: З. М. Волоцкая и Т. Н. Молошина. О некоторых понятиях морфологии. «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 163; «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», стр. 52.

³³ См.: О. С. Ахманова. Фонология, морфонология, морфология, стр. 26.

В настоящей работе мы этой терминологии вообще не используем.

Подытоживая все уточнения, внесенные в правила отождествления морфемы, можно констатировать, что одной морфеме принадлежат морфы, удовлетворяющие трем следующим условиям одновременно:

1) они обладают одним значением или демонстрируют расхождения, обычные для данной системы; пределы таких расхождений устанавливаются семасиологией; практически они соответствуют тем, которые в словарях приводятся как разные значения одного и того же слова;

2) при наличии формальных различий в облике морфов это различие имеет либо фонологически обусловленный характер, либо регламентировано другими типовыми условиями появления соответствующего морфа³⁴; это же можно сформулировать по-иному, подчеркнув, что при наличии формальных расхождений последние обусловлены морфонологически; пределы таких расхождений устанавливаются морфонологией;

3) они находятся либо в отношениях дополнительного распределения, либо в отношениях неконтрастирующей дистрибуции.

Придерживаясь этих правил, нельзя отождествить корни супплетивных образований — это означало бы нарушение пункта 2; нельзя отождествить омонимы — это означало бы нарушение пункта 1. Правила не предусматривают однозначного решения для идентификации корневых морфем, объединенных чередованиями или внутренней флексией, ибо, с одной стороны, перегласованные и неперегласованные формы связаны несомненным формально-семантическим сходством, с другой же стороны, эти формы могут контрастировать, образуя значащую оппозицию (ср. англ. *foot* — *feet*), и, значит, не отвечают требованиям, сформулированным в пункте 3. Разбору случаев этого типа мы и посвящаем следующий раздел.

Итак, подобно тому, как целостности слова и сохра-

³⁴ Так, в современном исландском языке в парадигме имени наблюдаются корневые морфы, различающиеся по качеству гласного. Хотя они не могут считаться фонологически обусловленными вариантами одной морфемы, появление того или иного морфа обусловлено морфонологически — в им. п. ед. ч. выступает корень с неперегласованным гласным, в дат. п. мн. ч. — с перегласованным, отсюда *stáð-ur*, но *stöð-um*.

нению его тождества не мешает участие слова в системе различающихся словоформ, или подобно тому, как целостности знака не препятствует его асимметрия, целостность морфемы существует вопреки тому, что конкретные морфы, ее реализующие, могут варьировать свои означаемые и свои означающие. Задача синхронной морфемики заключается поэтому и в том, чтобы определить те пороги варьирования, за пределами которых морфологический знак перестает являться тождественным самому себе и нарушения которых равносильны разрушению этого знака, в данном случае — морфемы.

III. О некоторых сложных случаях отождествления морфемы

Фонологические изменения, наблюдаемые в составе морфов, проявляющих признаки частичного формально-семантического сходства, могут иметь с грамматической точки зрения разные последствия. В одних случаях варьирование состава морфов вообще не отражается на их морфологической нагрузке, т. е. не имеет никакого отношения к тем грамматическим категориям, которые выражают данные морфы. В парадигме существительного *стекло* возможно появление двух разных морфов — *стекл-* и *стекл'-* (ср. *стекла*, но *о стекле*), однако это чередование незначаще. Этот тип автоматически наступающего чередования связан с изменениями непосредственного фонологического окружения морфа, и преобразования в облике морфа можно предсказать заранее. Примеры такого рода общеизвестны. Ср., например, русские приставки *воз-, раз-, из-*, выступающие в неизменном виде перед звонкими согласными, сонорными и гласными, но с глухим копечным с перед глухими согласными; ср. английский префикс *in-*, появляющийся в форме *il-* перед *l* (ср. *illegal* ‘нелогичный’), в форме *ir-* перед *r* (ср. *irresolute* ‘нерешительный’) и в форме *im-* перед *m, b, p* (*impossible* ‘невозможный’). Ср. также появление всякого рода соединительных элементов или прокладок в аффиксах, откуда варьирование формы аффикса, предотвращающее столкновение неудобопроизносимых групп согласных или гласных; ср. аффиксы типа голландского уменьшительного суффикса *-tje* ~ *-etje*: *steen* ‘камень’ — *steentje* ‘камешек’, но *bal* ‘мяч’ — *balletje* ‘мячик’; датского суффикса прилагательных *-lig* ~ *-elig*; шведского суффикса *-sk* ~ *-isk* и пр.

Хотя в других случаях варьирование в составе морфов является тоже избыточным, оно не лишено, тем не менее, известного значения. Варьирование, наблюдаемое в корневых или служебных морфемах, сопутствует в подобных случаях передаче определенной информации, выражаемой другой морфемой, и потому служит дополнительным средством образования данной формы и вспомогательным средством при ее опознавании. Так, в немецком языке образование форм множественного числа происходит обычно с помощью специального окончания или суффикса. В одной серии форм при этом не наблюдается никакого изменения огласовки корня; в других случаях, напротив, образование форм множественного числа невозможно без перегласовки корня, ср. der Tag ‘день’ — die Tage ‘дни’, но der Gast ‘гость’ — die Gäste ‘гости’, der Rob ‘конь’ — die Rosse ‘коны’, но der Floß ‘плот’ — die Flöße ‘плоты’, Kind ‘дитя’ — die Kinder ‘дети’, но das Land ‘страна’ — die Länder ‘страны’. С синхронной точки зрения такое чередование ничем не мотивировано и не является фонологически обусловленным. Как очевидно из примеров, не связано оно и с характером формального показателя множественности. Несомненно, однако, и то, что для построения правильных форм с исходными формами надо провести не одну операцию, а две: прибавить соответствующий аффикс и изменить огласовку корня. В этих случаях, следовательно, чередование, хотя и не само по себе, а в сочетании с другой морфемой, не является безразличным с морфологической точки зрения.

Наконец, в третьей серии случаев варьирование означающего становится основным средством выражения той или иной грамматической категории, и его можно назвать значащим. Ср. русск. *дик(ий)* — *дичь*, *сух(ой)* — *сушь*, *собирал* — *собрал*, нем. die Mutter ‘мать’ — Mütter ‘матери’, англ. foot ‘нога’ — feet ‘ноги’, исл. gef ‘я беру’ — gaf ‘я брал’, нем. wir geben ‘мы даем’ — wir gaben ‘мы давали’. Изменение огласовки корня демонстрирует возможность выразить этим способом то, что обычно достигается в языке с помощью специальной морфемы (ср. нем. geben — gaben, но leben ‘живем’ — leb-t-en ‘жили’). Операция изменения состава корня эквивалентна здесь операции присоединения форматива.

Проанализировав три указанных типа варьирования по их роли в передаче грамматической информации (не-

гативной, вспомогательной и позитивной), мы можем теперь поставить вопрос о том, меняет ли различие этих ролей что-либо в правилах идентификации морфемы.

В первом случае различие в облике морфов может быть легко объяснено взаимодействием смежных фонем; между морфами такого рода легко устанавливаются отношения дополнительного распределения, которые при тождестве значения и близости формы оказываются достаточными для того, чтобы произвести отождествление всех морфов согласно общему правилу идентификации морфемы.

Во втором случае объединение различающихся морфов в одну морфему тоже, по-видимому, не может вызвать особых возражений как в силу несомненного семантического тождества сравниваемых отрезков, так и в силу возможности описать наступление формальных изменений серией специальных правил. Отождествление подобных морфов не противоречит их дистрибутивным особенностям: нетрудно показать, что они находятся в отношениях дополнительного распределения, встречаясь — каждый — во взаимоисключающих окружениях. Так, англ. *long* во всех окружениях, кроме сочетания с *-th*, остается неизменным,ср. *long-er* ‘длиннее’, *the longest* ‘длиннейший’, *longways* ‘в длину’, но превращается в *leng-* перед *-th*, откуда *leng-th* ‘длина’, *leng-th-en* ‘удлинять’, *lengthways* ‘в длину’, ‘вдоль’ и т. п.

Наконец, идентификация морфов в третьем случае, действительно, осложняется несовпадением фонетико-семантических данных с данными дистрибутивного порядка. В определении тождества и нетождества эти данные расходятся в том смысле, что фонологически сравниваемые морфы сходны, но встречаются в одинаковом окружении и по семантике объединяют черты как сходства, так и различия: нем. *Mutter* ‘мать’ значит лексически то же, что и *Mütter* ‘матери’, но грамматически не то же самое, русск. *тих-* значит и то же и не то же, что *тиши-* и т. п. Мы уже говорили, что анализ подобных форм с внутренней флексией служил и служит предметом длительных дискуссий — укажем, например, на то, что в одной из своих работ Ч. Хоккет разбирает пять возможных интерпретаций форм типа англ. *take* ‘брать’ — *took* ‘bral’³⁵. Суть

³⁵ Ch. Hockett. Two models of grammatical description. «Word», 1954, v. 10, № 2—3.

споров заключается, по-видимому, в том, чтобы найти такое решение, которое не противоречило бы общему правилу идентификации морфемы и которое вместе с тем отвечало бы задаче компактного описания строения морфемы.

Прежде чем предложить подобное решение, рассмотрим, с чем оказалось связано усложнение процедуры отождествления морфемы в анализировавшихся выше трех случаях. По всей видимости, оно вызывалось прежде всего усложнением тех причин, которые приводили к варьированию морфов, и, соответственно, возрастанием трудности непротиворечивого описания условий, при которых осуществляется то или иное варьирование состава морфа. Эти-то конкретные условия и пытались отразить американские лингвисты в формулах, относящихся к окружению сравниваемых последовательностей. Однако, несмотря на то, что понятию окружения в дескриптивной лингвистике отводилось столь большое значение, сущность понятия оставалась во многом нераскрытоей. Так, не было, например, определено, на какое количество смежных отрезков может распространяться термин «окружение». Между тем можно продемонстрировать, что выделение трех типов варьирования — незначащего, вспомогательного для смыслоразличения и значащего, смыслоразличительного — ведет и к постановке вопроса о том, в каком типе окружения подобное варьирование происходит. Целесообразно поэтому выделить три типа окружения — фонологическое, морфологическое и синтаксическое — и дать каждому из них раздельное описание. Более того. Как мы постараемся показать ниже, выделение этих типов окружения способствует уточнению процедуры идентификации морфемы в спорных случаях.

Объясним предварительно, какое содержание вкладываем мы в понятия окружений разных типов. Как, по-видимому, ясно по характеру самого термина, фонологическое окружение — это непосредственное окружение исследуемой единицы в той синтагматической последовательности, членом которой эта единица является. Окружение этого типа описывается в терминах фонем, соседствующих с исследуемой единицей, или терминах классов фонем. Пределы фонологического окружения обычно ограничены фонетическим словом, т. е. оно не простирается далее непосредственно прилегающих

фонологических отрезков. Заметим лишь, что фонологическое окружение может быть ограничено также суперсегментно, т. е. явлениями стыка или паузы.

Морфологическим окружением, в отличие от фонологического, может быть названо непосредственное соседство исследуемого морфа с другими морфами, стоящими как справа, так и слева от него. Оно конституируется в морфологических терминах, чаще всего — в терминах индивидуальных морфем. Пределы морфологического окружения конституируются пределами слова, включающего исследуемую единицу, т. е. определяются по установлению всех тех образований, которые имеют своей частью исследуемый морф. Так, например, морфологическое окружение для полнозначных корневых морфем определяется всеми теми аффиксами, с которыми они могут вступить в соединение, и классами тех полнозначных корневых морфем, с которыми они сочетаются, образуя сложные слова. Напротив, морфологическим окружением для аффиксальных морфем является их соседство с теми или иными классами полнозначных морфем или других аффиксов.

Синтаксическое окружение исследуемого отрезка определяется вхождением включающего его слова в определенное синтаксическое целое. Естественно предположить при этом, что для анализа морфологических ролей той или иной единицы не все синтаксические окружения одинаково релевантны. Информация, которую мы извлекаем о роли морфа *-a* в окружении *дом отца*, идентична той, которую мы получили бы по окружению *дом моего приемного отца* или по окружению *дом больного, немощного и уставшего в постоянной борьбе за свое существование старика*. Целесообразно поэтому заранее ограничить рамки синтаксического окружения, используемого в целях морфологического анализа. Мы предлагаем обратиться для этого к понятию диагностического окружения. Диагностическим мы называем такое синтаксическое окружение, которое неоспоримо выявляет интересующие нас особенности исследуемой формы и которое не содержит при этом никаких «лишних» форм. Понятие диагностического окружения было предложено З. Харрисом для классификации морфем, причем точного критерия, который отличал бы диагностическое окружение от недиагностического, или ключевые сочетания — от не-

ключевых, он не выдвинул³⁶. Так, диагностической позицией для адъективных морфем английского языка объявляется, например, позиция перед суффиксом -ly, ср. quick-ly 'быстро', slow-ly 'медленно'; это указание, однако, не точно, поскольку перед -ly могут находиться и субстантивные морфемы, ср. man-ly 'мужественный', woman-ly 'женственный'; разграничению имен, следовательно, предложенная рамка служить не может: quickly и slowly — это наречия от прилагательных, а manly и womanly — это прилагательные от существительных.

Мы можем предложить следующее определение ключевых или диагностических окружений: релевантными с морфологической точки зрения считаются такие синтаксические конфигурации, в которых все грамматические значения анализируемой формы находят обязательное выражение в другой форме той же конфигурации. Исходя из этого определения, мы можем констатировать, с одной стороны, что для морфологического анализа форм foot и feet такое окружение, как my foot — my feet, нерелевантно и что, с другой стороны, только постановка форм в такой контекст, как one foot 'одна нога' — two feet 'две ноги' или в такой, как my foot hurts 'моя нога болит', в отличие от my feet hurt 'мои ноги болят', может выявить особенности названных форм. Соответственно, указанные окружения могут рассматриваться как диагностические, поскольку категория числа находит в них двойное выражение — в анализируемой форме и вне ее. После установления диагностического окружения мы можем утверждать, что сравниваемые формы, проявляя формальное и семантическое сходство, не встречаются в одном диагностическом окружении и потому могут считаться морфами одной морфемы. Иначе говоря, они оказываются взаимодополнительными на более высоких уровнях строения языка, т. е. находятся в отношениях дополнительного распределения в диагностических окружениях.

На тех же основаниях можно провести тождествование форм типа англ. take ~ took. Ключевыми позициями для этих форм являются не только позиции после личных местоимений, позволяющие выявить одну лишь часть грам-

³⁶ См.: Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубрякова. Американский структурализм, стр. 267 и сл., 206—208; Г. А. Климов. Фонема и морфема, стр. 99—100.

матических значений формы, но и сочетание с временными наречиями, ср. I take my medicine every day now ‘теперь я принимаю лекарство каждый день’ и I took it yesterday ‘я принимал его вчера’. Take и took, как никогда не встречающиеся в одинаковом (релевантном) окружении, могут быть идентифицированы и причислены к одной морфеме.

Интересно отметить, что показания окружений разных типов могут расходиться. Так, в случаях типа нем. kalten — kälten или trinken ‘пить’ — tränken ‘поить’ окружение морфов kalt ~ kält и trink ~ tränk с фонологической и морфологической точек зрения одинаковое; в случаях типа kalter — kälter — одинаковое с фонологической точки зрения, но разное с морфологической: -ег в первом слове — это окончание им. п. ед. ч. м. р. сильного прилагательного, а -ег во втором — это форматив сравнительной степени прилагательного. При постановке форм в диагностическое синтаксическое окружение различия форм становятся вполне очевидными: в строении единиц высшего уровня анализируемые формы никогда не встречаются в одинаковом окружении и потому могут рассматриваться как члены одной морфемы, каждый морф которой обладает не только суммой общих с другими морфами свойств, но и некоторыми индивидуальными свойствами. В качестве диагностических позиций используем четыре разных синтаксических рамки: 1) где грамматические значения дублируются в придаточном предложении, ср. ein kalter Wind, der vom Norden weht ‘холодный ветер, который дует с севера’; 2) с частицей als, выражающей идею сравнения, ср. kälter als Eis ‘холоднее, чем лед’; 3) с дополнением в вин. п., выраженным неодушевленным существительным, типа (das) Wasser trinken ‘пить воду’; 4) с дополнением в вин. п., выраженным одушевленным существительным типа den Röß tränken ‘поить коня’.

Таким образом, в спорных случаях идентификации морфемы, когда морфема кажется представленной серией различающихся по своей форме морфов, мы должны прежде всего удостовериться в том, не вызваны ли эти расхождения разным фонологическим окружением морфов и не можем ли мы констатировать имеющиеся расхождения в терминах фонологической обусловленности. При невозможности совершить это, следует изучить морфологическое окружение сравниваемых единиц и попытаться обнаружить причины варьирования облика морфемы в правилах

ее морфологической сочетаемости. Лишь тогда, когда и эти возможности исчерпаны и не дают положительных результатов, необходимо проверить особенности лексически тождественных форм в диагностических синтаксических окружениях.

Легко показать, что формы, принадлежащие одной парадигме, никогда не встречаются в одном и том же диагностическом окружении; это соответствует желательности объединения корневых морфов одной парадигмы в одну морфему. Рассмотрим случай такого рода на примере склонения существительного среднего рода 'ребенок' в современном исландском языке. Его парадигма:

Ед. число:	Мн. число:
Им. п.- вин. п. barn	börn
Род. п. barn-s	barn-a
Дат. п. barn-i	börn-um

Естественно предположить, что слово представляет собой одной корневой морфемой и что морфы *barn* и *börn* — это морфы одной морфемы. На основании каких данных можно провести их отождествление? Исследуя фонологическое окружение морфов, мы отметим, что оно объясняет появление морфы *börgi-* в позиции перед флексией дат. п. мн. ч., поскольку последняя включает *-i-*. Однако появление морфы *börn* в позиции перед пробелом с фонологической точки зрения не мотивировано: перед пробелом возможна и неперегласованная форма *barn*. Постановка форм в синтаксическую рамку с глаголом в единственном и множественном числе позволяет выявить разные морфологические роли указанных морфов, сделать вывод об их взаимодополняемости и произвести вследствие этого их идентификацию.

Чтобы отразить неодинаковую морфологическую нагрузку у морфов одной морфемы, И. А. Мельчук предложил термин «суперморф»³⁷. Суперморфы, или слитные морфы, отвечают представлению о нечленимых означающих с особой морфологической нагрузкой, равной нагрузке сочетания морфов. Так, формы типа англ. *feet* одноморфемны, нечленимы и равны по своей нагрузке сочетанию

³⁷ И. А. Мельчук. О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках.— ВЯ, 1963, № 4.

корневого и аффиксального морфов, ср. book-s ‘книг-и’. Для того чтобы быть включенным в ту же морфему, что и обычный морф, суперморф должен выполнять ту же основную функцию, что и обычный морф, т. е. в данном случае служить ядерным лексическим элементом слова; помимо этой основной нагрузки, он служит выражению грамматических значений, в других случаях передающихся в том же языке с помощью специальной морфемы. Таким образом, с точки зрения строения морфемы морф и суперморф эквивалентны в силу эквивалентности той функции, на которой держится тождество морфемы.

Количество суперморфов в тексте свидетельствует о большей ∞ меньшей степени сложности морфологической системы соответствующего языка и может быть в связи с этим использовано в целях типологического сравнения языков. При анализе конкретного текста следует поэтому не только противопоставить количество варьирующихся и неварьирующихся морфем, как то предлагается Дж. Гринберг³⁸, но и определить среди первых количество суперморфов.

Если учесть, что на предыдущей ступени анализа мы ввели в описание специальную категорию субморфемных единиц, или квазиморфов, мотивируя это тем, что нагрузка подобных единиц не достигает полностью морфологической нагрузки обычных морфов, нетрудно увидеть известную параллель между субморфемными и суперморфемными единицами, как такими единицами, морфологическая нагрузка которых больше нагрузки обычного морфа. Введение категории квазиморфов и суперморфов отражает не только попытку разграничить типы морфемных единиц по их нагрузке, но и убеждение в том, что, поскольку в языке вряд ли можно обнаружить такие морфемные отрезки, распределение которых было бы совершенно идентичным³⁹, под одну морфему можно подвести серию единиц, отчасти различающихся как по своим дистрибутивным, так и функциональным особенностям.

Под категорией суперморфов нами подводятся все морфы, связанные отношениями значащего чередования, т. е.

³⁸ Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1963, стр. 84—86.

³⁹ Ср.: Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климова, Е. С. Курякова. Указ. соч., стр. 267, прим. 309.

случаи варьирования морфов, описанные во второй и третьей группах. Иначе говоря, в качестве суперморфов мы рассматриваем все морфемные единицы, которые, варьируясь, способны за этот счет превысить свою обычную нагрузку. Это морфы, фонологический облик которых выполняет вторичную диакритическую функцию. Можно полагать поэтому, что многие случаи варьирования морфов, которые объявляются незначащими и избыточными⁴⁰, на самом деле связаны с передачей информации особого рода — выражением категориальных значений, отличных от известных грамматических категориальных значений (родовых, падежных, числовых и т. п.). Приведем два примера такого рода.

Регулярность противопоставлений в рядах типа

рыбак — рыбакий — рыбачить
дурак — дурацкий — дурачить
бояк — бояцкий — боячить и т. п.

позволяет считать наблюдающиеся здесь чередования знающими в том смысле, что изменение исхода суффикса сигнализирует о его меняющихся ролях внутри производного, о типе производного в целом, а также о направлении производности. Еще более наглядно подобная классифицирующая функция чередования выступает в противопоставлениях *сухой — суши*, *глухой — глушь*, *дикий — дичь* и т. д., где наличие в морфе ч, ш и др. маркирует вторичность включающих эти фонемы морфов, их произведенность от основ с определенным звуковым составом, т. е. различие производной и производящей единицы. Тонкие различия в морфонологической нагрузке варьирования морфов одной морфемы послужили предметом исследования М. Комарека, которому удалось продемонстрировать, что количество информации, связанной с альтернированием согласных в чешском склонении, не только поддается исчислению, но и позволяет четко разграничить маркованные и немаркованные члены од-

⁴⁰ J. K i g u l o w i c z. The notion of morpho(pho)neme.— Ротапринтное издание материалов Венского симпозиума 1966 г. по фонологии, стр. 8; иначе: Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова. О статусе морфонологии и единицах ее описания. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 105, прим. 32, 109.

ной альтернации. Каждый альтернативный морфемы, помимо своего прямого назначения, обладает свойством передавать известную информацию о том, какая морфема может за ним следовать, поэтому облик морфа позволяет предсказать с определенной долей вероятности появление тех или иных морфов вслед за ним: так, за морфом *krez-* в чешском языке следует либо суффикс *-b-*, либо его вариант *-eb-*, но другие возможности исключены⁴¹ (ср. русск. *сват — сватъя — сватать, по свадьба, свадебный*); в приведенном выше исландском примере за морфом *börg* следует либо нулевая флексия, либо флексия *-um*, а само появление морфа в данном составе без флексии сигнализирует о мн. числе.

Введение категории суперморфов разрешает избежать также чрезвычайно искусственное расчленение форм типа англ. *take* ~ *took* на два морфа — корневой *t . . . k* и служебные /ei/ и /u:/⁴² и рассматривать эти формы как альтернативы одной морфемы {TVK}, где V обозначает признак вокальности, реализующийся в предсказуемой форме в том или ином диагностическом окружении.

Подобно тому как в фонологии безразлично, в каких противопоставлениях осуществляет фонема свою диакритическую функцию и не окажется ли она, взятая сама по себе, единицей высшего уровня (ср. однофонемные слова), на морфемном уровне, с точки зрения строения морфемы, не имеет значения, какую именно конкретную роль суждено сыграть ее отдельным морфам и не окажется ли один из них единицей высшего уровня — формой с внутренней флексией.

Характеризуя состояние современной грамматической теории, М. В. Панов справедливо ратует за внедрение в нее понятия позиции, оказавшегося столь плодотворным в фонетике, и призывает «построить грамматику на позиционной основе»⁴³. Можно полагать, что выделение типов окружения, релевантных для функционирования вариантов

⁴¹ M. Komárek. Sur l'appréciation fonctionnelle des alternances morphonologiques.— TLP, I. Prague, 1964, стр. 147.

⁴² Выделив их в данных случаях, мы должны были бы признать их и в случаях типа *cook* 'повар' — *cake* 'пирог', т. е. увеличить число уникальных служебных морфем с разным значением, что неоправданно увеличило бы инвентарь морфем описываемого языка.

⁴³ М. В. Панов. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века.— ВЯ, 1963, № 1, стр. 3.

морфемы, находится в русле той же тенденции. Заметим вместе с тем, что в то время как понятия фонологического и морфологического окружения опираются на понятие соседства, т. е. обычно контактного окружения, определяемого непосредственно примыкающими единицами, понятию синтаксического окружения соответствует скорее понятие дистактного стандартизованного расположения единиц. Из этого следует, что в грамматике, действитель но, не только соседство указывает на позиционную зависимость. Возможность предсказуемого выбора того или иного варианта морфемы в типизированных условиях окружения, или контекста, означает, что подобное варьирование является системным. Соответственно, описание типизированных условий появления морфов одной морфемы есть системное описание строения морфемы. Важно указать также, что выделение основных типов окружения, предложенных выше, не исключает того, что в распределении вариантов морфемы проявляется одновременная зависимость от совокупности нескольких факторов; позиция единицы определяется нередко данным окружением во всей совокупности его характеристик: фонетических, лексических и грамматических, хотя ведущая роль принадлежит грамматической характеристике. Так, по мнению М. В. Панова, чередование *друг* — *друзья* следует считать обусловленным не только морфологическим окружением, а «таким контекстом: в морфеме, имеющей значение „*amicus*“ и морфонемный состав {друг}, ⟨г⟩ заменяется на ⟨з’⟩ в формах множественного числа перед инфиксом -j-»⁴⁴. Иначе говоря, констатируются не только морфологические условия появления определенного варианта морфемы, но и лексические, и фонетические. Как указывает М. В. Панов, чередования такого рода происходят только на морфемном уровне⁴⁵.

Так как схема чередования — и автоматического, и неавтоматического — определенным образом моделирована и в этом смысле не произвольна, ее регулярная воспроизведимость даже в ограниченном числе случаев превращает само чередование в дополнительное фонологическое диакритическое средство, позволяющее предсказывать те роли, которые может играть морф с определенным составом. Так,

⁴⁴ М. В. Панов. Указ. соч., стр. 11—13.

⁴⁵ Там же, стр. 12, прим. 14.

наблюдая за двумя чередующимися морфами типа русск. *дик-* ~ *дич-*, мы можем с полной уверенностью утверждать, что один из них, а именно морф *дик-*, первичен и что, на-против, морф *дич-* — вторичен и произведен от *дик-*, ср. *дичок*, *дичиться*, *дичь*. В то же время появление *ч* на кон-це морфа неальтернирующей морфемы ни о чем не гово-рит: ср. *ночь*, *дочь*, но *сок* — *сочный*, *боковой* — *побочный* и т. п. Итак, о морфологической моделированности чере-дования мы можем говорить тогда, когда изменение облика морфа и изменение его морфологической нагрузки корре-лированы между собой. Это позволяет описать модель и строения альтернирующих морфем и сдвиги в значении, соотнесенные с изменениями в фоноло-гическом облике морфа. С другой стороны, установив та-кие модели, мы можем проводить отождествление морфем в спорных случаях по принципу *pattern congruity*, т. е. используя критерий соответствия установленной модели.

IV. Тожество морфемы и границы варьирования ее означающих и означаемых

Морфема может быть названа минимальной значащей реляционной или структурной единицей языковой систе-мы как единица, выражающая индивидуальное соотнесение данного означающего с данным означаемым. Иногда схема подобного соотнесения чрезвычайно проста, и мы, как в различного рода идеальных случаях, можем говорить об одно-однозначных соответствиях между опреде-ленными фонологическими последовательностями и той информацией, которую они передают. В силу асимметрич-ного характера лингвистического знака указанные отно-шения оказываются, однако, не столь элементарными. Морфема демонстрирует через свои морфы гораздо более сложные типы соотношений означающих и означаемых в силу способности их обоих варьировать порознь и даже независимо друг от друга⁴⁶. Целостность знака суще-

⁴⁶ Ср.: С. Л. Е б е л ин г. Linguistic units, стр. 10; Н. Д. А р у т ю-нова. О значимых единицах языка, стр. 78 и сл.; И. Г. М ил-лославский. К вопросу о морфеме как значимой единице языка. «Филол. науки», 1969, № 2. Детальный анализ варьиро-вания корневых морфем в немецком языке см. в работе: М. Д. С т е п а н о в а. Вопросы лексико-грамматического тож-дества.—ВЯ, 1967, № 2.

ствует до того момента, пока пороги такого варьирования не превышают определенных границ, диктуемых системой языка. Соответственно, тождество знака сохраняется до тех пор, пока соблюдаются пределы варьирования, обычные для данной синхронной системы и подчиняющиеся каким-либо закономерностям. Вся процедура отождествления морфемы опирается, собственно, на представление о возможности объективного определения границ формального и семантического варьирования морфов одной морфемы.

Сказанное означает, что при отождествлении морфемы исследователь либо привлекает данные, относящиеся к пределам допустимых расхождений морфов одной морфемы в плане выражения и в плане содержания, либо устанавливает их сам. По идеи, предел фонологической дистантности морфов одной морфемы должен быть определен в ходе морфонологического анализа. При наличии описания морфонологических особенностей исследуемого языка формула о допустимости частичного фонологического сходства морфов одной морфемы может быть заменена более точным правилом: о принадлежности морфов к одной морфеме мы можем говорить в тех случаях, когда частичные расхождения в их облике обусловлены морфонологически. Иначе говоря, благодаря морфонологии понятие частичного фонологического сходства может быть раскрыто с помощью серии правил о сохраняемости и несохраняемости данной фонемы в структуре морфем определенного класса. Таким образом, именно морфонологии надлежит показать, что постулат об обязательности хотя бы частичного формального сходства имеет вполне объективные основания. Понятому, такие же объективные основания имеет и постулат об обязательности сохранения семантического сходства среди морфов одной морфемы. Нельзя не признать, одпако, что современное состояние нашей науки не позволяет говорить об этом критерии с той же степенью достоверности, что о критериях фонологического сходства или почти-тождества.

Границы фонологического варьирования морфемных единиц поддаются более точному и формализованному описанию, чем пределы возможных семантических расхождений. Указывая на трудности этого рода, Б. Стрэнг предлагает считать морфемные единицы с различными значениями разными морфемами; так, англ. bear в bear a bug-

den ‘выдерживать’, ‘нести груз, тяжесть’ и в bear children ‘рожать детей’ — это разные морфемы. Сама Стрэнг, однако, отмечает неприемлемость подобного решения с позиций последовательного блумфилдианства⁴⁷. Ввиду несомненной возможности выделить во всех употреблениях одно инвариантное значение — название определенного действия и состояния — ‘носить’, ‘выносить’ — морфы bear₁ и bear₂ могут рассматриваться как принадлежащие одной морфеме. Как и при вычленении морфов в тексте, семантические доводы имеют значение лишь постольку, поскольку они связаны с определением факта значимости самого морфемного отрезка и непротиворечивости содержания сравниваемых отрезков. Проще говоря, морфам одной морфемы не может быть свойственно противоречащее содержание. Так, англ. bear ‘носить’, ‘выносить’, ‘переносить грузы’ и т. п. не может быть отнесено к той же морфеме, что и англ. bear ‘медведь’, ибо невозможно установить для них единое инвариантное содержание; будучи семантически несопоставимыми, они демонстрируют разные морфемы.

В специальной работе о статусе морфемы М. Бирвиш отмечает, что знаменитое блумфилдовское определение морфемы остается неточным, поскольку оно опирается на такое расплывчатое понятие, как понятие семантического сходства⁴⁸. Разумеется, указанное определение не ведет автоматически к вычленению морфемы или установлению ее вариантов. Именно поэтому общее определение морфемы должно быть дополнено рядом правил о допустимости одних расхождений и недопустимости других как в отношении формы, так и в отношении содержания сравниваемых морфемных отрезков. Одним из таких правил и является правило о непротиворечивости значения у членов одной морфемы. Заметим, что это правило относится прежде всего к неслужебным, полнозначным, лексическим морфемам, т. е. корневым морфемам знаменательных частей речи. Хотя функциональные особенности морфем разных классов будут описаны нами ниже, укажем здесь, что семантическое варьирование принимает у морфем разных классов разные формы. Так, для служебных мор-

⁴⁷ B. Strang. Theory and practice in morpheme identification, стр. 266.

⁴⁸ M. Bierwisch. Über den theoretischen Status des Morphems. «Studia Grammatica», I. Berlin, 1962, стр. 81, прим. 4,

фем, выступающих в процессах формообразования и словоизменения, характерно как раз то, что они соотносятся с неизменным составом единиц плана содержания. В русском языке флексия -и, например, соединяясь с именной основой, во всех случаях своего употребления выражает неизменно значения мн. ч. и им. п. — *колени, соседи*, и даже в том случае, если мы наблюдаем изменение ее функции, ср. *капли* в смысле 'лекарство', изменение происходит не за счет варьирования значения служебной морфемы. Таким образом, идентификация служебных морфем указанных классов существенно облегчается их семантической идентичностью самим себе, их имманентным свойством сохранять при употреблении инвариантные значения или инвариантные наборы значений⁴⁹.

Возможно, по-видимому, предусмотреть и правила, относящиеся к идентификации словообразовательных морфем. Интересно отметить, что в полемике по этому вопросу основные разногласия касаются вопроса о том, следует учитывать при отождествлении аффиксальных морфем критерий материальной близости их морфов или нет. Возможность же установить тождество значений разных деривационных морфов считается чуть ли не сама собою разумеющейся⁵⁰.

Признавая, что отождествление аффиксальных словообразовательных морфем подчиняется в целом тем же правилам, что и отождествление морфем других классов и что ограничения на варьирование формы этих аффиксов определяются морфонологически⁵¹, мы не можем не отметить вместе с тем, что процедура отождествления деривационных элементов, действительно, существенно упрощается за счет относительной легкости определения общего словообразовательного значения того или иного ряда. Послед-

⁴⁹ Ср.: Ю. С. М а с л о в. О морфологических средствах современного болгарского языка. «Уч. зап. ЛГУ», № 156, серия филол. наук, вып. 15, стр. 161; Г. И. М и л о с л а в с к и й. Указ. соч., стр. 76.

⁵⁰ Ср.: Г. С. З е н к о в. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969, гл. II.

⁵¹ Ср.: «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». стр. 52 и Г. С. З е н к о в. Указ. соч., стр. 55 и сл., а также: Г. С. З е н к о в. О проблеме тождества — различия в аффиксальном словообразовании. «Актуальные проблемы лексикологии». Новосибирск, 1967, стр. 84 и сл.

нее же объясняется объективной возможностью проверить повторяемость одних и тех же общих значений в моделях с одним аффиксом. Таким образом, если в плане содержания для словоизменительных морфем характерна инвариантность значения, для словообразовательных морфем типична стандартность этого значения в объемных рядах производных. В целом поэтому можно утверждать, что идентификация служебных морфем в подавляющем большинстве случаев не представляет затруднений, ибо первое допущение — о семантическом тождестве морфов одной морфемы — проверяется с помощью объективных методов, т. е. находит вполне конкретное подтверждение.

Определение границ семантического варьирования лексических морфем и установление того, что в плане содержания «одно и то же» или «не одно и то же», конечно, достаточно сложно. Однако даже лексикографическая практика свидетельствует о том, что разграничение омонимов (*resp.* разных морфем) и многозначных слов (*resp.* одной морфемы) хотя и сложно, но достижимо. По-видимому, в проведении морфологического анализа этих данных оказывается вполне достаточно. Во всяком случае с морфологической точки зрения нет основания множить число омонимичных морфем и если, как в примере с англ. *bear* ‘носить’ ∞ ‘переносить’ и т. п., у нас нет особых причин, по которым было бы целесообразно обособить *bear₁* от *bear₂*, то их можно считать морфами одной морфемы. Разумеется, чем глубже проведен семантический анализ формы, тем большие основания имеются в распоряжении исследователя для определения порога варьирования инвариантной сущности морфемы. Практически, однако, такие осложнения при идентификации морфемы полностью устранимы.

Сознательной опорой на критерий семантического тождества мы противопоставляем себя не только представителям «асемантической» морфологии, производящим отождествление морфемы вне учета ее значения и с преувеличенным вниманием к факторам дистрибуции⁵², но и представителям чисто функционального направления в морфологии, которые отводят решающую роль критериям функци-

⁵² О «семантической» и «асемантической» морфологии см. в работе: R. S. Meyerstein. *Informant morphemes versus analyst morphemes*. «Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists». London, 1964, стр. 562.

нальным в ущерб критериям формальным. В силу этого ясно, какое большое значение придаем мы именно формальным критериям, в том числе и дистрибутивным,— о них мы подробно говорили выше,— и объективным критериям фонологического тождества и почти-тождества. В языке, морфемы которого получили достаточно подробное описание, итогом процедуры отождествления морфем может явиться специальная глава о строении альтернирующих морфем и их представленности теми или иными различными по фонологическому составу морфами. Итоги такого анализа имеют существенное значение и для морфонологии, ибо эмпирической данностью этого раздела лингвистики являются варьирующиеся морфы одной морфемы.

Место морфонологических данных в общем описании языка еще недостаточно ясно. Не вызывает, однако, сомнения, что сведения морфонологического характера играют гораздо большую роль, чем им до сих пор отводилось. Это стало особенно очевидным с развитием теории порождающих грамматик, выдвинувшей задачу ориентировать морфологическое описание не на готовые словоформы, а на процесс их построения в языке⁵³. Естественным результатом такого подхода явилось пристальное внимание ко всем преобразованиям, которым подвергается морфема в процессе организации слова и которые характерны для определенных сочетаний морфем в пределах слова.

Примечания об изменении облика единиц, используемых при построении парадигматических или словообразовательных рядов, всегда составляли часть описания в области формообразования и словообразования, но до выделения морфонологии в самостоятельный раздел языкоznания сведения морфонологического характера носили случайный характер. Одни и те же правила приходилось повторять по нескольку раз при описании отдельных типов склонения или спряжения (ср., например, правило о переходе корневого *a* > *ö* в дат. п. мн. ч. сущ. в совр. исландском языке, которое повторяется в исландской парадигматике пять раз⁵⁴). С последовательной дифферен-

⁵³ Ср., например: И. А. М е л ь ч у к. О притяжательных формах венгерского существительного. «Проблемы структурной лингвистики 1967». М., 1968, стр. 333.

⁵⁴ Ср.: А. Б ё д в а р с с о н. Краткий очерк грамматики исландского языка.— В кн.: «Исландско-русский словарь». М., 1962, стр. 968—976.

циацией фонетических, фонологических, морфонологических и морфологических правил⁵⁵ подобного дублирования можно избежать, предпосылая описаниям частных участков морфологии свидетельства о морфонологических особенностях тех или иных элементов.

Так, например, описанию сильных глаголов в германских языках всегда предпосылается описание рядов аблата; описание структуры индоевропейского корня немыслимо вне описания апофонии и т. п. Описание формообразования и словообразования языков с альтернирующими морфемами требует зачастую пристального внимания не только к явлениям чередования в буквальном смысле этого термина, но и к системным модификациям морфов одной морфемы, связанным с несовместимостью некоторых групп согласных или гласных на стыке двух морфов. Таковы явления наложения морфем, усечения морфем или их расширения за счет так называемых интерфиксов, или прокладок. К сожалению, явления этого рода мало изучены и во всяком случае применительно к германским языкам не были обобщены в рамках специального исследования. Несомненно, однако, что за вариативностью аффиксов и их модификациями можно усмотреть ряд общих тенденций, которые мы пытались охарактеризовать при описании структуры слова в германских языках⁵⁶. Имеющиеся в данной области наблюдения позволяют предполагать, что понятие фонологической близости морфов одной морфемы может быть распространено не только на морфы, связанные отношениями чередования, но и на разного типа усеченные или, наоборот, расширенные прокладками морфы.

Так, в современном английском языке в одну морфему со значением множественного числа следует объединить не только морфы /s/ и /z/, но и морф /iz/. В венгерском языке морфема {I sg} (обладателя) имеет в качестве своих алломорфов -am, -om, -em, -öm, получающиеся из основного алломорфа -Vm по тем же самим правилам, по которым из алломорфов -Vd или -Vk получаются -ad, -od, -ed, -öd или

⁵⁵ Историю и библиографию вопроса см.: Э. А. Макаев, Е. С. Курякова. О статусе морфонологии и единицах ее описания.

⁵⁶ См.: Е. С. Курякова. Морфологическая структура слова в германских языках. «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках». М., 1970, стр. 130 и сл.

-ак, -ок, -ек, -ёк и т. п.⁵⁷ Вариативность такого же рода была описана Я. Малкилем при характеристике словообразовательных суффиксов испанского и других романских языков⁵⁸.

В современной русистике наблюдения за наращениями суффиксальных морфем привели к выделению специальной категории интерфиксов как таких частей слова, которые не имеют самостоятельного значения и выступают «как строевые средства языка, функция которых состоит в соединении морфем в слове»⁵⁹. При несомненной возможности отдельного описания интерфиксов как регулярных прокладок, формирующих определенные словообразовательные модели, нам кажется необходимым подчеркнуть вместе с тем, что: 1) с морфологической точки зрения интерфикс не представляет собой самостоятельного морфемного отрезка и должен быть включен в состав того или иного морфа; 2) нельзя проводить знака равенства между соединительными морфемами Н. С. Трубецкого и интерфиксами, как это нередко делается⁶⁰.

Первое положение тесно связано с тем, что, как справедливо подчеркивает Е. А. Земская, «основная черта морфемы — значимость — у них [интерфиксов] отсутствует»⁶¹. Но именно это свойство препятствует, на наш взгляд, вычленению интерфикса в качестве морфемного отрезка, а необходимость интерпретировать любую часть слова в морфологических терминах делает самым естественным рассмотрение интерфикса как компонента варьирующихся морфов одной морфемы, причем морфемы аффиксальной. Случай этого типа мы разбирали во второй главе при изложении вопроса о так называемых пустых морфах. По-видимому, отнесение интерфиксов к вариант-

⁵⁷ См.: И. А. Мельчук. Модель склонения венгерских существительных. «Проблемы структурной лингвистики 1967». М., 1968, стр. 368.

⁵⁸ J. M a l k i e l . Genetic analysis of word-formation. «Current trends in linguistics», v. III. The Hague—Paris, 1966.

⁵⁹ Е. А. Земская. Интерфиксация в современном русском словообразовании. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 42.

⁶⁰ Ср.: Е. А. Земская. Интерфиксация..., стр. 42; М. В. Панова. Словообразование.— В кн.: «Русский язык и советское общество». Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 49.

⁶¹ Е. А. Земская. Интерфиксация..., стр. 41.

ным частям суффиксов достаточно распространено⁶².

Что же касается параллелизма интерфиксов связочным морфемам Н. С. Трубецкого, то оно мнимо. «Под связочными морфемами (*Verbindungsmorphemen*) мы понимаем такие части слова,— писал Н. С. Трубецкой,— которые не могут быть отнесены ни к морфемам основы, ни к морфемам окончания и морфологическая функция которых состоит исключительно в связи морфем основы с морфемами окончания»⁶³. Это определение дает возможность усматривать связочные морфемы в тех случаях, когда наличием морфемы подчеркивается идея связи, идея соединения или когда морфемный отрезок, остающийся после отсечения четко выделимых морфем, сопряжен с передачей какой-либо информации, т. е. является значащим и потому обладает статусом морфемы. Таковы, например, основообразующие элементы в древних германских языках, выполнившие классификационные морфологические функции.

Поскольку условия появления интерфиксов могут быть описаны в фонологических или даже фонетических терминах, варьирование морфов, связанное с наличием или отсутствием в их составе интерфиксов, тоже поддается простому описанию. Соответственно, при определении границ варьирования морфов одной морфемы необходимо предусмотреть не только возможные субSTITУции одной фонемы другой, но и возможные наращения фонем. Различия этого рода отчетливо выступают при сравнении корневых морфов в рядах типа *утюг* — *утюжить*, *грех* — *грешить*, *судить* — *суждение* и т. п., с одной стороны, и при сравнении служебных морфов в противопоставлениях типа *просветительство* — *шут-овство*, *дарвин-изм* — *корбюзье-анизм* — с другой. Ср. аналогично *finna* ‘находить’ — *fundur* ‘находка’, *binda* ‘связывать’ — *bundin* ‘вязанка’, ‘спон’, но суффикс причастия I — *-ndi* — *-andi* и т. п.

Все сведения о фонологической близости или, напротив, о фонологических расхождениях в облике морфов одной морфемы могут найти отражение при описании моде-

⁶² См.: Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, стр. 114—119 (ср., однако, рец. на эту книгу М. В. Панова в «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1970, т. 29, вып. 3); Г. С. Зенков. Вопросы теории словообразования, стр. 43 и др.

⁶³ N. S. Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache.— TCLP, II. Prague, 1934, стр. 14.

лей строения альтернирующих морфем и при характеристике форм распределения морфов внутри своей морфемы⁶⁴. При этом выявляются в очевидной форме как корреляции, существующие между разными обликами одной морфемы, так и между одинаковыми обликами морфем разного типа. Наблюдения этого рода позволяют утверждать, что единство морфемы существует только как поддержанное хотя бы частичным фонологическим сходством ее членов, и потому мы не можем согласиться с тем, что только «идентичное значение, проверяемое комплементарностью и параллелизмом дистрибуции, является единым и достаточным критерием единства морфемы»⁶⁵. Единство такой двусторонней единицы, как морфема, существует и сохраняется при условии выполнения одинаковых функций семантически сходными морфемными отрезками с тождественной или частично тождественной формой. Не признавая этого последнего ограничения, мы должны были бы прийти в практике морфологического анализа к объединению в одну морфему:

1) корневых морфем супплетивных образований (ср. русск. *идти* — *шел*, англ. *go* — *went*, русск. *я* — *меня*, англ. *I* — *me* и т. п.⁶⁶);

2) корневых морфем слов, связанных отношениями семантического словообразования (ср. русск. *шить* — *портной*, *стирать* — *прачка*, англ. *dog* ‘собака’ — *canine* ‘собачий’, *tooth* ‘зуб’ — *dental* ‘зубной’);

3) некоторых корневых и аффиксальных морфем (ср. русск. *-знание* и *-ология*, русск. *-вед* и *-ист*, англ. *science* ‘наука’ и *-ics* или *-ology* и т. п.⁶⁷);

4) аффиксальных морфем разных разрядов типа английского префикса *ex-* в *ex-president* и суффикса прошедшего времени *-ed* или префикса *en-* в *en-rich* ‘обогащать’ от *rich* ‘богатый’ и суффикса *-ep* в *soften* ‘смягчать’ от *soft* ‘мягкий’⁶⁸;

⁶⁴ Ср.: Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова. О статусе морфологии и единицах ее описания, стр. 100 и сл.

⁶⁵ См.: Зд. Ф. Оливериус. Морфемный анализ современного русского языка. Praha, 1967, стр. 50 (цит. по рец. И. Г. Милославского.— ВЯ, 1969, № 3).

⁶⁶ См.: Z. S. Nagris. Morpheme alternants in linguistic analysis. «Language», 1942, v. 18, № 2; Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis.

⁶⁷ Ср.: E. Nida. The identification of morphemes.

⁶⁸ W. Winter. Form and meaning in morphological analysis.

5) суффиксов, служащих для создания производных с общим значением (так, К. Тогебю предлагает рассматривать в качестве вариантов одной морфемы все 12 французских суффиксов, служащих образованию прилагательных от географических названий⁶⁹);

6) флексий, служащих для передачи тождественных грамматических значений (иля логически по этому пути, мы должны были бы свести в одну морфему {мн. ч. им. п.} в исландском языке окончания -ag, -ur, -ir и ≠, па различии которых строится противопоставление разных типов склонения), и т. п.

Преимущества подобных объединений кажутся нам сомнительными либо потому, что здесь искусственно группируются неоднородные явления (ср. пункты 2—5), либо потому, что группируемые явления отвечают изолированным и не серийным фактам языка (ср. пункты 1—3), либо, наконец, потому, что релевантные различия приходятся после этой группировки описывать на уровне морфов. Мы полагаем, что в одну морфему должны быть включены морфемные отрезки, связанные между собой определенными системными отношениями. Эти системные отношения мы усматриваем в регламентированном и регулярном варьировании означаемых и означающих морфемы. Иначе говоря, как мы подчеркивали выше, подведение морфов под одну морфему может совершаться тогда, когда отличия одного морфа от другого морфа своей морфемы в плане выражения регулярно дублируются в отличиях между морфами другой морфемы и когда эти формальные различия соответствуют определенным функциональным различиям. Таким образом, пределы единства морфемы определяются либо отсутствием варьирования у репрезентирующих ее морфов, либо системным варьированием последних. Введение такой единицы, как морфема, целесообразно, в частности, и потому, что, описав конечное число классов морфем и конечное число моделей морфем, представленных альтернирующими морфами, мы описали одновременно в главных чертах бесконечное число реальных языковых единиц.

⁶⁹ K. T o g e b y. *Structure immanente de la langue française*. Copenhagen, 1951, стр. 236.

КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ

1. Функциональная характеристика морфем. Служебные и неслужебные морфемы

По своему назначению морфемы могут быть разделены на два больших класса — класс служебных и класс неслужебных морфем. Неслужебные морфемы выступают как смысловое ядро слова, служебные же морфемы помогают выполнению этой функции, либо оформляя слова, либо выражая отношения между ними. В основных границах деление морфем на служебные и неслужебные соответствует традиционной классификации частей слова на корни и аффиксы, но целиком с иею не совпадает. Так, класс служебных морфем не исчерпывается в языке одними аффиксами и не все корни могут быть отнесены прямолинейно к числу неслужебных морфем. Чтобы отчетливее выявить расхождения этого рода, обратимся первоначально к рассмотрению особенностей корневых и аффиксальных морфем.

На принципиальное отличие корней от аффиксов указывалось уже давно. Оно определялось их разной ролью в строении слова. Так, А. М. Пешковский, описывая различия между «материальной принадлежностью» слова и «формальными принадлежностями», подчеркивал, что значение первой «конкретнее, у́же, специфичнее», а значение вторых — «отвлеченнее, шире, общее»¹. Для какой-то части корней и аффиксов различия в степени отвлеченностии или абстрактности, конечно, существуют, но отличить корень от аффикса на основании данной характеристики вряд ли возможно. В ряду слов *противник*, *противоположный*, *противоречить* значение морфемы *против-* как будто

¹ А. М. Пешковский. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? — В кн.: А. М. Пешковский. Сборник статей. М.—Л., 1925, стр. 14—15; ср.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. 1. М., 1956, стр. 136—137.

бы одинаковое и не противоречит значению предлога *против* в оборотах типа *он против этого предложения, дом стоял против леса*; однако в слове *противник* первая морфема именуется корнем, а в словах *противоположный, противоречить* и т. п. — префиксом. Какой же морфемой является *против-* на самом деле — корневой или аффиксальной? И составляют ли понятия корневых и аффиксальных морфем взаимоисключающие понятия? Для того чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим, по отношению к каким образованиям применялись понятия корня и аффикса.

По-видимому, два названных понятия использовались прежде всего, чтобы подчеркнуть неравноправие отдельных частей составного (членимого) слова с точки зрения организации целого. Относясь к элементам, повторяющимся в целой серии слов, понятия корня и аффикса были введены в грамматике для характеристики соотношения частей слова и для указания на их и е р а р х и ю. Таким образом, их противопоставление строилось, несомненно, на противопоставлении функции данных элементов, однако в первую очередь функции по отношению к членимому слову. Именно поэтому понятия корня и аффикса оказываются пригодными лишь применительно к словам, выделяющим разные части (материальную и формальную принадлежность), и менее оправданными при анализе нечленимых одноморфемных образований. Отсюда их известная ограниченность и необходимость оперировать в ряде случаев более широкими понятиями и терминами. Такая ситуация возникает, например, при необходимости определить функциональный статус морфем, которые, встречаясь и в виде частей слов, сами представляют с л о в а - м о р ф е м ы. Если согласиться с тем, что слов без корня не бывает и что по определению «в одноморфемном слове эта морфема и является обязательно корнем»², обычная дефиниция корневых морфем должна была бы подходить и к этим словам. Нетрудно, однако, убедиться, что это не так. «Корневая морфема в слове,— пишут, например, В. В. Лопатин и И. С. Улуханов,— всегда несет предметно-логическое, знаменательное значение (наряду с логико-

² См.: Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. «Новое в лингвистике», вып. 3. М., 1963, стр. 86.

грамматическим), а аффиксы — только логико-грамматическое, деривационное, или категориальное, значение³. Легко продемонстрировать, между тем, что приведенное определение применимо не к корневой морфеме как таковой, а лишь к корневой морфеме неслужебного характера, к тому же находящейся в сочетании с аффиксом внутри слов, принадлежащих особым лексико-грамматическим разрядам — знаменательным частям речи. Как каждое самостоятельное слово, междометия и союзы, предлоги и модальные частицы, отрицательные и утвердительные частицы обладают корнями, но они в значительной мере лишены тех семантических особенностей, которые были перечислены выше в качестве характерных признаков корневых морфем. Быть может, по этой причине некоторые исследователи отстаивают мнение о том, что понятие корня к подобным «корневым словам» вообще не приложимо⁴. Нельзя не отметить, что эта точка зрения тесно связана с весьма узким пониманием слова, когда статус слова признается исключительно за знаменательными словами, что, на наш взгляд, неоправданно⁵.

Лексическая и грамматическая неоднородность слов, нетождественность функций, которые выполняют те или иные слова, — это объективные факты; на них строится классификация слов и как следствие этой общей классификации — деление морфем, из которых слова складываются, на корневые и аффиксальные. Указанные понятия могут быть поэтому и впредь использованы в целях ранговой характеристики взаимозависимых компонентов внутри слов, обладающих свойствами морфологической членности, т. е. для характеристики конечных составляющих сложных морфологических конструкций. Поня-

³ В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. О некоторых принципах морфемного анализа слов. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1963, т. 22, вып. 3, стр. 191.

⁴ См., например: О. П. Суник. О морфологическом составе слова в агглютинативных языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1958, т. 17, вып. 4, стр. 335.

⁵ Ср.: О. П. Суник. Слово, его основа и корень как различные морфологические категории. «Морфологическая структура слов в языках различных типов». М.—Л., 1963, стр. 37, где утверждается, что «так называемые служебные (иначе — пустые) слова — терминологическая условность» и что словом «хотелось бы считать только такие единицы языка, которые имеют вещественное, или конкретно-лексическое, значение».

тие корня может быть также использовано при описании структуры слова, независимо от того, является это слово служебным или знаменательным. В то же время целесообразно дополнить понятие о корневых и аффиксальных морфемах понятием о служебных и неслужебных морфемах, выделяемых по их главному назначению не столько в пределах слова, сколько в системе языка в целом. При этом соотношение выделенных классов единиц может принимать следующие формы.

Корневые морфемы могут представлять собой и служебные, и неслужебные морфемы. Большая часть корневых морфем, действительно, представлена неслужебными морфемами. Класс корневых морфем труднее поддается точному определению, чем класс морфем аффиксальных, зато на практике его выделить проще других. В письменном тексте корнем является часть слова, остающаяся за вычетом служебных аффиксальных морфем. Корневые морфемы отчетливо выступают в положении ядра образования: с корнем ассоциируется представление о главной части слова, без которой оно вообще немыслимо, с аффиксом — представление о части зависимой⁶. Отношение корня и аффикса внутри одного слова часто представляет собой соотношение определяющего и определяемого, при этом в слове как единице наименования, как это ни парадоксально, обязательным элементом является грамматическое значение, а факультативным — лексическое⁷, т. е. в каждом слове обязательно присутствует грамматическое значение. Естественно поэтому, что значение корня может быть чисто грамматическим или категориальным, т. е. лишенным лексического значения (ср. местоимения), но не наоборот.

Корни составляют обычно неизменяемую часть серии словоформ, они входят в обширные и легко увеличивающиеся ряды⁸. В отличие от аффиксов они нередко материально совпадают с основой слова⁹. Позиция корня

⁶ Ср. лингвистические признаки «ядер» в отличие от «сателлитов», выдвинутые Р. Питтманом: R. Pittman. Nuclear structures in linguistics. «Language», 1948, v. 24, № 3.

⁷ См.: Т. В. Булыгина. О некоторых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц. — ВЯ, 1967, № 5, стр. 83.

⁸ Дж. Гринберг. Указ. соч., стр. 86.

⁹ Ср. «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 53.

в слове не предопределена так строго, как позиция аффикса: так, корни знаменательных слов встречаются и в качестве первых, и в качестве вторых компонентов сложного слова¹⁰, а превращение корня в аффикс лишает его способности к перемещениям. Подчеркивая структурные различия корней и аффиксов, обращают также внимание на то, что аффиксальные морфемы встречаются всегда только для классов одного порядка, корневые же морфемы могут участвовать в строении единиц, принадлежащих к классам разного порядка¹¹. Корневые морфемы могут встречаться в словах, имеющих совершенно разные формы изменения, в то время как аффиксы употребляются в словах с одинаковыми формами изменения.

Все перечисленные признаки помогают дифференцировать корни знаменательных слов и аффиксы, но противопоставить на их основании аффиксы и корневые служебные морфемы невозможно. Подобно аффиксам, эти морфемы не имеют прямых референтов в окружающей нас действительности и являются так же, как и аффиксы, носителями обобщенных категориальных и реляционных значений. Противопоставление корневых служебных морфем и аффиксов оказывается неубедительным и потому, что некоторые аффиксальные морфемы являются не только по происхождению, но и по их синхронному статусу корневыми¹². Последнее соображение заставляет нас отказаться от деления языковых элементов на служебные и корневые¹³ и заменить его делением на служебные и неслужебные.

Служебные морфемы каждого отдельного языка могут быть перечислены списком. Поскольку аффиксы всегда являются служебными морфемами, можно полагать, что такой список должен включать, во-первых, все аффиксы, во-вторых, все служебные слова или частицы. Описание всех служебных элементов языка, начиная с аффиксов и кончая служебными словами (артикли, некоторые раз-

¹⁰ Ср.: И. П. Иванова. О характеристиках сложного слова типа *rainbow* в английском языке. «Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии». Л., ЛГУ, 1967.

¹¹ См.: В. Н. Ярцева. Историческая морфология английского языка. М.—Л., 1960, стр. 10.

¹² См. подробнее: Е. С. Кубракова. Что такое словообразование. М., 1965, стр. 38—40.

¹³ См.: Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 71—73.

ряды местоимений, предлоги, союзы и т. п.), есть дело грамматики. При этом на морфологию приходится, по всей видимости, описание тех служебных морфем, которые участвуют в строении слова. Неслужебные морфемы не могут быть заданы списком¹⁴, они всегда представлены морфемами корневыми.

Деление на служебные и неслужебные морфемы согласуется в основном с классификацией морфем на главные и второстепенные, предложенной американскими типологами¹⁵. Под главными (major) морфемами имеются в виду корневые морфемы как полнозначных слов, так и любых одноморфемных образований; под второстепенными (minor) морфемами имеются в виду не только аффиксы, но и эквивалентные аффиксам морфологические операции (редупликация, замещения, изменение порядка следования элементов и т. д.)¹⁶. Указывая, что деление морфем на основные и аффиксальные для таких языков, как английский, себя не оправдывает, один из ведущих специалистов по квантиративной лингвистике Дж. Пирс отмечает, что противопоставление классов главных и второстепенных морфем, напротив, находит убедительное статистическое подтверждение¹⁷. Первые исчисляются десятками тысяч единиц, вторые — лишь несколькими десятками; главные морфемы преобладают в системе языка, в то время как второстепенные — в тексте. Таким образом, индивидуальная частотность этих классов морфем совершенно различна. Не совпадает и диапазон сочетаемости этих морфем. Существуют корни, повторяющиеся в многочисленных образованиях, существуют и корни, встречающиеся только в одном слове. Но нет и не может быть аффиксов, — которые не повторялись бы в целых сериях слов¹⁸. Было поэтому справедливо подчеркнуто, что уникальность элемента препятствует его трактовке

¹⁴ Ср.: А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», вып. 3. М., 1963, стр. 471.

¹⁵ См.: C. F. Voegelin, A. K. Ramanujan, F. M. Voegelin. Typology of density range, I.—IJAL, 1960, v. 26, № 3, стр. 200—201.

¹⁶ Ср. также: B. R. Moore. A statistical morpho-syntactic typology study of Colorado (Chibcha).—IJAL, 1961, v. 27, № 4, стр. 298.

¹⁷ Ср.: J. Pierce. A statistical study of grammar and lexicon in Turkish and Sahaptin (Klikitat).—IJAL, 1963, v. 29, № 2, pt. 1.

¹⁸ См.: J. Pierce. Some applications of mathematical concepts to linguistic data. «Linguistics», 1964, v. 10, стр. 60.

как аффикса даже в тех случаях, когда его функция аналогична функции обычного аффикса¹⁹.

Отметим также, что противопоставление главных и второстепенных морфем поддерживается, по мнению американских лингвистов, строгим делением морфем на свободные и связанные, т. е. тем, что в качестве главных морфем рассматриваются только такие, которые встречаются как самостоятельные слова²⁰. По-видимому, однако, строгого параллелизма нет и между этими классами морфем: некоторые главные морфемы явно представлены связанными корнями, а некоторые второстепенные — не полностью связаны. Рубежом между классом служебных и неслужебных морфем является поэтому для нас не признак связанности ∞ несвязанности и даже не возможность перечислить все служебные морфемы особым списком (таким списком можно перечислить и различного рода нерегулярные главные морфемы, что иногда совершенно необходимо). Дифференциальным признаком служебных и неслужебных морфем является их разное положение в системе языка: служебная морфема не может повыситься в ранге выше единицы морфологического уровня. Ее верхний предел — экспонировать слово. Неслужебная же морфема может реализовать и единицу следующего, синтаксического уровня — предложение. Ее верхний предел, следовательно, — быть предложением. Служебные морфемы могут быть словами, но не могут быть предложениями²¹.

Итак, противопоставление служебных и неслужебных морфем строится на различии их основных функций в языке, и потому данная классификация может рассматриваться как более общая по отношению к делению всех морфем на корневые и аффиксальные. В силу этого обстоятельства классификации по месту морфемы в системе языка, с одной стороны, и по ее роли внутри слова — с другой, могут частично расходиться, а в известном смысле рассматриваться как дополняющие друг друга. Иными словами, хотя в некоторых отношениях они и

¹⁹ Ср.: Е. А. Земская. Понятия производности, оформленности и членности основ. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 4—5.

²⁰ См., например: В. Р. Мологе. Указ. соч., стр. 298.

²¹ Ср.: В. В. Виноградов. О формах слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. 3, вып. 1, стр. 33.

перекрещиваются, в целом они не дублируют друг друга. При этом если деление на корни и аффиксы важно при исследовании состава сложных морфологических конструкций, откуда ценность этих понятий для изучения вторичных образований в парадигматике и словоизводстве, то деление морфем на служебные и неслужебные целесообразно для общей функциональной характеристики морфемного инвентаря того или иного конкретного языка. Интересно в связи с этим отметить, что если в распределении служебных и неслужебных слов в стословном тексте отдельные германские языки характеризуются значительным единообразием, в распределении служебных и неслужебных морфем здесь наблюдаются существенные расхождения (табл. 3).

Таблица 3

Распределение служебных элементов в германских языках *

Единицы	Разряд	Англ.	Голл.	Датск.	Нем.	Шведск.	Исл.
Слова	служ.	34	38	36	34	34	33
	неслуж.	66	62	64	66	66	67
Морфемы	служ.	75	107	122	122	133	126
	неслуж.	68	74	76	80	80	83

* В основу табл. 3 были положены данные, полученные в результате анализа пяти газетных стословных текстов; другие статистические сведения, почерпнутые из анализа этих текстов, и методика подсчетов описаны в нашей работе «Морфологическая структура слова в современных германских языках».

Учет сведений этого рода способствовал выделению нового типологического индекса — индекса общей оформленности языка ²².

Определяющей отличительной чертой неслужебной морфемы является ее способность выступать семантическим и структурным ядром такого образования, которое

²² См.: Е. С. Кубрякова. Морфологическая структура слова в германских языках. «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках». М., 1970, стр. 165 и сл.

одно может сформировать целостное законченное высказывание, т. е. предложение. Таким образом, при определении статуса морфемы мы прежде всего задаемся вопросом о том, способна ли она экспонировать, повышаясь в ранге, предложение. Опознанию классной принадлежности морфемы способствует также выяснение вопроса о том, имеет ли она коррелят в каком-либо фрагменте окружающей нас действительности, ибо невозможность соотнести обозначаемое морфемы с каким-либо элементом действительности свидетельствует скорее о ее служебном характере. Напротив, реально-вещественное значение более типично для неслужебных корневых морфем²³. В конечном счете, однако, мы ориентируемся не столько на дистрибутивные признаки разных морфем и не столько на их семантические особенности, сколько на их роль в построении единиц вышележащих уровней. При исчерпывающем описании классов морфем и при разных конкретных целях исследования бывает необходимо ориентироваться и на некоторые другие признаки морфем. Обратимся к их рассмотрению.

II. Структурная классификация морфем. Связанные, несвязанные, относительно связанные и относительно свободные морфемы

Деление языковых форм на свободные, несвязанные (free) и связанные, несвободные (bound) было предложено впервые Л. Блумфилдом. В основу указанного противопоставления форм им был положен признак потенциальной способности формы к автономному или изолированному употреблению²⁴. Свободной объявлялась такая языковая единица, которая могла выступать в качестве слова или предложения. Классификация единиц на связанные и несвязанные нашла широкое применение в практике американских дескриптивистов и использовалась для дифференциации главных и второстепенных морфем языка, для дифференциации корневых и аффиксальных морфем, для разграничения областей морфологии и синтак-

²³ Ср.: Е. А. Земская. Интерфиксация в современном русском словообразовании. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 39—40.

²⁴ См.: Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 167, 187 и др.

сиса, а также для описания самих морфемных единиц²⁵.

Введение классификации морфем по признаку их связанности или свободы отразило тенденцию характеризовать статус морфемы в зависимости от выполняемых ею ролей при построении единиц вышележащих уровней. При этом, однако, уровневая специфика данных единиц учитывалась недостаточно. До тех пор, пока мы ставим вопрос о роли морфемы при построении слова, мы остаемся в пределах морфологии. Напротив, как только мы задаемся вопросом о роли морфемы в синтаксических конструкциях и выясняем, в частности, может ли она презентировать предложение, мы выходим за рамки морфологии и вступаем в область синтаксиса, где о поведении морфемы судим через слово, включающее морфему. Для описания морфемы, безусловно, важным может явиться как ответ на вопрос о возможной автономности морфемы на уровне морфологии, так и сведения об автономности той же единицы на уровне синтаксиса. Следует полагать вместе с тем, что при этом мы имеем дело со сведениями разного порядка. Уже это дает возможность предположить, что указанные сведения могут расходиться. Мы подчеркивали выше, что служебные морфемы, например, нередко экспонируют слова, но в качестве предложения они выступать не могут. Из этого следует, что, определяя статус морфемы, необходимо подходить дифференцированно к вопросу о ее свободе или связанности на разных уровнях. По нашему мнению, структурная классификация морфем предполагает прежде всего характеристику морфемы по ее участию в формировании слова, т. е. в зависимости от ее свойств на самом морфологическом уровне. Именно этот подход позволяет выявить те наиболее существенные различия, которые присущи морфемам разных классов. Так, аффиксальные морфемы, в отличие от морфем корневых, существуют, как правило, только как части более сложных морфологических конструкций. В противоположность этому корневые морфемы сплошь и рядом выступают и как части сложных конструкций, и как самостоятельные конструкции, словá. Обобщая наблюдения

²⁵ Краткую историю вопроса и библиографию см.: Е. С. Куряков. Комментарий к книге Л. Бумфилда. Язык, стр. 579—580.

подобного рода, американские лингвисты стали подменять указанные понятия и определять одно через другое. Иначе говоря, в силу обычного параллелизма связанности элемента и его служебности и, наоборот, свободы и неслужебности аффиксальные морфемы начали отождествлять со связанными формами, а корневые — со свободными²⁶.

Однако фактический материал различных языков противоречит подобному прямолинейному приравниванию двух классов и свидетельствует скорее о том, что нельзя провести знака равенства ни между принадлежностью морфемы к числу корней и ее свободой, ни между служебностью морфемы и ее связанностью. Так, уже в 1885 г. А. И. Анастасьев указывает в русском языке на существование корней, которые употребляются самостоятельно, и противопоставляет им корни, которые, хотя и соединяются свободно с разными суффиксами, сами изолированно не употребляются²⁷. Категорию основ, которые всегда даны «только в соединении с теми или иными аффиксами», в русском языке описывает подробно и Г. О. Винокур²⁸. Как видно из приводимых им примеров, в качестве связанных основ он рассматривает остаточные элементы производного слова, которые получаются при отделении аффиксов, ср. элементы типа *вой-* в словах *война*, *войн*, *войско*; *озор-* в *озорной*, *озорство*; *-бав-* в *прибавить*, *убавить*, *добавить* и т. п. Но дальнейшего развития выдвинутое им понятие связанной основы не получает²⁹. Лишь значительно позднее к исследованию связанных основ обращаются в специальных работах.

Но связанные морфемы описываются не только в русском языке. Отмечая структурные расхождения языков, дескриптивисты нередко указывают на то, что если в английском языке в основе большинства вторичных образований лежат свободные формы, то в греческом или

²⁶ Ср., например: B. B l o c h, G. L. T r a g e r. Outline of linguistic analysis. Baltimore, 1942, стр. 56; E. N i d a. Morphology. Ann Arbor, 1949, стр. 2, 91; Ch.F. H o s c k e t t. A course in Modern linguistics. N. Y., 1958, стр. 168, 209 и др.

²⁷ А. И. А настасьев. Морфологический анализ слова. «Филол. записки», 1885, вып. IV—V, стр. 30 и сл.

²⁸ См.: Г. О. В и п о к у р. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 435.

²⁹ См.: Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. М., Изд-во МГУ, 1968, стр. 137.

латинском языках, напротив, парадигматические и словообразовательные ряды строятся при участии связанных форм. Интересно, что наличие свободных корней А. Мейе связывает с древнейшим состоянием индоевропейских языков: подчеркивая, что индоевропейское слово содержит три части — корень, суффикс и окончание и что «из этих трех частей ни одна не существует отдельно, вне целого слова»³⁰, он указывает далее, что корень не является чистой абстракцией, ибо у многих корней были именные и глагольные формы с нулевым суффиксом. Именно в них корень «сам по себе и без присоединения суффикса выступал как основа, т. е. являлся конкретной реальностью»³¹. «Тем самым,— утверждает А. Мейе,— проглядывает древнее состояние языка»³².

Связанные формы существуют и в современных языках. Так, в немецком языке представлена целая группа существительных мужского рода разного происхождения с окончанием *-e*, по отсечении которого остается корневая морфема, самостоятельно не функционирующая, но встречающаяся без *-e* в другом окружении, ср. Ries-e ‘великан’ — Ries-in ‘великанша’ — ries-ig ‘колossalный’; Russ-e ‘русский’ — Russ-in ‘русская’ — russ-isch ‘русский’; ср. также Löw-e ‘лев’, Knab-e ‘мальчик’ и т. п. Аналогичная группа существительных представлена и среди имен женского рода: Erd-e ‘земля’, Schul-e ‘школа’, Straß-e ‘улица’³³. Разбирая формы глагола *lachen* ‘смеяться’, Л. Блумфилд пишет: «Это *lach-*, строго говоря, является связанной формой», но добавляет здесь же, что в настоящей книге он рассматривает основу, «как если бы она являлась свободной формой»³⁴, т. е. по аналогии с большинством корневых морфем.

Наконец, в самом английском языке, где сравнительно небольшое количество морфологических показателей, необходимых для оформления самостоятельного слова, и относительно большое количество нулевых морфем привело к особой функциональной роли корня и постоянной

³⁰ А. М е й е. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 167.

³¹ А. М е й е. Указ. соч., стр. 169.

³² Там же, стр. 171.

³³ Ср.: М. Д. С т е п а н о в а. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, стр. 100—101.

³⁴ Л. Б л у м ф и л д. Язык, стр. 243.

омонимии корня, основы слова и самого слова³⁵, засвидетельствовано одновременно значительное количество связанных корней. Их наличие заставило Л. Блумфилда выдвинуть специальную категорию «первичных слов», которые «не содержат никаких свободных форм в числе своих непосредственно составляющих»³⁶, ср. *spider* ‘паук’ *rudder* ‘руль’, *hammer* ‘молоток’ или *reg-tain* ‘иметь отношение’, *de-tain* ‘задерживать’. Трактовка подобных форм вызывает в англистике значительные расхождения вплоть до настоящего времени³⁷. Поскольку корневые морфемы в таких образованиях зачастую не уникальны и, следовательно, вычленимы, про них можно сказать, что они фигурируют только в окружении определенных аффиксов и потому, действительно, связаны. Таким образом, фактический материал демонстрирует, что корневые морфемы отнюдь не обязательно свободны, если под свободой понимать способность корня выступать в качестве самостоятельного слова. И тем не менее структурные расхождения в «свободе» аффиксов и корней, несомненно, существуют. В чем же они проявляются?

Рассмотрим первоначально поведение разных корневых морфем. В современном исландском языке слабые глаголы I кл. в 1 л. ед. ч. наст. вр. изъявит. наклонения характеризуются нулевой флексией, формы слабых глаголов трех остальных классов — флексиями -i или -a, откуда противопоставление типа *eg kref* ‘я требую’ от глагола I кл. *kref-j-a*, по *eg heug-i* ‘слушаю’ от слабого глагола II кл. *heug-a* ‘слушать’. Анализируя и другие формы указанных глаголов, можно отметить, что в то время, как корни глаголов I кл. встречаются в изолированном употреблении и потому могут именоваться свободными, корни глаголов II—IV слабых классов, как правило, в окружении нулевых флексий не встречаются, как самостоятельные слова не употребительны и потому должны характеризоваться

³⁵ Ср.: И. П. Иванова. О морфологической характеристике слова в современном английском языке. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963.

³⁶ Л. Блумфилд. Язык, стр. 261.

³⁷ Ср.: Н. Н. Амосова. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956, стр. 67 и др.; Е. В. Малишевская. К вопросу о морфологической структуре слова в современном английском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 260, серия филол. наук, вып. 48. Л., 1958; В. В. Лосин, Г. Л. Трагег. Указ. соч., стр. 63—64 и др.

как связанные. Нетрудно продемонстрировать вместе с тем, что и те, и другие корни одинаковы в смысле сочетаемости со словоизменительными и словообразовательными аффиксами и лежат в основе многочисленных вторичных образований. Так, корень *heug-*, который, действительно, в свободном виде не наблюдается, лежит в основе не только многочисленных глагольных форм, но и в основе производных, ср. *heug-an-leg-ur* ‘слышимый’, *heug-đ* ‘слышимость’, *heug-n* ‘слух’, *heug-n-ar-laus* ‘глухой’ и т. п. К аналогичному заключению следует прийти, сравнивая в русском языке положение корня *чит-* и *рис-*, в немецком языке положение корней *lachen* ‘смеяться’, но *bauen* ‘строить’: нет в самостоятельном употреблении корня *lach-*, но есть корень *bau-*, ср. *Bau* ‘постройка’.

По нашему мнению, на основании анализа случаев, аналогичных вышеприведенным, о свободе или связанности корневого элемента следует судить не только по его способности выступать на правах автономной единицы, но и по его способности или неспособности вступать в соединение с определенной серией аффиксов. Необходимо, таким образом, разграничивать признак автономности единицы на том или ином уровне (этот признак используется нами для различия служебных и неслужебных морфем) и признак ее свободы/связанности, под которым мы понимаем степень ограничений, налагаемых на сочетаемость данной корневой морфемы³⁸. При этом корневая морфема является свободной или актуально свободной, когда она автономна, т. е. реально встречается в изучаемом языке на правах отдельного слова. Частным случаем актуально свободных морфем являются морфемы-корни, встречающиеся в окружении нулевых морфем (модели типа русск. *стол*, нем. *Tisch* и *Bau*, англ. *love* ‘любить’, исл. *kref* и т. п.). В противоположность этому корневая морфема является в и ртуально свободной, когда она, не встречаясь в виде автономного слова, встречается тем не менее в окружении словоизменительных материально выраженных морфем, облигаторных для оформления соответствующего разряда слов

³⁸ См.: Е. С. Кубрякова. О типах морфологической членности слов, квази-морфах и маркерах.— ВЯ, 1970, № 2, стр. 85, прим. 15.

в данном языке (модели типа русск. зем^и-я, исл. heyr-a, нем. lach-en, Straß-e и т. д.). Итак, виртуально свободными являются морфемы-корни, связанные формообразующими аффиксами и легко вступающие в соединение с серией аффиксов, обязательных для словоизменения данной категории корней (т. е. как корней глаголов, существительных, прилагательных и т. д.). В соответствии с данными определениями свободными являются любые корни, сочетаемость которых с аффиксами словоизменения или формообразования параллельна автономным корням данного языка (ср. материалы русского, немецкого, исландского и других германских языков) или, быть может, сочетаемость которых с указанными аффиксами является регулярной (ср. латинский или греческой языки). В последнем случае корневые морфемы являются виртуально свободными, т. е. свободно сочетающимися со всеми обязательными для данного разряда слов словоизменительными морфемами, но не встречающимися автономно. Примером такой корневой морфемы может служить латинское ам- в глаголе amare 'любить': используясь чуть ли не в 125 словоизменительных формах типа amo 'я люблю', amas 'ты любишь', amat 'я любим', ament 'пусть я полюблю' и т. д., она не встречается без аффиксов. Иначе говоря, корень, подобный этому, не автономен, но достаточно свободен.

В противоположность несвязанности корня при его сочетании со словоизменительными морфемами, корневые морфемы, соединяющиеся исключительно с деривационными морфемами, кажутся, действительно, более «связанными», о чем свидетельствует, например, их нелегкая членимость. К ним в полную меру приложимо понятие связанных корней (модели типа русск. свергнуть, низвергнуть, повергнуть, англ. jeal-ous 'ревнивый', ardent 'пылкий', gauc-ous 'хриплый', нем. fert-ig 'готовый' и т. д.). Таким образом, понятие связанности отражает, на наш взгляд, неспособность корневых морфем выступать иначе, чем как в сочетании со словообразовательными морфемами. Связанными корневыми морфемами мы называем корни, встречающиеся только в окружении деривационных морфем (ср. русск. гот-ов-ый, при-гот-ов-и-ть, ул-иц-а, пере-ул-ок, но кун-ий и кун-иц-а).

На основании названных признаков все корневые мор-

Рис. 2

фемы могут быть разделены на автономные и неавтономные, а последние — на виртуально свободные и несвободные (рис. 2).

Понятие связанности применительно к аффиксальным морфемам имеет несколько иное содержание. Если для корневых морфем признак автономности — неавтономности не является основополагающим, то для морфем аффиксальных, напротив, признак неавтономности является конституирующими. Аффиксальная морфема не может быть сама по себе автономной, хотя она нередко коррелирует в языке со служебной автономной морфемой. Корни принадлежат, как правило, либо классу актуально свободных, либо классу виртуально свободных морфем, аффиксы — в первую очередь классу несвободных морфем. Для корней отклонением от правила является существование связанных единиц, которые обычно образуют достаточно ограниченные ряды слов³⁹, для аффиксов — существование свободных единиц. Таким образом, понятие связанности играет гораздо большую роль в характеристике аффиксов, чем понятие свободы — в характеристике корневых морфем. Несмотря на это, положение о связанности аффиксов как особого класса морфем не является строго обязатель-

³⁹ См., например: Е. А. Земская. О глаголах со связанный основой. «Русский язык в школе», 1953, № 1; П. Н. Стрелков. Глаголы со связанными основами в современном русском языке и их происхождение. Канд. дисс. М., 1961; И. К. Косой. К вопросу о свободных и связанных производящих основах английских суффиксальных глаголов. «Тезисы VII Межвузовской научной конференции по романо-германскому языкознанию. Секция по проблемам словообразования». Пятигорск, 1970.

ным. Точнее, отнюдь не обязательным является для аффикса отсутствие у него прямого коррелята в виде корневой морфемы, способной к самостоятельному употреблению. Естественно в то же время, что наличие подобного коррелята подрывает: а) противопоставление аффиксов корням и б) положение о связанности аффиксов и их несамостоятельности. Однако наличие указанных аффиксов не вызывает сомнения.

В языках Юго-Восточной Азии, например вьетнамском или тайском, в качестве словоизменительных и словообразовательных частиц реализуются последовательности, которые как в звуковом, так и в семантическом отношении напоминают знаменательные слова. Явления этого рода были свойственны и древним индоевропейским языкам. В санскрите, например, целая серия корней выступала в тройкой роли — наречий, превербов и префиксов. Аналогичное положение было типичным для древнегерманских языков и частично сохранилось вплоть до настоящего времени. Общеизвестны факты происхождения именных флексий из местоимений. Формы спряжения претерита слабого глагола в германских языках строились путем сочетания корневой морфемы смыслового глагола со спрягаемыми формами глагола «делать», причем в некоторых древних германских языках параллельно дентальному служебному показателю существовал сам глагол 'делать' (ср. др.-в.-нем. *tātun*, др.-сакс. *dādun*, рун. *dēdun* 'они делали'). Все эти этимологические данные не имели бы никакого значения для определения синхронного статуса аффиксов, если бы и в синхронном срезе изучаемых языков аффикс не продолжал бы соотноситься с единицей, обусловившей его появление. Но дело заключается именно в факте сосуществования на одной плоскости аффикса и корневой морфемы, с которой он связан отношениями формально-семантической близости.

Отмечая бегло один из возможных случаев подобного рода, Дж. Гринберг пишет: «Вместо того чтобы задаваться вопросом, является ли какая-либо минимальная форма связанной или несвязанной, как это обычно делается (разрядка наша.— *E. K.*), в настоящем исследовании она определяется в терминах морф в конкретном окружении. Это позволяет, например, в латинском языке считать *ab* 'от' свободной формой в функции предлога, но связанной формой в глагольном префиксе в *abduco*.

‘я увожу’⁴⁰. Предлагаемое решение вопроса, оправданное при вычислении общего количества встреченных в тексте связанных и несвязанных морфемных единиц, не может, однако, рассматриваться как адекватное с точки зрения характеристики морфемного инвентаря данного языка. Иначе говоря, возможное на первом этапе анализа, при первичной сегментации текста, на уровне морфов, оно не пригодно на более высоких ступенях анализа, например при идентификации морфов одной морфемы. Предлагаемое Гринбергом решение компромиссно уже в той мере, в какой продолжает оставаться неясным, принадлежат ли морфы ab_1 и ab_2 одной или разными морфемам. Неясно также, если рассматривать указанные морфы как члены одной морфемы, как квалифицировать последнюю в терминах связанных и несвязанных единиц. Ведь с точки зрения этой классификации морфема либо свободна, и тогда она является корневой, либо связана, и тогда она является аффиксальной. В ней нет места языковым элементам, про которые мы можем утверждать, что они одновременно: а) корневые (у ab как у предлога есть корень, и он, по-видимому, тот же, что и у префикса) и б) аффиксальные (ab в $abduco$ — это, несомненно, префикс и, безусловно, связанный). Для обозначения таких единиц мы и предлагаем ввести понятие об относительно свободных и относительно связанных морфемах⁴¹.

К относительно свободным мы относим корневые виртуально свободные морфемы, о которых мы говорили выше, т. е. неавтономные корни, свободно сочетающиеся вместе с тем с обычным набором словоизменительных или формообразующих морфем. По своей классной принадлежности, т. е. как корни, и по своей сочетаемости эти морфемы свободны, но их свобода относительна (виртуальная), поскольку данные корни самостоятельно не встречаются.

Относительно связанными являются, с другой стороны, такие морфемы, которые имеют в качестве экспонирующих их морфов и свободные и связанные последовательности, или, что то же, такие морфемы,

⁴⁰ Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков, стр. 89.

⁴¹ См. нашу работу: «Об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка». — ВЯ, 1964, № 1.

которые в разных типах окружения репрезентируются то свободными, то связанными морфами, остающимися сходными в семантическом и формальном отношениях⁴². Поведение относительно связанных морфем в языке строго регламентировано, так что свобода одних морфов и, напротив, связанность других в разных лингвистических окружениях не только предсказуема, но и подчиняется строгим правилам. Так, например, в немецком языке строго нормировано поведение так называемых отделяемых приставок, которые в одних контекстах обязательно связаны, а в других — так же обязательно свободны⁴³. Поскольку диагностические окружения для свободного и связанного появления подобных приставок различны, можно утверждать, что свободные и связанные морфы одной относительно связанной морфемы находятся в отношениях дополнительного распределения. Наряду с общностью формы и семантики подобных морфов, это позволяет их идентификацию.

Наличием связанных и свободных морфов у одной морфемы эти относительно связанные морфемы противостоят и свободным, и связанным морфемам, морфы которых всегда только свободны или только связаны. Если относительно свободными являются корневые морфемы, то относительно связанными являются морфемы аффиксальные, притом аффиксальные морфемы разных классов: чаще деривационные, но не обязательно. Относительно связанными служебными морфемами передко являются артикли — там, где последние встречаются как в самостоятельном, внесловном, и несамостоятельном, внутрисловном употреблении. Ср. соотнесенность постпозитивного артикля в болгарском языке с указательными местоимениями. В языках такого типа можно выделять одну относительно связанную морфему, например, болг. {ТО}, по отношению к которой свободное указательное местоимение, используемое в препозиции, и связанный постпозитивный артикль могут рассматриваться как ее отдельные морфы. Сходно может трактоваться и артикль в шведском языке.

⁴² Последнее предусматривает случаи возможной изоляции морфов одной морфемы и превращение одного из них в чистый аффикс при существенном расхождении в значении свободных и связанных морфов.

⁴³ См.: О. П. Мартынова. О глагольных частицах в немецком языке. «Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 35. М., 1966, стр. 161—163.

Если определить его общее значение как «приименной атрибут, маркер субстантивности», то здесь можно установить две относительно связанные морфемы единственного числа {en} и {ett}: в препозиции артикли автономны и свободны, в постпозиции — связаны; свободно стоящий артикль выражает неопределенность, постпозитивный — определенность. Отсюда противопоставление форм типа: en utsvulten räv träffade på ett vackert träd med röda frukter, med några skutt var räven vid trädet '(некая) голодная лиса увидела какое-то красивое дерево с красными плодами, в несколько прыжков была (эта) лиса у (этого) дерева'.

В качестве относительно связанных морфем нередко выступают особые деривационные частицы, занимающие в языке промежуточное место между корнями и аффиксами: по своей форме и семантике они соотнесены с определенными корнями, но по своему назначению они в одних окружениях явно не служебны, в других — служебны и эквивалентны аффиксам. Так, образование наречий со значением кратности или повторности в современном голландском языке происходит с помощью двух функционально эквивалентных частиц -werf и -maal, ср. tweewerf и tweemaal 'дважды' или driewerf, driemaal 'трижды'. Обе они характеризуются как суффиксы⁴⁴; частица maal при этом синхронно соотносится с существительным ср. р. maal 'раз' и потому -maal₁ и -maal₂ можно рассматривать как два разных морфа одной относительно связанной морфемы {MAAL} с единым значением. В английском языке морфема {OUT} может быть описана как амбивалентная морфема, включающая три разных морфа, которые появляются в разных диагностических окружениях. При общности значения и наличии отношений дополнительного распределения все эти морфы легко сводятся в одну морфему. В то же время в двух из этих диагностических окружений морфы свободны, а в остальных — связаны, ср. морф out₁ в позиции прилагольного определения в оборотах типа go out! 'выди вон' или he ran out 'он выбежал'; морф out₂ в качестве предлога в оборотах типа he went out of the room 'он вышел из комнаты' и, наконец, морф -out в дериватах типа: 1) outbrave 'пре-

⁴⁴ См., например, С. А. Миронов. Нидерландский (голландский) язык. М., Изд-во МГУ, 1965, стр. 64.

восходить храбростью', *out-jockey* 'превзойти ловкостью, перехитрить', *outnumber* 'превзойти численностью', *outweigh* 'превосходить в весе, перевешивать'; 2) *outmoded* 'вышедший из моды', *outspoken* 'высказанный', *outworn* 'изношенный'; 3) *outcome* 'выход', *outfall* 'исток', *outlet* 'выход', 'отдушина' и т. д. В то время как в каждом отдельном типизированном случае морф *out* получает однозначную интерпретацию и характеризуется либо как наречие, либо как предлог, либо как префикс, единая морфема {OUT} в системе языка квалифицируется по основному назначению как служебная, а по структурному статусу — как относительно связанныя. Морфем с аналогичным статусом много не только в английском, но и в других германских языках.

Итак, относительно связанные морфемы отличаются от относительно свободных характером ограничений, падающих на их появление: относительно свободные корневые морфемы связаны и н д и в и д у а л ь н о, как отдельные конкретные единицы, относительно связанные морфемы — как особый класс единиц. У виртуально свободных корневых морфем степень их связности различна и находит объяснение в диахронии. Это — слова или группы слов с особой историей — не случайно они распространены, например, среди заимствований. Относительно связанные служебные морфемы составляют целые классы единиц с особым синхронным статусом,— это классы единиц с регулярными правилами синхронного распределения. У относительно свободных морфем ограничения касаются всех морфов морфемы, у относительно связанных — лишь отдельных морфов, и притом в строго определенном окружении. Так, например, русские предлоги в положении перед именами автономны и свободны, но они теряют эти качества при образовании деривата от соответствующего словосочетания с предлогом, ср. *сверх плана*, но *сверхплановый*, *за рекой*, но *заречный*, *после операции*, но *послеоперационный*, *до срока*, но *досрочный* и т. д. Как бы ни определять словообразовательные структуры у слов указанного типа, в морфологическую структуру этих слов явно входит уже не предлог, а префикс как служебная связанные частица. Таким образом, служебные морфемы могут реализоваться как связанными полностью, так и относительно связанными морфемами.

Характеристика корневых морфем по степени их сво-

боды и выделение классов свободных, относительно свободных и несвободных морфем позволяет отразить более точно реальные особенности сочетаемости морфем и структуру образований, построенных с их участием⁴⁵. В свою очередь, выделение классов связанных и относительно связанных аффиксальных морфем разрешает более адекватное описание морфемного инвентаря языка в части, относящейся к служебным элементам. Таким образом, данные о месте морфемы по отношению к следующим за нею морфемам — нулевым, словоизменительным или деривационным — имеют большое значение для описания корневых морфем. И хотя классификация морфем по признаку связанности ∞ свободы и по степени связанности и свободы отнюдь не исчерпывает релевантных данных о морфеме, устанавливая закономерные соответствия между классами корневых и аффиксальных морфем, с одной стороны, и классами связанных, относительно связанных, относительно свободных и свободных морфем, с другой, мы приходим к дифференцированному описанию морфем, функция и структурные признаки которых нетождественны. Проведенная структурная классификация морфем приводит также к более строгому определению понятия аффикса.

III. К уточнению понятия аффикса

В специальной литературе распространено определение аффикса как грамматического элемента, включаемого в состав слова «с целью изменения его смысла, значения, функции, роли, причем без нарушения его единства»⁴⁶

⁴⁵ Параллельно необходимо отметить, что при такой классификации морфем находится место не только для единиц, выделенных по принципу полярности, но и для единиц, занимающих определенные промежуточные позиции на оси, соединяющей два полюса (связанность ∞ свободу). Это отвечает общей тенденции совместить квалифицированный подход в грамматике с квантиративным, более адекватно отвечающим сложности данного уровня и использующим градуальные различия единиц. Ср.: A. J u i l a n d . Outline of a general theory of structural relations. 's-Graavenhage, 1961 и рец. на эту книгу Н. Д. Арутюновой (ВЯ, 1964, № 1, стр. 140—141). Вместо того, чтобы определять морфему как связанную или свободную,— указывает А. Жуильян,— полезнее выяснить точно степень ее связанности.

⁴⁶ См.: Ж. М а р у з о. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, стр. 44.

и не встречающегося в языке иначе, чем как в составе слова. Ведущую роль в определении аффикса нередко отводят отсутствию у него коррелята в виде отдельного слова⁴⁷. Это было бы верным, однако, лишь в том случае, если бы удалось показать, что наличие или отсутствие коррелята обусловливает какие-либо специфические особенности аффикса как особой функциональной единицы. Но зачастую можно продемонстрировать как раз обратное и показать, что факт возможного соотнесения служебной единицы с самостоятельным корнем не сказывается, в сущности, на той роли, которую эта единица играет в построении конструкций⁴⁸. Подчеркнем вместе с тем, что речь идет здесь не о происхождении аффиксов и не о возможности их этимологизирования, но о существовании в одной синхронной плоскости двух таких элементов, функции которых кардинально расходятся, вопреки несомненной семантической и формальной близости элементов.

При оценке таких элементов исходят из того, что большинство подлинных флексий и формативов не сопоставимо ни с какими самостоятельными словами и потому объективно противостоит корневым и неслужебным морфемам именно как морфемы некорневые и служебные. Но эти структурные признаки не могут быть механически перенесены на все единицы, проявляющие функциональное тождество. Проведение знака равенства между аффиксальными морфемами и морфемами, неизвестными в свободном употреблении, значительно сузило бы класс однотипных единиц, разделяющих одинаковые функции.

По-видимому, при определении класса аффиксов необходимо прежде всего выделить такие признаки, которые, отражая подлинную сущность явления, не приводили бы в то же время к чрезмерно жесткому ограничению самого класса рассматриваемых однородных явлений. Этими признаками мы считаем для класса аффиксов признаки функциональные. Исходя из этого, мы полагаем, что решающим фактором в установлении статуса морфемы является ее служебность или неслужебность. При-

⁴⁷ Ср.: А. Мартине. Основы общей лингвистики, стр. 488—489; Л. Бумфилд. Язык, стр. 223; Ch. F. Hockett. A course in Modern Linguistics, стр. 168 и сл.

⁴⁸ Ср.: М. А. Кумахов. Морфология адыгских языков, Москва — Нальчик, 1964, стр. 55—56,

менительно к квалификации морфемы в н у т р и с л о в а это значит, что каждая морфема, являющаяся частью слова, должна быть определена и описана однозначно — либо как корневая, неслужебная, либо как служебная и потому — аффиксальная. Внутри слова не может быть иной служебной морфемы, кроме аффикса. С этой точки зрения аффикс может быть определен как служебная, инклюзивная по отношению к слову или, точнее, по отношению к объемной серии слов морфема. Не все служебные морфемы в языке связаны и инклюзивны, и потому не все служебные морфемы — аффиксы. Не все служебные морфемы могут быть включены в состав слова. С другой стороны, все служебные морфемы, регулярно образующие конечные составляющие слова, есть аффиксы. А ф ф и к с ы, следовательно, это такие служебные и только служебные морфемы языка, которые, отличаясь широкой сочетаемостью с определенным кругом корней или основ и вступая с ними в стереотипные семантические отношения, являются вместе с тем связанными с точки зрения включающих их регулярных конструкций. Главные отличительные признаки аффикса — это его служебное назначение внутри слова, инклюзивность, связанность относительно данной модели или данных моделей вторичных образований. Введение последнего признака с оговоркой, касающейся связанности относительно определенной модели, вызывается именно тем, что связанность морфемы в частной конструкции или серии таких конструкций может не совпадать с положением морфемы в системе языка. Таким образом, мы полагаем, что, вне зависимости от отсутствия или наличия у аффикса свободного коррелята, достаточным признаком аффикса является его связанность в определенной серии слов, связанность в регулярных и продуктивных моделях вторичных образований.

Детальное изучение функциональной нагрузки строительных элементов языка привело в современном языкоznании к тенденции расширить рамки класса служебных морфем. Наряду с безусловными аффиксами, было предложено выделять группу полуаффиксов как таких морфем промежуточного характера, которые проявляют в своем значении, использовании и распределении черты служебных и неслужебных, корневых и аффиксальных морфем одновременно. Полуаффиксы — полупрефиксы

и полусуффиксы — получили впервые свое описание в советском языкоznании в работах М. Д. Степановой⁴⁹. В зарубежном языкоznании сходная категория служебных элементов была описана под теми же названиями в работах Г. Марчанда⁵⁰.

Указывая, что в принципе функцию словообразовательных средств могут выполнять разные основы, и подчеркивая, что почти все они соответствуют корневым морфемам, М. Д. Степанова мотивировала введение категории полуаффиксов необходимостью найти место таким словообразовательным элементам, которые «не исчезая совсем из [самостоятельного] употребления, встречаются чрезвычайно часто в словосложении, изменяют при этом частично или полностью свое значение и в то же время фактически роль аффиксов»⁵¹ (разрядка наша. — Е. К.). Уточняя в полемике с другими лингвистами свое понимание полуаффиксов, М. Д. Степанова подчеркивает в одной из более поздних работ, что компоненты слова считаются полуаффиксами, «когда они, не теряя ни формальной, ни (в большинстве случаев) частичной семантической связи с корневой морфемой: 1) обозначают, как и аффиксы, широкую словообразовательную категорию...; 2) отличаются значительной продуктивностью, т. е. легкостью перехода от одной основы к другой; 3) могут конкурировать с подлинными аффиксами или же разделяют с ними область действия»⁵². Нетрудно, однако, убедиться в том, что в приведенном определении все признаки указывают в первую очередь на полный функциональный параллелизм аффиксов и полуаффиксов, а не на специфические словообразовательные особенности последних. В та-

⁴⁹ М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953; Она же. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, стр. 104 (история и библиография вопроса); ср. также: К. А. Левковская. Рец. на кн.: М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. — ВЯ, 1955, № 1.

⁵⁰ См., в частности: H. M a r c h a n d . The categories and types of present-day English word-formation. Wiesbaden, 1960.

⁵¹ М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка, стр. 78.

⁵² М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики, стр. 105—106; Е. С. Кубрякова. Что такое словообразование, стр. 40—45.

ком случае, по-видимому, приведенное определение можно с полным основанием рассматривать как довод в пользу функциональной рядоположности аффиксов и «полуаффиксов». Собственно, ту же мысль развивали мы, анализируя материал древних германских языков, когда, сравнив разные препозитивные служебные частицы и отметив их коррелятивность предлогам и предлогообразным наречиям, сделали общий вывод относительно возможности приравнивания их со словообразовательной точки зрения чистым префиксам. Аргументами в пользу такого решения являлись:

1) нередкая синонимия препозитивных частиц и чистых префиксов (модель типа готск. *fra-letan* и *af-letan* ‘отпускать’);

2) сходство типов значений, выражаемых препозитивными частицами и префиксами: диапазон значений у тех и других примерно одинаков (ср. локативные значения, значения интенсивности действия, возвратности действия и т. п.);

3) однотипность семантических связей между препозитивными частицами и основами, к которым они относятся, что создает правильный словообразовательный ряд с четким деривационным значением;

4) регулярность соотношения производящей единицы и единицы, включающей препозитивную частицу;

5) взаимозаменяемость препозитивных частиц и префиксов, подтверждаемая при переводе одного и того же греческого глагола то с помощью префиксальных образований, то с помощью конструкций с препозитивными частицами⁵³. Общим итогом этих наблюдений явилось положение о том, что «с точки зрения структурного описания языка и построения словообразовательных моделей различия между указанными видами частиц ирrelevantны и потому все они могут рассматриваться как словообразовательно-тождественные морфемы — префиксы»⁵⁴. Аналогичные результаты дало и исследование так

⁵³ См.: Е. С. Кубрякова. Именное словообразование в древних германских языках. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963, стр. 124—127; Она же. Именное словообразование в германских языках. «Сравнительная грамматика германских языков», т. III. М., 1963, стр. 45 и сл., 56 и сл.;

⁵⁴ Е. С. Кубрякова. Именное словообразование в древних германских языках, стр. 127.

называемых полуаффиксов в современных германских языках⁵⁵.

Мы не можем поэтому не согласиться с мнением тех лингвистов, которые отмечали, что ни одного специфического словаобразовательного признака у полуаффиксов установить не удается⁵⁶. Их особенности состоят только в том, что они ассоциируются — иногда в большей, иногда в меньшей степени — с самостоятельными словами; по деривационной активности, по типу выражаемых значений, наконец, по распределению эти элементы эквивалентны чистым аффиксам. Но если так, то специфику данных элементов и следует усматривать не в сфере словообразования, а в их особых структурных характеристиках, проще говоря, в том, что они являются членами таких амбивалентных морфем, которые имеют в качестве своих членов как свободные, так и связанные единицы.

Хочется подчеркнуть в то же время тонкость лингвистического анализа, приведшего М. Д. Степанову к выделению категории, которая не соответствовала по содержанию ни одной из выделенных до этого категорий. Описание отрезков, связанных по своему происхождению и положению в синхронной системе языка с самостоятельными словами и полностью или частично сохраняющими семантику последних, но отходящих вместе с тем от выполнения прежних функций, явилось значительным достижением теории словообразования и способствовало уточнению специфики таких способов словообразования, как словосложение и аффиксация. Нет ничего одиозного и в терминах «полуаффикс», «полупрефикс» и «полусуффикс»: как термины они, например, гораздо удобнее предлагаемых нами обозначений «относительный аффикс» или «относительный префикс». Единственное, против чего приходится возражать в этом термине,— это указание на «половинчатость» функций, что не соответствует фактам. Ведь термин «полуаффикс» в силу своей внутренней фор-

⁵⁵ Е. С. Кубрякова. О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования. «Структурно-типологическое описание современных германских языков». М., 1966, особ. стр. 84 и сл.

⁵⁶ В. П. Григорьев. Критические заметки о понятии полуаффиксации. «Cercetări de lingvistică», A. III. Supl. Bucureşti, 1958, стр. 191.

мы наталкивает на мысль о категории, которая неполно осуществляет свои главные функции, а это неизбежительно. Поскольку после проведения целой серии исследований можно утверждать, что все конструкции с полуаффиксами вполне укладываются с деривационной точки зрения в рамки либо обычной префиксации или суффиксации, либо словосложения⁵⁷, говорить о функциональной неполноте рассматриваемых элементов нет оснований. В этом смысле следует, по всей видимости, согласиться с тем, что «таких... частей слова, которые не были бы ни основами, ни аффиксами, в языке вообще не существует»⁵⁸. Из этого, однако, не следует, что в языке нет таких морфем, которые являлись бы одновременно и корневыми, и аффиксальными, или морфем, отдельные члены которых могли бы выполнять и служебные, и неслужебные функции. Итак, именно с точки зрения строения слова и его структурно-семантических особенностей, именно с точки зрения моделирования вторичных конструкций, одни части слова расцениваются как основы, а другие — как аффиксы. Соответственно, элемент такой второй конструкции, имеющий коррелят в свободном употреблении, может быть либо основой, либо аффиксом. Но разграничение этого рода зависит исключительно от функций анализируемого элемента внутри целого.

Сообразно принимаемому решению о природе этого элемента, конструкция, его включающая, может рассматриваться либо как сложное слово, либо как аффиксальное образование, но не как некая промежуточная полуаффиксальная конструкция. Доводами в пользу первого решения бывают обычно меньшая частотность элемента, отсутствие у него обобщающего значения, большее разнообразие и индивидуальность семантических отношений между ним и соединяющимися с ним основами и т. д. Доводами в пользу второго решения являются те, которые мы приводили выше при описании препозитивных частиц германских языков, — продуктивность рядов, построенных с участием одного и того же элемента, известная стандартность и регулярность словообразовательного ряда, значительная однотипность семантических

⁵⁷ В. П. Григорьев. О взаимодействии словосложения и аффиксации. — ВЯ, 1961, № 5; W. Fleischner. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1969, стр. 63—65.

⁵⁸ К. А. Левковская. Указ. соч., стр. 148.

отношений между рассматриваемым элементом и основой и т. п.

Особенно важным доводом в пользу отнесения анализируемого элемента к числу аффиксов является наличие морфологического и семантического обоснования свободно употребляемого корня и корня, связанного в конструкциях определенного типа⁵⁹. Этот признак играет важную роль при анализе функций деривационных элементов, соотнесенных с корнями знаменательных слов. По-видимому, при коррелятивности деривационной частицы служебному слову описание первой значительно упрощается в силу известной тождественности основных функций этих единиц — обе они выступают как единицы служебные. Сдвиг значения может иметь место, но он отнюдь не обязательен. Примером полного семантического тождества у единиц этого рода могут служить так называемые отделяемые приставки в немецком языке: в назывной форме слова такая приставка выступает как связанная морфема, в ряде других форм ей на смену приходят свободные морфы, но значение глагольных форм во всех этих случаях остается неизменным, ср. *Es ist schwer, früh aufzustehen* ‘трудно вставать рано’, *Stehst du früh auf?* ‘ты встаешь рано?’ *Steh auf!* ‘вставай!’, но *Du mußt aufstehen* ‘ты должен встать’.

При соотнесении компонента слова с корнем знаменательного слова и неясности статуса этого компонента идентификация его в качестве служебной или неслужебной морфемы может быть достаточно сложной. Здесь необходимо учитывать разные формы и разную степень разрыва связей между «полуаффиксальной» и корневой морфемами и, в частности, десемантизацию первой⁶⁰. При интенсивно выраженной морфологической и семантической изоляции двух этих единиц появляется возможность не только констатировать появление нового аффикса, но и новой омонимичной морфемы. Так, рассматривая семантику немецких существительных *Werk*, *Zeug*, *We-*

⁵⁹ Ср.: Г. П а у л ь. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 389—392; В. М. Ж и р м у н с к и й. О границах слова. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963, стр. 30—31.

⁶⁰ Ср.: М. М. Г у х м а н. Морфологическая структура слова в древних германских языках. «Сравнительная грамматика германских языков», т. III. М., 1963, стр. 15—18.

sen и их роль в качестве вторых компонентов сложных слов, некоторые германисты считают возможным говорить о появлении новых суффиксов, ибо их значения и функции «слишком сильно дифференцированы», ср. в свободном и связанном употреблении: Werk ‘дело’, ‘работа’ — Mauerwerk ‘каменная (кирпичная) кладка’, Backwerk ‘печенье’, Buschwerk ‘кустарник’, Schuhwerk ‘обувь’; Zeug ‘материя’, ‘материал’ — Schreibzeug ‘письменные принадлежности’, Jagdzeug ‘охотничий принадлежности’, Fahrzeug ‘судно’, ‘экипаж’, Flugzeug ‘аэроплан’ и т. д.⁶¹

Таким образом, возникающее в языке противоречие между служебным назначением морфемы в одних случаях и ее неслужебностью — в других, может быть всегда разрешено либо за счет выделения одной морфемы со свободными, неслужебными и связанными, служебными морфами, либо за счет выделения двух омонимичных морфем, из которых одна неслужебна, а другая выступает как аффикс.

В спорных случаях отнесения какой-либо единицы к классу корней или классу аффиксов необходимо обратиться к изучению тех рядов образований, которые складываются при их участии. В подавляющем большинстве случаев это ведет к анализу в сфере словообразования, на уровне которого в силу соображений деривационного порядка одни элементы трактуются как обычные основы сложных слов, другие — как особые частотные компоненты сложного слова, проявляющие тенденцию к превращению в аффикс, и, наконец, третьи — как аффиксы. При таком подходе каждый лингвистический элемент может получить определение внутри своей серии образований и квалифицироваться либо как основа, либо как аффикс. Не требует специального объяснения, что при этом происходит отнесение анализируемого элемента ко взаимоисключающим функциональным категориям, и в этом отношении категория полуаффиксов оказывается излишней.

Вместе с тем при таком подходе мы пытаемся строго разграничить две проблемы: одна из них касается вопроса о том, является ли анализируемая морфема внутри данного образования корнем или аффиксом; другая —

⁶¹ См.: W. Fleischer. Указ. соч., стр. 64.

вопроса о том, каким типом морфем представлена единица, отождествленная нами как аффикс. Ответ на первый вопрос мы получаем в ходе функционального анализа, ответ на второй — в ходе структурной классификации морфем. Это значит, что, убедившись первоначально в том, что анализируемый нами элемент служебен по своему назначению и выполняет ту или иную словообразовательную роль, мы далее задаемся вопросом о том, не вызвано ли его своеобразие чисто структурными особенностями построения морфемы, членом которой он является. Такими структурными особенностями, обусловливающими особое поведение некоторых аффиксов (например, отделяемость от основы), мы считаем их принадлежность классу относительно связанных морфем.

Со структурной точки зрения аффиксы можно разделить на две группы — группу собственно аффиксов, или чистых аффиксов (они не имеют в языке никаких самостоятельных коррелятов), и группу относительных аффиксов. Первая экспонируется связанными, вторая — относительно связанными морфемами. Поскольку при выполнении этими морфемами служебных функций они эквивалентны, обе эти группы — группы аффиксов. Особенности относительных аффиксов не в их словообразовательной нечеткости, а в особом складывании цельнооформленного слова. Именно эти аффиксы демонстрируют специфические дистрибутивные особенности, вплоть до возможности дистантного расположения морфем. Ср. знаменитые готские примеры типа *tið-qiman* ‘приходить вместе’ и *tið-ni-qam* *siponjam* *seinaim* ‘вместе не пришел с учениками своими’. В современном голландском языке при образовании причастия II от префиксального глагола между префиксом, представленным относительно связанной морфемой, и основой вклинивается префикс причастия *ge-*; ср. *inslapen* ‘засыпать’ — *het ingeslapen kind* ‘заснувшее дитя’, *orbouwen* ‘строить’ — *het opgebouwde huis* ‘построенный дом’. В причастиях II от префиксальных глаголов, префиксы которых представлены связанными морфемами, грамматический префикс *ge-* отсутствует: *bewerkt* ‘обработанный’, *vertaald* ‘переведенный’, но *uit-ge-put* ‘истощенный’, *door-ge-lezen* ‘прочитанный’, ср. предлоги *uit* ‘из’, *door* ‘сквозь’. Близкую к этому картину можно наблюдать и в немецком языке. По мнению В. М. Жирмунского,

«разрыва» слова в таких случаях не происходит⁶², что объясняется, по-видимому, тем, что формы с дистантным расположением морфем или даже морфемами, вынесеными за пределы слова, продолжают ассоциироваться с исходными префигированными образованиями, т. е. исходной назывной целостной формой. Указанные особенности морфем, касающиеся расположения аффиксов, существенны со структурной точки зрения, но не имеют прямого отношения к определению функционального статуса единицы.

Деление аффиксов на чистые и относительные помогает установить следующие правила отождествления этих элементов. Если внутри серии определенных конструкций одна или несколько морфем выступают в служебной роли и не соотносятся ни с каким отдельным словом данного языка, то эти морфемы аффиксальны, и это доказывается одной их связанностью. Служебная связанная морфема внутри серии однотипных образований всегда представляет собой аффикс. С другой стороны, если внутри данной конструкции одна или несколько морфем служебны, но имеют в рассматриваемом языке какой-либо коррелят, такие морфемы могут быть либо: а) частью составного служебного слова (модель типа англ. *within* ‘в пределах’, *without* ‘без’, русск. *из-под*), б) относительными аффиксами. Служебность морфемы в данной конструкции может быть доказана либо на уровне словообразования, т. е. в силу доводов деривационного порядка, либо на уровне формообразования, т. е. в силу доводов сугубо грамматического свойства. На этом этапе исследования необходимо принимать во внимание специфические функциональные признаки деривационных и формообразующих морфем (см. ниже). Ясно в то же время, что служебность морфемы вряд ли нужно специально аргументировать в тех случаях, когда она имеет своим коррелятом служебное слово.

Учитывая возможное положение анализируемой морфемы по отношению к корневой морфеме в препозиции (1) или в постпозиции (2), а также специфику ее коррелята (*а* — коррелят полнозначное, знаменательное слово, *б* — коррелят служебное слово), мы можем предусмотреть существование следующих случаев:

² В. М. Жирмунский. Указ. соч., стр. 10.

I — 1а — морфема неслужебна и составляет первый компонент сложного слова;

II — 1б — морфема соотносится со служебным словом, является относительным префиксом и составляет часть префиксального производного;

III — 2а — морфема неслужебна и составляет второй компонент сложного слова;

IV — 2б — морфема служебна, соотносится с корнем знаменательного слова, составляет часть суффиксального производного, являясь относительным суффиксом. Превращение подобного аффикса в самостоятельную морфему может быть доказано при наличии полной изоляции его от корневой морфемы в семантическом плане и явном разрыве в употреблении самостоятельного слова и соответствующей служебной морфемы (примеры были приведены выше⁶³).

В связи со всем вышесказанным можно подчеркнуть, что в ряде языков, например германских, класс аффиксов следует расширить за счет прибавления к ним класса относительных аффиксов, т. е. за счет относительно связанных морфем, выполняющих функции, эквивалентные функциям безусловных аффиксов. Это позволяет уточнить представление о словообразовательных возможностях данных языков, дополнить сведения о служебных морфемах в этих языках и описать более детально ту промежуточную область между аффиксацией и словосложением, которая вообще нередко ускользала из поля зрения исследователей. В германских языках это относится в первую очередь к расширению инвентаря деривационных морфем, среди которых необходимо констатировать не только безусловные аффиксы, но и относительные суффиксы и, особенно, относительные префиксы.

Так, например, мы считаем возможным рассматривать в качестве относительного префикса в современном исландском языке частицу *ut-*, коррелятивную свободному наречию *ut* ‘наружу’, ‘вовне’. Основанием для этого является существование в исландском языке рядов противопоставлений типа:

borg ‘город’ — *utborg* ‘предместье города’, ‘окраина’
engi ‘луг’ — *utengi* ‘луга вдали от усадьбы’

⁶³ Примеры обособления см. также: Е. С. К у б р я к о в а. Что такое словообразование, стр. 43—44.

hverfi ‘группа домов’, ‘квартал’ — uthverfi ‘окраина’
jörg ‘ферма’ — utjörg ‘далняя ферма’
sveit ‘район’ — utsveit ‘удаленный район’ и т. д., или:
ausa ‘черпать’ — utausa ‘вычерпать’
borga ‘платить’ — utborga ‘выплачивать’
hella ‘лить’, ‘наливать’ — uthella ‘выливать’
hugsa ‘думать’ — uthugsa ‘выдумать’
mæla ‘мерить’ — utmæla ‘вымерять’
troða ‘топтать’ — uttroða ‘вытоптать’ и т. д.

Таким образом, {UT} можно трактовать как единую относительно связанный морфему, членами которой является свободное наречие, а также префикс *ut-*, образующий четкие словообразовательные ряды со значениями: а) удаленности от чего-либо, обозначенного мотивирующей основой; б) осуществления действия, обозначенного мотивирующей основой, в полном объеме. Наличие таких обобщенных значений препятствует рассмотрению образований с *ut-* как сложных слов. В то же время несомненная связь этих значений со значением исходного наречия позволяет рассматривать и наречие, и префикс как члены одной морфемы.

IV. Функциональная классификация аффиксов

Согласно традиционной точке зрения, все аффиксы можно разбить на три взаимоисключающих класса — словоизменительные, словообразовательные и формообразовательные морфемы. В общем виде морфемы словоизменительные определяются как реляционные, словообразовательные — как деривационные, а формообразовательные — как реляционно-деривационные морфемы⁶⁴. Детерминирующей функцией словоизменительных и формообразующих аффиксов, часто объединяемых вместе под последним названием, считается то, что они создают формы слова. Главной функцией словообразовательных аффиксов является то, что с их помощью создаются новые производные. Критерии разграничения формообразующих и словообразующих морфем связаны поэтому так или иначе с тем,

⁶⁴ Ср.: А. А. Р еформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 250—252; О. П. С уник. О морфологическом составе слова в агглютинативных языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1958, т. 17, вып. 4, стр. 335.

что посредством их присоединения в языке оформляются разные структурные единицы. В силу сложности дифференциации некоторых из этих единиц отнесение аффикса к тому или другому разряду происходит чисто условно. Это не означает, однако, что в принципе эти классы морфем неразличимы. Напротив, все они могут быть определены по совокупности признаков, связанных с разными особенностями в функционировании и распределении морфем данных классов. В разных лингвистических школах решающую роль при классификации аффиксов нередко отводят какому-либо одному из этих признаков. Такие точки зрения односторонни, но их анализ не бесполезен, ибо он позволяет осветить реальные расхождения, наблюдающиеся между аффиксами разных классов.

«Деривация и словоизменение,— пишет, например, В. Лейниекс,— это части единого морфологического процесса, но они не могут быть разграничены на основании данных одного морфологического уровня. Дифференциация словоизменения и словообразования может быть достигнута только путем соотнесения словоизменительных и словообразовательных морфем с теми семами, которые они сигнализируют»⁶⁵. По мнению этого лингвиста, следовательно, определение принадлежности аффикса к одному из рассматриваемых разрядов происходит в зависимости от того значения, которое выражено данной морфемой. На самом деле, однако, возможность идентифицировать аффикс путем его соотнесения с определенной семой весьма сомнительна. В окружении типа *побеждает сильнейший* в противовес окружению *он переболел сильнейшим гриппом* суффикс *-eish-* «сигнализирует» о двух разных семах, обозначая ‘самый сильный’ в первом случае и просто ‘очень сильный’ — во втором. Можно ли полагать вследствие различия сем, что перед нами два разных суффикса — один, принадлежащий классу формообразующих, а другой — классу деривационных морфем? Приведем и обратный пример. В таких противопоставлениях, как *большой — большая, сделал — сделала, пловец — пловчиха, писатель — писательница* и т. п., аффиксы позволяют выразить одни и те же — родовые — значения. Следует ли из этого,

⁶⁵ V. Lejnieks. The system of English suffixes. «Linguistics», 1967, v. 29, стр. 81.

что и классы аффиксов здесь тождественны? Обычно, по-видимому, не только отвергают подобное решение, но и подчеркивают различие способов выражения одного и того же значения, связывая его с тем типом морфем, которые его передают. Но если ни различие сем не свидетельствует о принадлежности аффиксов разным классам морфем, ни, наоборот, их тождество — о вхождении в один и тот же класс, это значит, что в классификации аффиксов мы не только не можем опираться на значения, ими выражаемые, но, скорее, определяем тип значения (грамматическое vs. лексическое) на основе анализа тех морфем, которые его передают⁶⁶. Разумеется, это не исключает того, что с каждым из выделенных выше классов морфем связывается особый тип значения. Это значит только то, что, отправляясь от содержания морфемы как такового, мы не можем прийти к адекватной трактовке аффикса. Если даже оставить в стороне безусловные трудности разграничения лексического и грамматического типов значений⁶⁷, можно показать, что фактически одни и те же классы морфем совмещают выражение разнородных значений. Так, аффиксы, рассматриваемые большинством лингвистов как деривационные, в одних случаях могут менять грамматическую характеристику слова, а в других — нет. Естественно, что этот факт не может не отразиться на общем значении, передаваемом этими аффиксами. При транспозиции, например, роль деривационных морфем сводится как раз к изменению категориальной принадлежности исходного слова и объем значения этих деривационных морфем уже диапазона тех морфем того же класса, которые не только переводят одну часть речи в другую, но одновременно и видоизменяют семантику исходной единицы.

⁶⁶ Как правильно подчеркивает Б. Н. Головин, возражая Н. Д. Андрееву, замкнутого круга в опознавании и различии единиц плана выражения и плана содержания по существу нет. «Единицы плана содержания определялись и определяются не через единицы плана выражения (хотя и при участии этих именно единиц), а путем соотнесения плана выражения с «планом реальной действительности». . .». См.: Б. Н. Головин. Рец. на кн.: Н. Д. А н д р е е в. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкоznании.— ВЯ, 1969, № 1, стр. 112.

⁶⁷ См.: А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 21—26; Он же. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.

ницы. Г. Марчанд справедливо указывает в этой связи на принципиально разную роль деривационной морфемы в случае чистой транспозиции (типа *mein v ä t e r l i c h e s Haus* ‘дом моего отца’) и в случае транспозиции, осложненной семантическим сдвигом (типа *er sah mich mit einem v ä t e r l i c h e n Blick an* ‘он посмотрел на меня отцовским взором’)⁶⁸. Но ведь отсутствие другого типа значения, кроме категориального, не делает транспонирующие аффиксы не-деривационными, например, формообразующими. К тому же ориентация исключительно на противопоставление лексических значений грамматическим не снимает необходимости определить и разграничить разные типы грамматических значений, без чего, собственно, невозможно разграничение формообразующих и словоизменительных морфем.

Мы исходим из противопоставления в языке трех типов значений: лексического, грамматического и деривационного. Чтобы тот или иной тип значения был признан грамматическим, он должен удовлетворять двум требованиям — находить особое формальное выражение и быть обязательным⁶⁹. Разграничение грамматических (словоизменительных и формообразующих — на этом этапе нерасчлененно) аффиксов и аффиксов словообразовательных происходит за счет того, что грамматическим аффиксом признается любая облигаторная категориальная (обычно морфемная) примета части речи и все вступающие с ней в прямые оппозиции категориальные приметы. Так, категория числа находит свое обязательное морфемное выражение в сфере имени существительного германских и славянских языков, благодаря чему каждое имя выражает облигаторно единственное или множественное число и вне этих значений немыслимо. Можно утверждать

⁶⁸ H. Marchand. Рец. на кн.: K. E. Zimmeier. Affixal negation in English and other languages. «Language», 1966, v. 42, № 1, стр. 138.

⁶⁹ О грамматическом как обязательном см.: R. Jakobson. Boas' view of grammatical meaning. «American Anthropologist», 1959, v. 61, № 5; И. А. Мельчук. О некоторых типах языковых значений.— В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., 1961, стр. 34; А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 24—25.

в силу этого, что число есть грамматическое значение имени существительного в германских и славянских языках. При этом наличие формы существительного предполагает наличие форм единственного и множественного числа (функция интердепенденции); отсутствие такой двусторонней зависимости заставляет предположить существование иного типа значения. Так, в современном английском языке от любого глагола (за редким исключением) можно образовать с помощью суффикса -ing соответствующее отглагольное имя, а с помощью суффикса -eg — название лица или предмета, производящих действие. Появление этих форм, однако, не обязательно, и в структуре простого глагола противоположные по типу значения (например, не-агентивность) никакого выражения не находят. Это служит основанием для отнесения морфем -ing и -eg к числу деривационных.

Словоизменительные и формообразующие морфемы формируют парадигматические ряды как группировки, проходящие по всему словарю данного языка в области, относящейся к одной части речи. Словообразовательные же морфемы формируют обычно более частные группировки, охватывающие отдельные серии слов внутри одной части речи. Они способствуют выделению обобщенных разрядов слов в пределах более крупных классов, имеющих, как правило, взаимоисключающий характер. Парадигматический комплекс объединяется чаще известным на бором значением, находящим обязательное выражение, словообразовательный ряд — единым (инвариантным) значением.

Указывая, что по своему характеру словообразовательное значение стоит ближе к лексикологии, чем к грамматике, М. Докулил подчеркивает вместе с тем их принципиальную нетождественность: эти типы значения различны по степени и качеству абстракции⁷⁰. Наряду с грамматическим — обобщенным в высшей степени и абстрагированным, и лексическим — индивидуальным типами значения, выделяется некое промежуточное — групповое или типовое значение, принадлежащее не целому классу слов, а его части⁷¹. В отли-

⁷⁰ M. Dokulil. Tvoření slov v češtině, 1. Praha, 1962, стр. 193.

⁷¹ M. Dokulil. К вопросу о морфологической категории.— ВЯ, 1967, № 6, стр. 7.

чие от грамматических значений деривационные значения, как и лексические, не обязательны: они могут быть, но могут и не быть выражены в пределах своей части речи. Словообразовательные значения, указывает И. А. Мельчук, «являются с точки зрения системы языка факультативными: их употребление определяется внеязыковыми факторами (содержанием), а их отсутствие не расценивается как нулевой показатель»⁷². В то же время, будучи «лексичными» в том смысле, что они могут быть соотнесены с экстралингвистическим миром, деривационные значения отличаются от лексических индивидуальных значений своей обобщенностью и «подстраиваются» под грамматические потому, что: а) носят обобщенно-категориальный характер; б) проходят по объемным разрядам слов, способствуя, подобно грамматическим значениям, поляризации разных формальных разрядов слов; в) морфологичны, т. е. находят свое формальное выражение в пределах слова. Для выражения каждого из словообразовательных значений в языке существует свой специальный показатель (показатели), свой деривационный форматив. Словообразовательные значения образуют тем самым группу формально выраженных значений. Таким образом, обобщенные категориальные значения, имеющие специальное выражение, ио не являющиеся обязательными, мы и называем словообразовательными значениями.

При определении словообразовательного значения чрезвычайно важно учесть весь ряд производных, сформированных по данной модели. Ведь деривационный аффикс есть не что иное, как средство передачи значений, выражающих тождество словообразовательного ряда⁷³.

Некоторые специалисты подчеркивают, что словообразовательным значением можно считать лишь значение, структурно выраженное в образце, по которому создано производное⁷⁴, или только общее значение, полностью

⁷² И. А. Мельчук. О некоторых типах языковых значений, стр. 35.

⁷³ Ср.: Г. С. Зенков. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969, стр. 40; М. Докулил. Указ. соч., стр. 7.

⁷⁴ Г. С. Зенков. Указ. соч., стр. 32 и особ.: Н. А. Янкотриницкая. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах. «Развитие современного русского языка». М., 1963.

выводимое из структуры производного слова⁷⁵. В этих определениях не учитывается, однако, роль производных с невыраженными отношениями словообразовательной производности. Опыт изучения конверсии и других форм безаффиксальной транспозиции заставляет признать, что для установления словообразовательного значения необходимо обращение к семантике мотивирующих единиц. Словообразовательные значения формируются под влиянием смысловой структуры всех исходных для данной модели компонентов. Но ведь далеко не все они оказываются представленными в составе производных единиц. Лишь в моделях аффиксального типа наиболее ощутимым вкладом оказывается семантический вклад суффикса или префиксса. Это и позволяет, собственно, считать их по праву средством выражения словообразовательных значений. Следует всячески подчеркнуть, что словообразовательное значение обобщает, оно системно, а не индивидуально. Как подчеркивает М. Докулил, «словообразовательное значение — это обобщенное структурное значение, точно так же, как обобщенное лексическое значение — это обобщенное глобальное значение, в противоположность которым грамматическое (здесь — морфологическое) значение — это абстрагированное от лексических словарных значений и формализованное реляционное значение (*Beziehungsbedeutung*)»⁷⁶. По своему характеру деривационные значения — это значения классифицирующие, категориальные, и потому их носитель — деривационный аффикс — выполняет прежде всего классифицирующую роль по отношению к корню⁷⁷. Словообразовательное значение производного слова является результатом воздей-

⁷⁵ Ср.: В. Н. Хохлачева. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969, стр. 14—15.

⁷⁶ См.: M. Dokulil. Zur Frage der Stelle der Wortbildung im Sprachsystem. «Slovo a Slovesnost», 1968, R. 29, стр. 13.

⁷⁷ Ср.: В. М. Никитин. Об одном аспекте исследования деривационной системы субстантива.— ВЯ, 1970, № 5, стр. 52, прим. 3, стр. 55; «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 61; ср. также: Б. Н. Головин. Словообразовательная типология русских приставочных глаголов. «Славянское языкознание». М., 1959, стр. 139; З. М. Волоцкая. Об одном подходе к описанию словообразовательной системы. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии». М., 1966, стр. 55—57.

ствия категориального и индивидуального значения деривационного форманта на категориальное и лексическое значение производящего слова; при образовании словообразовательных значений ведущая роль принадлежит категориальным значениям, ибо лексическое значение производящего слова лишь конкретизирует в словообразовательном акте то общее, что привносит деривационный формант (морфема или сочетание морфем) ⁷⁸. Несмотря на практические трудности описания словообразовательных значений, важна принципиальная возможность установления деривационного значения, отличного от грамматического и не сливающегося с лексическим. В известном смысле поэтому несомненно, что опора на разные типы значения позволяет говорить о разных типах морфем и приводит к разграничению деривационных и не-деривационных, собственно грамматических морфем ⁷⁹.

Так, по-видимому, опознанию словоизменительных морфем способствует их преимущественно реляционный характер, т. е. способность обозначать отношения между словами и оформлять синтаксические связи в предложении ⁸⁰. В отечественном языкознании традиция причисления к словоизменению исключительно синтаксически обусловленных форм слова связана с именем Ф. Ф. Фортунатова ⁸¹. Однако, как справедливо указал уже А. М. Пешковский, при таком рассмотрении ни категория времени, ни категория наклонения не относились бы к словоизменению, ибо они «не выражают зависимости составляющих

⁷⁸ См.: П. А. Соболева. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. Докт. дисс. М., 1969, стр. 29 и сл.

⁷⁹ Интересно подчеркнуть, что в отличие от лексических значений словообразовательные значения отдельного языка можно перечислить, как и грамматические значения, определенным списком. Естественно, что после составления такого списка, т. е. после проведения словообразовательного анализа, идентификация морфем существенно упрощается за счет инвентаризации служебных единиц, предназначенных для выражения выделенных значений. Ср.: З. М. Волоцкая. Семантическая классификация и способы образования отыменных глаголов. «Структурная типология языков». М., 1966; Она же. Опыт описания системы словообразовательных значений (по материалам русского и польского языков). Канд. дисс. М., 1969.

⁸⁰ См., например: E. Nida. Morphology, стр. 83.

⁸¹ Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение, общий курс 1901—1902 гг.— В кн.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. I. М., 1956, стр. 152—159 и особ. 155—157.

их форм от окружающих форм»⁸². Было отмечено также, что противопоставление синтаксического несинтаксическому, важное при грамматическом анализе форм слова, не соотнесено непосредственно с делением конструкций на формообразовательные и словоизменительные⁸³. Тем не менее можно подчеркнуть, что если серия морфем имеет реляционный характер и если взаимозамена таких морфем ведет к изменению синтаксической сочетаемости слов, мы, действительно, наблюдаем словоизменительную, а не формообразующую или деривационную морфему. Но, как уже было подчеркнуто выше, этот признак не является необходимым⁸⁴. Морфемы, обладающие в языке указанными свойствами и занимающие конечное положение в слове, называются флексиями⁸⁵. Флексия, таким образом, — это синтаксическая морфема.

Интересно отметить, что в качестве синтаксических морфем Е. Курилович рассматривает также морфемы, с помощью которых образуются слова, по лексическому значению тождественные исходному слову, но отличающиеся от него синтаксической функцией, типа *смелый* — *смелость* или *гулять* — *гуляние*⁸⁶. Мы, однако, считаем эти морфемы словообразовательными транспонирующими морфемами языка (см. ниже) и полагаем, что кардинальное деление грамматических морфем на словообразовательные и несловообразовательные базируется на способности первых создавать новые слова. Соответственно под словоизменением и формообразованием понимаются процессы несловообразовательного характера, которые не влекут за собой перехода слова в другой грамматический раз-

⁸² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 31; ср. также критическое рассмотрение взглядов по вопросу в работах: В. М. Жирмунский. О границах слова, стр. 14—17; E. Stankiewicz. The interdependence of paradigmatic and derivational patterns. «Word», 1962, v. 18, № 1—2, стр. 5.

⁸³ Ср.: А. А. Реформатский. Введение в языкознание, стр. 257; А. А. Зализняк. Указ. соч., стр. 23—24.

⁸⁴ Ср.: М. В. Панов. Словообразование.— В кн.: «Русский язык и советское общество». Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 31, прим. 11.

⁸⁵ «Грамматика русского языка», т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 17.

⁸⁶ Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая.— В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 61—62.

ряд⁸⁷. При таком подходе областью спорных случаев становится область образования вторичных единиц, остающаяся за вычитанием области словообразования и области синтаксического словоизменения. Первая определяется после проведения словообразовательного анализа и установления отношений словообразовательной производности (см. следующую главу), вторая — в ходе описания грамматического строя изучаемого языка.

По-видимому, эта-то спорная область фактов и считается относящейся к формообразованию⁸⁸. Учитывая различные возможные решения относительно данной области, зависящие от исходной точки зрения на словоизменение и словообразование, можно сказать, что распределение аффиксов по трем названным классам носит в отдельных языках скорее традиционный и чисто условный характер. Мы полагаем, что при разбиении аффиксов следует руководствоваться целым рядом критериев, из которых наиболее существенным является критерий типа значения, выражаемого аффиксом. Следует, однако, признать, что классификация аффиксов осложняется и тем обстоятельством, что один и тот же аффикс может в разных окружениях выражать нетождественные значения, с одной стороны, и что один и тот же аффикс может, с другой, выражать совокупность значений, которые обычно являются взаимоисключающими. Так, например, считается, что «формы слова никогда не бывают связаны между собой отношениями словообразования»⁸⁹. В каждом языке, по всей видимости, можно, однако, привести регулярные формы, которые нарушают это общее положение. Ср. в русском языке образование наречий типа *бегом*, *кругом*, *шагом*; в немецком языке — образование наречий типа *abends* ‘вечером’, *morgens* ‘утром’, в скандинавских языках — образование наречий от форм прилагательных среднего рода и т. п.

В сложных случаях определения классной принадлежности морфемы ориентируются поэтому на профилирую-

⁸⁷ См. «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 113.

⁸⁸ Ср.: В. М. Жирмунский. Указ. соч., стр. 17; З. М. Волоцкая. Об одном подходе к описанию словообразовательной системы, стр. 52.

⁸⁹ См.: «Основы построения описательной грамматики...», стр. 113—114.

щую для данной морфемы функцию и на ее роль в наиболее типичных регулярных окружениях. Это решение мы принимали при классификации морфем на служебные и неслужебные. То же относится и к градации аффиксов по степени их абстрактности и обобщенности (это противопоставление связано с Э. Сэпиром) и возможности практического отделения самых абстрактных (словоизменительных) от самых конкретных (деривационных) единиц⁹⁰. Все семантические критерии такого рода легко применимы к описанию уже отождествленных морфем, но они мало чем помогают самому процессу идентификации в спорных случаях.

Особую группу этих случаев демонстрируют морфологические конструкции, роль аффиксов в которых неоднозначна. При такой ситуации определение профилирующей функции аффикса затрудняется тем, что с его помощью формируются оппозиции, не одинаковые по их конкретному содержанию. Это явление можно описать, привлекая понятие синкретизма морфем. Иногда с этим понятием связывают совмещение одной морфемой нескольких однородных функций (например, функций нескольких падежей)⁹¹; для нас более важно, однако, подчеркнуть синкретизм разнородных значений⁹² и выделить по этому признаку некоторые особые группы аффиксов.

Синкретическими морфемами иногда называют словоизменительные аффиксы, участвующие в словообразовании по конверсии. Случаи такого рода общеизвестны и довольно многочисленны. В русском языке, например, субстантивация прилагательных — это образование существительных «с использованием в качестве словообразовательного средства флексий прилагательного»⁹³.

⁹⁰ Если бы деривационные морфемы были исключительно лексичны и конкретны, было бы непонятно, как могут строиться в языке с их помощью такие разряды, как классы абстрактных существительных.

⁹¹ О грамматическом синкретизме см. подробнее: Э. А. Макаев. Вопросы именного склонения в древних германских языках. «Труды Ин-та языкоznания АН СССР», т. IX. М., 1959, стр. 46 и сл.

⁹² Ср.: Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 60—61.

⁹³ См.: В. В. Лопатин. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 207.

Переплетение значений, обычно передаваемых по отдельности, характеризует и некоторые разновидности формообразующих аффиксов. Особо можно выделить в этом плане так называемые основообразующие элементы, демонстрирующие в конкретных языках в разных сериях противопоставлений нетождественную морфологическую нагрузку⁹⁴. Так, в русском языке в оппозициях типа *смешать — смешить, делать — делить* показатель основы, помимо своего прямого назначения (являясь приметой определенного парадигматического, конъюгационного класса форм), служит средством лексической дифференциации глаголов; в противопоставлениях типа *чернить — чернеть, белить — белеть* он не только характеризует разные производные глаголы, но маркирует различие переходных и непереходных глаголов; наконец, в оппозициях типа *решать — решить, лишать — лишить* он служит также средством видового различия, а в оппозициях типа *завтрак — завтракать, обед — обедать, белый — белеть, белить* и т. п. этот суффикс выполняет четкие словообразовательные функции.

Разные роли может играть и такой формообразующий суффикс, как показатель инфинитива. В скандинавских языках, например, находясь в составе непроизводных глаголов, это окончание передает одно грамматическое значение инфинитивности, неличности. В отыменных образованиях, однако, оно выражает, помимо этого, определенное словообразовательное значение ‘совершать действие, связанное своим результатом с тем, что обозначено производящей основой’, ср. исл. *mjólk* ‘молоко’ — *mjólka* ‘давать молоко (доиться)’, *jarn* ‘железо’ — *jarna* ‘обивать железом’, шведск. *land* ‘земля’ — *lända* ‘приземляться’, *segel* ‘парус’ — *segla* ‘идти под парусами’, *feber* ‘лихорадка’ — *febra* ‘лихорадить’ и т. п.

В немецком и голландском языках образование причастных форм слабых глаголов происходит за счет при соединения к основе глагола суффикса и префикса *ge-*. При образовании указанных форм от глаголов, уже имеющих в своем составе неотделяемую приставку, присоединения префикса *ge-* более не происходит, и его функции

⁹⁴ Ср.: Э. А. Макаев и Е. С. Кубрякова. О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке. «Фонетика. Фонология. Грамматика». М., 1971.

перенимает на себя префикс основы. Ср. голл. *dekken* ‘крыть’ — прич. II *ge-dek-t*, но *bedekken* ‘покрывать’ — прич. II *be-dek-t*, *stellen* ‘ставить’ — прич. II *ge-stel-d*, но *herstellen* ‘восстанавливать’ — прич. II *her-stel-d*. Ср. аналогично нем. *stellen* ‘ставить’ — прич. II *ge-stell-t*, но *bestellen* ‘заказывать’ — прич. II *be-stell-t* или *arbeiten* ‘работать’ — *ge-arbeit-et*, но *bearbeiten* ‘обрабатывать’ — *be-arbeit-et*.

Как видно из приведенных примеров, синкремизм морфем имеет в указанных случаях регулярный характер. Совмещение разных значений оказывается показательным для аффикса не спорадически (ср. русск. *капли*, англ. *colour-s* ‘флаги’), оно определяет его конкретную роль в целой серии конструкций⁹⁵. Естественно, однако, что сама возможность подобного систематического объединения функций словообразования и словоизменения, или словообразования и формообразования, затрудняет четкость их противопоставления и ставит под сомнение диагностическую ценность семантических критерии, взятых сами по себе.

Некоторые исследователи пытаются обнаружить различие классов морфем на других уровнях языка. Так, Ало Раун пытается связать различие словообразовательных и словоизменительных морфем с различием их структурной значимости в системе языка и с различием их внутреннего строения. По мнению А. Рауна, словоизменительные морфемы алломорфы, но семемны (*allomorphic but semetic*), тогда как словообразовательные — морфемы, но семмы (*morphemic but semic*)⁹⁶. Если учесть, что семемным Раун считает структурно-релевантное значение морфемы, т. е. значение, определяющее грамматическую структуру данного языка, а семмыми — индивидуальные значения, лишенные системного статуса, получается, что словоизменительные морфемы — это единицы, имеющие многочисленные алломорфы, сохраняющие при всем формальном разнообразии одинаковое «семенное» содержание. В противоположность им деривационные морфемы якобы не варианты, и каждый данный звуковой

⁹⁵ Ср. замечание А. А. Реформатского о том, что «... в русском языке падежные флексии и словоизменительны и словообразовательны одновременно» (Указ. соч., стр. 265).

⁹⁶ A. Raun. Grammatical meaning.— В кн.: «Verba docent. Jula-kirja Lauri Hakulinen 60 vuotispaivaksi 6.10.1959».

комплекс и есть данная морфема со своим индивидуальным «семенным» содержанием⁹⁷. Подобное противопоставление не кажется нам убедительным. Что касается различий, связанных с альтернированием морфемы, то они не могут служить критерием разграничения классов морфем, поскольку альтернирование реально встречается в любом типе морфем. Наряду с языками, типа английского, для которых более показательна вариантность словоизменительных морфем и инвариантность словообразовательных, можно легко указать на языки, типа русского, демонстрирующие обратную картину. Да и в самом английском языке представлено немало деривационных морфем, манифестируемых несколькими алломорфами.

Нетрудно убедиться и в том, что вывод об алломорфности одних морфем и отсутствии этого качества у других иллюстрируется частично с помощью таких примеров, при идентификации которых использовались разные критерии, что логически ничем не оправдано. Так, морфему множественного числа в английском языке можно рассматривать как представленную такими алломорфами, как -s, -еп, -а, только если отказаться от критерия формальной близости у членов одной морфемы. Но если отказаться от этого критерия и при идентификации словообразовательных морфем, в качестве алломорфов последних надо рассматривать все аффиксы с одним и тем же значением. В английском языке можно было бы тогда объединить в одну морфему суффиксы -ег и -ist, служащие для образования *nominis agentis*, в русском языке — суффиксы -щик, -ец, -анин, -ист и пр. В таком случае, однако, словообразовательные морфемы еще более алломорфны, чем словоизменительные.

Что же касается «семности» одних морфем и «семемности» других и релевантности этого критерия для разграничения словообразовательных и словоизменительных морфем, то по этому поводу можно высказать следующее замечание. Значимость тех и других для характеристики грамматической системы языка зависит не от противопоставления индивидуального обобщенному, а от того, насколько тесно связаны деривационные аффиксы с морфологической характеристикой структуры слова в рассматрива-

⁹⁷ Ср.: О. С. Ахманова. Фонология, морфонология, морфология, стр. 81,

мом языке. Словообразование и не могло бы включаться в морфологию, если бы его данные не были релевантными для описания морфологической структуры данного языка, в частности для описания структуры слова (см. ниже) или для описания классификации слов по частям речи и т. п. Провозгласить поэтому априорно все деривационные аффиксы семыми столь же неправильно, сколько исключить заранее (при всей автономности словообразования) глубокие и интимные связи между собственно морфологией и деривацией.

Нельзя не признать одновременно, что в уязвимой концепции Рауна есть доля истины в том отношении, что именно словоизменительные и формообразующие морфемы имеют самое непосредственное значение для общей характеристики морфологического строя изучаемого языка, ибо они конституируют самые фундаментальные особенности его системы, предопределяют наиболее важные ее черты. Это связано, однако, не с типом значения, которое они передают, а с местом его в структуре языка и, главное, обязательностью или необязательностью выражения этого значения. Именно этот последний признак позволяет отдельить собственно грамматические и морфологические значения как значения облигаторные от словообразовательных, деривационных, не обязательных. С этой точки зрения лексические значения выступают прежде всего как индивидуальные значения, характеризующие данное отдельное конкретное слово в его отличии от других слов, грамматические значения — как обобщенные формальные значения, характеризующие наиболее объемные для данного языка объединения слов (обычно — части речи), и, наконец, словообразовательные значения — как известного рода промежуточные особые обобщенные значения, типичные лишь для части слов, принадлежащих одной части речи, и в то же время не обязательные для части речи в целом.

Присоединение аффиксов разных классов ведет к разным последствиям. Так, прибавление грамматических морфем не оказывается на вещественном значении ядерной единицы (корня или основы), и последнее в процессе этого прибавления не видоизменяется: внутри парадигматических рядов обязательно сохраняется лексическое тождество исходной единицы. Напротив, присоединение

деривационных формантов имеет целью изменить значение исходной единицы, уточнить или специализировать его. Значение словоизменительной морфемы в общем независимо от основы, к которой она присоединяется, и взаимодействие значений здесь не типично: значение формы слова составляет обычно сумму значений основы и аффикса. Характер отношения основы и деривационного аффикса иной: помимо прямых словообразовательных значений, привносимых аффиксом, производные демонстрируют также значения, отличные и от тех, которые связаны с исходной основой (подробнее см. ниже). Согласно наблюдениям В. В. Виноградова, основа свободно соединяется с флексией и менее тесно спаяна с ней семантически, чем с суффиксом. Семантическая спайка основы и суффикса, пишет В. В. Виноградов, «крепче и целостнее, лексичнее, если можно так сказать»⁹⁸.

При описании конкретного аффикса следует различать вопрос о том, какие семантические оппозиции он формирует, и вопрос о его назначении. В принципе значение аффикса и его назначение — это два разных аспекта в его функционировании⁹⁹. Смещение понятий проистекает, по-видимому, от того, что для определенной серии служебных связанных морфем они совпадают и их практический трудно дифференцировать. Так, в современном английском суффикс -ly служит для образования наречий от качественных прилагательных (ср. *warm* ‘теплый’ — *warmly* ‘тепло’, *deep* ‘глубокий’ — *deeply* ‘глубоко’, *recent* ‘недавний’ — *recently* ‘недавно’), т. е. само значение его функционально: оно сводится к транспонирующему, меняющему морфологическую характеристику слова, но не его вещественное содержание. В других, более типичных случаях, однако, значение аффикса и его функция поддаются раздельному описанию. В современном датском языке, например, суффикс -løs служит для образования прилагательных от существительных, ср. *blad* ‘лист’ — *bladløs* ‘безлистный’, *blod* ‘кровь’ — *blodløs* ‘бескровный’. По своему значению это привативный суффикс, обозначающий ‘лишенный ч.-л., без ч.-л., указанного

⁹⁸ В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 110.

⁹⁹ В. Н. Ярцева. Историческая морфология английского языка, стр. 8.

основой', по своей функции — это адъективизирующий отыменной суффикс. Ту же функцию выполняет в датском языке формант *-fuld*, по своему значению, однако, прямо противоположный первому, ср. *kraft* 'сила' — *kraftfuld* 'сильный', букв. 'полный силы' — *kraftløs* 'бессильный'.

В. Дорошевский предлагает различать три функции словообразовательных аффиксов: *структурную*, связанную с переводом одного морфологического класса в другой (мы предпочитаем называть ее *транспонирующую*); *реально-семантическую*, связанную с выражением нового (лексического) значения у производной основы по сравнению с основой производящей, и, наконец, *экспрессивную*¹⁰⁰. Мы бы добавили к этим функциям и четвертую — *категориальную*, связанную с опознанием принадлежности слова к той или иной части речи, с отнесением его к тому или иному типу спряжения или склонения и, наконец, с выражением в нем тех категорий, которые имеют в данном языке обязательный характер¹⁰¹. Вне зависимости, однако, от выделения этой категориальной или классифицирующей функции важно само указание на существование нескольких неоднородных функций деривационных морфем, среди которых семантическая функция составляет только часть общего назначения аффикса. Это позволяет увидеть, что изменение значения — только одна из задач, которые может решать словообразовательная морфема. Описать поэтому словообразовательный аффикс лишь в терминах семантических невозможно.

Параллельно функциональным критериям в широком смысле этого термина, т. е. критериям функционально-семантическим, некоторые лингвисты предлагали использовать для разграничения словообразовательных и словоизменительных морфем синтаксические особенности конструкций с этими морфемами. Так, Дж. Гринберг пред-

¹⁰⁰ W. D o r o s z e w s k i. Kategorie słowotwórcze. «Sprawozdania Towarzystwa Naukowego», 39. Warszawa, 1946.

¹⁰¹ Категориальные приметы — вне зависимости от того, какими служебными морфемами они выражены (деривационными или нет), составляют неотъемлемую черту грамматической характеристики слова и в качестве таковых играют существенную роль в общем описании языка на морфологическом уровне. Ср.: Е. С. Кубракова. Что такое словообразование, стр. 8—10.

лагает тест на возможную субSTITУЦИЮ одной аффиксальной конструкции другой, без аффикса. При этом, если подключение аффикса к тому или иному отрезку образует последовательность, которая может быть заменена каким-либо определенным классом морфем без изменения значения конструкции в целом, мы имеем дело с аффиксом деривационным¹⁰². Так, *-ling* в англ. *duckling* 'утенок' может рассматриваться как деривационный суффикс, поскольку данную последовательность можно без ущерба для ее общего значения заменить классом морфем типа *goose* 'гусь' или *turkey* 'индюк'. Указанное правило применимо, однако, не во всех случаях — ему не подчиняются, например, конструкции с экзоцентрическими деривационными морфемами. Может быть замещенным конструкцией без аффикса и эндоцентрическое сложное слово, но из этого не следует, что его компоненты надо рассматривать как аффиксы и т. п. В принципе возможная подстановка свидетельствует о синтаксическом равноправии простых и производных конструкций. Проба на возможное или невозможное изъятие служебных морфем из готовой синтаксической единицы была предложена и Б. А. Успенским. Подчеркивая недопустимость устранения из синтаксической конструкции (словосочетания или предложения) служебных морфем определенного типа, он использует этот критерий для отделения морфем факультативных от морфем облигаторных, обязательных¹⁰³. Поскольку, однако, мы уже отмечали обязательность именно словоизменительных морфем, этот тест Успенского можно использовать и для дифференциации словоизменительных и не-словоизменительных служебных морфем. Первые нельзя устраниć из синтаксической конструкции без нарушения ее грамматической правильности. Словообразовательные же морфемы факультативны, и потому если их изъятие и меняет смысл высказывания, то оно обычно не отражается на правильности его построения, ср. *фонар(ик)* светит(ся); *еж(онок)* был (pre)хоро-

¹⁰² Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков, стр. 87.

¹⁰³ См.: Б. А. Успенский. Принципы структурной типологии. М., Изд-во МГУ, 1962, стр. 21—22; Он же. Структурная типология языков, стр. 80 и сл.— Параллелизма словоизменительных — облигаторных, как и словообразовательных — факультативных, морфем сам Б. А. Успенский не отмечает. Ср. также: А. Мартине. Основы общей лингвистики, стр. 486.

ш(енък)ий; (*про*)играл (*сверх*)сложную парти^к и т. п. И в этом случае можно отметить, что тест применим лишь к эндоцентрическим конструкциям.

В заключение можно назвать ряд структурных и дистрибутивных признаков, помогающих дифференцировать словообразовательные и словоизменительные аффиксы. Указывая на иерархию отдельных частей морфологических конструкций, Л. Блумфилд отмечал, что словоизменительные морфемы образуют, как правило, ее внешний слой (*outer layer*) и для них типично замыкающее, конечное положение в слове. Деривационные же морфемы образуют скорее внутренний слой морфологической конструкции¹⁰⁴. Чем интенсивнее выражен флексивный тип в том или ином языке, тем вероятнее, что формант в конечном положении будет выполнять функции окончания и выступать в ролях, аналогичных роли флексии. В качестве примера можно привести судьбу старых основообразующих элементов в древних германских языках — попадая в конец слова, они становились таким же компонентом парадигмы, как и исконные флексии. В современном немецком языке можно указать в этой связи на особую роль суффикса слабого склонения *-en*, который нередко полностью эквивалентен окончанию и включен в парадигму на правах флексии.

Как Л. Блумфилд, так и Ю. Найда отмечают также, что конструкции со словоизменительной морфемой обычно являются закрытыми или частично закрытыми: завершая эту конструкцию, данная морфема делает невозможным дальнейшее присоединение к ней еще одного форманта. Напротив, сочетание исходной формы с деривационным аффиксом знаменует образование открытой конструкции, которая еще может расширяться с помощью новых аффиксов¹⁰⁵ (ср. *form* ‘форма’ — *formal* ‘формальный’ — *formalize* ‘формализовать’ — *formalization* ‘формализация’ и т. п.). Формообразующие суффиксы стоят обычно перед окончанием и завершают образование новой основы, т. е. чаще следуют за деривационным суффиксом (ср. *сила* — *силь-н-ый* — *силь-н-ейш-ий*; чешск. *sp-ink-a-t*, исл. *glað-n-a-ð-i*), но это не обязательно¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Л. Б л у м ф и л д. Язык, стр. 240—241.

¹⁰⁵ Там же, стр. 241; Е. N i d a. Указ. соч., стр. 83.

¹⁰⁶ M. D o k u l i l. Tvoření slov v češtině, 1, стр. 215.

В каждом языке существуют свои позиционные ограничения на порядок следования служебных морфем. Часть таких ограничений составляют запреты, налагаемые на появление служебных морфем после флексий. Так, в датском языке возможно появление падежного показателя после показателя мн. ч., ср. еп *bog* ‘книга’ — *bøg-er* ‘книги’ — *bøg-er-s* ‘книг’; ср. аналогично и в шведском языке: еп *pojke-s bok* ‘книга мальчика’ — мн. ч. *rojk-ar-s böck-er*, *rojk-ag-na-s böcker*. В исландском возможно появление формообразующей морфемы среднего залога после всех словоизменительных морфем в соответствующих глагольных формах. Возвратные формы образуются здесь путем суффигирования показателя *-st* или *-zt* к соответствующей невозвратной форме. Интересно отметить, однако, что в разговорной речи порядок следования служебных морфем в этих формах нередко нарушается и, вместо правильных образований в 1 л. мн. ч. на *-um-st*, используется форма на *-ustum*, ср., например, форму среднего залога от глагола *brjóta* ‘ломать’ — лит. *brjót-um-st*, разг. *brjót-ustum*. Ограничено появление постфиксов после флексий *z* в современном русском языке: по-видимому, оно возможно лишь в случаях типа *крутящийся*, *крутящемуся* и пр.

Можно указать и на некоторые другие особенности аффиксов, связанные с их позицией в слове. Так, аффиксы, находящиеся в препозиции к корню — префлексы, — реже передают грамматические значения по сравнению с аффиксами, занимающими конечное положение, т. е. флексиями. Это связано отчасти и с тем, что префиксы не имеют обычно классифицирующего значения (особенно в области имени) и потому менее способны к выполнению чисто грамматических ролей. В германских языках, например, словоизменительные префиксальные морфемы вообще не представлены, а формообразующие наблюдаются только в немецком и голландском языках, где они используются для образования причастных страдательных форм. В русском языке приставки употребляются для передачи видовых различий, но их присоединение знаменует нередко и возникновение новой лексемы, т. е. носит деривационно-грамматический характер.

Словоизменительные аффиксы группируются чаще всего целыми сериями, образуя своеобразные микро-

системы форм, или п а р а д и г м у. Внутри единой парадигмы морфемы этого типа разграничивают частные значения из одного набора значения, они как бы реализуют этот набор в разных комбинациях. Для деривационных морфем это не типично.

Выше мы уже бегло отмечали и некоторые дистрибутивные особенности аффиксов разных классов. Так, деривационные морфемы сочетаются, как правило, с гораздо более узким кругом основ, чем грамматические аффиксы. С другой стороны, самих грамматических аффиксов в языке обычно меньше, чем аффиксов деривационных. В английском языке, демонстрирующем в этом отношении чуть ли не крайние возможности, в области словоизменения имени представлено, собственно, только три регулярных грамматических аффикса -s, -'s и -s', зато более 50 словообразовательных суффиксов. По-видимому прав Э. Станкевич, подчеркивающий известную взаимозависимость в распределении словоизменительных морфем соотносительно со словообразовательными: разветвленная система первых сопровождается узостью вторых, и наоборот, так что формальные эти средства в пределах одной части речи как бы уравновешены и дополняют друг друга¹⁰⁷.

В связи с развитием методов квантиативной лингвистики и методов статистико-комбинаторного моделирования можно ожидать новых сведений об отличии аффиксов словоизменительных от деривационных путем исчисления их средних длин и обнаружения их формального состава. Так, Б. Н. Головин указывает, например, что «конечные (или начальные) буквы, принадлежащие аффиксу словоизменительному, будут, очевидно, существенно отличаться по частоте от букв, принадлежащих основе или аффиксу словообразовальному. Границы между морфемами, в особенности границы между основами и аффиксами словоизменения, по-видимому, характеризуются во многих языках существенными перепадами частот, что и может быть использовано при построении соответствующей методики»¹⁰⁸.

Совершенно новые возможности в анализе разных классов морфем открываются и при исследовании их

¹⁰⁷ E. Stankiewicz. Указ. соч., стр. 13.

¹⁰⁸ Б. Н. Головин. Указ. рец., стр. 116—117, ср. также стр. 114.

морфонологических особенностей. Тонкие наблюдения этого рода содержатся в работах Э. А. Макаева¹⁰⁹. Указывая, например, что детерминативы в германских языках являются единицами деривационного уровня, а формативы — морфологического, он подчеркивает одновременно и чисто формальные различия между ними, проявляющиеся в неспособности первых альтернировать и, напротив, в способности вторых характеризоваться фономорфологическими чередованиями. Таким образом, в отдельных языках возможны и различия в представленности морфем разных классов разными наборами альтернантов.

Итак, разграничение словоизменительных, формообразующих и деривационных аффиксов базируется на целом комплексе функционально-семантических, структурных и дистрибутивных признаков. С помощью морфем этих разных классов в языке создаются разные структурные единицы, и их основное назначение связано именно с образованием этих единиц. Классификация аффиксов по указанным признакам призвана поэтому облегчить дальнейшее описание таких комплексных морфемных последовательностей, какими являются основа и слово.

Все перечисленные нами особенности оказываются в своей совокупности достаточными для того, чтобы произвести разбиение служебных морфем в зависимости от их функции и места выражаемого ими значения в системе данного языка, а тем самым способствовать их непротиворечивой классификации. Это заставляет одновременно признать принципиальную возможность отделить формообразование совместно со словоизменением от словообразования и продолжить анализ этих разных явлений, ориентируясь на типы структурных единиц, формируемых в их результате. С другой стороны, многофункциональность целого ряда аффиксов заставляет признать, что существование класса промежуточных явлений составляет неотъемлемую черту соответствующей морфологической системы в ее синхронном аспекте, важный признак взаимосвязи и взаимообусловленности отдельных звеньев данной системы, не противоречащий вместе с тем в целом их известной автономности и самостоятельности. Это положение

¹⁰⁹ Э. А. Макаев. Проблема детерминативов в индоевропейском и в общегерманском.— ВЯ, 1969, № 1, стр. 18—19.

мы постараемся аргументировать подробнее и ниже, переходя от анализа минимальных единиц описания к анализу тех морфемных последовательностей, составными компонентами которых они являются: основы и слова.

V. Об оформленности слова, его морфологических приметах и маркерах

Наличие аффикса в конце слова не только меняет его содержание в лексическом или грамматическом отношении, но и относит построенное с его участием слово к тому или иному парадигматическому или словообразовательному ряду. Конечный аффикс, следовательно, маркирует слово как особую разновидность вторичных единиц. В связи с этим можно говорить об опознавательной функции аффикса. Так, многие конечные служебные морфемы, помимо своих обычных морфологических или деривационных значений, на самом деле сигнализируют и о таких значениях, как «предметность» или «субстантивность», «процессуальность», «атрибутивность» и т. п. В добавок к этому словообразовательные морфемы нередко маркируют также принадлежность слова к тому или иному грамматическому или понятийному разряду, например, родовому, или конъюгационному, или другим более частным группировкам (фактивным или каузативным глаголам, именам действия и т. п.). Таким образом, параллельно основному назначению морфемы выделяется и сугубо лингвистическая, классифицирующая функция конечного аффикса. Общая функциональная характеристика аффикса оказывается тем самым связанной еще и с тем, опознанию какой категории он служит. Интересно в данной связи отметить, что субморфемные единицы, которые часто не могут рассматриваться как подлинные строительные элементы языка, не лишены подобной опознавательной функции. Это и позволяет говорить о них как об особых приметах слова, или маркерах. Целесообразно вернуться поэтому еще раз к анализу конструкций с квазиморфами с точки зрения функциональной характеристики их составляющих, т. е. в терминах тех разрядов морфем, которые были описаны нами выше.

Можно указать на несомненное различие между случаями, когда членение формы осуществляется с ориента-

цией на выделяемые аффиксы, с одной стороны, и случаями, когда членимость формы признается благодаря наличию в ней безусловно опознаваемого корня — с другой. Так, русск. *пере-ул-ок* поддается членению по аналогии с образцами типа *пере-лес-ок* и в силу возможной ассоциации элементов *пере-* и *-ок* с обычными аффиксами. Русские же слова *любовь* или *стеклярус*, проявляя признаки дефектной членимости, членятся все же в силу возможности выделить в них понятные корни. Уже это свидетельствует косвенно о том, что присутствие любого понятного элемента в слове создает условия для его дальнейшего разложения и опознания. Существуют также несомненные связи между понятием членимости и оформленности слова, ибо выделение любого служебного элемента в конце слова способствует восприятию данного слова как оформленного. Наличие служебного элемента в указанной позиции может в связи с этим рассматриваться как его морфологическая примета¹¹⁰. Целесообразно по этой причине ввести специальное обозначение для служебных морфемных и субморфемных единиц, способствующих опознаванию принадлежности данного слова к той или иной частной группировке, начиная с таких объемных объединений, как части речи, и кончая небольшими, но компактными деривационными разрядами слов. Подобные морфы или квазиморфы, служащие формальному опознаванию классной принадлежности слова и представляющие потому его категориальные приметы, мы предлагаем называть маркерами.

В качестве маркеров могут выступать любые конечные служебные морфемы. Так, наличие суффиксов *-ааг*, *-аard*, *-ier*, *-ist*, *-aris*, *-аап*, *-aat*, *-еет*, *-пааг*, *-ант*, *-ент* и др. в конце существительного в голландском языке свидетельствует о том, что перед нами имя мужского рода, а наличие суффиксов *-egge*, *-стер*, *-се*, *-те*, *-де*, *-ерij*, *-ернij* и др. о том, что данные существительные являются именами жен-

¹¹⁰ Из этого отнюдь не следует, что морфологической приметой не может быть элемент, отличный от морфемы (ср., например, роль мены ударения или других суперсегментных явлений) или занимающий в слове иную позицию. Однако нас интересует здесь именно роль конечных элементов слова — как морфемных, так и субморфемных. Ср.: М. М. Гуман. Грамматическая категория и структура парадигм. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 124 и сл.

ского рода¹¹¹. Суффикс *-s'* и его варианты в английском языке свидетельствуют о том, что перед нами существительное¹¹². Суффиксы *-ous*, *-less*, *-able* в английском языке маркируют прилагательные, а суффиксы *-fy* и *-ise* — глаголы. Но параллельно подлинным аффиксам маркерами могут являться также морфемные и субморфемные единицы следующих трех типов:

1) служебные связанные уникальные единицы, т. е. уникальные квазиморфы со словообразовательными или словоизменительными значениями (модели типа англ. *ox-eп* ‘волы’, русск. *люб-овь*);

2) служебные морфы, тождественные в звуковом и семантическом отношениях подлинным аффиксам, но в отличие от них вступающие в соединение не с морфами, а с корневыми квазиморфами (модель типа англ. *conveni-ent*, русск. *пере-ул-ок*);

3) служебные единицы, морфы, тоже сочетающиеся с квазиморфами, но не имеющие коррелята в виде регулярного аффикса: в отличие от маркеров первой группы они, однако, не уникальны.

Из этих трех групп морфемных единиц, объединяемых нами под названием маркеров¹¹³, в специальной литературе были описаны, собственно, только элементы второй группы — морфемные последовательности, эквивалентные живым суффиксам, после отсечения которых, однако, не остается производящей основы, соотнесенной хотя бы с одним словом в данном языке. Англисты говорят в этих случаях о так называемых первично-производных¹¹⁴. На деле эти слова не имеют никакого отношения к синхронной системе словообразования, и потому применение к ним термина «производный» кажется нам неуместным. Это — группа слов, которую мы описали выше под названием дефектно-членимых типа англ. *spider* ‘паук’, *auger*

¹¹¹ См.: С. А. Миронов. Нидерландский (голландский) язык. М., Изд-во МГУ, 1965, стр. 21—22.

¹¹² Это давало основание американским ученым рассматривать позицию перед *-s'* как диагностическую для существительного.

¹¹³ Понятие о маркерах было впервые обосновано нами в работе 1965 г. «Морфологическая структура слова в германских языках».

¹¹⁴ Ср.: Л. Бумфилд. Указ. соч., стр. 225, 261—266; E. Nida. The identification of morphemes. «Language», 1948, v. 24, № 4; B. Bloch, G. L. Trager. Outline of linguistic analysis, стр. 64.

‘сверло’, *otter* ‘выдра’; ср. также образования на *-ous* типа *pious* ‘набожный’, *raucous* ‘хриплый’, *jealous* ‘ревнивый’; на *-able* в *affable* ‘приветливый’ по сравнению с *drinkable* ‘питьевой’ от *drink* ‘пить’ или *adorable* ‘обожаемый’ от *adore* ‘обожать’¹¹⁵.

Субморфемные единицы, тождественные в материальном отношении обычным морфам, но не имеющие в противовес им самостоятельного смысла, описывает также И. А. Мельчук. По его мнению, такие единицы мы наблюдаем в составе морфологических фразеологизмов типа *ручка* ‘предмет для письма’ или *бычок* ‘сорт рыбы’¹¹⁶. Представляется, однако, что категория маркеров — это более широкая категория, включающая указанные элементы в качестве одной из возможных разновидностей. Общим признаком этой категории служит для нас признак функциональный: маркеры — носители особых служебных значений, идентифицирующих принадлежность слова к тому или иному формальному классу. По своему положению в системе языка маркеры трех названных групп резко отличаются от регулярных аффиксов.

В первой группе маркеров их главным отличием от аффиксов служит чисто дистрибутивная ограниченность подобных примет: они уникальны. Аффикс же по самой своей природе не может быть уникальным.

Во второй, более сложной группе случаев проведение различий между аффиксом и маркером основано на расхождении, существующем между системным статусом единиц и их положением внутри отдельных индивидуальных форм. Так, с точки зрения системы словообразования современного русского языка элемент *-ика* является суффиксом, служащим для названия ягод: голубая ягода именуется *голубикой*, черная — *черникой*, ягода с косточками в мякоти плода — *костяникой* и т. п. В таких названиях,

¹¹⁵ Ср.: Н. Н. Амосова. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956, стр. 67
Е. В. Малишевская. К вопросу о морфологической структуре слова в современном английском языке, стр. 188 и сл.; И. П. Иванова. С морфологической характеристике слова в современном английском языке, стр. 209, прим. 12.

¹¹⁶ И. А. Мельчук. К понятию словообразования. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1967, т. 26, вып. 4, стр. 355.

как *ежевика* или *брусника*, подобная мотивация отсутствует; между элементом *-ика* и теми связанными основами, к которым он присоединяется, отсутствуют семантические отношения, выраженные отношением *черн-* или *костян-* и аффиксом *-ика*. Членимость форм *ежевика* или *брусника* создается исключительно их общим структурно-семантическим подобием формам *голубика*, *черника* и т. п. Производность же слов *ежевика*, *брусника* мнимая, кажущаяся. Одновременно можно, однако, утверждать, что включение слов *ежевика*, *брусника* в один ряд с *голубика*, *черника* связано, несомненно, с наличием в них элемента *-ика*, коррелятивного аффикса *-ика*. Итак, с точки зрения синхронного словообразования *-ика* — это деривационный аффикс, в названных же индивидуальных формах это только морфологическая примета принадлежности слова тому же словообразовательному ряду, что строится с участием аффикса. Это — маркер.

Как следует из приводимого примера, маркеры второй группы не лишены самостоятельного значения. Они, обладая той же материальной формой, что и соответствующие аффиксы, разделяют с ними и определенный круг значений. Только в отличие от других членов «своей же» морфемы маркеры вступают в соединение с уникальными связанными или лишь виртуально свободными корнями. Вероятно, в каждом языке регулярные словообразовательные ряды, построенные с тем или иным аффиксом, присоединяют к себе по аналогии единичные образования с маркерами, ср. англ. *might* ‘мощь’ — *mighty* ‘мощный’, *greed* ‘жадность’ — *greedy* ‘жадный’, но *pretty* ‘хорошенький’ со связанный основой *prett*; нем. *traurig* ‘грустный’, *fleißig* ‘прилежный’, *kräftig* ‘мощный’, но *fertig* ‘готовый’, разложимое на квазиморф и маркер.

Особенно четко выступают опознавательные способности маркеров в пределах небольших, но компактных структурно-семантических группировок, по отношению к которым маркер выполняет роль морфологической приметы класса слов. Так, в исландском языке такой классной однородностью выделяется группа первообразных наречий на *-ir* типа *fugir* ‘перед’, *ufir* ‘над’, ‘через’, *undir* ‘под’, *eftir* ‘после’ и т. п., демонстрирующих, как правило, дефектно-членимые конструкции из корневых квазиморфов и маркеров. В немецком и голландском языках аналогичные ряды образуют предлогообразные наречия.

чия на -еp: ср. нем. unten ‘внизу’, oben ‘наверху’, neben ‘подле’, gegen ‘против’, zwischen ‘между’ или голл. buiten ‘снаружи’, binnen ‘внутри’, samen ‘вместе’, boven ‘над’ и т. п. Наличие единого форманта упорядочивает ряды, придает им структурное единство и вместе с тем способствует опознаванию слов, маркирует их как члены особой структурно-семантической группировки.

Как видно из этих примеров, демонстрирующих маркеры третьей группы, маркеры не соотнесены здесь ни с каким аффиксом, т. е. выделены благодаря их собственной повторяемости с одним и тем же значением. Маркеры этого типа, по-видимому, не столь часты, как маркеры второй группы. Тем не менее они иногда чрезвычайно показательны и для синхронной системы словообразования. Ср., например, столь распространенные обозначения тканей из синтетических волокон, засвидетельствованные в разных языках, типа *нейлон*, *дедерон*, *капрон*, *силон*, *орлон* и т. п. Характеризуя особенности этого ряда слов, Р. В. Бахтурина справедливо подчеркивает, что «конечный элемент -он (и его морфонологические варианты -лон, -рон) стал своеобразным семантическим и структурным показателем группы слов — названий синтетических волокон» и что основы этих слов не встречаются в других словах ни в свободном, ни в связанном виде¹¹⁷. Функционально такой элемент, безусловно, близок аффиксу, но то, что он соединяется с уникальными связанными основами, препятствует его прямолинейному рассмотрению в качестве суффикса. Это — маркер. Итак, и у маркеров этой группы мы сталкиваемся с ограничениями дистрибутивного порядка, но на этот раз они касаются партнеров маркеров, которые и обуславливают своей лексической неполнотой особый характер значения целого.

Интересно отметить, что маркеры третьей группы нередко встречаются в составе конструкций, не являющихся для данного языка исконными. Типичным примером маркеров этого рода может служить англ. -id, повторяющееся в некогда заимствованных прилагательных и не имеющее коррелята в виде регулярного продуктивного аф-

¹¹⁷ См.: «Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 226—229.

фикса, ср. *stupid* ‘глупый’, *humid* ‘сырой’, *rapid* ‘быстрый’, *solid* ‘прочный’, *valid* ‘веский’ и пр. Наличие маркеров в исландских, немецких и голландских наречиях свидетельствует, однако, что заимствованный характер конструкций с маркерами не обязателен.

Выделение категории маркеров заставляет пересмотреть вопрос о том, какие морфемные единицы могут служить в отдельном языке особой приметой классной принадлежности слова. Мы полагаем, что в области сегментных единиц такими приметами являются: а) у форм, обладающих признаками живой морфологической членности,— аффиксы в конечном положении, б) у форм, обладающих условной или дефектной членностью,— маркеры. Иначе говоря, мы предпочтаем сохранить название маркеров за морфемными единицами, служащими опознаванию категориальных значений у серии конструкций с нарушенной живой членностью.

Существование морфологических примет возможно не только на уровне словообразования¹¹⁸. В исландском языке, например, среди существительных мужского рода довольно широко представлены образования, оканчивающиеся на -all, -ill, -ull, -ann, -inn и т. п. Обычно последние рассматриваются как единую флексию, реализуемую одной морфемой, которая лишь диахронически представляет собой результат ассимилятивных процессов, коснувшихся стыка основы и старой флексии. Можно, однако, предложить следующую синхронную интерпретацию случаев указанного типа, представляя парадигму склонения слов типа *himinn* ‘небо’ или *lykill* ‘ключ’ в виде:

Ед. число:

Им. п.	<i>himin-n</i>	<i>lykil-l</i>
Род. п.	<i>himin-s</i>	<i>lykil-s</i>
Дат. п.	<i>himn-i</i>	<i>lykl-i</i>
Вин. п.	<i>himin</i>	<i>lykil</i>

Очевидно, что строение парадигмы позволяет противопоставить основе все служебные элементы, следующие за ней, и потому рассматривать -п и -л как элементы, параллельные флексиям. Заметим, что флексиям может предшествовать при этом как нечленимый корень

¹¹⁸ См. также: Е. С. Кубрякова. О типах морфологической членности слов, квази-морфах и маркерах, стр. 87 и сл.

(модель *himin-n*), так и основа, т. е. сочетание корня с суффиксом (модель *lyk-il-l*,ср. *lyk-j-a* ‘запирать’). Необходимость вычленения -*n* и -*l* в формах им. п. поддерживается показаниями всех косвенных падежей, особенно винительного, что и разрешает интерпретировать указанные элементы как маркеры имен мужского рода в именительном падеже единственного числа. В пользу правильности этой трактовки геминированных форм в письменном тексте свидетельствуют также и прилагательные мужского рода, четко противостоящие благодаря наличию данной морфологической приметы прилагательным женского и среднего рода, ср.:

м. р. <i>hal-l</i>	‘гладкий’	ср. р. <i>hal-t</i>	ж. р. <i>hal</i>
<i>hrein-n</i>	‘чистый’	<i>hrein-t</i>	<i>hrein</i>
<i>op-in-n</i>	‘открытый’	<i>op-ið</i>	<i>op-in</i>
<i>þög-ul-l</i>	‘немой’	<i>þög-ul-t</i>	<i>þög-ul.</i>

Таким образом, второй член геминат можно рассматривать как падежный маркер сознанием м. р. ед. ч. им. п. Вычленение маркера оправдано полностью его повторяемостью в серии однотипных слов и противопоставленностью форм с геминатами формам без них. Вычленение позволяет более адекватно отразить структуру парадигмы имени и, в частности, вывести единое правило, относящееся к построению парадигмы имен мужского рода: формы именительного и винительного падежей у всех имен мужского рода всегда разграничены и формально противопоставлены. Исход слов на -*all*, -*ull*, и т. п.— это внешний признак имен, за которым скрывается либо двуморфемное сочетание из суффикса и маркера, либо сочетание маркера с частью корня, ср. *op* ‘дыра’, ‘отверстие’, *op-in-n* ‘открытый’, но *hal-l* ‘гладкий’. Маркер может быть определен здесь как функциональный аналог флексии.

Из трех выделенных нами групп маркеров самыми яркими морфологическими приметами являются маркеры второй группы. Причины этого заключаются в том, что они коррелятивны аффиксам по форме, а отсюда — и по содержанию. Информация, связываемая с таким маркером, оказывается поэтому идентичной той, которая передается соответствующим аффиксом. Пример с *глокой куздрой* Л. В. Щербы и аналогичными примерами других языко-

веров свидетельствуют, помимо всего прочего, о том, что морфемная единица, формально совпадающая с флексией или суффиксом и занимающая в слове ту же позицию, неминуемо ассоциируется с тем же аффиксом и по значению, а тем самым начинает играть роль показателя, т. е. маркера, соответствующих категориальных значений у конструкции в целом. О семантической значимости подобных элементов свидетельствуют также опыты американских психологов, экспериментировавших в области опознавания и осмысливания незнакомых основ в окружении известных грамматических примет. Было показано, что в ходе процесса опознавания слова испытуемый ориентируется на грамматические маркеры, используя их именно как особые семантические классификаторы¹¹⁹. Категория маркеров представляется в связи с этим важным подспорьем при изучении вопроса о степени оформленности слова, а также для описания способов передачи той или иной информации в языке.

В 1962—1964 гг. были предприняты новые исследования, которые ставили своей целью вскрыть распределение информации в слове с точки зрения его буквенной, слоговой и морфемной структуры, а также оценить ту информацию, которую несет флексивная морфология. Исследование проводилось на материале нескольких разноструктурных языков¹²⁰. В результате исследований было, в частности, обнаружено, что появление максимумов информации на концах русских слов связано с использованием ко нечных аффиксов¹²¹.

Небезынтересно отметить, что осознание большей или меньшей семантической нагруженности конечных элементов сказывается в расхождениях, возникающих при оценке членности отдельных форм и приводит, в частности, к нетождественности решений относительно членности ∞ нечленности этих форм у людей со специальной

¹¹⁹ Ср.: S. M. Eggin. The connotations of gender. «Word», 1962, v. 18, № 3, стр. 249; R. W. Brown. Linguistic determinism and the part of speech. «Journal of Abnormal Social Psychology», 1957, v. 55; J. Vargso. The child's learning of English morphology. «Psycholinguistics». N. Y., 1961.

¹²⁰ См.: Н. В. Петрова, Р. Г. Пиотровский. Слово, контекст, морфология.— ВЯ, 1966, № 2, стр. 111.

¹²¹ Н. В. Петрова, Р. Г. Пиотровский. Указ. соч., стр. 116.

лингвистической подготовкой и обычных носителей языка¹²².

Введение понятий морфов и квазиморфов, аффиксов и маркеров позволяет не только уточнить статус разных морфемных единиц в системе языка, но и отразить более адекватно ту информацию, которая связана с появлением каждой из указанных единиц. Так, понятие морфа используется для описания единиц с отчетливой лингвистической значимостью, т. е. единиц, выступающих как носители очевидных значений. В противовес им понятие корневого квазиморфа вводится для описания единиц с низкой семантической значимостью и неясными значениями. Наконец, понятие маркера служит описанию конструкций, оформленность которых меньше, чем оформленность конструкций с аффиксами, но больше, чем у конструкций, не включающих в свой состав ни аффиксов, ни маркеров. Категория маркеров способствует тем самым описанию таких образований, которые несут своим составом известную информацию об их принадлежности тому или иному частному лексико-грамматическому разряду, но которые выражают эту информацию средствами, отличными от регулярных аффиксов. В целом можно утверждать, что оформленность слова — это результат входления в его состав аффикса или маркера, занимающих конечное положение. Таким образом, описание служебной части слова — это анализ аффиксов или маркеров, образующих окружение корня. Неотъемлемую часть описания структуры слова составляют в силу этого классификации аффиксов и маркеров по их конкретной роли и назначению. Пример такого анализа был дан выше в связи с выделением маркеров в парадигме исландского имени. Описание маркеров особенно важно в словообразовании. Причина этого заключается, по-видимому, в следующем.

В словообразовательных рядах, членами которых являются конструкции со связанными основами, функции деривационного элемента отличны от функций стандартного аффикса. Деривационный элемент такого рода, т. е. маркер, не модифицирует и не уточняет основу в полном

¹²² Ср.: R. S. M e u e r s t e i n. Informant morphemes versus analyst morphemes. «Proceedings of the Ninth Congress of Linguists». London, 1964.

смысле этого слова; он лишь способствует ее отнесению к определенному классу слов или понятийному разряду. Он служит поэтому средством выражения не отношений производности, т. е. регулярных отношений между мотивирующей и мотивированными единицами в структурно-семантическом плане, а отношений категориальной принадлежности. Так, слово *предложение* как грамматический термин не является производным от глагола *предлагать*; вместе с тем оно членимо, и выделение конечного маркера *-ени-е* относит это слово к разряду абстрактных существительных среднего рода. Мы уже говорили выше, что образования с маркерами подстраиваются под имеющиеся словообразовательные ряды или создают свои собственные объединения, вполне эквивалентные подлинным словообразовательным рядам: ср. химические препараты на *-ол*, лекарственные вещества на *-ин*, названия болезней на *-ит* и т. п. Многими исследователями эти ряды считаются обычными деривационными группировками с суффиксами¹²³. Строго говоря, однако, объединения, включающие слова типа *хинин* и *аспирин*, неоднородны (ср. *хин-а*, но *аспир-*). Эту неоднородность мы и стремимся отразить, указывая, что членами словообразовательных рядов могут являться любые однотипно оформленные единицы, т. е. как конструкции с одинаковыми аффиксами, так и образования с одинаковыми маркерами. Как это ни парадоксально, из этого следует, что словообразовательный ряд может выстраиваться за счет любых тождественно оформленных единиц, хотя не все они являются производными. Связи между членностью, оформленностью и производностью слов могут благодаря этому выступать в разных сочетаниях. Так, оформленные единицы — всегда членимы, но членимые — не всегда оформлены: составные предлоги, например, членимы, но они, по нашему мнению, не оформлены, ибо не включают ни аффикса, ни маркера — ср. русск. *из-за*, *из-под*, голл. *tegenover* ‘напротив’, шведск. *framför* ‘перед’; ср. также составные союзы в датском языке типа *indtil* ‘вплоть до’, ‘пока’, *eftersom* и *såsom* ‘так как’, *fordi* ‘потому что’

¹²³ См., например: В. В. Лопатин, И. С. Ульянов. Рец. на кн.: Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. «Филол. науки», 1961, № 1, стр. 133; «Словообразование современного русского литературного языка», стр. 224 и сл.

и т. п. В свою очередь, слова могут быть и членимыми, и оформленными, но не производными: таковы, на наш взгляд, слова типа *брусника*, *ежевика*, *любовь*, *пастух* и пр.¹²⁴ Обоснования этого решения, однако, уже выходят за рамки настоящей главы. Для того чтобы рассматривать какую-либо конструкцию в качестве производной, недостаточно ни признания ее членимой, ни признания ее оформленной. Для того чтобы совершить это, мы должны располагать новыми дополнительными сведениями о соотношении рассматриваемой конструкции с мотивирующим ее образованием. Получение этих сведений происходит уже на следующем этапе анализа и является итогом изучения проблемы производности. К рассмотрению этой проблемы мы и переходим в следующей главе.

¹²⁴ Иное понимание категорий см. в работах: Е. А. Земскай. Понятия производности, оформленности и членности основ. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966; Н. А. Крылов. Типы основ в современном русском языке. «Филол. науки», 1963, № 2 и др.

**ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ
СЛОЖНЫХ МОРФЕМНЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИХ АНАЛИЗА
С МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ
И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ**

**I. Процессы образования
регулярных морфемных последовательностей
и главные типы этих процессов**

В конце предыдущей главы мы стремились охарактеризовать ту роль, которую играют в построении дискретных единиц текста морфемы разных классов. Основное внимание было направлено при этом на поиски критерииев, которые позволили бы отграничить один класс морфем от другого и, в частности, отделить морфемы словоизменительные и формообразующие от деривационных. В связи с решением этой задачи мы были сосредоточены на описании отличительных признаков служебных и неслужебных морфем не только в функциональном, но и в чисто структурном планах. Подобное описание преследовало преимущественно цели опознавания морфем и их непротиворечивой классификации. Естественно, что специальная характеристика самих составных или сложных, комплексных морфемных последовательностей не составляла тогда непосредственной задачи исследования. Не являлось такой задачей и развернутое описание явлений формообразования и словообразования в целом. По-видимому, исчерпывающее описание этих явлений и не могло быть достигнуто на предыдущих ступенях анализа из-за их ориентации на вычленение и классификацию элементарных морфемных единиц, а не на конечные цели и результаты процессов формообразования и словообразования.

Не вызывает, однако, сомнения, что, хотя различие между морфемными последовательностями разных типов можно констатировать в терминах морфем разных классов, специфика самих последовательностей не исчерпывается особенностями их состава. Точно так же, хотя некоторые типы морфемных последовательностей различаются в силу участия в них аффиксов разных разрядов, сущность про-

цессов формообразования (в широком смысле этого термина, т. е. включая и формообразование, и словоизменение¹) не может быть понята не только вне обращения к другим участникам этих процессов, но и вне рассмотрения тех отношений, которые складываются между разными частями морфемных последовательностей, с одной стороны, и между самими морфемными последовательностями — с другой. Такому рассмотрению и посвящается настоящая глава. Иначе говоря, после установления процедур вычленения и идентификации морфемных единиц и их классификации мы можем перейти к следующим этапам морфологического анализа, связанным с изучением аранжировки или комбинаторики морфем и исследованием процессов, приводящих к возникновению морфемных последовательностей того или иного типа.

Соответственно непосредственной целью анализа становится выявление и характеристика возможных комбинаций морфем, выступающих на правах типовых и регулярных сочетаний и образующих сложные последовательности, не превышающие слова. Ввиду важности слова в первую очередь нас интересует построение морфемных последовательностей, репрезентирующих слова. Однако изучение комбинаторики морфем не исчерпывается анализом таких морфемных последовательностей, как слова. Регулярные типовые сочетания морфем образуют также и определенные части слов — более крупные и сложные, чем отдельная морфема, но меньшие, чем слово. Так, совместно и вторяющиеся группы служебных морфем образуют форманты или формативы, а в качестве особых последовательностей, противостоящих флексиям, выступают такие морфемные последовательности, как основа. Чтобы осуществить раздельное описание всех этих нетождественных сочетаний морфем, представляется целесообразным обратиться к рассмотрению тех процессов, в результате которых ряд указанных сочетаний оформляется в единое структурное целое и демонстрирует качества, не свойственные их компонентам по отдельности. Таких процессов в морфологии может быть названо три: словоизменение, формообразование и словообразование. Выше мы уже частично охарактеризовали эти процессы по их

¹ См.: «Современный русский язык. Морфология». М., Изд-во МГУ, 1952, стр. 32.

формальным участникам. Попытаемся теперь расширить общее представление об этих процессах как за счет рассмотрения тех результативных единиц, создание которых и служит их конечной целью, так и за счет рассмотрения структурных связей между компонентами названных единиц и самими единицами. Этот новый ракурс рассмотрения связан прежде всего с контрастным описанием словоизменения, формообразования и словообразования.

Принципиальное различие формообразования и словообразования в строении и функционировании языка, или различие собственно морфологии и словообразования, заключается прежде всего в том, что они направлены на создание разных структурных единиц и на использование создаваемых единиц в разных целях. Словообразование направлено на создание новых единиц в сфере номинации, формообразование — на организацию нормального использования единиц в составе предложения. Первой цели служит появление новой структурной единицы как новой лексемы, как новой единицы обозначения и потому — новой назывной формы; второй цели служит построение единицы, способной к самостоятельному функционированию в высказывании. Первой цели отвечает возникновение нового производного слова, или деривата, второй — возникновение определенных форм слова. Поскольку цели эти не взаимоисключающие, можно утверждать, что в известном смысле формообразование и словообразование не рядоположны и что поэтому одно может сочетаться с другим. С другой стороны, именно потому, что целью конструирования являются разные по своему назначению единицы, формообразование и словообразование могут подвергаться раздельной характеристике в силу нетождественности их главных функций.

При словоизменении процесс порождения новой единицы ведет к тому, чтобы выразить необходимые отношения между готовыми понятиями и оформить сочетание морфем (или отдельную морфему) как целостную единицу, способную к функционированию в качестве дискретной части предложения или же в качестве предложения. Созданием формы слова достигается функция выражения отдельности слова и его синтаксической самостоятельности. «Кроме смысла, выражаемого основой,— пишет А. Мейе,—

словоизменение указывает ту роль, которую каждое слово играет в предложении...»² В отличие от этого при словообразовании процесс порождения новой единицы направлен на то, чтобы выразить новую информацию как таковую, чтобы использовать или преобразовать имеющуюся морфемную последовательность (или отдельную морфему) в ономасиологических целях. Поскольку в языках флексивного строя эти процессы происходят как бы обособленно друг от друга и каждый из них имеет свои средства реализации, морфемные последовательности, появляющиеся в ходе названных процессов, нетождественны и обладают разной структурой. Не случайно поэтому, что разграничение формы слова и слова производного проводилось как разграничение разных структурных единиц. Эти традиции восходят в отечественном языкознании к Ф. Ф. Фортунатову и его школе. Противопоставление этих единиц использовалось для дифференциации формообразования и словообразования и последователями И. А. Бодуэна де Куртенэ³. По-видимому, однако, в поле зрения исследователя должны находиться не только структурные различия итоговых единиц названных процессов, но и их изначальная нетождественная направленность, их разные функции. Словоизменение должно обеспечить в языке создание необходимых форм слова, как диктуемых системой вариантов «одного и того же», словообразование — создание необходимых разных единиц номинации, а формообразование (в узком смысле термина) — создание необходимых типов основ, способных к функционированию внутри своей парадигмы. С этой точки зрения процессы словоизменения есть на самом деле процессы формообразования, процессы деривации (словопроизводства и словосложения) — процессы словообразования, а то, что именуется формообразованием, — процессы грамматического (обязательного) основообразования. Различие между указанными процессами существует поэтому прежде всего как различие в целях модификации или

² A. Meillet. *Linguistique historique et linguistique générale*, t. II. Paris, 1951, стр. 11.

³ Подробную историю вопроса см. в работах: В. В. Виноградова. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 100 и сл.; В. М. Жирмунский. О границах слова. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963, стр. 13 и сл.

варьирования одной исходной полнозначной единицы; различие целей порождает и различие способов подобных модификаций и, как следствие, различие в типах морфемных последовательностей. Не менее важным следствием функциональной нетождественности указанных трех процессов оказывается также возникновение разных связей между исходной последовательностью и разными результативными структурными единицами. Исходя из этого, можно полагать, что различия между тремя указанными процессами выявляются, с одной стороны, при сопоставлении межморфемных отношений внутри слова как определенной словоформы, внутри производного слова и внутри основы. С другой стороны, они обнаруживаются и при сопоставлении связей, наблюдаемых между вторичными единицами разного назначения и той первичной единицей, частичным преобразованием которой они все являются. В силу этих соображений мы считаем целесообразным описать специфику словоизменения, формообразования и словообразования (в их традиционных значениях), рассмотрев возможные видоизменения одной и той же исходной единицы и их конкретные результаты с вышеизложенной точки зрения, т. е. учитывая как синтагматические, так и парадигматические связи разных структурных единиц. Ограничимся первоначально для простоты возможными видоизменениями одного корня. Проблема разграничения разных областей морфологии и ее соотношения со словообразованием может быть представлена тогда как проблема разграничения разных типов связей у таких морфемных последовательностей, как словоформа, производное и основа, а также связей внутри этих единиц.

Отметим параллельно, что изучение однокорневых образований накладывает еще одно важное ограничение на исследуемый материал и отражает переход анализа на новую ступень абстракции. Если при сегментации текста мы сравнивали все повторяющиеся отрезки текста, сходные по форме и содержанию, а морфемы выделялись «из противопоставленности друг другу в парадигматическом плане (в рамках разных речевых отрезков)»⁴, если,

⁴ А. М. Мухин. Части речи и морфемы. «Уровни языка и их взаимодействие». М., 1967, стр. 111.

далее, при классификации морфем мы сравнивали серии последовательностей, одинаковые по типу и информации, ими передаваемой, то на данной ступени анализа мы сопоставляем ряды образований, связанные общностью их исходных частей, т. е. морфемные последовательности, обладающие одной и той же корневой морфемой.

Мысль о необходимости совместного изучения рядов образований с одним корнем (или общей основой) высказывалась применительно к членам одного и того же словообразовательного гнезда. В этом случае, однако, предметом исследования неизбежно становилось построение словообразовательного гнезда, по отношению к структуре которого корень рассматривался как источник порождения всех остальных единиц, а отдельные дериваты — как разноудаленные звенья одной иерархической группировки, проявляющие разную степень зависимости от своего ядра. Естественно, что при таком подходе рассмотрение однокорневых образований выходило за рамки собственно морфологии. Идея сопоставительного анализа всех образований с одним корнем выдвигалась также и как насущная проблема морфологии. В таком виде она была, например, сформулирована представителями дескриптивного направления. Однако ни Л. Блумфилд, ни его последователи не предложили конкретной процедуры подобного анализа и, главное, не ограничили строго рамками тех однокорневых объединений, которые вовлекались ими в морфологическое исследование. Не проводя должного различия деривационных и словоизменительных морфем, дескриптивисты, в том числе Л. Блумфилд, а за ним Б. Блок и Дж. Трейджер, именовали серию слов с одним и тем же корнем термином парадигма⁵. Подобное расширительное толкование термина кажется нам неоправданным⁶; неэффективной представляется и попытка рядо-положного рассмотрения всех родственных образований без известного ограничения. На наш взгляд, более результативным оказывается анализ такой морфологической

⁵ Л. Б л у м ф и л д . Язык. М., 1968, стр. 241; В. З л о с ы , G. L. Tagere. Outline of linguistic analysis. Baltifore, 1942, стр. 56.

⁶ Ср.: S. K a g c e v s k i . Système du verbe russe. Praha, 1927, стр. 25.

группировки однокорневых образований, которая удовлетворяет следующим требованиям:

а) изучаемые образования удалены от исходной единицы на одну и только одну формальную операцию;

б) они образуют по отношению к исходной единице прямую значащую оппозицию, повторяющуюся в другой серии случаев и воспроизводимую регулярно в другой паре однотипных образований⁷.

Рассматриваемые нами однокорневые образования составляют — при соблюдении указанных условий — группировку, все члены которой вторичны по отношению к исходной единице и потому зависимы от нее, равноправны по ступени этой зависимости и, будучи созданными одним «тактом порождения», представляют собой равноудаленные от ядра единицы. Можно продемонстрировать теперь различие словоизменения, формообразования и словообразования, указав на принципиальное различие трех групп вторичных образований как по типу отношений между морфемами внутри них, так и по типу их соотношения с исходной единицей, т. е. по их связи с источником порождения. Чтобы описать сущность этих связей, введем понятие об отношениях производности.

Отношения производности возникают в системе языка между двумя и более синхронно существующими единицами, обладающими общим ядром (например, общим корнем). Они отражают простейшую иерархическую зависимость единиц в коррелятивной паре образований, при которой одна единица воспринимается как первичная, а другая — как вторичная, одна — как производящая (источник порождения), а другая — как производная (результат порождения). Констатируя отношения синхронной производности, мы утверждаем тем самым, что в языке существуют две связанные формы, из которых одна — *determinante*, а другая — *determinée*. Порождение единицы можно рассматривать в таком случае как трансформацию исходной единицы или как частный случай лингвистического изменения, сущность которого заключена в формуле «А дает Б»

⁷ Процедура выявления морфологических группировок и их построение были описаны нами в работе «О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках» («Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков». М., 1972, стр. 173 и сл.).

или $A \rightarrow B$, где B каким-либо образом содержит или включает A . Исходя из этого, можно полагать, что отношения производности, или деривационные отношения, имеют основополагающее значение не только для морфологического или синтаксического уровней (ср. развертывание ядерных предложений в другие синтаксические структуры), но и для всей системы языка в целом, ибо принцип деривации пронизывает собой весь процесс синтеза речи и ее восприятия⁸. По-видимому, в самом общем виде можно считать, что отношения производности наблюдаются в языке всякий раз, когда из двух единиц одну правомерно рассматривать как обусловленную другой, как базирующуюся на ней, как полученную в результате применения к исходной единице той или иной операции. Наличие отношений производности отражается в существовании правил выводимости одной единицы из другой⁹, и констатация этих правил является неотъемлемой частью описания языка в любом его аспекте. «При таком подходе,— справедливо подчеркивает И. А. Мельчук,— описать морфологическое строение словоформы — это значит указать процесс, с помощью которого она может быть получена, или, другими словами, указать историю ее порождения»¹⁰.

Общее определение отношений производности конкретизируется на морфологическом уровне за счет того, что отношения эти постулируются исключительно между однокорневыми образованиями или образованиями с единой основой. Таким образом, об отношениях производности судят здесь прежде всего по наличию общей ядерной части и различию служебных частей, отражающих определенные морфологические операции. Отношения производности на уровне морфологии есть всегда формально вы-

⁸ См.: С. Д. Кацнельсон. Порождающая грамматика и принцип деривации. «Проблемы языкоznания». М., 1967; С. К. Шумян. Абстрактные деривационные системы и аппликативная порождающая модель. «Проблемы структурной лингвистики 1967». М., 1968, стр. 137 и сл.

⁹ Ср. понятия вывода в трансформационной грамматике и понятие выводимости у Н. А. Янко-Трипецкой в ее работе «Членность основы русского слова» («Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1968, т. 27, вып. 6, стр. 533).

¹⁰ И. А. Мельчук. О притяжательных формах венгерского существительного. «Проблемы структурной лингвистики 1967». М., 1968, стр. 336.

раженные отношения, т. е. отношения производности по форме. Они подлежат ведению морфологии именно в той мере, в какой они выявлены в и у т р и с л о в а (понимаемого, естественно, как система словоформ). Из этого следует, что отношения производности могут быть установлены на морфологическом уровне там, где они оформляются в пределах слова, с одной стороны, и лишь там, с другой, где единство корня в серии образований не вызывает сомнения. Иначе говоря, эти отношения отсутствуют у супплетивных образований или у образований, тождество корня в которых может быть доказано лишь этимологически или исторически.

В каждой конкретной лингвистической системе существуют свои способы оформления отношений производности, и в силу этого возникают объемные ряды образований, объединенные не только определенным типом соотношения с исходными единицами, но и способом выражения в них идеи вторичности. Как указывают многие исследователи, вторичность одной формы по сравнению с другой предполагает обычно большую сложность результативной единицы. Эта сложность является результатом применения какой-либо формальной операции к исходной единице; она, как правило, оказывается в том, что протяженность вторичной морфемной последовательности превышает протяженность базовой. Последнее, однако, отнюдь не обязательно, ибо формальной операцией, примененной к ядру, может явиться не только присоединение нового сегмента, но и усечение имеющегося или же внутриморфемные изменения. В зависимости от характера указанных формальных операций все вторичные образования могут быть разделены на линейные, или сегментные, и нелинейные. В линейных типах производных единиц способы выражения формальной производности выражены в явном виде и заключаются либо в присоединении новых служебных единиц (аффиксация), либо в присоединении новых неслужебных компонентов (сложение, или композиция), либо, наконец, в повторении части исходной формы или всей формы целиком (редупликация). В этих случаях элементы конструкции как бы нанизываются посегментно; приметой отношений производности становится тем самым тот или иной линейный отрезок, сегмент. Типы подобных вторичных единиц обра-

зуют в языке группу производных с формально выражеными отношениями производности. Это — группа наиболее легко анализируемых вторичных единиц, у которых сама структурная сложность является показателем их зависимости от соответствующих ядер.

В нелинейных моделях вторичных единиц способы выражения отношений производности связаны либо с внутриморфемными изменениями (чредования), либо с такими формальными операциями, как усечение или наложение морфем. Разновидностью нелинейных вторичных единиц являются также единицы, созданные путем конверсии. Отсутствие приметы отпопшений производности в называемых формах этого типа не означает, однако, полной невыраженности в языке их вторичного характера: лингвистическими критериями их производности здесь является объем значения и вхождение в иные типы синтаксического окружения по сравнению с исходными единицами. Таким образом, признаки вторичности образований могут быть выявлены и здесь, хотя они и оказываются «неморфологическими» и потому — более сложными для анализа¹¹. Если отвлечься от случаев этого рода, важных более для словообразования, чем для морфологии, можно отметить, что в конкретных системах вторичные образования выступают, как правило, в качестве маркированных теми или иными специальными показателями, указывающими в линейных моделях не только на производность данных единиц, но и на направление производности.

Сравнивая отношения между образованиями *стол* — *стола* или *стол* — *столу* и т. п., с одной стороны, и между образованиями *стол* — *столик*, с другой, мы можем легко удостовериться в том, что все они связаны единством корня, удалены от него на одну операцию и воспринимаются носителями языка как обусловленные последовательностью *стол-*. И по своей семантике, и по своей структуре все перечисленные вторичные образования могут быть не просто соотнесены со словом *стол*, но и объяснены через эту последовательность. Выводимость данных образований позволяет также констатировать во всех этих случаях наличие отношений формально выраженной произ-

¹¹ См. подробнее: Е. С. Кубракова. О словообразовательной системе языка и отношениях словообразовательной производности. «Проблемы современного словообразования». Рига, 1969, стр. 4.

водности. На наш взгляд, правомерно рассматривать поэтому в качестве производной единицы от *стол* не только последовательность *столик*, но и формы *стола*, *столу*, *столом* и т. п. Доводы в пользу рассмотрения формы *воды*, *водё* как «производных» от *вода* выдвигались и В. М. Жирмунским¹²; на возможность и необходимость интерпретировать в одном ряду такие образования, как *зима*, *зимой*, *зимний* или *соль*, *сблю*, *солил* и т. д., указывают также представители аппликативной грамматики: перечисленные примеры рассматриваются ими как связанные отношениями производности и подлежащие ведению грамматики¹³. «Идея порождения более сложных объектов из элементарных, — подчеркивают С. К. Шаумян и П. А. Соболева, — требует такой организации словоформ реального языка, при которой одни формы выводились бы из других в соответствии с тактами работы генератора слов»¹⁴. Это позволяет представить далее равноудаленные от своего ядра формы в виде графов или деривационных деревьев и предусмотреть в описании грамматики правила их организации¹⁵: в пределах каждого ответвления равноудаленные формы изоморфны по своей связанности с исходной единицей и по прямой структурно-семантической зависимости от этой базисной формы.

Указанная изоморфность вторичных образований позволяет сблизить процессы словоизменения, формообразования и словообразования (*соль*, *сблю*, *под-сол-и-ть*) и видеть за ними не только различающиеся, но до известной степени и сходные явления. В этом свете следует рассматривать и частое материальное сходство в осуществлении этих процессов, о котором мы говорили выше, указывая на практические трудности разграничения формообразования и словообразования¹⁶. В этом свете следует

¹² См.: В. М. Жирмунский. О границах слова, стр. 18—19.

¹³ Ср.: С. К. Шаумян и П. А. Соболева. Основания порождающей грамматики русского языка. М., 1968, стр. 15.

¹⁴ С. К. Шаумян и П. А. Соболева. Указ. соч., стр. 18.

¹⁵ Помимо работ, названных выше, см. построенное по этому принципу исследование: V. Lejneks. The system of English suffixes. «Linguistics», 1967, v. 29.

¹⁶ Заключая свое исследование склонения венгерских существительных, И. А. Мельчук указывает, что многие правила его порождающей модели лейтвены не только для формообразования, но и для словообразования. Это можно, по-видимому, объяснить принципиальным сходством конструирования вторичных

оценивать и близость словообразования морфологии. «Здесь лежит,— отмечал Л. В. Щерба,— формальная возможность соединить словообразование и морфологию в узком смысле в морфологию в широком смысле»¹⁷ (разрядка наша.— *E. K.*).

Нетрудно показать вместе с тем, что типы связей, наблюдаемые у равноудаленных вторичных единиц, проявляя некие общие свойства, все же отнюдь не одинаковы и что конкретный характер структурно-семантической зависимости связанных единиц не тождествен. Обратимся к исследованию фактических данных.

II. О двух типах отношений производности в морфологической системе языка

Изучая производные образования, удаленные от своего ядра на одну формальную операцию, мы отметили, что эти образования отражают не только существование определенной структурно-семантической зависимости, но и ее направление. Мы указали также, что, сходные по степени зависимости, вторичные образования, по-видимому, неодинаковы по конкретному типу связи, возникающему между исходной и результативными единицами, и по типу межморфемных связей внутри данных вторичных единиц. Можно полагать, далее, что отмеченное различие позволяет выделить разные типы отношений производности на морфологическом уровне и констатировать два главных типа этих отношений.

Рассмотрим первоначально отношения между образованиями *стол* — *стола* или *соль* — *солью* и т. п. В чем заключается здесь модификация исходной единицы и к какому ее изменению она приводит? Установление каких связей происходит в данном случае? Используя слова академика В. В. Виноградова, можно сказать, что здесь наблюдаются «те видоизменения одного и того же слова, которые, обозначая одно и то же понятие, одно и то же

единиц в языке независимо от их дальнейшего использования. И. А. М е л ь ч у к. Модель склонения венгерских существительных. «Проблемы структурной лингвистики 1967». М., 1968, стр. 365.

¹⁷ Л. В. Щ е р б а. Что такое словообразование?— ВЯ, 1962, № 2, стр. 99.

лексическое содержание, либо выражают разные отношения одного и того же предмета мысли к другим предметам мысли, либо различаются некоторыми дополнительными грамматическими оттенками, не создающими нового слова»¹⁸. В. М. Жирмунский, критикуя это определение за нечеткость и сугубо эмпирический характер, соглашается вместе с тем с общим его содержанием¹⁹. И действительно, суть процесса образования форм слова сформулирована здесь достаточно ясно: применение формальной операции, в данном случае прибавление аффикса, приводит во всех случаях к варьированию грамматических характеристик единицы, лексическое значение которой остается в это время неизменным. Внутриморфемные связи в последовательностях рассматриваемого типа сводятся к суммированию информации, передаваемой отдельными частями последовательности, а связи исходной единицы с итоговыми — к организации определенной совокупности единиц, объединяющихся по принципу полной предсказуемости числа и характера грамматических различий между ними и при условии сохранения абсолютного лексического тождества исходных и вторичных форм. В каждой отдельной морфологической системе варьирование грамматических или категориальных характеристик происходит у однотипных образований (например, у одной части речи) по строго заданному образцу, т. е. в пределах выражения четко ограниченного круга обязательных значений. Серии образований, обладающих указанными свойствами, называются парадигматическими рядами, а члены этой серии — формами слова. Особый же тип отношений, наблюдаемый в таких случаях, можно соответственно обозначить как парадигматические отношения или как собственно морфологические отношения.

Из сказанного следует, что если серию однокорневых равноудаленных от своего ядра образований можно объединить в один ряд благодаря абсолютному совпадению лексических значений у последовательностей, предшествующих служебным элементам или остающихся за вычи-

¹⁸ В. В. Виноградов. Словообразование в его отнесении к грамматике и лексикологии, стр. 107.

¹⁹ В. М. Жирмунский. О границах слова, стр. 15.

танием этих элементов, и, одновременно, благодаря полностью предсказуемому различию грамматических значений у последовательностей, включающих любой из этих служебных элементов, то перед нами серия словоформ. Совокупность их образует парадигму, а корреляция исходной и вторичной словоформы — парадигматический (горизонтальный) ряд. В основе парадигматического ряда лежит особый тип отношений производности — производности по форме: выводимость одной единицы из другой существует на фоне полного повторения лексического значения исходной единицы и соотнесенности изменения формы исходной единицы с изменением грамматических значений.

Обусловленность одной единицы другою указанного типа характерна не только для словоизменения, но и для формообразования, поскольку и здесь можно продемонстрировать, что общее значение вторичных последовательностей полностью предсказуемо и что их лексическое значение полностью воспроизводит лексическое значение исходной единицы. Можно отметить также, что при таком понимании формообразования под него подводятся все случаи «не-словообразования», т. е. не только классические случаи образования причастных форм или степеней сравнения, но и все случаи морфологического основообразования. Явления этого типа были широко представлены в индоевропейских языках, где тематические гласные, например, проходя между корнем и окончанием и оформляя особый тип основы, исконно не имели отношения к смыслоразличению и выполняли функции классных показателей. В целом можно сказать поэтому, что формообразование служит дополнительному различию вариантов одного и того же ядра и способствует более детализированному противопоставлению форм слова внутри одной части речи или же используется для осуществления принципа дистантности между разными парадигматическими классами. Вместе со словоизменением формообразование служит более четкому разграничению вариантов одной и той же лексемы, и все преобразования лексемы, связанные с проведением указанных процессов, не нарушают тождества слова. Напротив, словообразование служит прежде всего созданию новой лексемы, созданию нового знака посредством отсылки к другому знаку. Это кардинальное различие двух областей лингвистики —

формообразования и словообразования — и было подчеркнуто академиком В. В. Виноградовым в его тезисе о том, что область формообразования относится к морфологии слова, а область словообразования — к морфологии лексемы²⁰.

Хотя в дальнейшем изложении мы остановимся на конкретных процедурах разграничения формообразования, словоизменения и словообразования, отметим все же, что нахождение границ между ними обязательно не во всех случаях. Точнее, если установление границ между словообразованием и не-словообразованием настоятельно необходимо, ибо только точное обособление этих дисциплин ведет к адекватному описанию языка, то полное размежевание областей формообразования и словоизменения иногда вряд ли целесообразно. Описание этих процессов всегда происходит в рамках грамматики и, по-видимому, должно быть подчинено прежде всего описанию системы словоформ одного слова как определенной части речи. Дело заключается поэтому не в том, что до сих пор не удавалось обосновать различие этих областей чисто формально²¹, но в том, что в практике грамматического описания то или иное решение вопроса ведет к маловажным последствиям и отражается, собственно, лишь на перегруппировке материала, его перераспределении, а не на принципиально новом его освещении.

Небезынтересно подчеркнуть в этой связи, что, основываясь на том определении отношений морфологической производности, которое было дано выше, можно утверждать, что факт отсутствия жестких границ между формообразованием и словоизменением находит свое оправдание именно в том, что морфологические связи, устанавливаемые по ходу осуществления процессов формообразования и словоизменения, проявляют значительное сходство. Оно сказывается, например, в том, что в обоих случаях соотношение между исходной и результативными единицами одинаково по типу структурно-семантической зависимости. В структурном плане это выражается в от-

²⁰ В. В. Виноградов. О формах слова. «Изв. АН СССР ОЛЯ», 1944, т. 3, вып. 1, стр. 34; ср. также противопоставление морфологии лексической, или морфологии наименования, морфологии флексивной.

²¹ Ср.: А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 23—24.

личии вторичной единицы на ту или иную формальную операцию (прибавление аффикса, чередование и т. п.), в семантическом — в удаленности вторичной формы от исходной на точно фиксированное смысловое расстояние²². В любом вторичном образовании, являющемся результатом процессов формообразования или словоизменения, будь то форма слова или основа, легко определить общее значение образования через сумму значений его составляющих. Отсутствие взаимовлияния значений отдельных частей образования резко отличает этот тип связей от связей, наблюдающихся при словообразовании, и может рассматриваться в качестве их отличительного признака.

Отсутствие фузии значения отдельных частей формы слова позволяет признать, что как член парадигматического ряда вторичное образование чаще бинарно: «огромное большинство слов русского языка,— писал А. М. Пешковский,— распадается в нашем уме на части, вещественную и грамматическую»²³. Форма слова представляет поэтому объединение этих значений, выраженных обычно по отдельности.

Указанные особенности ведут к возможности упростить описание языка путем представления серий форм в виде парадигмы, т. е. упорядоченного ряда одних грамматических формативов. При такой подаче материала парадигма предстает в виде набора расположенных в определенном порядке служебных морфем, в абстракции от тех лексем, с которыми данные морфемы соединяются. Парадигма, отражающая совокупность грамматических вариантов одной и той же лексемы, строится в соответствии с определенной схемой отношений между этими вариантами. Подобная схема предусматривает обычно:

- 1) точное число данного объединения: количество участников парадигмы;
- 2) порядок расположения каждого члена парадигмы, обычно в соответствии с видоизменениями категориальных значений, характеризующих данную лексему;
- 3) воспроизведение лексемы (основы) в неизменном

²² О термине «смысловое расстояние» см.: Вяч. Вс. Иванов. Некоторые соображения о трансформационной грамматике. «Тезисы докладов на конференции по структурной лингвистике, посвященной проблемам трансформационного метода». М., 1961.

²³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6. М., 1938, стр. 43.

виде: лексема остается внутри своей парадигмы величиной константной, а флексии или формативы выступают как переменные;

4) оформление каждого звена парадигмы собственным показателем;

5) строгое соблюдение определенных смысловых расстояний между отдельными членами ряда (на один или два шага, но одинаково в пределах одной парадигмы).

Можно отметить также, что схема построения парадигмы предусматривает иногда варьирование облика ядерной формы (основы) в отдельных звеньях ряда, с чем связано появление, наряду с одновершинными, двух- или трехвершинных парадигм или парадигм с разными морфами одной морфемы.

Перечисленные свойства парадигматических рядов позволяют утверждать, что лексические различия их членов иррелевантны, а грамматические как бы заданы самой парадигмой. Отношения между членами одной парадигмы пропорциональны, симметричны, предсказуемы и позиционно обусловлены²⁴. Свойство позиционной обусловленности каждого члена парадигмы ведет еще к одной важной черте всего ряда: одна из форм внутри него приобретает нередко особое положение, становясь своеобразной точкой отсчета, так что все остальные формы начинают восприниматься не только как группирующиеся вокруг одной основы (по этому признаку все формы одной парадигмы рядоположны), но и как возводимые к определенной форме. Дело заключается не только в том, что существование такой формы, как, например, *стол*, заставляет предположить наличие форм *стола*, *столу* и пр., равно как и существование формы *столов* заставляет предположить наличие формы *стол*²⁵. Дело в особой доминирующей роли определенной формы, чаще всего — назывной: так, форма *столами* воспринимается как производная от *стол*, а не от, скажем, формы *столов* или *столам*. По-видимому, подобное особое положение некоторых единиц обуслов-

²⁴ О симметрии форм см.: E. S tankiewicz. The interdependence of paradigmatic and derivational patterns. «Word», 1962, v. 18, № 1—2, стр. 7; H. J. Seiler. On paradigmatic and syntagmatic similarity. «Lingua», 1967, v. 18, № 1, стр. 59.

²⁵ Ср.: Н. А. Янко-Триницкая. Морфологические границы форм одного слова. «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», т. 73, вып. 6. М., 1959, стр. 42.

ливается как естественностью непосредственных ассоциаций с исходной, обычно назывной формой²⁶, так и несомненным синтаксическим своеобразием многих из исходных (особенно именных) форм.

Положение о доминирующей роли одной из форм внутри парадигматического ряда не является общепринятым. Многие исследователи, вслед за А. Мейе²⁷ и особенно И. А. Бодуэном де Куртенэ²⁸, продолжали считать, что в принципе все словоформы одного ряда равнозначны²⁹. На наш взгляд, однако, этот тезис противоречит идею системной организации словоформ одного слова и нарушает принцип иерархичности, типичный для организации этого рода³⁰. Вряд ли поэтому можно утверждать, что ни одна из форм словоизменения «ни по значению, ни по форме не может быть названа производящей или производной»³¹.

В некоторых парадигматических рядах можно различить до трех типов форм. Одна из них оказывается «производящей» единицей в том смысле, что именно она является представителем парадигматического ряда в целом, или же экспонентом слова как совокупности словоформ. Для именных форм это обычно форма им. п. ед. ч., для глагольных — форма инфинитива. Другой тип форм может быть выделен ввиду их особой грамматической выразительности: форма этого типа предельно полно отражает все категориальные значения, выражаемые данным классом форм. Ср. роль формы вин. п. мн. ч. в парадигме готского существительного или роль формы дат. п. мн. ч.

²⁶ Этот факт выступает особенно ярко на уровне словообразования, где представлены отношения между словами и где такие, например, образования, как *землистый, земляной* и пр., ассоциируются прежде всего с формой *земля*, а не *земле, землями* и пр.

²⁷ A. Meille. *Linguistique historique et linguistique générale*, t. II, стр. 11.

²⁸ И. А. Бодуэн де Куртенэ. «Законы и правила русского произношения» В. Чернышова.— В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, стр. 143.

²⁹ А. И. Смирницкий К вопросу о слове. Проблема «тождества слова». «Труды Ин-та языкоznания АН СССР», т. IV. М., 1954, стр. 18—19.

³⁰ См.: Э. А. Макаев. Структура слова в общеиндoевропейском. «Проблемы языкоznания». М., 1967, стр. 243 и сл.

³¹ И. А. Якo-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962, стр. 6 и сл.

в парадигме существительного в современном немецком языке. Наконец, в парадигматическом ряду можно выделить и такую единицу, которая представляет собой неизменную часть ряда и, выражая лексическое тождество ряда, цементирует ряд своей повторяемостью с одним и тем же значением. Этой формой является основа, которая может совпадать, но может и не совпадать с корнем слова. Соответственно, возможны разные пути представления парадигматических рядов. С опорой на наиболее выразительную форму парадигматический ряд может быть описан в виде последовательных свертываний тех или иных служебных частей словоформ (ср. стр. 267 и сл.). С опорой на основу, напротив, парадигматический ряд может быть описан с помощью правил о развертывании его ядерной части. Современное языкознание обращает преимущественное внимание на воссоздание правил конструирования парадигматического ряда. Так, в работе 1948 г. Р. Якобсон показал, что вся парадигма спряжения русского глагола может быть предсказана, за небольшим исключением, путем описания видоизменений одной исходной последовательности. Позднее описание Р. Якобсона было дополнено М. Халле и Т. М. Лайтнером³².

Итак, парадигматические ряды — это серии форм, выражающих определенные предсказуемые и обязательные для данного типа слов значения. Это — закрытые ряды форм, в которых, как правило, нет нереализованных позиций (или же они тоже строго определены, ср. *pluralia tantum*). В этом кругу образований и складываются отношения формальной производности. Выдержанность смысловых расстояний между отдельными членами ряда ведет к его исключительной регулярности. Морфологические связи выступают поэтому как такая разновидность отношений производности, которая отличается предельной упорядоченностью и правильностью.

Совершенно иной тип отношений наблюдается при сравнении однокорневых, но разноосновных образований.

³² R. Jakobson. Russian conjugation. «Word», 1948, v. 4, № 3; M. Халле. О правилах русского спряжения. «American contributions to the V International Congress of Slavists». The Hague, 1963; Т. М. Лайтнер. О циклических правилах в русском спряжении.— ВЯ, 1965, № 2; ср. также выполненную в том же духе работу И. А. Мельчука «Модель склонения венгерских существительных», особ. стр. 346—347, 370, прим. 10.

Воспроизведению основы в точно определенной серии слов на уровне парадигматики здесь резко противостоит факт ее преобразования и переосмыслиния. Для нового типа отношений производности — производности словообразовательной или деривационной — показателен в первую очередь этот семантический сдвиг во второй единице по сравнению с единицей исходной. Это изменение объема значения может заключаться в том, что нечто, осмыслившееся как название для предмета, признака или состояния, начинает восприниматься как название для другого фрагмента действительности (ср. золото — золотой, зеленый — зеленеть). Может семантический сдвиг заключаться и в том, что названные признаки, предметы, процессы уточняются или конкретизируются (ср. золотой — золотистый, зеленеть — зазеленеть, золото — золотишко). Семантические связи, поддерживаемые внутри каждого парадигматического ряда семантическим тождеством их ядерных частей, уступают здесь место семантическим ассоциациям по сходству и преобразуются в отношения мотивации одного образования другим.

В самом общем виде можно утверждать, что отношения словообразовательной производности возникают на пересечении отношений формальной производности и производности по смыслу. Иначе говоря, деривационные отношения есть одновременное обязательное сочетание формальной производности и семантической мотивированности. Как следует из этого определения, понятие словообразовательной производности, являя собой одну из разновидностей отношений деривации, не совпадает вместе с тем с понятием чисто формальной (морфологической) производности. За формами слова всегда стоит варьирование одного и того же, и не случайно, что любые новые лексические значения, развиваясь в слове, проходят затем по всем словоизменительным формам этого слова³³. Напротив, за однокорневыми дериватами стоит лексическое варьирование, создающее лексическое различие производных и выражющее это лексическое различие. Системный характер словообразовательных связей сказы-

³³ См.: Н. А. Янко-Триницкая. Морфологические границы форм одного слова, стр. 10.

вается в том, что пределы подобного лексического варьирования как-то нормированы и ограничены: семантическая мотивация одного знака другим вводится в определенное формальное русло. Какой бы сложной ни выглядела при этом сама семантическая обусловленность одной формы другой³⁴, наличие мотивации для словообразовательных отношений обязательно. Таким образом, именно наличие структурно-семантического сдвига во вторичной единице по сравнению с исходной единицей заставляет выделять, наряду с отношениями формальной производности, совершенно особый тип формально-семантических отношений — отношений словообразовательной производности. Отсюда и вся двойственность словообразования, которое, с одной стороны, должно составить самостоятельную область исследования, ибо в процессе словообразования мы приходим к созданию новых единиц номинации, и которое, с другой стороны, является особой областью морфологии — как потому, что вообще «правила сочетания морфем в слова и фонетико-морфологические способы объединения морфем в структуре слов разных грамматических разрядов должны быть отнесены к законам грамматики языка»³⁵, так и потому, что тип отношений, возникающих в акте словообразования и связывающий готовую исходную единицу с новой, вторичной, есть особая разновидность формально-семантических отношений, находящих к тому же специальное выражение в пределах слова.

Выделение двух главных типов отношений в процессе деривации на морфологическом уровне оправдано также существованием и других, более частных расхождений в наблюдаемых связях между первичными и вторичными образованиями — расхождений, которые выявляются в очевидной форме при сравнении однокорневых производных и словоформ одного слова. Специальному рассмотрению этих расхождений и посвящается следующий раздел.

³⁴ См., например: И. В. А р н о л д. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966.

³⁵ См.: В. В. В и ноград о в. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, стр. 130.

III. О специфике отношений семантической производности и их месте в морфологической системе языка

Своеобразие отношений словообразовательной производности, наблюдавшихся в коррелятивной паре однокорневых образований, выступает особенно наглядно при сравнении этих отношений с теми, которые характеризуют формы одного слова. Зная инвентарь словоизменительных аффиксов анализируемого языка, мы можем достоверно предсказать те изменения в значении, которые произойдут с прибавлением каждого из этих аффиксов. Знание инвентаря словообразовательных аффиксов этого обеспечить не может. Русское *белеть*, образованное от *белый*, значит ‘становиться белым’, как *краснеть* ‘становиться красным’ или *стареть* ‘становиться старым’; *хорошеть*, однако не значит ‘становиться хоропим’, как и *дурнеть* ‘становиться дурным’³⁶. *Вымогатель* обозначает того, кто вымогает, *читатель* — того, кто читает, но *писатель* — значит не ‘тот, кто пишет’, а ‘литератор’ и т. п. Присоединив суффикс -ег к немецкому существительному *Segel* ‘парус’, мы получим образование *Segler*, означающее одновременно и ‘парусник’ и ‘моряк’; ср. аналогично в русском *дворник*, которое обозначает и того, кто убирает двор и улицу, и приспособление, которое служит для очистки ветрового стекла. Присоединение тех же суффиксов в других случаях приводит к иным результатам: так, немецкое слово *Rud(e)ger*, образованное от слова *Ruder* ‘весло’, ‘руль’, значит только ‘гребец’, гребную же шлюпку называют сложением *Ruderboot*; аналогично и в русском языке — *мясник* передает значение только *nomina agentis*, а слово *ватник* — только значение вида одежды и т. п. Присоединение словоизменительного аффикса всегда вызывает ожидаемое смысловое изменение, присоединение словообразовательного — не всегда. В паре форм, связанных парадигматически, одна форма отличается от другой значениями, выраженными в их служебных частях; в паре слов, связанных деривационно, семантические различия предска-

³⁶ Ср.: И. С. У л у х а н о в. Глаголы на -еть в современном русском языке. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966, стр. 129.

зумы лишь до известной степени. Появление нового грамматического значения может быть вызвано только присоединением определенной служебной морфемы или применением определенной формальной операции; появление нового словообразовательного значения во вторичном образовании вызывается, в противовес этому, взаимопроникновением соединяющихся морфем, их взаимодействием. Словообразовательное значение может быть определено вследствие указанной особенности как результат воздействия категориального значения деривационной морфемы (морфем) на категориальное и лексическое значение производящей исходной единицы³⁷. В словообразовательных актах лексическое значение производящей единицы обязательно конкретизирует то общее, что приносит деривационный формант. Лексикализация морфемных последовательностей, совершенно не свойственная процессам формообразования, здесь представляет вполне обычное явление. Естественно, что это обстоятельство создает объективные предпосылки для разграничения вторичных морфемных последовательностей по типу их межморфемных связей в плане содержания.

Если даже не разделять крайней точки зрения таких лингвистов, как М. В. Панов или Л. Завадовский, утверждающих, что слово по своей природе всегда идиоматично и не сводимо к сумме значений его компонентов³⁸ или что «большинство именных дериватов — это нерегулярные конструкции»³⁹, и полагать в соответствии с наблюдаемыми фактами, что степень идиоматизации единиц может варьироваться при словообразовании в достаточно широких пределах⁴⁰, то окажется, что частично лексикализованные морфемные последовательности характерны именно для словообразования.

Из этого вытекает не только, что синхронная система словообразования не может строиться в отрыве от идио-

³⁷ См.: П. А. Соболева. Апликативная грамматика и моделирование словообразования. Докт. дисс. М., 1969, стр. 29 и сл.

³⁸ М. В. Панов. О слове как единице языка. «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», 1956, вып. 5.

³⁹ L. Zawadowski. [Ответы на анкету симпозиума]. «Zeichen und System der Sprache», Bd. I. Berlin, 1961, стр. 262.

⁴⁰ Ср.: В. В. Лопатин, И. С. Ульянов. Построение раздела «Словообразование». — В кн.: «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 63—65.

матичных или нерегулярных производных. Вследствие того, что «идиоматичность основ никак нельзя приравнять к непроизводности»⁴¹ и что производные — идиоматичны, частичная идиоматичность вторичных образований может рассматриваться как дополнительный признак деривационных отношений в их отличии от отношений морфологических. Необходимо в то же время иметь в виду, что этот признак релевантен только при условии мотивированности вторичного образования. Другими словами, отличительной приметой деривационных связей может считаться частичная идиоматичность производного, сочетающаяся с его мотивированностью. При этом под мотивированными единицами мы понимаем единицы, допускающие объяснение через свои ядерные единицы, а под идиоматичными — единицы, значения которых не выводимы полностью из значений их компонентов. Одна и та же словообразовательная модель может формировать мотивированные и неидиоматичные производные (*свидетель, вымогатель*) и мотивированные, частично идиоматичные производные (*писатель, водитель*).

Мотивированные слова отличаются от немотивированных разным отношением к обозначаемым предметам или явлениям: немотивированные обозначают их непосредственно, особым индивидуальным знаком, мотивированные — через установление отношения данного предмета или явления к некоторому другому знаку, т. е. опосредствованно⁴². Признавая словообразовательными конструкциями любые мотивированные образования, удовлетворяющие требованию формальной производности, мы не можем согласиться с тем, что в качестве указанных конструкций понимаются «только такие слова, значения которых однозначно и стандартно выводятся из значений морфем, составляющих эти слова»⁴³. По нашему мнению, подобная формальная и смысловая выводимость, а также стереотипность присущи скорее членам парадигматиче-

⁴¹ К. А. Левковская. Основные проблемы общей теории слова и структурно-семантические особенности лексики конкретного языка. Автореф. докт. дисс. М., Изд-во МГУ, 1963, стр. 45.

⁴² См.: R. Grzegorzukowa, J. Puzynina. Z zagadnień slowotwórstwa synchronicznego. «Poradnik Językowy», 1959, z. 6—7.

⁴³ З. М. Болоцкая. Установление отношений производности между словами.— ВЯ. 1960, № 3, стр. 100.

ских рядов; напротив, словообразовательным конструкциям более свойственна формальная выводимость, сочетающаяся с частичной идиоматизацией или фразеологизацией всего образования в целом, отклонение его значений от прямых значений компонентов. Нем. *Bücherschrank* означает буквально ‘книжный шкаф’, как и *Küchenschrank* ‘кухонный шкаф’; построенное по той же модели сложение *Geldschrank* означает не просто ‘денежный шкаф’, но казну или сейф, а сложение *Eisschrank* — не ‘шкаф для льда’, а ‘ледник’, ‘холодильник’ и т. п. Можно считать обычным, что даже в пределах правильно построенных и однотипно организованных словообразовательных рядов семантика производных не дублируется, так что общее значение производного отлично от значений его составляющих или, что то же, содержит непредсказуемый элемент значения. Его наличие чрезвычайно характерно, и любой словообразовательный ряд отличается от paradigmатического обязательными «неправильностями» этого рода.

Не вызывает вместе с тем сомнения, что словообразовательные конструкции — это единицы мотивированные. Формы одного слова представляют собой — с лексической точки зрения — варианты тождественных единиц, это производные по структуре, но воспроизведимые по лексическому содержанию единицы. Дериваты — это производные и по форме, и по содержанию. Семантические связи, характеризующие формы слова, выражаются в виде их лексического тождества, семантические связи при словообразовании выступают как мотивации одной единицы другою. Таким образом, отличительные признаки отношений словообразовательной производности ярче всего выявляются в сфере семантики вторичных форм: характерной приметой указанных отношений является семантическая мотивированность вторичного образования. Там, где подобной мотивированности нет, отсутствуют и отношения словообразовательной производности⁴⁴. Двумя обязательными компонентами деривационных от-

⁴⁴ Ср.: H. Marchand. On a question of contrary analysis with derivationally connected but morphologically uncharacterized words. «English Studies», 1963, Bd. 44, № 3, стр. 176; Он же. A set of criteria for the establishing of derivational relationship between words unmarked by derivational morphemes. «Indogermanische Forschungen», 1964, Bd. 69, N. 1, стр. 11 и др.

ношений являются производность по форме и мотивированность по смыслу⁴⁵.

Первое заставляет исключить из рассмотрения в словообразовании семантически связанные, но формально не соотнесенные слова. Так, хотя в русском языке своеобразными именами действующего лица к глаголу *шить* и глаголу *стирать* являются соответственно *портной* и *прачка*, указанные пары слов не могут считаться связанными отношениями словообразовательной производности, ибо они не отвечают условию единства корня. С другой стороны, отсутствие семантической мотивации заставляет исключить из рассмотрения в словообразовании пары формально соотнесенных слов, ср. *предложить* — *предложение₁* ‘пропозиция’, но *предложение₂* ‘фраза’.

Ввиду отмеченной выше важности характера межморфемных связей для определения типа морфемной последовательности семантика связей может быть использована и для разграничения разных форм производности. Так, для соотношения мотивирующих и мотивированных основ в словообразовании типичны либо пересечения смыслов, либо их вложения. При этом лексикализация единиц оказывается возможной в первом из этих случаев и вряд ли реальной во втором. Для словоформ одного ряда ни пересечение, ни вложение смыслов не характерны: здесь наблюдается совпадение лексических значений. Для единиц, связанных отношениями словообразовательной производности по конверсии, тоже типично совпадение лексического значения, зато расходятся категориальные значения исходной и вторичной единиц и т. п.

При ярко выраженном семантическом направлении отношений словообразовательной производности они не являются только семантическими. Точнее, они отличаются от других связей по значению тем, что находят в каждой конкретной языковой системе свое специальное выражение. Это — отношения мотивации, получающие объективное формальное выражение.

Способы обнаружения мотивированности образования не всегда просты. Обычным тестом наличия деривационных связей между однокорневыми образованиями является

⁴⁵ Ср.: M. Dokulil. Tvoření slov v češtině, 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, стр. 208; И. С. Ульханов. О принципах описания значения словообразовательно мотивированных слов. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1970, т. 29, вып. 1, стр. 14, прим. 1.

возможность объяснить одно слово через другое, описать его значение с помощью значения исходной единицы. Существительное *черника* может быть объяснено через ссылку к прилагательному *черный*: *черника* — это черная ягода; слово *рябина*, однако, не может быть описано указанным способом, *рябина* — это не рябая ягода. Как спрашивающе подчеркивает М. В. Панов, этот критерий, предложенный Г. О. Винокуром, является не только логическим, но и строго лингвистическим⁴⁶. Зачастую такой прием оказывается, однако, недостаточным.

Вплоть до настоящего времени продолжали считать закономерным, что, например, «основу *попрошайк-* можно объяснить семантически через основу *попрошайнич-а:* *попрошайка* ‘тот, кто попрошайничает’; напротив, основу *попрошайнич-а* можно объяснить через основу *попрошайк-:* *попрошайничать* — ‘заниматься деятельностью попрошайки’»⁴⁷. При описанной ситуации наличие отношений производности не вызывало сомнения, но либо направление этих отношений не уточнялось, либо выдвигался тезис о равнопроизводности подобных единиц. И. А. Мельчук убедительно продемонстрировал, что при всей убедительности указанного допущения оно ошибочно⁴⁸. Руководствуясь данными правилами, мы можем не только не отличить вторичной единицы от исходной, но и прийти к заведомо ложным выводам из-за расхождения производности по форме и мотивированности по смыслу.

Строя общую теорию словообразования, — указывает И. А. Мельчук, — необходимо рассмотреть все возможные случаи соотношения между двумя основами по форме и по смыслу⁴⁹. Так как форма и смысл могут: 1) совпадать, 2) вкладываться, 3) пересекаться и 4) не иметь ничего общего, в принципе становятся реальными 17 разных случаев соотношения основ. Основа А может вкладываться в основу Б и по форме, и по смыслу — это классическое словообразование, при котором производная основа ока-

⁴⁶ М. В. Панов. Словообразование. — В кн.: «Русский язык и советское общество». Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 47, прим. 26.

⁴⁷ Н. А. Крылов. Типы основ в современном русском языке. «Филол. науки», 1963, № 2, стр. 34.

⁴⁸ И. А. Мельчук. Об определении большей/меньшей смысловой сложности при словообразовательных отношениях. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1969, т. 28, вып. 2, стр. 126.

⁴⁹ И. А. Мельчук. К понятию словообразования. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1967, т. 26, вып. 4, стр. 354.

зывается сложнее исходной как по структуре, так и по содержанию. В этих случаях дериват — с морфологической точки зрения — выводим из исходной единицы, а с семантической — мотивирован ею. Отношения словообразовательной производности устанавливаются здесь без затруднений. Основа А может вкладываться в основу Б по форме, но Б вкладывается в А по смыслу — это обратное словообразование, или реверсия. Направление мотивации не совпадает в случаях этого рода со структурной сложностью первичной основы: ср. соотношение слов в парах типа *катать* и *кататься*, где *кататься* по форме сложнее, чем *катать*, но где значение *катать* выступает как мотивированное словом *кататься*⁵⁰.

Таким образом, когда прямые формальные признаки деривационных связей противоречат направлению семантической производности или же когда они отсутствуют вообще, например, при конверсии, или когда, наконец, структура исходной единицы оказывается более сложной по составу, чем вторичная единица, например, при усечении (ср. *интим* от *интимный*), — в действие должны быть введены специальные методы установления отношений словообразовательной производности. По-видимому, именно во всех случаях, когда акт словообразования не находит специального выражения в структуре деривата, особенно резко возрастает роль критерия семантической мотивированности вторичного образования первичным и, следовательно, значимость тех приемов, которые помогают объективному выявлению ее наличия. Описание приемов этого рода, как и выработка критериев семантической субординации единиц, составляют вследствие вышеизложенного важную область теоретического словообразования, а тем самым, естественно, выходят за рамки настоящего исследования. В связи с этим мы укажем только на наиболее перспективные направления исследований в данной области.

В ряде случаев представляются эффективными попытки установления отношений словообразовательной производности с помощью методов трансформационной грамматики. Так, по мнению З. М. Волоцкой, два однокорневых образования следует считать связанными дерив-

⁵⁰ И. А. Мельчук. К понятию словообразования, стр. 352—353.

вационными отношениями при всех значениях образований «только в том случае, если ни с одним, ни с другим испытуемым словом нельзя подобрать ни одного осмысленного словосочетания заданного типа, которое становилось бы неосмысленным после применения к нему заданной трансформации»⁵¹. Подбор серии трансформ для проверки наличия или отсутствия отношений словообразовательной производности применяется с успехом в многочисленных работах по синхронному словообразованию⁵². Считается, что возможность поставить в соответствие вторичному образованию определенный оборот или словосочетание следует интерпретировать не только как его регулярность, но и как отражение способа мотивации. Нахождение корреляций указанного порядка подтверждает принадлежность испытуемого образования классу словообразовательных конструкций, т. е. позволяет рассматривать его как производное того или иного типа. Так, регулярная связь между последовательностью «глагольная основа + суффикс -bar» и словосочетанием «kann + + основа того же глагола + суффикс II причастия + + werden» в немецком языке истолковывается как признак того, что первая последовательность представляет собой правильное суффиксальное производное, которое может быть на этом основании включено в систему синхронного словообразования. Ср. erreichbar = kann erreicht werden ‘достижимый = может быть достигнутым’, bezahmbar = kann bezahmt werden ‘укротимый = может быть укрученным’ и т. п. Напротив, отсутствие установленной связи в случаях типа fruchtbar ‘плодородный’ свидетельствует о выпадении данного слова из системы регулярного словоизводства⁵³.

При правильной подборке трансформ испытуемое слово легко проверяется на производность путем подстановки на его место заданного словосочетания. Ср. такие трансформы, как ‘сделанный из чего-то, указанного произво-

⁵¹ З. М. Волоцкая. Установление отношений производности между словами (опыт применения трансформационного метода).— ВЯ, 1960, № 3, стр. 106.

⁵² Ср. работы М. Д. Степановой, П. А. Соболевой, И. В. Арнольда и некоторых других ученых.

⁵³ См.: W. Motsch. Zur Stellung der ‘Wortbildung’ in einem formalen Sprachmodell. «Studia Grammatica», I. Berlin, 1962, стр. 55—57.

дящей основой', 'делаться или становиться таким, как указано производящей основой', 'совершать действие, указанное производящей основой' и т. п. Как правило, подбираемые словосочетания тоже должны удовлетворять определенным требованиям: грамматической правильности, наличию в них исходной производящей единицы в сочетании с возможно меньшим количеством служебных слов и т. п.⁵⁴ Несомненно, что при рациональном выборе соотносительных словосочетаний указанный метод разрешает не только удостовериться в наличии отношений словообразовательной производности, но и уточнить их конкретный характер, т. е. помогает убедиться в существовании однотипных формальных связей и направлении мотивации. Первое способствует определению словообразовательной модели, второе — выявлению семантических связей между ее компонентами. По-видимому, использование описанной методики целесообразно при анализе случаев, не поддающихся разложению по методам непосредственно составляющих. Оно оказалось также плодотворным при изучении сложных слов⁵⁵. В более спорных и сложных случаях исследователи в области словообразования предложили ряд комбинированных методик: они эффективны тогда, когда отношения производности четко не выражены или когда неясно их направление⁵⁶.

Словообразовательные отношения, представляя собой отношение производного слова к слову производящему, являются разновидностью междусловных отношений. Параллельно им и вместе с ними в языке складываются,

⁵⁴ См.: З. М. Волоцкая. Об одном подходе к описанию словообразовательной системы. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии». М., 1966, стр. 59 и сл.

⁵⁵ Ср.: М. Д. Степанова. О трансформационных моделях сложных слов в современном немецком языке. «Иностранные языки в высшей школе». М., 1962; Е. В. Никoshкова. Соотносительность сложных слов и словосочетаний (на материале современного английского языка). «Уч. зап. I МГПИИЯ», 1969, т. 52; О. Д. Мешков. К вопросу о «грамматичности» сложного слова.— ВЯ, 1969, № 1 и др.

⁵⁶ См., например: П. А. Соболева. Критерии внутренней производности при словообразовательных отношениях по конверсии. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1958, т. 26; Она же. Об основном и производном слове при конверсии.— ВЯ, 1959, № 2; M. Dokulil. Zur Frage der Konversion und verwandter Wortbildungsvorgänge und -beziehungen.— TLP, 3. Prague, 1968.

как мы уже говорили выше, и особые внутрисловные отношения, связи отдельных частей словообразовательной конструкции. Тождество словообразовательного ряда начинает поэтому строиться не только на равнодаленности его членов от исходных единиц и на тождестве примененной операции, но и на однотипных отношениях между компонентами каждого производного данного ряда. Многие исследователи склонны видеть в этих структурных связях повторение определенных синтаксических отношений: по мнению Г. Марчанда, каждая словообразовательная конструкция представляет собой синтагму как редуцированную форму другой эксплицитной синтагмы или предложения⁵⁷. Еще раньше мысль о том, что отношения внутри производного дублируют синтаксические связи, в частности, связи внутри простого предложения, высказывалась Ш. Балли, В. Дорошевским, В. М. Жирмунским и некоторыми другими языковедами. С развитием трансформационной грамматики эти идеи были использованы в том плане, что соответствие тому или иному типу связи начали применять для классификации словообразовательных конструкций. Р. Лиз сделал это для сложных слов английского языка: выдвинув понятие номинализации, он понимал под этим процессом трансформацию определенных типов ядерных предложений, ведущую к образованию сложных существительных. Сложное слово типа *housekeeper* ‘домовладелец’ ставилось им в соответствие предложению *he keeps a house*, слово типа *girl-friend* ‘подружка’ — предложению *a girl (that) is a friend*, слово типа *a cry-baby* ‘плакса’ — предложению *the baby cries* и т. п.⁵⁸ Однако, как заметил Марчанд, Р. Лиз устанавливает возможный параллелизм сложного слова и словосочетания без объяснения его причин. Работа Лиза оставляет непонятным, почему предложение типа *we eat apples* ‘мы едим яблоки’ приводит к образованию таких разных сложных слов, как *eating apple* ‘съедобное яблоко’, *apple-eater* ‘едок (любитель) яблок’ и *apple-eating* ‘съедение яблок’⁵⁹. Производное,— утвер-

⁵⁷ H. Marchand. On attributive and predicative derived adjectives and some problems related to the distinction. «Anglia», 1966, Bd. 84, N. 2, стр. 132—133.

⁵⁸ R. B. Lees. The grammar of English nominalizations. The Hague, 1963.

⁵⁹ H. Marchand. The analysis of verbal nexus substantives. «Indogermanische Forschungen», 1965, Bd. 70, N. 1, стр. 59—61.

ждает Марчанд, — это синтагма с отношениями определяющего и определяемого, determinant и determinatum, поэтому суть словообразовательного анализа заключается в том, чтобы выявить, какая именно часть предложения — субъект, объект, предикат или обстоятельства — становится determinatum производного, а какая часть предложения, соответственно, осмысливается как determinant⁶⁰. Только это позволяет установить типы сложных слов и типы аффиксальных образований по их внутренним связям. Знание закономерностей подобного рода способствует не только определению отношений словообразовательной производности и их констатации, но и выявлению ее направления и уточнению мотивации.

Другое плодотворное направление в современном теоретическом словообразовании связано с исследованием словообразовательных значений и описанием их специфических особенностей. Выше мы уже говорили о том, что разграничение формообразующих и словообразующих морфем базируется во многом на разграничении тех типов значений, передаче которых они служат. Тем самым четкое выделение словообразовательных значений как значений, отличных от лексических и грамматических, способствовало бы, несомненно, возможности более строгой дифференциации словоизменения, формообразования и словообразования как дифференциации словообразования и не-словообразования (ср. стр 234 — 235). Определение словообразовательного значения как значения, отражающего наиболее общее в семантике отношений между мотивированной и мотивирующей единицами, или, что то же, как значения, выраждающего тождество словообразовательного ряда (ср. работы М. Докулила, И. И. Ковалика, Н. А. Янко-Триницкой, Г. С. Зенкова, Е. А. Земской, В. Н. Хохлачевой, В. В. Лопатина и И. С. Улуханова), имеет поэтому большое, хотя и косвенное, отношение к уточнению предмета морфологии в ее отличии от словообразования. В этой связи особенно интересны попытки конкретного установления словообразовательных значений в терминах семантических множителей (ср. работы А. К. Жолковского, Ю. Д. Апресяна, О. Н. Селиверстовой и особенно И. А. Мельчука) и создание образцов толкований деривацион-

⁶⁰ H. Marchand. The analysis of verbal nexus substantives.

ных значений моделей производных с тем или иным аффиксом⁶¹. Детальный обзор этих работ, как относящихся к области собственно словообразования, выходит по указанной причине за рамки настоящего исследования, но нам важно указать направление этих работ, ибо именно в них получает доказательство мысль о возможности установления отношений словообразовательной производности с опорой на объективно описываемую семантику производных.

Таким образом, несмотря на отсутствие общего комплекса признаков, который был бы пригоден для обнаружения деривационных связей абсолютно во всех случаях, эти признаки могут тем не менее получить свое исчерпывающее описание для каждой словообразовательной модели или для каждого отдельного способа словоизделия и словосложения. Важно подчеркнуть при этом, что для любой модели подобные признаки двусторонни, ибо каждый акт словообразования и каждый способ словообразования характеризуются специфическими особенностями как со стороны плана выражения, так и со стороны плана содержания. Дериват как единица, отражающая определенный тип отношений между знаками, всегда соотносится с исходной единицей как с точки зрения своего означающего, так и с точки зрения означаемого⁶². Словообразование существует поэтому «как некоторый особый тип формально-смысловых соотношений»⁶³.

Как следует из всего сказанного, чтобы убедиться в наличии отношений словообразовательной производности, необходимо выявить в анализируемом языке наличие двойных рядов противопоставлений: внутри ряда, объединенного общностью использованного деривационного приема, с одной стороны, и между каждым членом этого ряда и той исходной единицей, которой он мотивирован, с другой. Необходимо, далее, убедиться в серийности этих рядов, выдержанности и повторяемости оппозиций между ними, удостовериться в том, что общее значение каждого деривата может быть объяснено через складыва-

⁶¹ Ср.: И. С. У л у х а н о в. О принципах описания значения словообразовательно мотивированных слов, стр. 18—21.

⁶² См.: Н. Д. А р у т ю п о в а. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 30.

⁶³ И. А. М е л ь ч у к. К понятию словообразования, стр. 354.

ющиеся компоненты производного и что семантические отношения между компонентами дублируются, и т. п. Ряды производных, отвечающие указанным качествам, могут быть охарактеризованы как регулярные словообразательные ряды.

На уровне парадигматики нет свободы выбора морфем для выражения каждого грамматического значения. Класс основы и заданное (необходимое) значение однозначно определяют выбор служебной морфемы. Большинство правил словообразования не обладает такого рода категоричностью, допуская выбор из двух и более морфем. Построить форму множественного числа от слова *Stadt* ‘город’ в немецком языке можно только за счет прибавления морфемы -e и проведения перегласовки корня, откуда форма *Städte*. Построить уменьшительную форму от того же слова можно, выбирая любой из двух суффиксов — -chen или -lein. Нередко такие ряды словообразательных синонимов трех- и четырехчленны, ср. нем. *luftlos* — *luftleer* — *luftfrei* ‘безвоздушный’, *planvoll* — *plangemäss* — *planmässig* — *plangerecht* ‘планомерный’; русск. *тъма* — *темень* — *темнота*; *мальчик* — *мальчишка* — *мальчуган* — *мальчонка* — *мальчишечка* — *малец* и т. п.

Зная исходную форму и ее классную принадлежность, мы можем восстановить всю серию форм слова, но мы не можем перечислить точно количество и реальные составные части отдельного словообразовательного гнезда. Даже в пределах регулярных моделей словообразования всегда возможны пустые клетки: есть голубизна, белизна, желтизна, но чернота, краснота, есть синева и зелень, но нет соответствующих существительных от коричневый, сиреневый, розовый и т. д. Можно поэтому полагать, что полной предсказуемости различий в значениях первичных и вторичных форм на уровне парадигматики противостоит лишь частичная, неполная предсказуемость этих различий на уровне словообразования.

Подытоживая сравнение двух типов отношений производности, важно подчеркнуть, что они складываются в языке в результате проведения двух таких процессов, как формообразование и словообразование. Эти процессы моделируют в языке видоизменения ядерных единиц как процессы регулярного порождения вторичных образований. Благодаря им в языке возникают сложные

морфемные последовательности, отличные по своему назначению и структуре. Несомненная общность указанных процессов заключается именно в организации самих вторичных образований, и ей нередко соответствует и материальная общность средств, используемых для осуществления формообразования и словообразования. Это позволяет рассматривать оба процесса в рамках одной дисциплины — морфологии. Последнее может быть объяснено и тем, что в ходе названных процессов создаются сложные морфемные последовательности, не превышающие слова. Поскольку, однако, непосредственные цели конструирования вторичных единиц различны, различными оказываются и сами вторичные образования. Одни из них содержат в своем составе служебные морфемы одного класса, другие — другого. В то же время сущность рассматриваемых процессов не исчерпывается фактом создания разных структурных единиц — основ, форм слова и дериватов. Становясь членами функционирующей системы, разные единицы вступают друг с другом в те или иные связи. Параллельно непосредственному появлению единиц, вместе с их возникновением или воспроизведением, в языке создаются также новые связи, поддерживаются или же разрушаются старые, — иными словами, складываются определенные отношения. В силу этого размежевание формообразования и словообразования выявляется в языке не только за счет расхождения вторичных конструкций по их составу, но и за счет расхождения единиц по типу зависимости между ними.

Мы охарактеризовали тот тип зависимости, который возникает между единицами, обладающими общей ядерной частью и различающимися на одну формальную операцию, и описали его как отношения формальной производности. Мы пытались также показать, что этот тип зависимости существует на уровне морфологии, в пределах слова, в двух главных разновидностях — отношениях чистой формальной производности, или paradigmatischeskikh связях, и отношениях формально-семантической производности, или словообразовательных отношениях. Противопоставляя два указанных типа отношений, мы смогли уточнить понятие о деривационных связях. Их можно определить теперь как такие отношения формальной производности, которые сопровож-

даются одновременно регулярным лексическим или категориальным изменением в результативной единице по сравнению с единицей ядерной, или же, наоборот, как такие отношения семантической мотивированности, которые находят в системе языка регулярное формальное выражение. От морфологических связей они отличаются: а) своей асимметричностью (существование всякой вторичной формы заставляет предположить существование первичной; не всякая первичная форма, однако, порождает дериваты); б) неполной предсказуемостью изменений, наступающих с проведением однотипной формальной операции; в) обязательной мотивированностью вторичных образований значением ядерной части исходной формы. Словообразовательная конструкция выступает в этом смысле и как производная, и как мотивированная конструкция. Форма же слова только производна. Если использовать более привычные термины, можно сказать, что словообразовательная конструкция производна и по форме, и по содержанию.

Чисто морфологические процессы не сопровождаются никакими сдвигами в лексических значениях исходных единиц, и основа, выражающая это значение, остается неизменной. Она цементирует единство слова, и ее тождество самой себе выражает также тождество слова как определенной системы форм. Акты словообразования, в противовес этому, заключены в лексических сдвигах. Как правильно подчеркнуто А. А. Уфимцевой, «факт деривации... говорит о том, что в лексико-семантической системе языка создается потребность в о вторичных производных лексемах»⁶⁴ (разрядка наша.—E. K.). В этом смысле словообразование относится к числу ономасиологических дисциплин, и его основная задача — изучение особых средств номинации. Одновременно, овеществляя в одинаковой мере не только формально-семантические отношения, но и отношения формально-семантические в пределах слова, словообразование относится и к морфологии, которая не может оставить без объяснения ни один факт, касающийся структуры слова.

В морфологической системе языка складываются,

⁶⁴ А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, стр. 160.

безусловно, и другие виды отношений и зависимостей. Ср., например, межпарадигматические отношения или отношения, возникающие внутри словообразовательных рядов, характеризующихся общностью их оформления. Не вызывает, однако, сомнения, что эти типы связей можно рассматривать до известной степени как вторичные по отношению к связям, описанным в настоящей главе. Два указанных типа связей можно вследствие этого считать двумя наиболее фундаментальными для морфологии типами зависимостей. Можно полагать также, что выделение отношений производности и разграничение разных типов этих отношений существенно для разграничения целей и задач морфологического анализа в его отличии от анализа словообразовательного, а также уточнения границ отдельных сфер морфологии.

IV. О разграничении принципов морфологического и словообразовательного анализа слов

В 1955 г. в работах видного специалиста в области теории словообразования Г. Марчанда был впервые сформулирован тезис о том, что «...дескриптивный анализ слов и релевантность в системе деривации не одно и то же»⁶⁵. Подготовленный рядом дескриптивных исследований, он логически вытекал из несовпадения результатов классификации слов по признакам их первичности ∞ вторичности, с одной стороны, и реальному морфемному составу, с другой⁶⁶. Он был тесно связан также с разработкой и обоснованием метода непосредственно составляющих, направленного, по мысли Л. Блумфилда, на установление того, на базе каких единиц создаются слова, в отличие от того, из каких морфем они состоят⁶⁷. Развиваемый далее в серии специальных работ,

⁶⁵ См.: H. Marchand. Synchronic analysis and word-formation. «Cahiers Ferdinand de Saussure», 13. Genéve, 1955, стр. 13; ср.: Н. Д. Арутюнова. Статьи Г. Марчанда по теории синхронического словообразования.— ВЯ, 1959, № 2.

⁶⁶ Ср., например, такие классификации, предложенные Л. Блумфилдом и Ю. Найдой: Л. Блумфилд. Язык, стр. 224—225, 261 и сл.; E. Nida. Morphology: the descriptive analysis of words. Ann Arbor, 1946, стр. 85.

⁶⁷ Л. Блумфилд первым подчеркнул, что «структурный порядок составляющих ... может отличаться от их фактической последо-

из которых следует особо отметить работы Н. Д. Арутюновой⁶⁸, указанный тезис сыграл большую роль в уточнении принципов словообразовательного анализа в его противопоставлении анализу морфологическому, точнее, анализу морфемному, связанному с синхронным изучением строевых единиц слова в терминах морфемы⁶⁹. В ходе этих исследований было показано, почему и как «идентификация непосредственно составляющих основы не тождественна анализу ее деривационных элементов»⁷⁰, и были подытожены основные случаи несовпадения морфемного строения слова с его деривационными частями или способом его создания⁷¹.

Последовательное сравнение морфемного состава слова и его реального конструирования, или сопоставление морфемного состава словообразовательных конструкций и их непосредственно составляющих, привело к необходимости выделять параллельно морфологической структуре слова его словообразовательную структуру и описать возможные причины их расхождений. Опираясь на фактические данные, неопровергимо свидетель-

вательности» (Язык, стр. 225). Как следует из приводимых им примеров, комментируемых впоследствии Ю. Найда, в виду имеется именно несоответствие словообразовательной структуры слова ее линейному морфемному аналогу.

⁶⁸ Н. Д. Арутюнова. Некоторые вопросы образования и морфологии основ слова. «Филол. науки», 1958, № 1; Она же. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961.

⁶⁹ Морфемика — область морфологии, связанная с изучением структуры и вычленимости морфем, их вариантностью и распределением. См.: Э. А. Макаев. Морфологический строй обще-германского языка. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963, стр. 54. Соответственно этому, морфемный анализ может быть определен как более узкая разновидность морфологического анализа, отвечающая начальной стадии его проведения и ограничивающаяся непосредственно вычленением морфем и установлением их связей.

⁷⁰ См.: E. Stankiewicz. The interdependence of paradigmatic and derivational patterns. «Word», 1962, v. 18, № 1—2, стр. 5.

⁷¹ Помимо перечисленных выше работ Н. Д. Арутюновой, см. также: М. Д. Степанова. Вопросы морфологического анализа слова. «Иностранные языки в школе». 1961, № 1; Е. С. Кубрякова. Именное словообразование в германских языках. «Сравнительная грамматика германских языков», т. III. М., 1963, стр. 53, 54; П. А. Соболева. О трансформационном анализе словообразовательных отношений. «Трансформационный метод в структурной лингвистике». М., 1964, стр. 114—116 и др.

ствующие о том, что однотипным морфемным строением могут обладать слова разного происхождения, или о том, напротив, что слова, одинаковые по способу образования, могут, тем не менее, оказаться различными по составу, или, наконец, о том, что морфологическая структура слова вообще не отражает его синхронной деривационной истории, исследователи пришли также к мысли о желательности описания структуры слова в двух аспектах — морфологическом и словообразовательном — по отдельности. При таком подходе оказалось возможным определить точнее различие в предмете исследования морфологии и словообразования, сформулировать более четко критерии, касающиеся разграничения морфологического и словообразовательного анализа, и вместе с тем показать точки их соприкосновения, меру зависимости одного от другого и т. п.

Вплоть до настоящего времени мнения различных языковедов о соотношении морфологического и словообразовательного анализа не совпадают. Одним из них кажется чересчур категоричным положение о принципиальном различии синхронного образования и морфемного строения слов⁷² — положение, которое, по-видимому, разделяется большинством специалистов в области морфологии и словообразования⁷³; другим кажется неправильным и несостоятельным противопоставление словообразовательного анализа анализу морфемному⁷⁴. По-разному трактуется и вопрос об иерархии двух этих видов анализа: одни лингвисты подчеркивают

⁷² См., например: М. А. К у м а х о в. О соотношении морфемного строения слова и словообразования. (К вопросу о границах применения метода непосредственно составляющих.) — ВЯ, 1963, № 6, стр. 118—119.

⁷³ Помимо работ, указанных в сносках 65 и 71, см. также: В. В. Л о п а т и н, И. С. У л у х а н о в. О некоторых принципах морфемного анализа слов. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1963, т. 22, вып. 3, стр. 190—402; Е. С. К у б р я к о в а. Что такое словообразование. М., 1965, стр. 29 и сл.; М. Д о к у л и л. Tvoření slov v češtine, 1, стр. 210—211; Е. А. З е м с к а я. Понятия производности, оформленности и членности основ. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966; П. А. С о б о л е в а. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. Докт. дисс. М., 1969, стр. 15 и др.

⁷⁴ Ср.: Л. Г. С в е р д л о в. Заметки по русскому словообразованию. «Русский язык в школе», 1964, № 4; Н. М. Ш а н с к и й. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, стр. 9 и сл.

зависимость морфемного членения слова от его словообразовательной структуры и признают, соответственно, ведущую и определяющую роль словообразовательного анализа⁷⁵; другие полагают, что морфемный анализ предшествует словообразовательному и представляет собой начальную ступень анализа структуры слова, предваряющую его описание со словообразовательной точки зрения или же входящую обязательно в это описание⁷⁶. По-видимому, однако, вопрос о главенствующей роли одной из форм анализа или последовательности их проведения не может быть решен априорно. Из положения о принципиальной нетождественности результатов морфологического и словообразовательного анализа⁷⁷ следует, скорее, что два этих типа анализа должны проводиться порознь, строиться как самостоятельные исследования, использующие свою методику, и опираться на разные исходные принципы. На наш взгляд, история лингвистики последних десятилетий свидетельствует о том, что последовательное разграничение морфологического и словообразовательного анализа сыграло положительную роль. По-видимому, особенно плодотворным оказалось это размежевание для словообразования и словосложения, ибо именно словообразование страдало более всего от механического перенесения приемов и методов морфологического анализа в его сферу. Подчеркивая, что «узкоморфологический подход к изучению явлений словообразования никак не способствует уяснению их сущности»⁷⁸, мы стремились показать на конкретном материале, в чем ограниченность указанного подхода и какие стороны словообразования остаются при этом неосвещенными. В принципе можно было бы, однако, подчеркнуть, что столь же односторонним и узким оказывается сугубо словообразовательный подход к явлениям морфологического уровня. Поучительный пример такого рода содержится в одной из ра-

⁷⁵ См.: Н. М. Шанский. Указ. соч., стр. 31; М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, стр. 106 и сл.

⁷⁶ См.: В. В. Лопатин, И. С. Ульянов. Построение раздела «Словообразование», стр. 55 и сл.; Н. Magchand. On the description of compounds. «Word», 1967, v. 23, № 1—2.

⁷⁷ Это обстоятельство напло убедительное статистическое подтверждение (см. ниже).

⁷⁸ См.: «Что такое словообразование», стр. 33.

бот, посвященных словообразованию английского языка. Автор этой работы полемизирует с А. Хиллом, указывая, что последний произвел, якобы, неправильное членение английской формы *beautificationistically*, выделив в ней девять морфем — одну корневую и восемь аффиксальных⁷⁹. По его мнению, здесь всего семь морфем — *beauty*, -ify, -cation, -ist, -ic, -al, -ly. Он обосновывает свою точку зрения тем, что рассматриваемое производное образовано непосредственно от существительного *beautification*, в основе которого лежит глагол *beautify* от существительного *beauty*; неразложимость слова *beauty* он мотивирует нерегулярностью его семантических связей со словом *beau* 'щеголь'⁸⁰. Однако эти соображения релевантны только для описания словообразовательной структуры данного производного. С морфологической же точки зрения прав А. Хилл, ибо существование каждой вычленяемой им морфемы системно оправдано: ср. -ty в *g cruelty*, -ify в *classify*, -ate в *animate*, -ic в *poetic*, -ion в *action* и т. п. Таким образом, попытка перенести на уровень морфологии данные, релевантные лишь для деривационной истории отдельного образования, несостоятельны.

По нашему мнению, словообразование и морфология, представляя собой взаимодействующие и потому пересекающиеся системы во всем том, что касается структуры производного слова, тем не менее не тождественны. Взаимозависимость этих систем, делающая зачастую неполным описание любой из них без обращения к данным другой, не исключает необходимости последовательного различения морфологии и словообразования⁸¹. При этом исключительная направленность словообразования на изучение деривационной структуры производных и отношений словообразовательной производности является той теоретической базой, которая позволяет обособить словообразовательный анализ от морфологического и проводить два этих

⁷⁹ A. Hill. Introduction to linguistic structures. N. Y., 1958, стр. 121.

⁸⁰ См.: V. L e j n i e k s. The system of English suffixes. «Linguistics», 1967, v. 29, стр. 81.

⁸¹ См. E. S t a n k i e w i c z. Указ. соч., стр. 11—12; M. D o k u l i l. Tvoření slov v češtině, 1, стр. 193.

типа исследования как отличные по своим задачам и методам.

По мнению некоторых языковедов, различие морфологического и словообразовательного анализа основано на различии системных ролей элементов внутри целого: при изучении синхронного словообразования принимается в расчет функциональная нагрузка элемента, при изучении морфологии — его значимость⁸². По-видимому, подобное расхождение существует в том смысле, что при изучении морфемного состава слова зачастую достаточно простого перечисления морфем, для чего необходимо убедиться в том, что вычленяемая единица значаща в системе языка. Конкретное значение морфемы отступает при этом на задний план: важно его наличие, но не его спецификация. В индивидуальной форме системное значение морфемы может подвергаться переосмыслению и даже десемантизации. На уровне словообразования, напротив, важна именно спецификация значения морфемы, без чего невозможно определить наличие мотивации и ее направление. На морфемном уровне формы типа *носик*, *бычок*, *кружок* членены независимо от их реального значения; в противовес этому, по соображениям словообразовательного характера, мы признаем это членение правильным в случаях *носик* = = ‘маленький нос’, *бычок* = ‘детеныш быка’, *кружок* = = ‘маленький круг’, но отвергаем его в случаях *носик чайника*, *бычок* = ‘сорт рыбы’, *кружок людей*.

Подчеркивая роль мотивации в проведении словообразовательного анализа, Г. О. Винокур писал: «Когда мы наблюдаем изолированное слово *учительство*, то мы не можем сказать, какие морфемы выделяются в этом слове, пока не установим, какое из двух значений, присущих этому слову, имеется в виду. Если *учительство* означает занятие того, кто учит, то в данном слове выделяется суффикс *-тельство-*, так как в этом случае соотносительная производящая основа есть *учи-*. Если же *учительство* имеет собирательное значение, то в нем выделяется суффикс *-ств-*, так как ближайшая

⁸² Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке, стр. 43; Г. А. Пастухов. Структура русского слова в ее отношении к структурно-семантическому и функциональному уровням членения. «Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та», т. 53. Калинин, 1968.

производящая к нему основа в этом случае есть *учитель*»⁸³. Уточняя интерпретацию приведенного примера, можно отметить, что морфемное строение слова будет определено здесь независимо от содержания производного как *уч-и-тель-ств-o*, зато словообразовательная структура слова может быть охарактеризована по-разному (от *учить*, или от *учитель*) в зависимости от сопоставления с той или иной производящей единицей и, следовательно, в прямой зависимости от спецификации значения.

Важность ориентации на значение производного в проведении словообразовательного анализа дала основание некоторым лингвистам полагать, что словообразовательный анализ в отличие от морфемного направлен только на выделение морфем с лексическим значением. «Отсутствие лексического значения в морфеме, — пишет например, Н. О. Волкова, — ... делает невозможным выделение данной морфемы как деривационной, т. е. выделение ее на словообразовательном уровне»⁸⁴. Эта точка зрения выражает весьма распространенный взгляд на словообразовательные элементы как на элементы лексических, связанные с передачей именно лексических значений⁸⁵. Как мы уже указывали выше, однако, словообразовательные значения в принципе отличны от лексических и основанием для выделения словообразовательного аффикса является поэтому передача им не столько лексического, сколько деривационного значения. Хотя словообразовательные значения возникают лишь в ходе соединения аффикса с основой, можно полагать, что именно аффикс выступает как основное средство его выражения. Иначе говоря, для противопоставления морфемного анализа словообразовательному существенно не то, что только во втором случае мы должны обнаружить лексическое значение у каждого из выделяемых отрезков, но то, что каждый из них должен выступать как носитель явлых значений — основа как носитель лекси-

⁸³ Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 434.

⁸⁴ Н. О. Волкова. Структурные особенности синонимии разных частей речи в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1967, стр. 41.

⁸⁵ Ср.: О. С. Ахматова. Фонология, морфонология, морфология. М., Изд-во МГУ, 1966, стр. 77, прим. 1; М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики, стр. 82.

ческого, деривационный форматив — как носитель словообразовательного значений⁸⁶. Отсутствие нового лексического значения в особенно четкой форме выступает при словообразовании, связанном с транспозицией, и это побуждало многих лингвистов противопоставлять деривацию лексическую и деривацию синтаксическую, отличать деривацию от транспозиции и делить все деривационные шаги на идентифицирующие и транспонирующие⁸⁷.

Словообразовательный анализ предполагает выявление лексического различия между мотивированной и мотивирующей единицами, причем «семантически более простое из двух слов обнаруживается в ходе исследования, а не выбирается по воле исследователя»⁸⁸. Морфемный анализ связан с установлением значимости отдельных частей последовательности, но не обязательно включает определение их значения: значение обычно выявляется лишь для служебных частей отрезка.

Итак, членение последовательности на морфемном уровне оправдывается формальной возможностью выделить повторяющиеся и значимые отрезки этой последовательности, членение же на словообразовательном уровне — формально-семантической возможностью установить между однокорневыми последовательностями определенный тип связи. И в том, и в другом случае части последовательностей могут выступать как передатчики значений разных типов. Различие морфологического и словообразовательного разложения одной и той же формы объясняют иногда как несоответствие конечных составляющих формы и

⁸⁶ Ср.: З. М. В о л о ц к а я. Об одном подходе к описанию словообразовательной системы, стр. 54, прим. 7.

⁸⁷ Ср.: Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 130 и сл., где транспозиция определяется как изменение грамматического значения знака при сохранении семантического значения и выполнении новой функции. См. также: Е. К у р и л о в и ч. Деривация лексическая и деривация синтаксическая.— В кн.: Е. К у р и л о в и ч. Очерки по лингвистике. М., 1962; П. А. С о б о л е в а. Апликативная грамматика и моделирование словообразования, стр. 63 и сл.; Н. M a r g h a n d. Expansion, transposition and derivation. «La Linguistique», 1967, № 1; М. D o k u l i l. Zur Frage der Konversion und verwandter Wortbildungsvorgänge und -beziehungen.

⁸⁸ И. А. М е л ь ч у к. Об определении большей / меньшей смысловой сложности при словообразовательных отношениях.

ее непосредственно составляющих⁸⁹. Можно подчеркнуть, однако, что это несоответствие, действительно, очень важно, но оно определяет различие морфемного и словообразовательного анализа только в тех случаях, когда производное относится к числу линейных, или сегментных (см. выше, стр. 185). Однако словообразовательная система обычно не исчерпывается моделями линейных производных, а потому отмеченное различие не носит универсального характера. В противопоставлении двух рассматриваемых типов анализа — главное в различии курса исследования. Морфемный анализ ставит своей целью обнаружить данные, релевантные для построения морфологической системы, словообразовательный — для построения системы деривационной. Их различие обусловлено различием морфологии и словообразования и автономностью двух названных подсистем в глобальной системе языка. Именно с этой точки зрения представляется логичным констатировать результаты морфологического и словообразовательного анализа в разных терминах.

Если определить конечные цели морфемного анализа как расчленение любых последовательностей на морфемы и установление структурно-семантических связей между ними, а конечные цели словообразовательного анализа — как выявление модели любых словообразовательных конструкций, то в соответствии с приведенными определениями можно, по всей вероятности, очертить и общие сферы морфологии и словообразования, а также предвидеть возможные точки их соприкосновения. Можно полагать, что морфемный анализ в такой мере зависит от словообразовательного, в какой сегментация отдельных последовательностей (слов, основ и т. п.) и выявление соотношения их частей зависят от понимания способа образования этих последовательностей. Напротив, словообразовательный анализ зависит в такой мере от морфемного, в какой данный способ организации производных обусловлен морфемной структурой его составляющих или выражен в этой структуре. Вопрос о мере зависимости морфемного анализа от словообразовательного решается прежде всего как проблема соотношения понятий членности и

⁸⁹ Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 206 и сл.

производности (см. выше, гл. вторая, II—III). Отсутствие прямого соответствия между членностью и производностью является при этом доводом в пользу необходимости раздельного описания морфологической и словообразовательной структур, ибо членность последовательности не обязательно предполагает ее производность и, наоборот, производная конструкция не всегда оказывается членной⁹⁰.

Вопрос о мере зависимости словообразовательного анализа от анализа морфемного решается для разных языков по-разному. Чем больше техника словообразования приближается к простому «нанизыванию» элементов (аглютинации), тем большей оказывается и степень соответствия морфологических и словообразовательных структур. В этих случаях, естественно, описание тех и других органически слито и одно переходит в другое. В языках флексивных степень соответствия морфологических и словообразовательных структур оказывается гораздо меньше, так что само несовпадение морфемного состава слова и его деривационно-значимых частей заставляет уделять специальное внимание отдельному описанию того и другого. И все же представляется, что разграничение морфологических и словообразовательных структур в системе языка оправдано не столько различием их материального состава, сколько различием целей и задач исследования.

При исследовании морфемной структуры слова мы заняты определением всех конечных составляющих слова и их организацией: описать морфемную структуру последовательности и значит перечислить все вычленимые морфемы и идентифицировать их. При исследовании словообразовательной структуры мы задаемся прежде всего вопросом, «что от чего образовано», т. е. пытаемся поставить в соответствие анализируемой единице ту, мо-

⁹⁰ Ср.: П. А. Соболева. Исследование словообразовательной системы на основе аппликативной порождающей модели. «Проблемы моделирования языка», 3.2. Тарту, 1969, стр. 158—161; Е. С. Кубрякова. О типах морфологической членности слов, квази-морфах и маркерах.— ВЯ, 1970, № 2; К. А. Левковская. О проблеме производности основ. «Вопросы соединения описательных грамматик». М., 1961; Е. А. Земская. Понятия производности, оформленности и членности основ; Н. А. Крылов. О некоторых параллелях между фонетическим и морфематическим анализом. «Филол. науки», 1970, № 2, стр. 115.

дификацией которой она является. Очевидно, что в подавляющем большинстве случаев нас интересует при этом не вся деривационная история производного, а тот последний словообразовательный акт, в результате которого оно возникло. Конечно, анализируя слово типа *издательский*, можно восстановить все акты его конструирования и описать их в определенном порядке: *издательский* от *издатель*, *издатель* от *издавать* и т. п. Фактически, однако, для признания этого слова производным достаточно установить его связь со словом *издатель* и сопоставить эту связь с той, которую мы обнаруживаем в рядах

читатель — *читательский*

свидетель — *свидетельский*

лжесвидетель — *лжесвидетельский* и т. п.

Но ведь эта последняя связь не зависит от деривационной истории единицы, предшествующей суффиксу *-тель*, и для опознания модели имеет второстепенное значение.

При установлении словообразовательной структуры важна поэтому идентификация конечного акта словообразования, ибо только это позволяет определить характер соотношения производной и производящей единиц и, следовательно, констатировать как наличие отношений производности, так и ту модель, которая лежит в основе настоящего производного. Последняя процедура завершает словообразовательный анализ, и ее нередко трактуют как основную задачу словообразовательного анализа⁹¹. Перечисленные ступени анализа — констатация деривационных отношений между единицами, определение конкретного направления формальной и семантической зависимости между ними или их частями, установление отношения данного производного к определенной словообразовательной модели — все это предполагает выявление деривационной структуры производного как формы, реально отражающей известный тип связи между двумя языковыми единицами. Этот тип связи возник, быть может, в результате нескольких последовательных актов деривации, но та конкретная модель, которую отражает производное, есть непосредственное следствие по-

⁹¹ Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке, стр. 14.

следнего по счету словообразовательного акта. Сколько бы шагов ни отражало строение производного, сами эти шаги не рядоположны. Мы не можем поэтому согласиться с тем, что для характеристики словообразовательной структуры одинаково важны «все синхронно-значимые деривационные шаги»⁹². Утверждение этого рода может быть лишь конечным итогом анализа такой конкретной словообразовательной модели, «наполнение» или реализация которой прямо и непосредственно зависит от морфемной и/или деривационной сложности ее основы. На практике же мы настолько явно ориентируемся на последний акт словообразования и некий формальный элемент, выступающий как показатель этого шага⁹³, что, лишь определив характер этого шага, можем идентифицировать и другие шаги, отраженные в структуре производного.

Если бы в словообразовательном анализе были одинаково важны все шаги, ничто не мешало бы нам поставить в соответствие английским глаголам *to spotlight*, *to sidetrack* или *to handcuff* слова *to light* ‘освещать’ и *spot* ‘ пятно’, *to track* ‘выслеживать’ и *side* ‘боковой’ и т. д. и, следовательно, прийти к неправильным выводам об их структуре. Последняя может быть вскрыта правильно только в том случае, если увидеть в этих глаголах, вопреки их морфемной сложности, не сложные, а конвертированные образования. А это, в свою очередь, становится очевидным при идентификации последнего словообразовательного акта и соотнесения указанных глаголов с существительными *spotlight* ‘огни рампы’, *sidetrack* ‘окольная дорога’ и *handcuffs* ‘наручники’⁹⁴.

Приведенный пример показывает также, что построение морфемного аналога отнюдь не всегда помогает анализу словообразовательной структуры производного. Это может иметь место в нескольких различных ситуациях.

⁹² П. А. Соболева. Исследование словообразовательной системы на основе апиликативной порождающей модели, стр. 159.

⁹³ Ср.: С. Г. Бархударов. Введение к словообразовательному словарю.— В кн.: З. А. Потиха. Школьный словообразовательный словарь. М., 1969.

⁹⁴ Ср.: R. S. Ginzburg, S. S. Khidekel, G. Y. Купаева, A. A. Sankin. A course in Modern English lexicology. M., 1966, стр. 173.

Так, при характеристике некоторых словообразовательных структур какие-то морфемы оказываются «лишними» — это все случаи неравенства непосредственно составляющих и конечных составляющих формы при преобладании вторых над первыми. С другой стороны, при описании словообразовательных структур каких-то морфем может «не хватать»: русск. *пилотаж* образовано от глагола *пилотировать*, а не существительного *пилот*, но этот факт замаскирован неотраженностью морфем *-ир-ов-а-* в морфемном составе производного. Ср. также исл. *bandarískur* ‘американский’ от *Band-a-rik-i* ‘Америка, США’ или *geykvískur* от *Reyk-vík* из **гейк-вік-иск-ур* и т. п. Подобная «недостаточность» морфем характеризует многие случаи словообразования с наложением морфем или словообразования с усечением исходной единицы. Наконец, существует целая группа случаев, когда морфемная структура вообще не отражает производного характера своего слова: П. А. Соболева подводит под эту группу нечленимые производные типа *ход* или *синь*⁹⁵. Можно расширить эту группу, подключив сюда же членимые производные, образованные с помощью конверсии, типа нем. *das Auf-brech-en* ‘взлом’ от глагола *aufbrechen*, *das Ver-mög-en* ‘способность’ от глагола *vermögen*, *das Aus-ein-ander-fall-en* ‘распад’ от глагола *auseinanderfallen* и т. п. псевдоаффиксальных.

Несоответствие между морфемным составом слова и его словообразовательной структурой сказывается весьма основательно в несовпадении данных морфологической и словообразовательной классификации слов: согласно первой, слова делятся на членимые и нечленимые, согласно второй — на производные и непроизводные (с соответствующим делением разложимых слов на аффиксально- или корне-разложимые, а производных — на префиксально- или суффиксально-производные, сложные и т. п.). Ряд исследований, выполненных на материале английского языка, убедительно продемонстрировал, что итоги обследования по двум указанным классификациям не совпадают⁹⁶.

⁹⁵ П. А. Соболева. Исследование словообразовательной системы. . . , стр. 159.

⁹⁶ Ср.: Н. О. Волкова. Структурно-морфологические особенности синонимии в разных частях речи. «Уч. зап. I МГПИИ», т. 37. М., 1967; Е. В. Никошкова. Соотносительность слож-

В структуре слова отражаются разные морфологические и деривационные процессы. И те, и другие могут найти здесь неполное отражение. Лишь при раздельном рассмотрении морфологической и словообразовательной структур мы не рискуем упустить релевантные особенности каждой из них и конкретный характер их соотношения, т. е. либо соответствие морфологической и деривационной структуры слова, либо, напротив, их несответствие.

В лингвистическом анализе отдельного вторичного образования можно идти двумя путями: либо от словообразовательной структуры единицы к ее морфемному строению, либо наоборот — от морфемной структуры к словообразовательной. Важно только не смешивать два этих разных направления. В первом случае, установив отношения производности между данным словом и словом, его мотивировавшим, мы выявляем его НС и устанавливаем далее, являются ли эти НС отдельными морфемами или морфемными последовательностями, продолжая анализ до тех пор, пока каждое НС не предстанет в виде морфемной цепочки. Во втором случае мы сперва определяем морфемный состав слова и ставим далее своей целью узнать, соответствует ли каждая выделенная нами морфема особой части определенной словообразовательной модели. Конкретное направление исследования обусловливается при этом его целями и задачами. И в том, и в другом случае перед исследователем возникает проблема соответствия морфемных и словообразовательных структур: в морфологии она формулируется в виде вопроса о соотношении понятий членности и производности слова, в словообразовании — в виде вопроса о правилах реализации той или иной словообразовательной модели теми или иными типами морфемных последовательностей, в виде вопроса о сочетаемости разных основ с разными аффиксами и т. п. Не вызывает поэтому сомнения, что данные морфемного и словообразовательного анализа дополняют друг друга. Несомненно также, что два этих типа анализа открывают в строении слова разные стороны. В связи с перечисленными зада-

ных слов и словосочетаний. «Уч. зап. I МГПИЯ», т. 52. М., 1969; Е. Ю. Халилова. Опыт исследования продуктивности префиксов в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. 11—13.

чами морфологического анализа (стр. 7 и сл., 301 и сл.), подчеркнем здесь еще раз, что по мере осуществления морфологического анализа мы должны ответить и на следующие вопросы первостепенной важности: в ходе какого морфологического процесса была создана анализируемая единица и какие конкретные акты словообразования, формообразования и словоизменения отражаются в ее структуре. Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к процедурам разграничения актов словообразования, формообразования и словоизменения.

V. Конкретные процедуры разграничения формообразования, словоизменения и словообразования

Для того чтобы установить, какие морфологические процессы отражены в структуре анализируемой вторичной единицы, следует поставить в соответствие этой единице ту исходную или базовую единицу, преобразованием которой она создана. Следует выявить, далее, какие изменения произошли при этом в форме анализируемой единицы и в ее общем значении. Подобный анализ позволит определить тип отношений между двумя сравниваемыми единицами — исходной и результативной — и, следовательно, тип отношений производности между ними. Описанные выше структурно-семантические особенности разных типов отношений производности на морфологическом уровне позволяют, в свою очередь, выработать процедуры анализа, в ходе которого может быть достигнуто достаточно четкое разграничение разных синхронных процессов порождения вторичных морфемных последовательностей, т. е. формообразования, словоизменения и словообразования.

Основной вопрос, на который надлежит ответить, сравнивая производящую и производную единицы, на наш взгляд, заключается в следующем:

затронул процесс порождения исходную основу или нет и если затронул, то изменилась ли эта основа по форме и по содержанию и как именно.

Так как на каждый из поставленных вопросов возможны по два противоположных ответа (да, нет), в принципе следует предусмотреть следующие разные ситуации:

— Процесс порождения новой последовательности не затрагивает основу слова ни в плане выражения, ни в плане содержания; основа остается неизменной, и изменения в общем значении новой последовательности с основой исходной единицы не связаны.

— Процесс порождения новой последовательности не затрагивает исходную основу в плане выражения, но она изменяется в плане содержания.

— Процесс порождения новой последовательности затрагивает форму основы, но не затрагивает ее содержания.

— Процесс порождения новой последовательности затрагивает как форму старой основы, так и ее содержание.

Рассмотрим по отдельности каждую из этих ситуаций и выясним, с каким синхронным процессом порождения вторичных единиц и с каким типом отношений производности связана каждая ситуация.

Ситуация I. При сравнении исходной последовательности с анализируемой выясняется, что процессом порождения не затронута ни форма исходной основы, ни ее содержание, т. е. что сравниваемые последовательности демонстрируют основы, одинаковые по форме и по объему значения: *стол* — *стол-а*, *столик* — *столик-а*, *дел-а-ть* — *дел-а-л* и пр. Сравнение последовательностей, удовлетворяющих указанным требованиям, позволяет вывести правило 1.

Правило 1. Если в процессе порождения вторичной единицы облик (форма) основы исходной единицы и ее лексическое значение не претерпевают никаких изменений, а общее значение результативных последовательностей того же типа может быть определено как суммативное и выведено из значения их частей, этот процесс порождения может быть охарактеризован как акт с л о в о и з м е н е н и я.

Так, например, следует определить характер единицы типа исл. *hest-um*. Ставим в соответствие данной в^теричной единице исходную для нее единицу *hest-ur*. Убеждаемся в том, что исходная основа не претерпела никаких изменений ни в своем облике, ни в своем содержании. Помещаем исследуемую единицу в ряд однотипных единиц и убеждаемся, что объем значений всех этих единиц может быть выражен формулой «значение основы + значение служебной морфемы {um}», т. е. {Dat. Plur.},ср. *stól-um*,

hlut-um, smið-um. Делаем вывод о том, что анализируемая единица представляет собой форму слова, т. е. единицу, подвергнутую процессу словоизменения.

Легко продемонстрировать, что под это правило подводятся обычные (со стабильными основами) формы изменения имен по падежам, числам и родам, а также формы изменения глаголов по лицам и числам. В русском языке сюда могут быть отнесены, например, формы прошедшего времени глагола: *делал, говорила, цвело, имели*.

Ситуация II. При сравнении анализируемой последовательности с исходной выясняется, что в процессе порождения этой последовательности форма исходной основы осталась незатронутой, но ее содержание изменилось, т. е. что сравниваемые последовательности демонстрируют тождественные по форме, но разные по объему значения единицы:ср. русск. *золото — золотой*, англ. *father — (to) father* ‘усыновлять’, шведск. *film* ‘фильм’ — *filma* ‘снимать фильм’. Наблюдая указанную ситуацию, мы можем вывести правило 2.

Правило 2. Если в процессе порождения вторичной последовательности основа результативной формы остается по своему облику неизменной, но отличается от основы исходной единицы по значению, причем смысловое расстояние, обнаруживаемое между сравниваемыми единицами, не строго одинаково, но меняется от случая к случаю, то мы наблюдаем особый акт словообразования, а именно транспозицию.

Исл. *salta* от *salt* значит ‘делать соленым’, ‘засаливать’, но *sykra* от *sykig* значит не только ‘делать сладким’, ‘засахаривать’, но и ‘посыпать сахаром’; исл. *hosta* значит ‘представлять лошадь’, *mjólka* ‘давать молоко’, *botna* ‘вставлять дно’ и т. п. Иначе говоря, изменения в лексическом значении вторичных единиц нельзя точно предсказать заранее, они имеют более индивидуальный характер и несуммативны по своей природе. Отношения производности, которые здесь наблюдаются, есть отношения словообразовательные, и единицы, которые мы анализируем, представляют собой дериваты.

Ситуация III. При сравнении двух последовательностей выясняется, что, будучи однокорневыми, они характеризуются разными по форме основами. Идентификация последовательностей зависит в этом случае от семантики основы. Если, несмотря на различие облика сравнивае-

мых основ, они передают одно и то же лексическое значение; то можно сформулировать следующее, З правило.

Правило 3. Если в процессе порождения вторичной последовательности у исходной основы меняется форма, но совершенно не меняется лексическое значение, а общее значение результативных последовательностей того же типа определимо по правилу 1, то мы наблюдаем акт **формообразования**, а именно, **морфологическое основообразование**.

Ср. русск. *я дел-ю* — *ты дел-и-шь*, где основа *дел-* равна основе *дел-и-*, *делаю* — *делал*, где основа *делај-* равна основе *дела-*, ср. исл. tel ‘я считаю’ — tel-j-um ‘мы считаем’, где основа tel- равнозначна лексически основе tel-j-, или исл. stöð ‘место’ — мн. ч. stöð-v-ag, где основа stöð- равна основе stöð-v- и пр. Различие в значениях указанных разновидностей основ связано лишь с тем, что в одних случаях особой приметой эксплицитно маркируется их принадлежность определенному формальному классу (например, типу склонения или спряжения).

Морфологическое основообразование можно усматривать и в случаях типа нем. der Gang — die Gänge, но der Tag — die Tage или англ. long — lengthen, где преобразование основы long- ~ leng- или Gang- ~ Gäng- ничего не меняет в лексическом значении основы, хотя сам преобразованный облик основы свидетельствует о ее вторичном характере.

В описанных выше случаях не менялось лексическое значение основы, но с измененной основой связывалось новое системное или структурное ее значение — принадлежность классу форм. Следующая ситуация предусматривает все случаи возможного изменения основы и по форме, и по содержанию.

Ситуация IV. Рассмотрим случаи синхронного порождения вторичных последовательностей, когда сравниваемые основы, т. е. основа исходной и основа результативной единицы, выступают как величины, не тождественные ни по форме, ни по содержанию. Интерпретация случаев этого рода зависит тоже от характера изменений, наступающих в объеме значения основы или объеме значения всей результативной последовательности, и от структурно-семантических особенностей того ряда, к которому может быть причислена новая

вторичная последовательность. В зависимости от конкретных особенностей этих рядов можно сформулировать три следующих правила.

Правило 4. Если лексические значения двух основ в сравниваемых однокорневых единицах абсолютно тождественны, а грамматические различия между ними соответствуют различиям, подводимым под правило 1, то акт порождения новой вторичной последовательности может быть охарактеризован как акт словоизменения или морфологического основообразования.

Ср. нем. *wir geben* — прош. время *wir gaben*, как *wir leben* — прош. время *wir leb-t-en* (где *gab-* эквивалентно *leb-t-*) или исл. *fótur* — мн. ч. *fætūr*, как *geit* — мн. ч. *geitur* и т. п.

Этим правилом предусматривается одинаковая трактовка последовательностей, проявляющих черты структурного параллелизма, поэтому его можно переформулировать и следующим образом: если в соответствии с правилом 1 в языке идентифицированы как формы словоизменения те или иные последовательности, то последовательности, тождественные им по месту, занимаемому в данной грамматической системе, и выражают тот же набор категориальных значений, тоже рассматриваются как относящиеся к сфере словоизменения. Иначе говоря, парадигматически равноправные формы трактуются как созданные одинаковым процессом синхронного конструирования единиц.

Правило 5. Если в процессе порождения вторичной последовательности форма результивной основы и ее значение оказываются отличными от формы и значения исходной основы, но смысловое расстояние, разделяющее эти основы, является константным для всего ряда однотипных образований и потому предсказуемым, причем общее значение всех вторичных последовательностей того же типа носит суммативный характер, то мы наблюдаем акт формообразования.

Ср. акты формообразования при конструировании основ причастий, степеней сравнения прилагательных, герундия, супина и т. п.

Правило 6. Если процесс порождения вторичной последовательности приводит к тому, что ее основа отличается от исходной и по форме, и по содержанию, причем общее значение последовательностей того же типа не

всегда выводимо точно из суммы значений их составляющих, а смысловое расстояние, разделяющее исходную и результативную основы, не строго константно, но меняется от случая к случаю, то мы наблюдаем акт словообразования.

Ср. *краснеть, белеть, стареть*, но *хорошеть, дурнеть*, ср. англ. *writing, reading*, но *building* и т. п.

Иначе говоря, если ряд образований, объединенных общностью формального показателя, постоянно демонстрирует один и тот же набор значений, остающийся для каждого члена ряда неизменным, то этот ряд квалифицируется как ряд парадигматический; если же отдельные члены ряда демонстрируют различающиеся значения, а сам ряд может быть разбит на разные подтипы, то перед нами скорее всего ряд словообразовательный. Важны в связи с этим не столько объем или протяженность ряда, сколько принципы его организации. Так, например, в английском языке образования на -er должны квалифицироваться как производные (дериваты), поскольку ряд этих образований содержит единицы, не совсем тождественные по объему своего значения: дериват *smok-er* может означать и курильщика, и вагон для курения, дериват *swimm-er* — и пловца, и поплавок, а производное *suck-er* может означать и сосунка, и простака, и боковой побег, и отросток, и поршень насоса, и всасывающую трубу. Естественно, что, даже зная семантику моделей производных на -er, предсказать все указанные значения невозможно, поскольку они не суммативны и возникают в результате сложного влияния значения суффикса на значение основы. Не будь этой особенности, ряд на -er мог бы вполне рассматриваться в силу своей протяженности, легкости пополнения и общей формальной регулярности как ряд парадигматический.

Приведенные правила показывают, что каждый акт порождения или синхронного конструирования вторичной последовательности может получить недвусмысленное истолкование и на основании объективных критериев отнесен к одной из трех сфер морфологии — словоизменению, словообразованию или формообразованию. При этом, как следует из сформулированных выше правил, рубеж между словообразованием, с одной стороны, и словоизменением совместно с формообразованием, с другой, определяется тем, что процессы словообразования

приводят к созданию морфологических группировок одного порядка, а противостоящие им процессы не-словообразования — к созданию морфологических группировок иного порядка. Процессы словообразования осуществляются там, где конечным результатом конструирования вторичных единиц становится создание словообразовательного ряда. Процессы формообразования и словоизменения осуществляются там, где конечным результатом процессов становится создание ряда парадигматического. Дифференциация формообразования, словоизменения и словообразования может быть осуществлена поэтому лишь путем изучения каждой морфемной последовательности как члена определенного морфологического ряда и путем сравнения этой последовательности с исходной для нее единицей. Объективные возможности разграничить среди морфологических рядов ряды парадигматические и ряды словообразовательные и служат, собственно, основанием для того, чтобы разграничивать парадигматику и словообразование.

Парадигматические ряды существенно отличаются по способу организации от рядов словообразовательных, демонстрируя особые типы отношений внутри своих единиц (ср. противопоставление суммативных и пессуммативных значений) и особые типы отношений между каждым членом ряда и исходной единицей (ср. противопоставление отношений чисто формальной и формально-семантической производности). Особенно наглядно проявляется это различие в нетождественном поведении основы внутри своего ряда и по отношению к исходной основе, благодаря чему становится возможной выработка правил преобразования основ в парадигматическом ряду, отличных от тех, которые устанавливаются для преобразования основы в ряду деривационном (ср. стр. 285 и сл.).

Иллюстрируя правила, мы использовали для простоты примеры, созданные в результате одного акта порождения: *стол* → *столу*. Однако совершенно так же происходит идентификация последовательностей более сложного строения, т. е. единиц, отражающих несколько и, возможно, неоднотипных актов порождения. Анализ всегда начинается с того, что в соответствие изучаемой единице ставится единица, удаленная от нее на один, и только

один, акт порождения, на одну формальную операцию, ср. *крутящемуся — крутящийся — крутящий — крутить* и т. п. Анализ продолжается до тех пор, пока в соответствие изучаемой последовательности не будет поставлена основа, равная чистому корню. Определить морфологическую структуру слова оказывается в этом смысле равносильным тому, чтобы отразить синхронную историю конструирования этого слова и связать каждую из обнаруживаемых морфем (кроме исходной) с одним из трех морфологических процессов.

Словоизменением вместе с формообразованием, т. е. *н-e-с-l-o-v-o о б r-a-z-o-v-a-n-i-e-m*, можно считать такой процесс конструирования вторичной последовательности, который либо а) вообще не затронул исходной основы по форме, либо затронул форму основы так, что при этом: либо б) значение основы не изменилось, но выявились ее принадлежность определенному типу склонения или спряжения, либо в) на лексическое значение основы наслилось новое грамматическое значение, в параллельных случаях выражаемое специальной морфемой, либо г) изменилось грамматическое значение основы.

Формообразование (процессы б и г), в отличие от словоизменения (процессы а и в), приводящего к возникновению (готовой) словаформы, надлежит считать такой процесс синхронного конструирования вторичных последовательностей, который по самой своей сути связан с образованием новой основы, однако основы, выражающей не новое индивидуальное лексическое значение, а новое грамматическое или системное значение. Формообразование связано с созданием константных смысловых расстояний между основами исходной и результативной единиц, когда формы основ не совпадают, но когда само смысловое расстояние входит по своему типу в разряд грамматических (обязательных) значений.

Наконец, словообразование всегда связано с изменением объема значения основы — иногда потому, что меняется ее категориальная характеристика (транспозиция), чаще — потому, что меняется лексическое значение основы; формальное преобразование основы для словообразования отнюдь не обязательно.

Словообразование отличается от формообразования различием смысловых расстояний, складывающихся в ре-

зультате проведения этих процессов, между исходными и результативными единицами: константность смысловых расстояний свидетельствует в пользу формообразования, напротив, их вариативность, диффузность, нестабильность — в пользу словообразования. Огромное значение имеет и связь между компонентами последовательности в плане содержания: там, где общее значение последовательности (основы) суммативно по своему характеру, следует предположить акты формообразования; напротив, там, где общее значение последовательности не выводимо полностью из значений ее составляющих, хотя и мотивировано ими, следует предположить акты словообразования. Наконец, важен и тип значения, соответствующий устанавливаемому смысловому расстоянию, — т. е. его обязательность или необязательность. Первое заставляет говорить о парадигматике, второе — о словообразовании.

Итак, при изучении аранжировки или комбинаторики морфем приходится учитывать неоднотипность морфологических процессов, приводящих к их возникновению, их изначальную функциональную нетождественность и разную целенаправленность. Учитывая это, мы придем к более глубокому проникновению в структуру слова и в механизм возникновения структур разного типа.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

I. Основные модели слов в германских языках

Если на предыдущих этапах исследования внимание было сосредоточено на характеристике основных единиц описания и классов этих единиц, т. е. на апализе материала в буквальном смысле слова, то по завершении начальных этапов морфологического анализа возникает иная задача: использовать полученные сведения в целях характеристики целостных морфологических единиц. От обнаружения минимальных значимых единиц языка и определения их классной принадлежности на данной ступени анализа переходят к описанию центральной единицы морфологического уровня — слова. Теоретические проблемы, которые возникают в связи с этим, касаются границ применения данных морфологического анализа в описании морфологической системы языка.

Нередко полагают, что роль морфологического анализа сводится к установлению частей целого, к обнаружению членности и нечленности отдельных образований, к уяснению соотношения их компонентов и т. п. Ценность подобных сведений, конечно, не вызывает никакого сомнения. Представляется в то же время, что результаты морфологического анализа имеют не только эти очевидные достоинства. По-видимому, в неменьшей степени полученные сведения важны и для другого: для описания внутренней организации последовательностей, больших, чем одна морфема или же функционально ей не равнозначных. Речь идет об описании морфемных последовательностей — основы и слова и, следовательно, об изучении специфики аранжировки морфем. В предыдущей главе мы описали основные процессы подобной аранжировки, т. е. рассмотрели отличительные особенности комбинаторики морфем с точки зрения назначения названных процессов

и их конечных целей. В настоящей главе мы рассмотрим процессы аранжировки морфем с точки зрения результатов этих процессов, а также учитывая по возможности некоторые особенности протекания процессов объединения морфем в одно целое.

Как мы уже подчеркивали выше (см. стр. 18 и сл.), в морфологии задачи изучения сочетаний морфем ограничены рамками слова. Это значит, что хотя в морфологии изучают прежде всего «более тесно спаянные соединения морфем, то есть грубо говоря... то, что обычно называется „словами”»¹, здесь все же нельзя ограничиться рассмотрением одних только слов. В компетенцию морфологического исследования входит также изучение типовых регулярных последовательностей морфем, составляющих особую часть слова, иначе говоря, описание основы. Важность основы как самостоятельной единицы морфологического уровня мы пытались обосновать выше тем, что в процессах синхронного конструирования вторичных последовательностей преобразования основы и по форме, и по содержанию играют роль индикатора осуществляемых процессов и позволяют разграничить акты формообразования и словообразования. В настоящей главе мы постараемся обосновать особую значимость основы для грамматической характеристики слова в целом и определения некоторых важнейших черт морфологической структуры включающего ее слова. Как и понятие морфемы, так и понятие основы вводятся в значительной мере для того, чтобы облегчить понимание синтеза слова и глубокой внутренней связи между разными его компонентами, а также и всей проблемы сочетаемости отдельных компонентов слова в целостное единство.

Учитывая выделенные выше классы служебных и неслужебных морфем, а также судя по исследованным текстам на современных германских языках, можно полагать, что возможности сочетания морфем в пределах отдельного (синтетического) слова исчерпываются в данных языках следующими шестью главными типами:

I — слово состоит из одной служебной морфемы;

II — слово состоит более чем из одной служебной морфемы, т. е. включает несколько служебных морфем или же служебную морфему и маркер;

¹ Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 99.

III — слово состоит из одной неслужебной морфемы;

IV — слово состоит из сочетания одной неслужебной морфемы с одной или несколькими служебными морфемами или маркером;

V — слово состоит из сочетания двух и более неслужебных морфем, т. е. из сочетания одних неслужебных морфем;

VI — слово состоит из сочетания двух и более неслужебных морфем с одной или несколькими служебными морфемами или маркером².

Это значит, что аранжировка морфем разных разрядов в современных германских языках представлена шестью типами слов. Естественно предположить, что описанное разбиение слов является предварительным и подлежащим дальнейшей детализации. Однако прежде чем выделить те или иные разновидности внутри указанных типов, представляется небесполезным дать краткую структурную характеристику каждому из них.

Слова группы I — это, по определению, служебные, незнаменательные слова-морфемы. Чаще всего таковы: а) союзы, б) предлоги, в) предлогообразные наречия; несколько реже — другие виды примарных частиц, например, некоторые отрицания, приинфinitивные частицы и т. п. Ср.: а) англ. and, нем. und, шведск. och ‘и’, голл. maar, doch, англ. but, нем. aber ‘но’, ‘однако’, англ. or, нем. oder, датск. eller ‘или’; б) голл. te ‘к’, van ‘от’, voor ‘для’, met ‘с’, датск. til ‘к’, for ‘для’, i ‘в’, ved ‘у’; в) голл. aan ‘при’, bij ‘около’, door ‘сквозь’, uit ‘из’, исл. á ‘на’, af ‘от’, ‘с’, út ‘из’, ‘от’, англ. out ‘из’, over ‘над’; ср. также отрицания типа шведск. inte, icke, исл. ekki, приинфinitивные частицы типа нем. zu, исл. að, англ. to и т. п. Обычно такие единицы относительно константны и варьируют под влиянием фонетического окружения (ср. положения в проклизе и энклизе,

² Интересно отметить, что анализ морфологической структуры монгольского слова по этой модели продемонстрировал наличие слов группы I, III, IV и VI, но не II и V, причем количество слов, приходящихся на типы I, III и VI, оказалось весьма ограниченным. Иначе говоря, в языке агглютинативного типа из всех моделей, свойственных флексивным языкам, оказались представленными по существу лишь модели слов IV группы. Ср.: Чой Лубсангджа. Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языках. Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 77—79.

под ударением и в безударной позиции, перед гласным или перед согласным и т. п.). Главный признак таких слов — отсутствие какой бы то ни было морфологической оформленности, ибо данные слова существуют не как система форм, а как бы сами по себе. Напомним, что, поскольку они представлены служебными морфемами, это значит, что сформировать самостоятельное высказывание они не могут. Служебные слова-морфемы — это функциональные эквиваленты аффиксов; оба класса часто разделяют одну сферу значений. Ср. роль сочинительных союзов и соединительных элементов в сложных словах, роль падежных флексий косвенных падежей и предлогов и т. п.

Слова группы II отличаются от первой группы слов *своей* членностью, но в функциональном отношении они разделяют признаки этой группы. Членность подобных образований указывает на то, что и служебные слова могут восприниматься и как производные, и как изменяемые, и как сложные. В качестве первых можно назвать предгообразные наречия в современном исландском языке, ср.:

út	'наружу'	— úti	'снаружи'	— utan	'снаружи'
inn	'внутрь'	— inni	'внутри'	— innan	'изнутри'
upp	'вверх'	— uppi	'наверху'	— ofan	'сверху'

В качестве вторых ср. составные предлоги в немецком языке, построенные по модели «предлог + падежный маркер»: *zur* из *zu* *der*, *beim* из *bei* *dem*, *aufs* из *auf* *das* и т. п. Однако наиболее широко представленной разновидностью слов этого типа являются сложные или составные служебные слова. Ср., например, в голландском языке образования типа *tegenover* 'напротив', *rondom* 'вокруг', в шведском языке предлоги типа *intill* 'до', *nedanför* 'под', *ifrån* 'от', *förbi* 'мимо', *infor* 'перед', *utmed* 'вдоль' и т. п. Ср. также нем. *durchaus* 'совсем', *gegenüber* 'напротив', *entgegen* 'вопреки', датск. *overfor* 'напротив', голл. *alsof* 'как будто бы' и т. п.

Признав служебный характер некоторых местоименных корней, мы могли бы отнести к этой категории слов сложные союзы и предлоги в скандинавских языках типа шведск. *härv* 'из этого', *därför* 'поэтому', *därtill* 'к тому же', датск. *derefter* 'после', *såsom* 'так что', *dersom* 'если'. Ср. также нем. *hinauf* 'вверх', *hinab* 'вниз',

herunter ‘вниз’, damit ‘чтобы’, голл. wanneer ‘когда’, waarover ‘над чем’, zoals ‘так что’ и т. д.

В качестве особой разновидности данной группы выделяются склоняемые артикли в исландском и немецком языках, а также артикли с различными родовыми, числовыми или падежными показателями — аффиксами или маркерами — в других германских языках.

Отметим, что слова, состоящие из одних служебных морфем, незнаменательны, но обратное утверждение было бы неверным. Многие служебные слова имеют в качестве составляющих неслужебные корневые морфемы, ср. шведск. *bredvid* ‘рядом с’, *medelst* ‘посредством’, *oaktat* ‘несмотря на’, *ifall* ‘если’, англ. *along-side* ‘вдоль’, голл. *gedurende* ‘в продолжение’, *ingevolge* ‘из-за’, *krachtens* ‘в силу’, *ingeval* ‘в случае’, *aangezien* ‘так как’ и т. п. Это означает, что служебные слова строятся не только как модели первой и второй групп, но пополняются за счет других моделей.

Слова группы III — из одной неслужебной морфемы — представлены во всех германских языках ограниченными рядами слов и в целом немногочисленны. Среди них выделяются междометия и примарные наречия, т. е. слова с более узкой сферой синтаксического применения. В качестве примера можно привести нем. *sehr* ‘очень’, *gar* ‘совсем’, *nun* ‘теперь’, *bald* ‘скоро’, *hier* ‘здесь’, *da* ‘там’, шведск. *igen* ‘снова’, *nu* ‘теперь’, англ. *just* ‘только что’, *ever* ‘всегда’, *well* ‘итак’ и т. д. Одноморфемными являются нередко и отдельные группы местоименных слов, например, местоименных наречий, ср. шведск. *här* ‘здесь’, *där* ‘там’, англ. *so* ‘так’ и др. Подлинные монемы, однако, для германских языков не типичны. Известное исключение составляют здесь формы из одного суперморфа, т. е. суперморфа, не сопровождаемого обычной аффиксальной морфемой. Так, англ. *feet* ‘ноги’ от *foot* ‘нога’ или нем. *Mütter* ‘матери’ от *Mutter* ‘мать’ можно рассматривать как монемы, но формы типа исл. 1 л. ед. ч. *kys* ‘я выбираю’ — *kaus* ‘я выбрал’ — нельзя, ибо они противопоставлены формам типа *kus-t* ‘ты выбираешь’ — *kaus-t* ‘ты выбрал’ и должны, следовательно, рассматриваться как образования с нулевой морфемой. Они односоставны и, по сути дела, нечленимы, но в отличие от подлинных монем отсутствие особого оформления аффиксом воспринимается в них как

значащее. Известно, что подлинных монем как корневых неоформленных морфем в германских языках среди неслужебных единиц сравнительно немного. Корни же с нулевыми морфемами монемами не являются.

Таблица 4

Распределение нулевых морфем в германских языках

Англ.	Голл.	Датск.	Нем.	Шведск.	Исл.
26	19	19	17	17	12

Слова группы III следует поэтому отличать от особой разновидности следующего, IV класса моделей — сочетаний неслужебной морфемы с морфемой нулевой. Ввиду исключительно широкой распространенности подобных моделей в стословных текстах (см. табл. 4) несколько слов необходимо сказать о нулевых морфемах. Как мы видели на приведенном выше примере, нулевые морфемы вводятся для отличия нечленимых конструкций (модель англ. *feet*) от членимых. Отсутствие в слове специального материально выраженного показателя того или иного грамматического значения может иметь место в двух принципиально различных случаях: 1) когда специфика данного образования заключается в его неизменяемости и связана с отсутствием у него каких бы то ни было словоформ и 2) когда слово, существующее в языке через систему словоформ, в одной или нескольких из таких форм выступает как тождественное корню или основе, т. е. лишенное особых смыслоразличительных показателей. Именно в этих последних случаях невыраженность каких-то категорий на фоне остальных образований оказывается восполненной общим значением формы. Попадая в ряд противопоставлений, выстраиваемых за счет материальных показателей, такая внешне неоформленная единица трактуется по аналогии с ними, т. е. как составленная из одинакового количества НС. Одно из этих НС, семантически присутствующее, но материально не получающее специального выражения, и описывается в терминах нулевой морфемы. Так, в исландском языке сравнение форм им. п. ед. ч. существительных типа *hestur* ‘конь’,

tunga 'язык', когда корень выступает в сопровождении флексии, или форм типа himin-n 'небо' и stol-l 'стул', когда корень выступает в сопровождении маркера, позволяет считать параллельными им в структурном отношении тождественные по грамматическому значению формы типа egg 'яйцо' или sorg 'печаль', т. е. представлять их как сочетания корня с нулевой морфемой.

Применение нулевых морфем уже имеет в настоящее время длительную историю, но полемика по поводу целесообразности этого понятия и границ его использования до сих пор не прекращается³. Мы полагаем, что введение категории нулевых морфем оправдано лишь тогда, когда необходимо отметить факт функционирования чистого корня или основы в качестве единиц, структурно эквивалентных регулярным аффиксальным образованиям, и когда подобный корень или основа выступают как члены определенной системы оформленных образований (т. е. в ряду оппозиций, членами которых являются образования с формально выраженным грамматическими значениями)⁴. Другими словами, нулевую морфему вводят для описания отношений производности дефектного типа: семантически отношения производности представлены, но специального выражения они не получают. Если до недавнего времени нулевые морфемы использовались для описания парадигматических рядов, служа условным средством выражения симметричных или пропорциональных отношений между компонентами образований, принадлежащих данной парадигме⁵, то в настоящее время некоторые исследователи вводят это понятие для описания отно-

³ Ср.: G. F. M e i e r. Das Zero-Problem in der Linguistik. Kritische Untersuchungen zur strukturalistischen Analyse der Relevanz sprachlicher Form. Berlin, 1961 с библ. (рец. на эту книгу О. Н. Селиверстовой см.— ВЯ, 1963, № 2); R. G o d e l. La question des signes zero. «Cahiers F. de Saussure», 11. Genéve, 1953.

⁴ Ср.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 20—23; материалы сборника «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963; М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, стр. 95—98; Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 82—83 и др.

⁵ Т. е. для описания отношений типа окно : окна :: стол : стола, окно : окном :: стол : столом и т. п. Ср.: H. Se i l e r. On paradigmatic and syntagmatic similarity. «Lingua», 1967, v. 18, № 1, стр. 59 и сл.

шений деривационной производности и, соответственно, для описания словообразовательных рядов⁶.

Строго говоря, по оппозиции типа англ. *rose* 'роза' — мн. ч. *roses* нельзя с уверенностью сказать, имеем ли мы дело с противопоставлением чистого корня корню, материально оформленному, или же с противопоставлением отсутствия окончания его наличию. В одинаковой степени доказуемы или, напротив, недоказуемы, оба эти утверждения. Поэтому дискуссию может, собственно, вызвать только вопрос о том, целесообразно ли введение нулевой морфемы с данным значением в описание соответствующего парадигматического ряда и что достигается с помощью нулевой морфемы в этом описании. Как известно, мнения лингвистов по этому вопросу резко расходятся⁷. Думается, однако, что признание нулевой морфемы лишь в строго ограниченном числе случаев — в коррелятивном противопоставлении формально выраженной оппозиции, т. е. когда в системе изучаемого языка на месте постулируемой нулевой морфемы в сходном лингвистическом окружении и для выражения однородного морфологического значения используется реальная морфема, — ставит разумные ограничения мере использования нулевых морфем в описании языка⁸.

Так, целесообразность введения нулевых морфем со значением единственности и общего падежа оправдывается противопоставлениями типа *rose* — *roses*, *year* — *years*, о которых мы говорили выше и описание которых невозможно без указания на обязательность противопоставления единственности и множественности в английском существительном и на средства выражения этого обязатель-

⁶ Ср.: Н. М а r c h a n d. Die Ableitung desubstantivischer Verben im Englischen, Französischen und Deutschen. «Die Neueren Sprachen», 1964, № 3; В. В. Л о п а т и н. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования.— ВЯ, 1966, № 1.

⁷ Ср. мнение Н. Н. Короткова и В. З. Панфилова, которые считают возможным говорить о наличии нулевой формы «лишь в том случае, если такая нулевая форма выражает одно из тех частных значений... грамматической категории, которые не выражаются ни одним из ее специальных показателей» (разрядка наша.— Е. К.). См.: Н. Н. Коротков, В. З. Панфилов. О типологии грамматических категорий.— ВЯ, 1965, № 1, стр. 42—43.

⁸ Ср.: В. М. Ж и р м у н с к и й. О границах слова.— МСС, стр. 12—20.

ногого грамматического значения. Нельзя не отметить также, что доводом в пользу признания нулевой морфемы являются для нас и факты из области словообразования. Распространение атрибутивных комплексов типа a *ravishing eighteen-year-old ballerina* ‘блестательная восемнадцатилетняя балерина’, *her eleven-year-old son* ‘ее сын одиннадцати лет’, a *six-foot-four-inch Negro* ‘негр ростом в шесть футов и четыре дюйма’, a *seventeen-room apartment* ‘квартира из семнадцати комнат’, a *four-story building* ‘четырехэтажное здание’, *my own three-act play* ‘моя собственная трехактная пьеса’, *the eye-and-ear man* ‘врач, специалист по ушам и глазам’ или *an eight-hundred-thousand-dollar edifice* ‘здание, стоявшее восемьсот тысяч долларов’, a *forty-thousand-dollar life-insurance policy* ‘политика застрахованных на сорок тысяч долларов’ и т. д.⁹ свидетельствует о том, что в пределах сложных комплексов числовые различия сняты. Последнее позволяет предположить, что в английском языке противопоставлены три единицы: корневая морфема, нейтральная к числовой дифференциации и не выражающая категории числа, корневая морфема в сочетании с нулевой морфемой, вместе передающие значение единственного числа или обобщенного понятия (модель a *year passed* ‘прошел год’), и корневая морфема в сочетании с материально выраженной морфемой, вместе передающие значение множественного числа (ср. *eighteen years* ‘восемнадцать лет’). Отсюда построение аналогов указанных форм в виде моделей *year-*, *year- + -s* и *year- + ≠*. Выделение нулевой морфемы с обобщенным значением общего падежа и единственного числа в английском существительном кажется нам поэтому вполне оправданным¹⁰.

Формы с нулевыми морфемами представлены в герман-

⁹ Примеры взяты нами из кн.: A. King. Mine enemy grows older. N. Y., 1960; Truman Capote. In cold blood. N. Y., 1967.

¹⁰ Условие выделения нулевой морфемы в словоформе, следовательно, наличие материально выраженной морфемы в ее противочлене. Ср.: Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубрякова. Американский структурализм. «Основные направления структурализма». М., 1964, стр. 249–252; иная точка зрения по сути дела развивается в работе: Г. Н. Воронцова. Проблема основы существительного в английском языке. «Уч. зап. ИМГПИЯ», 1957, т. 15, где проводится мысль о том, что всложнениях английского языка участвуют не основы, а слова и что эта исходная форма слова нейтральна в выражении числа.

ских языках достаточно широко — по предварительным подсчетам, они распределяются в стословных текстах так, как указано в табл. 4 на стр. 241.

Формы с нулевыми морфемами — это чаще всего назывные формы слова, что, по-видимому, можно связать отчасти с их синтаксической выразительностью. Нередко эти назывные формы — инфинитивы, им. п. ед. ч. существительных и прилагательных — представляют собой также исходные формы, т. е. минимальные морфологические конструкции, распространением основ которых в языке создаются вторичные образования.

Слова группы IV могут быть разделены далее на три основных класса, выделяющихся в зависимости от принадлежности относящейся к ним служебной морфемы к тому или иному функциональному разряду: а) с морфемами словоизменительными; б) с морфемами словообразовательными; в) и с теми, и с другими одновременно. На те же три класса делятся и слова группы VI. Таким образом, если часть слова, противостоящую его словоизменительной части, назвать о с и о в о й, то модели групп IV-б и VI-б будут, собственно, моделями слов с производными или сложными основами; то же можно сказать и про модели IV-в и VI-в. Остальные модели могут быть охарактеризованы как модели простых, непроизводных слов, модели с л о в о ф о р м. Отношения, существующие между моделями IV и VI групп, изоморфны по грамматической сущности их НС и отличаются лишь тем, что в качестве основ в одном случае выступают чистые корпи, в другом — корни, осложененные деривационными аффиксами, в третьем — сложные или сложнопроизводные основы, т. е. основы, состоящие более чем из одной корневой морфемы.

Модели слов IV—VI групп объединяют все знаменательные части речи, каждая из которых представлена набором определенного количества парадигматических рядов. Основы, сочетающиеся с морфемами рода — числа — падежа, образуют группу имен, а основы, сочетающиеся с морфемами, выражающими значения лица, числа, времени, залога и т. п., образуют группу глаголов; сочетанием с иными морфемами образуются группировки, отличные от глагольных и именных¹¹. Возможности при-

¹¹ Ср.: B. Trnka. On the morphological classification of words. «Lingua», 1962, v. XI, стр. 424.

соединения к основным частям разных словоизменительных морфем в каждом из германских языков реализуются неодинаково, каждая часть речи индивидуальна по набору реализующих ее парадигматических рядов и по моделям самих парадигм. Естественно, что в силу этого обстоятельства морфологические классы слов здесь не тождественны. Разные части речи в отдельных германских языках отличаются так же как совокупности разных словоформ. Все эти словоформы были подробно описаны в традиционных сравнительных грамматиках. Имеются прекрасные описания и для отдельных германских языков. К числу таких описаний, в центре внимания которых находились именно морфологические структуры различных форм, можно отнести цикл работ В. Г. Адмони и М. Д. Степановой для немецкого языка, В. Н. Ярцевой и И. П. Ивановой — для английского языка и многие другие, о которых мы уже писали раньше. Естественно, что описание всех этих словоформ, чрезвычайно важное для построения грамматики любого языка, не может составить задачу настоящего исследования. Подобное описание было бы осложнено и чисто практическими трудностями — объемом материала и обилием разнообразных моделей. В исландском языке, например, только сильные глаголы делятся на семь классов в соответствии со схемой аблautа, организующей их спряжение. В каждом из таких классов изменение огласовки корня происходит по крайней мере трижды. Обслуживаются глагольные основы более чем двумя десятками разных флексий. Перечисление возможных моделей глагольных форм, которые могут к тому же выражать разнообразные временные, залоговые, числовые и прочие значения, потребовало бы списка в несколько сотен моделей. В связи с этим мы довольствуемся анализом некоторых важнейших морфологических конструкций.

II. Типы именных форм в германских языках

Характеризуя морфологическую структуру слова в индоевропейских языках, Ф. Ф. Фортунатов указывал на такой его отличительный признак, как биномность¹²,

¹² См.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. 1. М., 1956, стр. 136 и сл.

разложимость на материальную и формальную принадлежность. В германских языках такой принцип организации слова частично снимается, уступая место иным принципам; структуры слов становятся более многообразными и сложными. Особый тип объединения морфем в слово с морфемно релевантными акцентными характеристиками, строго иерархическим соподчинением морфем разных разрядов, четкими морфемными швами и т. д. в древних германских языках¹³, сохраняясь в одних парадигматических рядах и проявляя удивительную устойчивость¹⁴ в других, сменяется объединением морфем по типу агглютинативных цепочек. Нередко в одном и том же парадигматическом ряду смешиваются формы, построенные на разных основах и отвечающие разным правилам морфемных аранжировок. Особенно ощутимо выступает гетерогенность в оформлении субстантивных форм.

Слова, являющиеся существительными, образуют в германских языках два парадигматических ряда — один со значением единственного, другой — со значением множественного числа. Падежные противопоставления — в случае их наличия — реализуются внутри числовых (рис. 3). Исходной формой служит для каждого ряда форма именительного или общего падежа, которая во всех германских языках, кроме английского, может выражать и родовое значение.

Наибольшее количество словоформ одного слова равно поэтому восьми, ср. данные исландского языка; наименьшее — двум, ср. данные английского языка для существительных, не имеющих форм притяжательного падежа. В этом случае формы существительного образуют один парадигматический ряд, формируемый противопоставлением единственного и множественного чисел. В скандинавских языках (включая исландский) эта система может

¹³ О морфологической структуре древнегерманского слова см. подробно: Э. А. Макаев. Структура слова в языке древнейших runических надписей. — ВЯ, 1963, № 2; М. М. Гуман. Морфологическая структура слова в древних германских языках. «Сравнительная грамматика германских языков», т. III. М., 1963; В. М. Жирмунский. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.—Л., 1964, стр. 68 и сл.

¹⁴ Э. А. Макаев. Структура слова в южноиндоеевропейском. «Проблемы языкоznания». М., 1967, стр. 252.

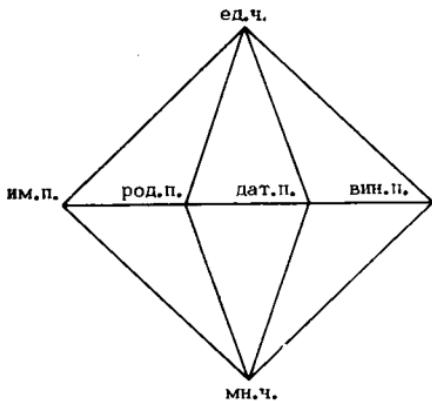

Рис. 3

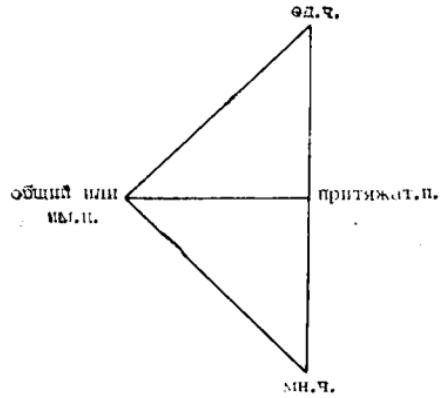

Рис. 4

осложняться благодаря присоединению к имеющимся формам постпозитивного артикла.

В исландском и немецком языках сохраняется четырехпадежная система склонения существительных (рис. 3), в остальных германских языках — двухпадежная, с противопоставлением общего и притяжательного падежей (рис. 4).

При классификации существительных используются поэтому либо способы образования мн. ч. (голландский, датский, шведский и норвежский языки), либо способы образования притяжательного падежа (немецкий), либо те и другие в совокупности (исландский язык).

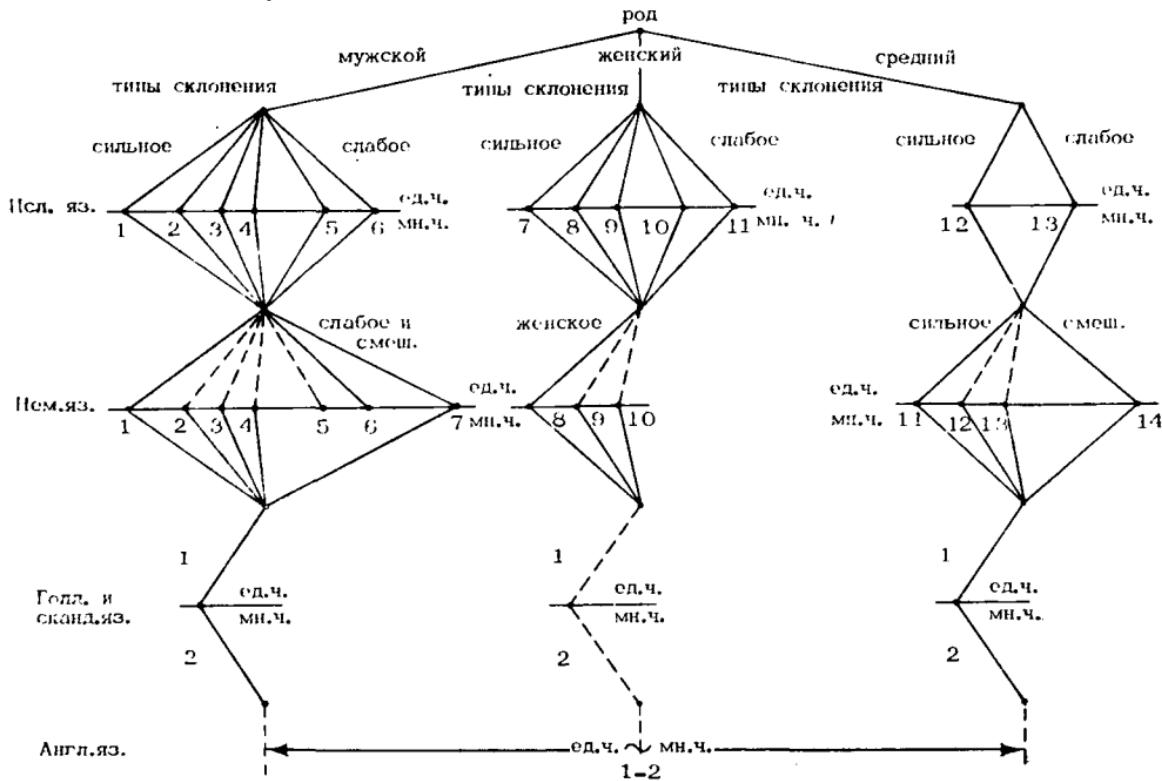
С одной стороны, положение о биномности форм подрывается тем, что в области существительного широко представлены образования с нулевыми морфемами — будучи материально нечленимыми, они не проводят четкого противопоставления служебных частей неслужебным, основным. Между тем во всех германских языках, кроме исландского, а отчасти и немецкого, непроизводные существительные в своих назывных формах лишены специального показателя именительного или общего падежа единственного числа и лишь чисто условно могут рассматриваться как бинарные. Как правило, такие формы появляются в косвенных падежах (если последние вообще представлены), а в языках с двухпадежной системой (скандинавские языки и английский) — в формах родительного (притяжательного, посессивного) падежа,

а также в формах множественного числа. Ввиду этого существующие классификации субстантивных форм строятся в современных германских языках с учетом особенностей образования существительных в родительном падеже ед. ч. и именительном падеже мн. ч.; нередко характеристика словоформ достигается одновременным учетом обоих формативов. Так, в немецком языке разбиение всех существительных на четыре типа склонения — сильное, слабое, смешанное и женское — ориентируется в основном на формативы род. п. ед. ч.: I — -(e)s, II — -en, III — -en + s, IV — -≠. В голландском, датском, шведском и норвежском языках классификация существительных строится в зависимости от способов образования мн. ч. Наконец, выделение разных типов склонения в исландском языке базируется на показаниях двух форм — род. п. ед. ч. и им. п. мн. ч.: так, формы с окончаниями на -s в род. п. ед. ч. и -ag в им. п. мн. ч. образуют первый тип сильного склонения, формы на -jag и -ir — второй, на -ag и -ir — третий и т. п.

Как по количеству различающихся флексий, так и по их комбинаторике в пределах одной парадигмы, как по изменчивости корневой морфемы внутри одного парадигматического ряда, так и по сложности морфонологических преобразований, имеющих место при складывании разных словоформ, исландская именная система занимает особое положение среди других германских именных систем, и, если рассматривать ее в качестве эталона, все остальные системы могут быть представлены как свертывание или редукция этой основной системы. Наиболее наглядным отражением этого процесса в синхронном плане является значительное уменьшение противопоставленных парадигматических рядов (см. табл. 5). В содержательном отношении за свертыванием парадигматических рядов стоят самые различные диахронические процессы: частичное снятие категориальных противопоставлений (например, по родам и падежам), элиминирование основообразующих элементов как классных показателей, унификация способов выражения одного грамматического значения (предельный случай такого рода — превращение -s в английском языке в универсальный показатель множественности), выравнивание облика корневой морфемы, тенденция к устраниению морфонологических явлений на стыке морфем и т. п.

Таблица 5

Парадигматические ряды существительных в германских языках

Даже в немецком языке, где существительное продолжает склоняться и система имени характеризуется разными типами склонения, где основа варьирует и засвидетельствовано около десяти разных формативов (в исландском языке их примерно в два раза больше), общее число различающихся моделей не может идти ни в какое сравнение с числом субстантивных образований, лежащих в основе исландских парадигматических рядов. Дело, однако, заключается не только в количественных различиях, которые, конечно, тоже весьма показательны, но и в качественном своеобразии каждой из существующих моделей.

Иначе говоря, идя по пути формального сличения засвидетельствованных различающихся структур, мы должны были бы признать существенное сходство немецких и исландских субстантивных форм. И в том, и в другом языке мы могли бы выделить пять одинаковых моделей:

- I — чистый корень с нулевой флексией,
- II — корень с огласовкой, иной, чем у исходной формы,
- III — корень в сочетании с классным показателем,
- IV — корень с флексией,
- V — корень с классным показателем и флексией.

Однако положение каждой из таких моделей в системе имени далеко не тождественно. Так, например, модели группы II в немецком языке принадлежат парадигматическим рядам со значением множественности, так что появление формы с перегласованным гласным однозначно свидетельствует о том, что перед нами существительное во множественном числе. Из двух морфов типа Vater — Väter ‘отец’ — ‘отцы’, Garten — Gärten ‘сад’ — ‘сады’, Gast — Gäst-e ‘гость’ — ‘гости’, Land ‘страна’ — Länd-er ‘страны’, Mann ‘мужчина’ — Männ-er ‘мужчины’, второй всегда выступает как представитель форм множественного числа и может потому рассматриваться как маркированный член оппозиции. В исландском языке положение форм с огласовкой корня гораздо более сложно. Их можно разделить прежде всего на две группы форм в зависимости от качества гласного корня: 1) с гласным а, 2) с другими гласными. У слов первой группы перегласованный морф маркирует однозначно форму дательного падежа мн. ч. только у существительных мужского

рода, принадлежащих классу а- и і-основ, ср. *stāð-ur* ‘место’ — дат. п. мн. ч. *stöð-um*. У а-основ среднего рода подобная однозначность уже отсутствует, ибо морф с перегласовкой выступает также в формах именительного и винительного падежей, ср. *barn* ‘дитя’ — им.-вин. п. мн. ч. *bögn*. Прямые ассоциации чередования в корне с передачей множественного числа, однако, здесь отсутст-

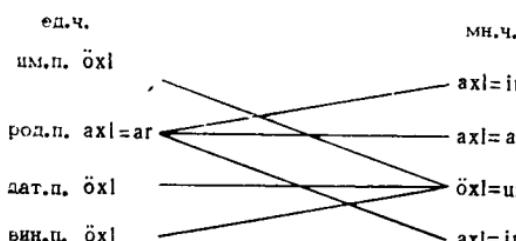

Рис. 5

вуют, ибо в форме род. п. мн. ч. сохраняется исходный гласный корня — ср. *barn-a*. То же можно утверждать и про слова второй группы, не являющиеся терминами родства, у которых морфы с перегласованными и неперегласованными фонемами корня распределяются в зависимости от падежных, но не числовых противопоставлений, ср., например, склонение слова *öxl* ‘плечо’ (рис. 5). Аналогичные закономерности характерны для ю-основ мужского рода и для согласных основ женского рода. Наконец, только для нескольких терминов родства (‘мать’, ‘отец’, ‘брать’, ‘дочь’) особая огласовка корня маркирует множественность, поскольку перегласованный гласный проводится по всей парадигме во множественном числе, ср. *fádir* ‘отец’ и соответственные формы четырех падежей во мн. ч. *féðirg*, *féðga*, *féðgum*, *féðirg*.

Еще более резкие различия типичны для распределения моделей, включающих классные показатели. В исландском языке модели «корень + флексия» и «корень + классный показатель + флексия» сосуществуют внутри одной парадигмы; для ряда косвенных падежей классный показатель не обязателен. Несомненен глубокий структурный параллелизм форм с классным показателем и без него; совершенно очевидно, что классный показатель, включаясь в словоформу, способствует дифференциации категориально грамматического порядка. Показательным в этом отношении является сравнение пар образований типа: глаг. основа *lækp-a-* ‘лечить’ — суб-

стантивн. основа *lækn-i* ‘врач’, глаг. основа *kveð-* ‘читать стихи’ — субстантивн. основа *kvæð-i* ‘стихование’, глаг. основа *tak-* ‘брать’ — субстантивн. основа *tæk-i* ‘орудие’; ср. также основу *arm-a*- в *armur* ‘рука’ и основу *erm-i*- в *ermi* ‘рукав’.

В грамматическом отношении классным показателям нельзя приписать никакого значения, кроме классификационного, т. е. его наличие для передачи рода — число — падежных значений никакой роли не играет, ср. *söng-ur* ‘песня’ как *hest-ur* ‘конь’, но им. п. мн. ч. *söng-v-ar* как *hest-ag*, аналогично ср. им. п. мн. ч. *píð-j-ag* от *píð-ur* ‘потомок’. Ср. также склонение формы *ermi*, т. е. модели «корень + классный показатель», и формы того же типа, только с иным показателем, *stöð* ‘место’ (основа *stöð-v-*):

Ед. число:

Им. п. <i>stöð</i>	<i>ermi</i>	как <i>vel</i> ‘машина’
Род. п. <i>stöð-v-ar</i>	<i>erm-ar</i>	<i>vel-ar</i>
Дат. п. <i>stöð</i>	<i>ermi</i>	<i>vel</i>
Вин. п. <i>stöð</i>	<i>ermi</i>	<i>vel</i>

Можно отметить, таким образом, что классный показатель¹⁵ в исландском языке в роли флексии не выступает и, даже попадая в конечное положение, осмысляется как элемент вторичной основы. Вариантность парадигматических рядов достигается поэтому в исландском языке не столько за счет разнообразия морфологических структур, сколько за счет изменения облика корня или основы в результате разного рода морфонологических преобразований, а также за счет разнообразных схем строения парадигм существительных.

В отличие от исландского языка немецкая именная система широко использует модель «корень (основа) + классный показатель» для организации парадигматических рядов: существительные мужского рода, относящиеся к так называемому слабому склонению, строят все формы косвенных падежей с помощью классного показателя,

¹⁵ Как, по-видимому, ясно из приводимых примеров, в качестве классных показателей рассматриваются исключительно те элементы, которые, проходя между корнем и флексией, вычисляются синхронно как основообразующие значимые элементы, т. е. здесь только *-j-* и *-v-*.

что относит -еп₁ к формообразующим морфемам. Классный показатель формирует также парадигматические ряды так называемого смешанного склонения, проходя по всем формам косвенных падежей единственного числа и всем формам множественного. Конечное положение классного показателя превращает его в падежный и числовой признак у существительных мужского рода. В том случае, когда за классным показателем следует подлинная флексия — такова форма родительного падежа единственного числа существительных мужского и среднего рода смешанного склонения, — перед нами, с синхронной точки зрения, выступает сложный форматив -ens, в котором раздельное выражение получает значение падежа и типа склонения. Классный показатель -еп₁ следует строго различать с показателем множественности -еп₂, который выступает у существительных мужского и среднего рода, принадлежащихциальному склонению, только в формах множественного числа, ср.:

	Ед. число:	Мн. число:
Им. п.	Strahl ‘луч’	Strahl-en
Род. п.	Strahl-es	Strahl-en
Дат. п.	Strahl	Strahl-en
Вин. п.	Strahl	Strahl-en

(ср. аналогично das Auge ‘глаз’ — мн. ч. die Augen).

Его также следует отличать от невычлененного с синхронной точки зрения -еп₃, которое проходит в формах именительного падежа ед. ч. существительных мужского и среднего рода и за которым не может следовать никакой показатель, кроме флексии род. п. ед. ч. -s.

Таким образом, в немецком языке за, казалось бы, идентичными морфологическими структурами «корень (основа) + -еп» могут скрываться:

1) нечленимые основы типа der Garten ‘сад’, der Wagen ‘вагон’ (м. р.) или das Wappen ‘герб’, das Kissen ‘подушка’ (ср. р.);

2) формы множественного числа существительных всех родов, в которых -еп, не встречаясь в формах единственного числа, оказывается вычлененным по противопоставлениям типа die Uhr ‘часы’ — die Uhren, ‘е’ Strahl ‘луч’ — die Strahlen, das Auge ‘глаз’ — die Augen;

3) формы слабого склонения у существительных м. р., в которых -ен характеризует как все формы ед. ч., кроме им. п. (где он может отражаться в виде -е), так и все формы мн. ч., ср. der Knabe 'мальчик' — die Knaben, der Mensch 'человек' — die Menschen;

4) формы смешанного склонения существительных м. р. и одного существительного ср. р. das Herz 'сердце', в которых -ен имеет тот же статус, что и в предыдущем случае. В целом, следовательно, в первой группе случаев -ен самостоятельным морфемным статусом не обладает; во втором случае эта морфема выступает в одном ряду с такими суффиксами множественного числа, как -е и -ег, т. е. является показателем множественности существительного; в третьем и четвертом случаях -ен выступает как классный показатель, т. е. основообразующий суффикс, маркирующий вторичные образования в отличие от исходного (назывной формы). Нельзя не отметить также, что в формах мн. ч. третьей и четвертой групп классный показатель выступает как синкетическая морфема, ибо в противопоставлениях типа der Knabe — die Knaben -ен выражает категорию множественности, т. е. приобретает добавочное числовое значение.

Отличия исландских и немецких именных словоформ проявляются особенно очевидно при сравнении парадигматических рядов множественного числа. В исландском языке, несмотря на почти полную унификацию флексий родительного и дательного падежей, строение парадигмы еще позволяет частичное опознавание родовой принадлежности существительного. Благодаря наличию различающихся флексий во мн. ч. отчетливо выражены падежные значения. В немецком языке родовые различия нивелированы: с такими суффиксами мн. ч., как -е и -ен соединяются субстантивные основы всех родов, а суффикс -ег может маркировать только принадлежность не-женскому роду. В значительной степени здесь сняты и падежные противопоставления. Омонимия всех форм мн. ч. позволяет рассматривать суффикс, оформляющий основу существительного, не как флексию, а как показатель множественности, нейтральный к выражению падежных различий. Можно полагать, с этой точки зрения, что специальной флексией здесь оформляется исключительно дат. п. При этом все существительные, не имеющие во мн. ч. дат. п. окончания -ен, обязательно присоединяют

флексию -(e)n, помещая ее вслед за показателем множественности, откуда формы типа den Tag-e-n, Länd-er-n, Männ-er-n и т. д. Можно утверждать вследствие этого, что дат. п. мн. ч. в немецком языке характеризуется сложным формативом, составленным из суффикса множественного числа (или псевдосуффикса, ср. der Mantel, der Wagen) и флексии -n. При этом, поскольку следование двух одинаковых флексий в формообразовании не допускается, формы, уже имеющие -en, флексии не присоединяют, благодаря чему в образованиях типа den Gärten в конечном -en можно усматривать наложение морфем. Такое же наложение морфем можно видеть в формах мн. ч. существительных м. и ср. р., уже содержащих в своем составе конечные суффиксальные или псевдосуффиксальные -er, -el или -en, ср. der Lehrer 'учитель' и der Vater 'отец', das Rätsel 'загадка' и das Ruder 'весло'. Образование такого сложного форматива, как -e-n и er-n для дат. п. мн. ч. или -en-s для род. п. ед. ч., свидетельствует о тенденции к раздельному выражению таких категорий, как классная принадлежность и притяжательность, или падежное значение и множественность. Соответственно, это может быть осмыслено далее как отход от синтетического выражения именных категорий и тяготение к формам агглютинативного типа.

В других германских языках еще уже пределы варьирования компонентов парадигмы, еще меньше общее количество парадигматических рядов, еще меньше число лексем, охватываемых чередованиями, и в целом — еще меньше количество противопоставленных моделей словоформ (ср. табл. 5 и 6). В голландском языке, например, формообразование существительных происходит за счет функционирования семи-восьми основных моделей. Еще меньше число моделей в шведском и датском языках. При общем небольшом количестве моделей субстантивных форм в скандинавских языках особенно резко бросается в глаза, что существующие модели не только бинарны. Такие грамматические категории, как притяжательность (род. п.) и множественность находят в этих языках раздельное выражение, благодаря чему форма род. п. мн. ч. выступает как агглютинативная цепочка, объединяющая основу, показатель множественности и показатель притяжательности, ср., например, шведск. en pojke 'мальчик' — род. п. ед. ч. pojkes, им. п. мн. ч.

pojkar — род. п. мн. ч. poj-k-ar-s; датск. bog — bogs — böger — bug-er-s от bog ‘книга’.

По такому же агглютинативному типу строятся здесь и более сложные четырехчленные модели, в которых раздельное выражение находят значения числа, притяжательности и определенности. Модели этого типа строятся по образцу «основа + показатель числа + показатель определенности (суффигированный артикль) + показатель род. п.». Ср. неопределенную форму с артиклем в препозиции типа датск. en bog ‘книга’, которой противопоставляется определенная форма ед. ч. общего падежа bogen, т. е. bog + ≠ + en + ≠, определенная форма ед. ч. род. п. bogens, т. е. bog + ≠ + еп + s, а также формы множественного числа со значением определенности в общем падеже — bögerne, т. е. bog + er + ne + ≠, и, наконец, в род. п. — bögernes, т. е. bog + er + ne + s.

Формы с суффигированным артиклем были описаны нами и для исландского языка (стр. 44 и сл.). Следует обратить внимание на то, что принцип построения исландских четырехчленных форм указанного типа оказывается иным, поскольку служебные морфемы располагаются здесь в иной последовательности и выражают иные значения. Так, если в остальных скандинавских языках суффигированный артикль объединяет два элементарных морфологических значения — определенности и рода, чтоб побуждало нас рассматривать в нем корневую местоименную морфему и родовой маркер, то в исландском языке морфологические значения включают не только родовые, но и числовые, и падежные. В каждой из форм эти значения выражены дважды, причем синкретически, а отдельное выражение получает только категория определенности. Модель в целом конструируется как объединение основы с синкретической морфемой рода — числа — падежа именного типа, за которой следует показатель определенности, выражаемый корневой местоименной морфемой, и еще одна синкретическая морфема со значением рода — числа — падежа местоименного типа. Материально эти синкретические морфемы могут не совпадать, ср., например, формы род. п. ед. ч. hest-s-in-s, но stað-ar-in-s или bond-a-n-s, ср. также формы им. п. мн. ч. hest-ar-n-ir, но stað-ir-n-ir; bænd-ur-n-ir, но vél-ag-n-ag.

Таким образом, в области существительных в германских языках представлены как двучленные, так и трех-

и четырехчленные модели. Последние, по-видимому, для непроизводных существительных максимальны. Ни для английского, ни для голландского языков многочленные модели формообразования не типичны; в английском языке возможности формообразования существительных ограничены по существу двумя основными моделями — со значением множественного числа (они создаются в подавляющем большинстве случаев присоединением к основе показателя множественности -s и его вариантов) и со значением притяжательности (они создаются с помощью форманта посессивного падежа -'s, и -s', да и то далеко не от всех существительных). В голландском языке двухчленные модели различаются по показателям множественности; небольшое количество существительных мужского рода образует также синтетическую форму родительного падежа на -s.

Итоги сравнения парадигматических рядов в германских языках представлены в табл. 5, которая демонстрирует свертывание парадигматических рядов во всех германских языках, сопоставляемых с исландским, а также свертывание противопоставленных некогда категорий рода и падежей. В таблице парадигматические ряды изображены вертикальными линиями, пунктирными линиями изображены парадигматические ряды, не отличающиеся от соседнего, или выходящие из употребления (табл. 5). Номер, указанный возле каждого парадигматического ряда, отсылает к табл. 6, в которой приводятся их образцы.

III. Типы глагольных форм в германских языках

Как и в области имени, в области глагола в германских языках представлены разнообразные модели конструкций, начиная от форм с нулевой флексией и кончая сложными пятичленными образованиями. Новым по сравнению с системой парадигматических рядов существительных является наличие парадигматических рядов, объединяющих аналитические формы. Система глагольного формообразования выступает в этом смысле как более сложная и более разветвленная система, в которой аналитические временные и от части модальные формы противостоят формам синтетическим, а последние, в свою

очередь, демонстрируют неоднородные образования фузионного или же агглютинативного типов. Характерной чертой синтетических глагольных форм является при этом смешение фузионных и агглютинативных признаков: в пределах одной и той же формы наблюдаются свойства, связываемые обычно с агглютинацией, и качества, считающиеся типичными для фузии. Не вдаваясь специально в определение агглютинации и фузии, заметим, например, что служебная часть глагольной германской формы может включать как морфемы, раздельно выражающие такие грамматические значения, как время или залог, так и морфемы, выражающие одновременно несколько грамматических значений, например, числа и лица, или числа — лица — наклонения. Служебная часть глагольной формы может представлять собой как последовательное нанизывание служебных морфем, так и их контаминацию, с перекрыванием и наложением морфем. Для характеристики глагольных форм существенны в высшей степени их морфонологические особенности, но степень их предсказуемости и релевантности меняется не только от ряда к ряду, но и от формы к форме. Границы между системными морфонологическими и нормативными, узульными морфонологическими же особенностями отдельных форм чрезвычайно не определены. «Если обе морфы в какой-либо конструкции относятся к морфемам, являющимся автоматическими, — пишет Дж. Гринберг, — конструкция называется агглютинативной»¹⁶. Автоматизм же форм связывается с их синхронно объяснимой регулярностью. В германских языках, однако, вся система сильного глагола выглядит синхронно необусловленной, так что формы сильного глагола предсказуемы только тогда, когда мы знаем, что данный глагол является сильным, и только в том случае, когда мы знаем, какому ряду аблauta он следует. В таких языках, как исландский, а отчасти немецкий и голландский, парадигматические ряды строятся с помощью не одной, а нескольких исходных форм, из которых автоматически могут быть выведены остальные. Наконец, автоматизм одной из морфем, принимающих участие в образовании глагольной формы,

¹⁶ Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 75 и 85.

ОБРАЗЦЫ ИМЕННЫХ ФОРМ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Таблица 6

А. Исландский язык

Т и п склонения

с и л ь н о е										с л а б о е				
№	1	2	3	4	7	8	9	12	5	6	10	11	13	
Род	м.	м.	м.	м.	ж.	ж.	ж.	ср.	м.	м.	ж.	ж.	ср.	
Им. п. Род. п. Дат. п. Вин. п.	hest-ur hest-s hest-i hest	hlut-ur hlut-ar hlut hlut	völl-ur vall-ar vell-i völl	fót-ur fót-ar fæt-i fót	kinn kinn-ar kinn kinn	sorg sorg-ar sorg sorg	geit geit-a geit geit	barn barn-s barn-i barn	tím-i tíma tíma tíma	bónd-i bónd-a bónd-a bónd-a	sag-a sög-u sög-u sög-u	lýg-i lýg-i lýg-i lýg-i	aug-a aug-a aug-a aug-a	
Им. п. Род. п. Дат. п. Вин. п.	hest-ar hest-a hest-um hest-a	hlut-ir hlut-a hlut-um hlut-i	vell-ir vall-a völl-um vell-i	fæt-ur fót-a föt-um fæt-ur	kinn-ar kinn-a kinn-um kinn-ar	sorg-ir sorg-a sorg-um sorg-ir	geit-ur geit-a geit-um geit-ur	börn barn-a börn-um börn	tím-ar tíma tímu tíma	bænd-ur bænd-a bænd-um bænd-ur	sög-ur sag-na sög-um sög-ur	lýg-ar lýg-a lýg-um lýg-ar	aug-u aug-na aug-um aug-u	

Продолжение табл. 6

Б. Немецкий язык

Т и п склонения

с и л ь н о е					с л а б о е			с м е ш а н н о е		с и л ь н о е			ж е н с к о е		
№	1	2	3	4	5	6	7	14	11	12	13	8	9	10	
Род	м.	м.	м.	м.	м.	м.	м.	ср.	ср.	ср.	ср.	ж.	ж.	ж.	
Им. п. Род. п. Дат. п. Вин. п.	Tag Tag-es Tag-e Tag	Mann Mann-es Mann-e Mann	Vater Vater-s Vater Vater	Strahl Strahl-es Strahl Strahl	Knab-e Knab-en Knab-en Knab-en	Mensch Mensch-en Mensch-en Mensch-en	Nam-e Nam-en-s Nam-en Nam-en	Herz Herz-en-s Herz-en Herz	Jahr Jahr-es Jahr-e Jahr	Land Land-es Land-e Land	Aug-e Aug-es Aug-e Aug-e	Hand Hand Hand Hand	Uhr Uhr Uhr Uhr	Feder Feder Feder Feder	
Им. п. Род. п. Дат. п. Вин. п.	Tag-e Tag-e Tag-en Tag-e	Männ-er Männ-er Männ-er-n Männ-er	Väter Väter Väter-n Väter	Strahl-en Strahl-en Strahl-en Strahl-en	Knab-en Knab-en Knab-en Knab-en	Mensch-en Mensch-en Mensch-en Mensch-en	Nam-en Nam-en Nam-en Nam-en	Herz-en Herz-en Herz-en Herz-en	Jahr-e Jahr-e Jahr-e-n Jahr-e	Länd-er Länd-er Länd-er-n Länd-er	Aug-en Aug-en Aug-en Aug-en	Händ-e Händ-e Händ-e-n Händ-e	Uhr-en Uhr-en Uhr-en Uhr-en	Feder-n Feder-n Feder-n Feder-n	

Окончание табл. 6

В. Скандинавские языки

1. Шведский язык

Род	Общий		Средний	
Форма	неопредел.	определен.	неопредел.	определен.
Падеж	en dag en dag-s	dag-en dag-en-s	ett parti ett parti-s	parti-et parti-et-s
Общий Род.	dag-ar dag-ar-s	dag-ar-na dag-ar-na-s	parti-er parti-ers	parti-er-na parti-er-na-s

2. Датский язык

Род	Общий		Средний	
Форма	неопредел.	определен.	неопредел.	определен.
Падеж	en bog en bog-s	bog-en bog-en-s	et år et år-s	år-et år-ets
Общий Род.	bøg-er bøg-er-s	bøg-er-ne bøg-er-ne-s	år år-s	år-e-ne år-e-nes

Г. Нидерландский язык

Ед. ч.		Мн. ч.	
de vader	het deksel	de vader-s	de deksel-s
de kunst	het boek	de kunst-en	de boek-en

Д. Английский язык

Падеж	Общий	Притяжательный
Ед. ч.	boy	boy-'s
Мн. ч.	boy-s	boy-s'

отнюдь не обеспечивает автоматизма другой, с нею рядом стоящей. Так, от исландского глагола *loka* 'запирать' формой 3 л. мн. ч. прет. изъявит. накл. возвр. залога является форма *lok-u-ð-u-st*, т. е. образование, где в постпозиции по отношению к ядерной неслужебной части последовательно располагаются: основообразующая морфема, дентальный показатель претерита, показатель лица — числа — наклонения, а также залоговый показатель. Подобная цепочка морфем с раздельным выражением нескольких грамматических значений напоминает форму агглютинативного типа; к тому же выводу приводит и автоматизм преобразования основообразующей морфемы под влиянием последующего и во флексии. На самом деле, однако, переход *a* в *u* предсказуем, но не автоматичен: ср. форму императива того же глагола *lok-a-ð-u*, где *u*-умлаут основообразующей морфемы отсутствует. Все отмеченные особенности осложняют описание глагольных форм и сводят последнее к констатации имеющихся парадигматических рядов.

Дополним теперь сведения, содержащиеся в грамматиках германских языков или учебных пособиях, данными, относящимися к построению морфологических структур, или, в иных терминах, к их порождению. По-видимому, для воссоздания процесса конструирования глагольных форм удобнее всего воспользоваться своеобразной идеальной моделью, преобразованием которой создаются прочие формы. Такая модель включает, на наш взгляд, следующие НС: ядерную, корневую или производную основу, основообразующую морфему, временной показатель, показатель лица — числа — наклонения, показатель залога. При этом классная принадлежность глагола выражается либо с помощью специальной основообразующей морфемы, либо совокупностью морфонологических особенностей, временная характеристика глагола — специальной морфемой (дентальный претерит) или же морфонологическими особенностями, категория лица — числа — наклонения — флексиями, а категория залога — особыми суффиксами, помещаемыми обычно после флексии или на конце слова. Соответственно, идеальная глагольная германская форма должна содержать, помимо ядерной части, четыре служебных показателя, которые могут реализоваться как специальными морфемами, так и внутриморфными

преобразованиями (аблаут, перегласовки и т. п.). Модель подобной идеальной конструкции пятичленна.

В некоторых формах модель указанного типа засвидетельствована вполне реально: ср., например, формы типа исл. 1 л. мн. ч. прет. изъяв. накл. пассива *köll-u-ð-um-st* или шведск. прет. изъяв. накл. ед. и мн. ч. пассива *kall-a-d-e-s*, норв. прет. изъяв. накл. пассива *kast-e-d-e-s* и т. п. Однако подобных форм немного. С одной стороны, это связано с тем, что любой из указанных классов служебных морфем в любом языке может реализоваться нулевой морфемой. С другой стороны, не все перечисленные грамматические значения обязательно представлены во всех германских языках. Наконец, известное сокращение реальной глубины глагольной формы¹⁷ связано также с морфонологическими изменениями, откуда такие явления, как наложение морфем, усечение морфем, перекрывание морфем и т. д. Сочетание всех перечисленных факторов приводит к тому, что взамен идеальных форм в каждом из германских языков складываются индивидуальные системы глагольного формообразования со специфическими для них отклонениями от модели, принятой за исходную (см. табл. 10).

Рассмотрим основные особенности глагольных форм с точки зрения участия в них служебных морфем, перечисленных выше.

Так, класс основообразующих морфем вообще не представлен в английском, немецком и голландском языках, так что трансформация модели-эталона происходит с обязательным сокращением ее по крайней мере на один срединный член; отсюда следует, что максимальные глагольные конструкции уже не могут быть пятичленными. Следствием того же является и большая монолитность класса слабых глаголов в целом в указанных языках, ибо он не делится, как в исландском и других скандинавских языках, на разные подклассы, соответствующие особым основообразующим элементам.

Профилирующей функцией основообразующего элемента является опознание разновидностей слабого гла-

¹⁷ О количестве морфем как показателе глубины слова см.: В. А. Москович. Глубина и длина слов в естественных языках. — ВЯ, 1967, № 6.

Таблица 7

Образование форм глагола в датском языке

Класс глагола	I	II	III	IV
Отличительный признак	дентальный суффикс в претерите			
			аблаут	
Суффикс	-e-+de	-te	-te, -de	—
Форма претерита	bygg-e-de bo-e-de	læs-te tænk-te	tal-te sag-de	bad greb
Форма презенса	bygg-er bo-r	læs-er tænk-er	tæll-er sig-er	bed-er grib-er
Формы инфинитива	at bygge 'строить' at bo 'жить'	at læse 'читать' at tænke 'думать'	at tælle 'считать' at sige 'говорить'	at bede 'просить' at grieve 'хватать'

П р и м е ч а н и е. Вычленение служебных морфем, следующих за корнем, производится благодаря тому, что корень в свободном состоянии встречается в формах повелительного наклонения, т. е. в моделях с нулевой морфемой, ср. tro! 'верь!', læs! 'читай!'.

гола, а отчасти и дифференциация слабых и сильных глаголов. В связи с выпадением основообразующего элемента в части форм и материальной невыраженностью класса глагола в этих случаях функции данной служебной морфемы в одних формах вполне очевидны, в других полностью сняты, переложены на другие признаки формы.

В датском языке, например, наличие основообразующего -е- маркирует I тип спряжения глаголов и позволяет отличить этот продуктивный класс от всех остальных. Однако четко проходит это -е- только в формах претерита. В презенсе же различие форм глаголов разных классов стерто, ибо все они строятся одинаково путем прибавления суффикса -(e)g. Классификация глаголов строится в зависимости от форм претерита (табл. 7).

В шведском языке картина распределения глагольных форм близка датской. Все глаголы делятся на четыре типа — три слабых и сильный. В основу их различия кладутся, правда, разные формы сутина. Основообразую-

щее -а-, однако, проходит по большему числу форм и вычленяется поэтому более отчетливо. Отчасти это объясняется тем, что в датском языке глаголу свойственны только категории времени, залога и наклонения, категории же лица и числа отсутствуют. В шведском языке еще сохраняется в письменной речи различение форм ед. и мн. ч., ср. ед. ч. презенса *kall-a-r*, мн. ч. *kall-a*, устар. 2 л. мн. ч. *kall-en* от *kalla* 'звать'.

Таким образом, за окончаниями типа *-ade* и *-ad* в шведск. *kallade* 'я звал' и *kallad* 'звавший' или датск. *-ede-* в *boede* 'я жил' стоят сложные формативы, состоящие не из одной, а из нескольких служебных морфем — классного и временного показателей.

В исландском языке функции основообразующих элементов в основном те же. Наиболее отчетливо выражены эти функции при построении парадигматических рядов:

а) презенса изъяв. накл. в ед. ч. (табл. 8) с четким противопоставлением IV класса слабых глаголов всем остальным классам слабых и сильных глаголов (напомним, что по IV классу спрягается подавляющее большинство всех слабых глаголов), ср.:

б) презенса изъяв. накл. во мн. ч. (табл. 9) с четким противопоставлением I класса слабых глаголов совместно с группой глаголов II класса всем остальным типам спряжения, ср.:

в) претерита изъяв. накл. в ед. и мн. ч. с четким противопоставлением IV класса слабых глаголов всем остальным типам спряжения, ср., например, для 1 л. ед. ч.

Таблица 8

Класс глагола	I	II	III	IV	V
	слабые глаголы				сильные глаголы
Инфинитив	<i>krefja</i> 'требовать'	<i>heyga</i> 'слушать'	<i>sá</i> 'сеять'	<i>kalla</i> 'звать'	<i>bera</i> 'брать'
1 л.	<i>ég kref</i>	<i>heyrg-i</i>	<i>sá-i</i>	<i>kall-a</i>	<i>ber</i>
2 л.	<i>pú kref-u-r</i>	<i>heyrg-i-r</i>	<i>sá-i-r</i>	<i>kall-a-r</i>	<i>ber-ð</i>
3 л.	<i>hann kref-u-r</i>	<i>heyrg-i-r</i>	<i>sá-i-r</i>	<i>kall-a-r</i>	<i>ber</i>

Таблица 9

	I	II	III	IV	
1 л.	við kref-j-um	heyrg-um	sá-um	köll-um	ber-um
2 л.	þið kref-j-ið	heyrg-ið	sá-ið	kall-ið	ber-ið
3 л.	þeir kref-j-a	heyrg-a	sá	kall-a	ber-a

kraf-ð-i, heyr-ð-i, но kall-a-ð-i или для 1 л. мн. ч. kröf-ð-um, heyr-ð-um, sá-ð-um, ber-um, но köll-ç-ð-um;

г) причастия II, ср., например, формы им. п. ед. ч. м. р. типа kall-a-ð-ur, но tall-i-nn от telja 'считать'; dæm-d-ur от dæma 'судить', sag-ð-ur от segja 'сказать'.

В целом можно отметить, что там, где основообразующая морфема представлена (в исландском языке это -a- и -j-, в датском и норвежском языках — -е-, в шведском — -а-), она способствует разграничению парадигматических рядов, относящихся к разным типам спряжения.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что эти же функции выполняет и временной показатель, хотя основное его назначение связано с передачей категориального временного значения. Именно характер временного показателя обусловливает кардинальное для германского глагола противопоставление сильных и слабых глаголов: в то время как прошедшее время слабых глаголов выражается специальной морфемой (дентальным суффиксом), прошедшее время сильных глаголов находит лишь внутриморфемное выражение, т. е. передается с помощью особых суперморфов. О коренном различии этих грамматических средств в сфере германского глагола мы уже писали ранее¹⁸. Укажем здесь лишь на то, что разный облик дентального суффикса способствует различию разных типов слабых глаголов; его варьирование тесно

¹⁸ См.: Э. А. Макаев, С. К. Кубрякова. Отличительные черты морфонологии германских языков с историко-типологической точки зрения. «Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков». М., 1972.

связано с исходом глагольного корня и следующими за ним флексиями. Соответственно облику дентального суффикса и строятся обычно классификации слабых глаголов в германских языках. Только в немецком языке суффикс претерита унифицирован.

Количество и значения показателей личных форм глагола в отдельных германских языках очень различны. Наибольшее разнообразие флексий наблюдается в исландском языке, где сама дифференциация флексий, выражающая категорию лица и числа, достигает значительной степени как потому, что даже для построения однотипных форм настоящего времени активного залога в единственном числе здесь используются разные наборы флексий для сильных и слабых глаголов, так и потому, что облик флексий претерпевает настолько существенные изменения после сочетания с корнями с разным исходом, что показатели одних и тех же категорий можно рассматривать не как морфы одной морфемы, а как новые морфемы. Так, например, флексии настоящего времени изъявительного наклонения сильных глаголов реализуются для 2 и 3 л. ед. ч. в следующем виде: 1) после согласных, кроме r, s, p, x, как -ug и -ug; 2) после гласных как -gð и -r; 3) после г как -ð и -≠; 4) после s как -t и -≠ и, наконец, 5) после p и x как нулевые морфемы.

В голландском и немецком языках количество различающихся личных окончаний уменьшается, возрастает омонимия форм: так, флексии для спряжения сильных и слабых глаголов в настоящем времени одинаковы и различаются лишь в прошедшем времени. Для образования форм настоящего времени в голландском языке служат, собственно, только две флексии — -t и -(e)p, для образования прошедшего времени тоже две — -e и -ep. В немецком языке число флексий больше, и они разнообразнее по составу, ср. -e, -st, -t и -ep для настоящего времени, -e, -e(n), -(e)st, -(e)t-≠ — для прошедшего.

В датском языке различия лиц и чисел полностью сняты и глагольная система строится на противопоставлении времен, залогов и наклонений; в шведском языке глагол не изменяется по лицам, а в разговорном языке — и по числам. В английском языке специальным показателем отмечается только форма 3 л. ед. ч. и только в настоящем времени; маркированными являются также формы

прошедшего времени подавляющего большинства глаголов, либо содержащие дентальный суффикс, либо выражающие категорию претерита с помощью морфонологической приметы.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что по всей системе германского глагола проводится в основном различие времен, причем специальное выражение находит, как правило, прошедшее время, по способу образования которого все глаголы и делятся на слабые или сильные. Подобно тому, как во временному плане маркированным является прошедшее время, в залоговом отношении маркированными оказываются формы страдательного или пассивного залога — этим видом противопоставления оказываются охваченными, однако, только скандинавские языки, демонстрирующие специальные синтетические формы, ср. шведские образования на -s, датские формы страдательного залога на -(e)s, исландские возвратные формы, или формы среднего залога, на -st ∞ -zt.

В отличие от разнообразия форм в сфере спряжения глаголов именные или неличные формы глагола в германских языках более однотипны и унифицированы. Впрочем, и здесь можно отметить наличие конструкций, разных по морфемной протяженности. Инфинитивы, как правило, бинарны — ср. исландские формы на -a и -u, шведские на -a, немецкие на -ep и т. д. Параллельно им, однако, возможны инфинитивы, не оформленные специальным показателем и совпадающие с корнем (основой), ср. шведск. sy ‘шить’, bo ‘жить’, go ‘грести’, датск. gå ‘идти’, bo ‘жить’, få ‘получать’. В английском языке инфинитивные формы всегда строятся с нулевой морфемой, т. е. в качестве инфинитивной используется основная форма. С другой стороны, в скандинавских языках представлены и трехчленные инфинитивы. Так, в шведском языке инфинитив страдательного залога образуется присоединением к корневой морфеме основообразующего элемента и окончания, ср. kallas, finnas, böjas; у глаголов III спряжения основообразующий элемент, как и в других формах, отсутствует и инфинитив бинарен. В качестве трехчленных можно рассматривать аналогичные формы инфинитива в датском и норвежском языках, а также, бесспорно, в исландском, ср. kleða — kleðast ‘одеваться’, kall-a-st ‘называться’ и т. п.

Причастные формы двучленны в английском языке, где они представляют собой неизменяемые формы. В других германских языках причастия изменяются по родам и числам, в скандинавских языках образуют определенные и неопределенные формы, в немецком и исландском — слабые и сильные. В немецком и голландском языках при образовании причастия II используется префиксальная служебная морфема, что ведет к появлению более протяженных конструкций, ср. трехчленные и четырехчленные формы этого типа в нем. das Fenster ist ge-öffn-et 'окно открыто' и ein ge-öffn-et-es Fenster 'открытое окно', голл. de ge-schrev-en brief 'написанное письмо' и во мн. ч. de ge-schrev-en-e brieven.

Мы рассмотрели выборочно наиболее важные из глагольных синтетических образований в германских языках. Представленные разными морфемными последовательностями, они оказались нетождественными не только по количеству своих НС, но и по характеру последних, а также по формам выражения основных категориальных значений и по четкости их передачи. Для того, чтобы более наглядно отразить это различие, представим в виде таблицы сводные данные об основных глагольных формах германских языков (табл. 10). В табл. 10 знак ≠ означает, как и везде, нулевую морфему, А — наличие аблauta или значащее использование альтернирования морфемы, прочерк — отсутствие соответствующего показателя в том или ином языке. Табл. 10 демонстрирует линейные аналоги глагольных форм и их поморфемное членение. Она позволяет установить, какими морфологическими структурами реализуются конкретные глагольные формы в отдельных германских языках, для каких форм их аналоги однотипны, или, наоборот, различны, а также, насколько отдельные формы отклоняются от идеальной эталонной модели.

Выше мы указывали, что число форм одного существительного в германских языках относительно не велико. В области глагольной парадигматики наблюдается иное положение: система словоформ одного глагола в таком языке, как исландский, охватывает не менее 50—60 форм и около 20 парадигматических рядов типа «ряд форм наст. врем. изъяв. накл. ед. ч. актив» или «наст. врем. сослагат. накл. мн. ч. актив». В остальных германских языках и число парадигматических рядов, и число словоформ, их

Таблица 10

Образцы глагольных форм германских языков

Грамматическое значение формы	Инфинитив	Корень	Показатели			
			основы	времени	лица-числа	залога
1 л. ед. ч. наст. врем. изъяв. накл. актив		sel	#	#	#	#
1 л. мн. ч. » » » »		»	j	#	um	#
3 л. мн. ч. » » » » спр. залог	исл. selja 'продавать' —	»	j	#	a	st
1,3 л. ед. ч. прет. изъяв. накл. актив	слабый глагол I кл.	»	#	d	i	#
1 л. мн. ч. прет. » » спр. залог		»	#	d	um	st
2,3 л. ед. ч. наст. врем. изъяв. накл. актив		kall	a	#	r	#
3 л. мн. ч. » » » »		»	a	#	#	#
3 л. мн. ч. » » » » спр. залог	исл. kalla 'называть' —	»	a	#	#	st
1 л. мн. ч. » » » актив	слабый глагол IV кл.	köll	#	#	um	#
1 л. мн. ч. » » » спр. залог		»	#	#	um	st
1 л. ед. ч. прет. изъяв. накл. актив		kall	a	ð	i	#
1 л. мн. ч. » » » спр. залог		köll	u	ð	um	st
1,3 л. ед. ч. наст. врем. изъяв. накл. актив		kýs	#	A	#	#
2 л. мн.ч. » » » »	исл. kjósa 'выбирать' —	kjós	#	A	ið	#
2 л. мн. ч. прет. изъяв. накл. актив	сильный глагол II кл.	kaus	#	A	t	#
1 л. мн. ч. » » » спр. залог		kus	#	A	um	st
Повелит. накл. 2 л. ед. и мн. ч.		sy	#	#	#	#
Наст. врем. изъяв. накл. ед. и мн. ч. актив	шведск. sy 'шить' — сла-	»	#	#	r	#
Прет. изъяв. накл. ед. и мн. ч. актив	бый глагол III спряжения	»	#	dd	e	#

Таблица 10 (продолжение)

Грамматическое значение формы	Инфинитив	Корень	Показатели			
			основы	времени	личных числа	залога
Повелит. накл. 2 л. ед. и мн. ч. Наст. врем. изъяв. накл. ед. и мн. ч. актив » » » » » пассив Прет. изъяв. накл. ед. и мн. ч. актив » » » » » пассив	шведск. kalla 'звать' — слабый глагол I спряжения	kall » » » »	a a a d a	# # # e e	# # # e e	# # # s s
Наст. врем. сослагат. накл. Прет. ед. и мн. ч. изъяв. накл. актив	шведск. finna 'находить' — сильный глагол IV спряжения	finn fann	# #	A A	# #	e #
Повелит. накл. 2 л. ед. и мн. ч. Наст. врем. изъяв. накл. актив Прет. изъяв. накл. актив Наст. врем. изъяв. накл. страдат. залог Прет. » » » » »	норв. kasta 'бросать' — слабый глагол I кл.	kast » » » »	# e e e e	# # t # d	# # # # e	# # # # s
Наст. врем. изъяв. накл. актив Прет. » » » » »	норв. bæge 'носить' — сильный глагол	bær bar	e #	A A	r #	# #

Таблица 10 (о кончание)

Грамматическое значение формы	Инфинитив	Корень	Показатели			
			основы	времени	личи- числа	залога
1 л. ед. ч. наст. врем. изъяв. накл. 1 л. ед. ч. прет. изъяв. накл.	нем. fragen 'спрашивать' — слабый глагол	frag »	— —	≠ t	e e	— —
2 л. ед. ч. наст. врем. изъяв. накл. 3 л. ед. ч. прет. изъяв. накл.	нем. lesen 'читать' — сильный глагол V кл.	lies las	— —	A A	t ≠	— —
1 л. ед. ч. наст. врем. изъяв. накл. 1 л. мн. ч. » » » 1 л. ед. ч. прет. изъяв. накл.	голл. lezen 'читать' — сильный глагол	lees lez las	— — —	≠ ≠ A	≠ en ≠	— — —
1 л. ед. ч. паст. врем. изъяв. накл. 1 л. мн. ч. » » » 1 л. ед. ч. прет. изъяв. накл.	голл. werken 'работать' — слабый глагол	werk	— —	≠ ≠	≠ en	— —
3 л. ед. ч. наст. врем. изъяв. накл. Ед. и мн. ч. прет. изъяв. накл.	англ. take 'брать' — сильный глагол	take took	— —	≠ A	s ≠	— —
Ед. и мн. ч. прет. изъяв. накл.	англ. work 'работать' — слабый глагол	work	—	ed	≠	—

представляющих, значительно меньше, но количество того и другого все же превышает количество форм одного существительного. Все это существенно усложняет компактное описание глагольных словоформ и их морфологической структуры.

Тем не менее в представленной табл. 10 даны образцы основных форм, и нам неизвестно какой-либо иной по типу морфологической структуры, кроме тех, которые зафиксированы в этой таблице.

IV. О типах основ и их роли в морфологической структуре слова

Морфологические структуры слов, которые мы описали в предыдущих параграфах, представляли собой морфемные последовательности, служебные части в которых противостояли простой основе и не содержали деривационных элементов. Для того чтобы более выпукло оттенить своеобразие структур в сфере формообразования, мы выбирали примеры форм, ядерная часть в которых была равна корню. Практически, однако, на месте ядерных частей во всех моделях четвертой—шестой групп (см. стр. 245 и сл.) могут встретиться разные типы основ. Соответственно, некоторые морфологические структуры могут усложняться за счет усложнения их ядерных частей. Обозначим неслужебную, или ядерную, часть слова, остающуюся за вычетом из него словоизменительных морфем, термином «основа». Расширим теперь представление о морфологической структуре слов германских языков за счет более детального описания моделей, основа которых включает более одной корневой морфемы. Чтобы установить, какое место занимают основы в тех или иных моделях, следует перечислить, какие морфемы могут соединяться с корневой морфемой в пределах одной основы и какие разновидности основ выделяются в связи с этим.

Описанием основ завершается исследование возможных аранжировок морфем, образующих целостные единицы и выступающих, паряду со словом, в роли типовых сочетаний морфем. Описанием разновидностей основ завершается также исследование морфологической структуры слова, которое было до этого момента сосредоточено

в основном на характеристики соотношения ядерной и служебных частей слова, выражающих грамматические, а не деривационные значения, и которое теперь переносится на описание самих ядерных частей и их ролей в слове. Тем самым в фокусе исследования оказывается аранжировка морфемных последовательностей, меньших слова и даже вторичных по отношению к слову, но характеризующихся, тем не менее, особыми свойствами, отличающими основу от всех других морфемных последовательностей. Для того чтобы убедиться в наличии этих свойств, делающих основу особой единицей морфологического анализа и вызывающих необходимость ее отдельного изучения и описания, обратимся к рассмотрению конституентных признаков основы.

Еще Ю. Найдэ указывал, что структурные различия между сочетаниями морфем могут быть сведены к различиям двух типов: а) по первичности или вторичности этих единиц и б) по их простоте или сложности¹⁹. В терминах тех понятий, которые использовались нами для характеристики указанных особенностей, это значит, что при выяснении структурных различий между основами следует учесть два следующих момента: 1) выражение в основе отношений производности и 2) ее конкретный состав.

В специальном разделе, посвященном вопросу о соотношении морфологической структуры слова и его словообразовательной структуры, мы отмечали также факт отсутствия конгруэнтности между двумя названными характеристиками в строении ряда дериватов и подробно описали случаи несоответствия между признаками членности и нечленности единицы и ее производностью и непроизводностью (стр. 224 и сл.)²⁰. Рассмотрим теперь, каково соотношение этих характеристик для такой единицы, как основа, и какова релевантность каждого из названных признаков для выявления ее отличительных

¹⁹ E. N i d a. Morphology: the descriptive analysis of words. Ann Arbor, 1946, стр. 85.

²⁰ Разбиение слов по совокупности этих признаков см.: P. A. S o b o l e v a. Investigation of a word-building system on the basis of the applicational generative model. «Semiotica», 1970, v. II, № 1.

черт. Начнем со второго, более очевидного и более простого признака, т. е. состава основы.

Определение простоты или сложности основы достигается в результате ее сегментации и установления природы ее конечных составляющих²¹. Поскольку процедура подобного членения была подробно описана нами во второй главе, здесь нам остается охарактеризовать только некоторые итоги сегментации с тем, чтобы привести данные, относящиеся к классификации основ по их составу. При этом следует учесть: количество эксплицитно представленных в основах морфем, порядок их расположения относительно корня, а также функциональные особенности каждой из включающихся в основу морфем. В зависимости от количества конечных составляющих основы делятся на простые, имеющие только одно составляющее, корень, и комплексные, не-простые, имеющие более одного конечного составляющего. Простые основы отличаются своей нечленимостью, комплексные, напротив, своей членимостью, и потому они называются также составными, или разложимыми²². В зависимости от природы своих составляющих комплексные основы представляют собой либо аффиксально-разложимые, либо корне-разложимые, либо, наконец, аффиксально-корне-разложимые основы. У аффиксально-разложимых основ, как показывает их наименование, в основе, помимо обязательного корня, вычленяются аффиксы (один или несколько); в корне-разложимых основах вычленяется более чем один корень; в аффиксально-корне-разложимых основах, помимо корня, вычленяется еще один корень и аффиксы или даже еще не один корень плюс аффиксы. Две последние группы основ могут быть, в свою очередь, разделены по расположению вычленяемого аффикса относительно корня на префикс-

²¹ Как мы указывали выше, сложность основы может быть связана не только с ее линейным составом, но и внутриморфемным устройством, т. е. представленностью альтернирующими морфами одной морфемы. На этой стадии анализа, однако, сложность понимается в буквальном смысле как сложенность из нескольких морфем.

²² Термина «сложные основы» мы избегаем из-за нежелательности его ассоциаций с основами сложных слов, т. е. корне-разложимыми основами.

сально-разложимые, суффиксально-разложимые или же префиксально-суффиксально-разложимые основы²³.

Деление основ на простые и комплексные существенно с нескольких точек зрения. Во-первых, процессы формообразования происходят, так сказать, в чистом виде именно с простыми основами. Максимальные грамматические различия, возможные для данного класса слов, обнаруживаются при анализе словоформ с простыми основами²⁴. Не случайно в традиционных грамматиках строение парадигматических рядов демонстрируется на образцах, ядерная часть которых для данного языка предельно проста. Таким образом, регулярное формообразование связано в большинстве случаев с простыми основами. Напротив, формы слов с непростыми основами нередко отклоняются от регулярных типов склонения или спряжения или вообще любых процессов формообразования. Как правило, в любом языке, в том или ином участке его морфологической системы, обнаруживаются прямые корреляции между простотой сложностью основы и процессами формообразования, т. е. последнее не безразлично к типу основ, при участии которых складываются формы слова. В немецком и голландском языках формы причастия II образуются путем прибавления специального суффикса и специального формообразующего префикса; последний, однако, не используется при создании причастных форм от глаголов, основа которых уже содержит в своем составе другой смысловой (неотделяемый) префикс.

В голландском языке основная масса прилагательных, стоящих перед существительными общего рода в единственном числе, а во множественном числе перед существительными обоих родов, принимает окончание -е. Этого окончания никогда не принимают относительные прилагательные, основа которых содержит суффикс -en, обозначающий вещество или материал, из которого сделан предмет,ср. de (een) staal pen 'стальное перо', (de) staal pennen 'стальные перья', het (een) ijzeren dak 'желез-

²³ См.: Н. О. Волкова. Структурно-морфологические особенности синонимии в разных частях речи. «Уч. зап. I МГПИЯ», т. 37. М., 1967, стр. 33.

²⁴ Э. Станкевич продемонстрировал это на склонении экспрессивных имён сравнительно с обычными именами существительными. См.: E. Stankevich. Grammatical neutralization in Slavic expressive forms. «Word», 1961, v. 17, № 2.

ная крыша', (de) ijzeren daken 'железные крыши', и т. д.²⁵

В исландском языке формы сильного склонения прилагательных винительного падежа ед. ч. м. р. строятся с помощью окончания -ап; прилагательные, основы которых содержат суффикс -in-, а также причастия II с этим суффиксом, окончания -ап не присоединяют, и эта форма заменяется формой им. п. ед. ч. м. р.²⁶

В английском языке существует тенденция создавать степени сравнения прилагательных от прилагательных с простой основой суффиксальным путем, а от прилагательных с непростой основой — аналитическим способом.

В шведском языке вообще не склоняются прилагательные, в составе основы которых содержится суффикс -s²⁷. Таким образом, составной или сложный характер основы может служить в некоторых случаях причиной отклонения соответствующих форм от регулярного образца. В других случаях он предопределяет эти отклонения и обуславливает их конкретный облик. Иначе говоря, форма комплексной основы способна повлиять на выбор следующих за ней формообразующих или словоизменительных морфем и даже предопределить их отсутствие. Во флексивных языках, например, деривационный суффикс, завершающий основу, настолько тесно спаян с флексией, следующей за суффиксом, что вместе они образуют нечто вроде единого форманта. Определенный суффикс нередко «тянет» за собой то или иное окончание, т. е. обуславливает образование формы по конкретному образцу²⁸.

В русском языке за суффиксом -ств- обязательно следует флексия -о в им. п. ед. ч. и соответствующий набор флексий в других падежах; за суффиксом -от- обязательно следует флексия -а, а за суффиксом -ени- — окончание -е и т. п.

²⁵ См.: С. А. Миронов. Нидерландский (голландский) язык. М., 1965, стр. 42—44.

²⁶ А. Бёдварссон. Краткий очерк грамматики исландского языка.— В кн.: «Исландско-русский словарь». М., 1962, стр. 981.

²⁷ См.: С. С. Маслова-Лапаиская. Шведский язык, ч. I. Л., 1953, стр. 149.

²⁸ Ср.: А. А. Рейфоматский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 222.

В немецком языке существительные, основа которых содержит -el, -ег или -еп, строят свое множественное число с помощью нулевой морфемы, т. е. не используют в этих целях обычного показателя множественности.

В исландском языке субстантивированные причастия, базирующиеся на основах с суффиксом -and(i), образуют особый тип склонения.

В голландском языке присоединение показателей множественного числа тесно связано с деривационным суффиксом, завершающим субстантивную основу: основы на -aard, -er, -age, -el, -erd, -em, -tje, -je и т. п. присоединяют к себе окончание -s, а основы, завершаемые суффиксами -aan, -dom, -es, -is, -ik, -in, -ing, -ment, присоединяют к себе, как правило, -ep. Подобные примеры можно было бы умножить.

Несомненен и факт тесной связи строения основы с распределением слов по частям речи: простые и комплексные основы распределяются по формальным классам слов не совсем одинаково. Так, в современном английском языке, по данным Н. О. Волковой, неразложимые основы представлены особенно широко в глаголе, где они характеризуют от 55 до 63% всех случаев, но они не показательны для прилагательных (всего 7—11% случаев). Подавляющее большинство прилагательных реализуется с помощью аффиксально-разложимых основ (от 80 до 86% всех случаев). Корне-разложимые основы типичны лишь для существительных, среди которых они встречаются примерно в 11—15%; это значит, что из 100 существительных от 11 до 15 оказываются сложными²⁹.

Строение основы исключительно важно и со словообразовательной точки зрения, ибо возможно усложнение морфологической структуры слова в ходе процессов деривации. На основании фактических данных можно, по-видимому, утверждать, что простота или сложность основы является тем фактором, который способствует или, наоборот, препятствует осуществлению того или иного словообразовательного акта. Примеры такого рода многочисленны. В английском языке, например, система словообразования которого изучена весьма полно, можно отметить следующие явления:

²⁹ См.: Н. О. Волкова. Указ. соч., стр. 38—39.

1) способность к конверсии характерна только для слов с простым морфологическим составом; так, по всей вероятности, невозможны образования по конверсии с суффиксами *-ism* или *-ation*³⁰;

2) сложная основа, по-видимому, в меньшей степени препятствует конверсии, чем производная, при условии, что второй компонент сложной основы непроизведен³¹;

3) при распределении суффиксов со сходными функциями наблюдается тенденция комбинировать одни суффиксы и избегать сочетаний других: так, адъективные основы, включающие суффиксы *-al* или *-ag*, легко присоединяют при образовании глаголов суффикс *-ize*, но основы, содержащие суффиксы *-ic* или *-id*, присоединяют чаще с этой целью суффикс *-ify*,ср. *formal* — *formalize*, *neutral* — *neutralize*, *regular* — *regularize*, *polar* — *polarize*, но *terrific* — *terrify*³². Примеры аналогичных связей можно было бы привести и для других языков³³.

Характеристика основы по морфемному составу важна, конечно, и для оценки общей сложности морфологической структуры слова в отдельных языках и составляет часть сведений о морфемной глубине слова. Сведения о типах основ отражают также информацию, относящуюся к препозитивным и постпозитивным морфемам деривационного характера, и составляют тем самым важную часть данных о производных с выраженным отношениями производности в соответствующем языке. В то же время было справедливо отмечено, что понятие глубины слова, определяемое как количество морфем в слове, не учитывает фактора невыраженной производности. Вследствие этого

³⁰ См.: П. А. Соболева. Словообразовательные отношения по конверсии между глаголом и отглагольным существительным в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1959; И. П. Иванова. О морфологической характеристики слова в современном английском языке. «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963, стр. 206—207.

³¹ Ср.: И. П. Иванова. Указ. соч., стр. 207, прим. 9.

³² Ср.: П. М. Карапузук. Аффиксальное словообразование в английском языке. М., 1965, стр. 124 и сл.

³³ См., например: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961, стр. 61 и сл.; И. С. Ульханов. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем. — В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967; К. Е. Zimmer. Affixal negation in English and other languages: an investigation of restricted productivity. Suppl. to «Word», v. 20, № 2. N. Y., 1964.

следует указать на относительный характер сведений, учитывающих только линейные типы производных и, соответственно, линейные типы основ. Последнее заставляет подойти к классификации основ и с точки зрения их первичности и вторичности (подробнее см. ниже). Возможность установить перечисленные особенности основ и коррелировать с составом основы важные черты ее функционирования делает основу особой, хотя и непредельной, вторичной единицей морфологического уровня, необходимой при анализе структуры слова и определении степени его морфемной сложности. Однако единицей, релевантной именно как своеобразная морфемная последовательность, основу делает не только ее способность отражать простоту или сложность строения лексической, ядерной части слова и даже не ее способность отражать косвенно меру простоты или сложности слова. Значимость основы в морфологическом анализе тесно связана с ее свойством противопоставляться словоизменительным морфемам в качестве инвариантной по своему содержанию единицы. Именно потому, что на уровне словоизменения основа выступает как образование, связывающее воедино целую систему словоформ, главной функцией основы следует, по-видимому, считать функцию выражения тождества слова. Выполняемая в словах с простой основой корнем слова, эта функция осуществляется в словах с комплексными основами, независимо от форм их производности и степени сложности основы, этими последними единицами. Таким образом, с увеличением в языке числа комплексных основ морфологическая нагрузка основы тоже возрастает, ибо, паряду с корнем, она становится той единицей, которая цементирует парадигматический ряд и выражает лексико-семантическое тождество его членов. Заметим одновременно, что комплексная основа, как и простая основа, выражают не только индивидуальные лексические значения и не только, возможно, словообразовательные значения, но и некоторые категориальные значения: основа выступает как носитель значения той части речи, парадигматический ряд которой она формирует³⁴.

Итак, основа отличается от формантов своим ярко выраженным неслужебным характером, ибо в ней сосредо-

³⁴ См.: R. S. Ginzburg, S. S. Khidekel, G. Y. Кузяева, A. A. Sankin. A course in Modern English lexicology. M., 1966, стр. 129—130.

точено лексическое значение слова. Она отличается от корня тем, что выражает категориальную отнесенность к одной из полнозначных частей речи. Основа так же, несомненно, отличается и от слова, ибо она не обладает ни завершенностью, ни оформленностью последнего и существует всегда только как часть производного слова или словоформы³⁵. Мы полагаем, что при морфологическом анализе вновь образованного слова или какой-либо словоформы всегда можно сказать, от основы какой части речи они образованы³⁶. Даже в английском языке с его высокой степенью материального совпадения основ и корней именные основы можно отличить от глагольных, ибо за каждой из них следует разный набор служебных морфем³⁷.

Изменение морфемной глубины основы ведет не только к изменениям словообразовательных потенций данной единицы, но нередко и к изменениям ее морфологической сочетаемости: с увеличением числа деривационных морфем в составе основы обычно возрастают ограничения на возможности присоединения к ней целого ряда служебных морфем. Таким образом, поведение слова проявляет несомненную зависимость от состава своей основы.

Прослеживая характер этой зависимости, следует подчеркнуть прежде всего обусловленность аранжировки морфем в послеосновной части слова формой основы. Нельзя не отметить при этом, что некоторые включенные в состав основы элементы воздействуют на присоединяющиеся морфемы безотносительно к тому, обладают ли они морфемным статусом или нет. Вследствие этого нередко наблюдается такая ситуация, при которой морфемные и квазиморфемные отрезки внутри основы вызывают одни и те же последствия. В немецком языке, например, не происходит присоединения показателя множественности

³⁵ Ср.: А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»). «Вопросы истории и теории языка». М., 1952, стр. 191 и сл.; К. А. Левковская. Основа слова и слово. «Сборник статей по языкознанию. Проф. Московского университета академику В. В. Виноградову». М., Изд-во МГУ, 1958, стр. 217—218.

³⁶ См.: Л. В. Банкевич. К вопросу о производящей основе в современном английском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 260, серия филол. наук, вып. 48. Л., 1958, стр. 16.

³⁷ V. Lejneks. The system of English suffixes. «Linguistics», 1967, v. 29, стр. 85.

к существительным мужского и среднего рода на -en, -el и -er: последние могут представлять собой либо отдельные морфемы (ср. Lehr-er, Sing-er, Deck-el, Flüg-el), либо квазиморфы или даже просто невычлененные отрезки (ср. Garten, Zauber, Raben, Sabbel, Leder, Fladen, Löffel).

В исландском языке особую группу существительных м. р. I кл. сильного склонения составляют существительные на -all, -ill, -ull, -ann и -inn, -unn. Являются ли указанные отрезки сочетанием суффикса с маркером или же сочетанием псевдосуффикса с маркером, безразлично: определяющую роль для возникновения особой разновидности склонения играет сам исход основы. Безразлично, соответственно, является ли основа, формирующая данную разновидность склонения, простой и нечленимой, как в stól-l, himin-n, rækil-l, pól-l или же комплексной, суффиксально-разложимой, как в lyk-il-l, skef-il-l, rif-il-l.

В случаях, подобных вышеприведенным, основа влияет не потому, что она производна, но потому, что таков ее состав. По этой причине следует различать влияние фонологического состава основы и последствия ее морфологической простоты \curvearrowright сложности.

Что же касается непосредственных результатов этих моментов, то воздействие строения основы на ее функционирование может отражаться в виде двух явлений:

1) за основой определенного состава вообще не могут следовать некоторые морфемы, так что определенный состав основы вызывает отсутствие соответствующей морфемы;

2) за основой определенного состава следуют морфемы, видоизменяющиеся под ее влиянием; в этих случаях на стыках морфем происходят те или иные преобразования. Явления этого рода, типичные для германских языков, мы проанализируем ниже. Прежде чем перейти к рассмотрению случаев этого типа, остановимся на освещении еще одного вопроса, возникшего в связи с наблюдением за составом основы. Выше мы отметили бегло, что в некоторых случаях для функционирования морфемы как будто бы безразлично, производна она или нет. Типично ли это обстоятельство? Анализируя данную проблему, мы подойдем к изучению второго пункта Ю. Найды — зависимости комбинаторики морфем от фактора производности (см. стр. 272), а тем самым и к вопросу о роли первичных и вторичных основ в структуре слова.

V. Определение производной основы и типы этих основ

К сожалению, в определении производных и непроизводных основ вплоть до настоящего времени остается много неточного. Основной причиной этого мы считаем не только суженное и потому обдненное представление о сущности процесса деривации (см. выше), но и суженное представление о словообразовательной производности, сводящееся к отождествлению производных и аффиксальных образований. В силу этого обстоятельства качества, присущие аффиксальным образованиям, переносятся неправомерно на класс производных единиц в целом; конституирующие же свойства данного класса единиц вообще остаются неотмеченными или же недооцененными.

Так, описывая различие между производными и непроизводными основами, Н. М. Шанский подчеркивает, что «разница между производной и непроизводной основами является прежде всего морфологической; первая делится на морфемы, представляя собой по структуре составное единство; вторая этой способностью не обладает и имеет характер единого по своему строению, далее нечленимого целого»³⁸. Если даже оставить в стороне неудачное указание на то, что различие производных и непроизводных основ коренится в области морфологии, из приведенного определения совершенно ясно следует, что понятие производности может быть раскрыто только с помощью понятия членности³⁹. По существу, подобное понимание производности основ идет, безусловно, от Ф. Ф. Фортунатова, который подчеркивал, что «производными основаниями называются такие основы, которые, в свою очередь, разлагаются на основу и аффикс, т. е. которые сами по отделению их от аффиксов целых слов заключают в себе форму, образуемую делимостью на основу и аффикс»⁴⁰. Можно отметить, однако, что в

³⁸ Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 69.

³⁹ В принципе те же взгляды разделяет и Е. А. Земская, которая, перечисляя обязательные признаки производных основ, говорит о делимости на производящую основу и словообразовательный аффикс. Е. А. Земская. Указ. соч., стр. 5.

⁴⁰ Ф. Ф. Фортунатов. Слова языка.— В кн.: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. I. М., 1965, стр. 140—141.

этом определении нашли обобщение лишь наиболее типичные признаки аффиксальных основ и что хотя оно относится и к достаточно распространенному случаю словообразовательной производности, но все же только к частному ее подвиду.

За те десятилетия, что отделяют нас от Ф. Ф. Фортунатова, понятие производности в языке подвергалось существенной ревизии. Естественно, что последняя не могла не отразиться и на пересмотре адекватного определения производных основ. Впрочем, попытки заменить термины «производная основа» другими⁴¹, по-видимому, не увенчались успехом, хотя недостатки этого термина были подмечены правильно.

Необходимость пересмотра и уточнения понятия производности мотивируется для нас по крайней мере двумя обстоятельствами:

I) понятие производности, или деривации, вышло за пределы словообразования и с успехом используется в более широком значении в общей теории языка; благодаря этому в языке описываются разные типы деривации, деривация на разных уровнях, причем понятие словообразовательной производности стало осмысляться на фоне понятия деривации вообще, с одной стороны, и на фоне других типов деривации (главным образом синтаксической), с другой (см. подробнее пятую главу книги);

II) понятие производности было также существенно уточнено и внутри словообразования, поскольку в изучении отношений словообразовательной производности перестали ориентироваться исключительно на аффиксацию и словосложение; решающую роль в пересмотре этого понятия на уровне словообразования сыграло исследование деривационных отношений в группах вторичных образований, лишенных специальной морфологической приметы их производности.

Каждый из указанных пунктов был освещен нами в соответствующих разделах книги; остается рассмотреть только, какие последствия может иметь внедрение общей

⁴¹ Ср.: А. М о и с е е в. Из истории понятий и терминов словообразования. «Вопросы общего языкознания». Л., ЛГУ, 1965, стр. 81 и сл.; ср. также: В. И. К од у х о в. О формообразующей основе. «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 248. Л., 1963.

теории деривации для изучения и классификации основ. Поскольку процессы деривации охватывают на морфологическом уровне явления трех видов — словоизменения, формообразования и словообразования, — следует проанализировать, какова роль основы во всех этих явлениях и как связано ее функционирование с ее строением и структурой.

Как мы уже указывали, процессы словоизменения характеризуются как раз тем, что они вынесены за пределы основы (основа есть словоформа минус словоизменительные элементы) и строения основы обычно не затрагивают: возможные изменения основы касаются только ее морфонологических примет. Это и позволяло, собственно, некоторым исследователям говорить о том, что в словоизменении отсутствует обусловленность единицы другой. Это мнение, однако, справедливо исключительно для оценки соотношения не-пазывных форм: из двух форм типа *окн-ами* или *окн-у* ни одна, конечно, не представляется обусловленной другую, зато обе они обусловлены исходной назывной формой *окно*. Именно с этой последней они и связаны отношениями деривации, характеризующими весь парадигматический ряд в целом. Единство же парадигматического ряда держится на тождестве основы *окн-*. Таким образом, роль основы в процессах словоизменения заключается как раз в том, что она, выступая как исходная данность, выражает функцию творчества слова, а эту функцию она выполняет независимо от своей простоты или сложности, безотносительно к тому, какие процессы деривации ее создали и т. п.

В противоположность этому процессы формообразования приводят, как правило, к возникновению новой основы: новая форма слова и новая основа возникают одновременно, а появление последней есть прямое следствие порождения новой формы слова. Классическим примером этого является образование причастных форм или форм степеней сравнения прилагательных. Наконец, в ходе процессов словообразования появляется новое слово, и в этом смысле появление новой основы может рассматриваться как следствие создания новой единицы наименования (см. также выше). Таким образом, процессы деривации основ на морфологическом уровне могут быть как результатом процессов словообразования, так и ре-

зультатом процессов формообразования. Соответственно этому производной основой — в отличие от непроизводной — может быть названа любая вторичная единица, остающаяся за вычетом словоизменительных морфем и отражающая любой из процессов деривации на уровне морфологии, т. е. процессы формообразования и словообразования. Производные основы могут содержать примету своей вторичности либо в виде особой морфонологической характеристики, либо в виде специального аффикса (если этот аффикс представляет собой словообразовательный суффикс или префикс, основа является собой пример производных основ такого типа, который и был описан Ф. Ф. Фортунатовым и его последователями). Однако производные основы некоторых типов не имеют приметы своей вторичности, т. е. являются нечленимыми, но производными единицами. Таковы, например, конвертированные и усеченные основы.

Таким образом, при отделении производных основ от основ непроизводных важен момент их участия или, наоборот, неучастия в процессах синхронного порождения единиц, и только это определяет их статус. Соответственно, факт делимости одних основ и неделимости других не может иметь прямого отношения к определению производности одних и непроизводности других. Неделимая основа может являться производной, а непроизводная в словообразовательном отношении — делимой. Примером случаев первого рода, как мы уже говорили выше, могут служить простые основы, подвергающиеся конвертированию, примером случаев второго рода — комплексные основы, содержащие в своем составе основообразующие элементы, не выражющие никаких деривационных значений. Ср. членимые основы с основообразующими элементами (например, тематическими гласными) в индоевропейских языках; ср. также описанные нами выше классные показатели в формах слабых глаголов скандинавских языков.

Приведем для наглядности еще один пример, демонстрирующий возможность существования в языке членимых, вторичных, но непроизводных, со словообразовательной точки зрения, основ. В современном исландском языке по сильному склонению склоняются существительные ж. р. типа *kinn* ‘щека’, *skel* ‘раковина’, *heiði* ‘пустошь’ (обычно — вересковая):

Ед. число:

Мн. число:

Им. п.	kinn	skel	heiði	kinnar	skeljar	heiðar
Род. п.	kinnar	skeljar	heiðar	kinna	skelja	heiða
Дат. п.	kinn	skel	heiði	kinnum	skeljum	heiðum
Вин. п.	kinn	skel	heiði	kinnar	skeljar	heiðar

Структурный параллелизм форм заставляет нас признать, что в им., дат. и вин. п. ед. ч. представлены нулевые морфемы, но что по противопоставлению чистому корню между флексией и корнем вычленяется основообразующий элемент, маркирующий данные основы как вторичные, но не являющийся в то же время словообразовательным суффиксом. Выделенный элемент является формообразующим, а содержащие его основы — комплексными: *skel-j-*, *heið-i-*.

Итак, нечленимая основа обычно морфологически проста⁴², но не обязательно непроизводна в словообразовательном отношении. Нет прямых корреляций и между производностью слова и производностью основы. Все эти наблюдения можно обобщить, отметив, что в то время как по нечленимой основе трудно сделать какие-либо выводы о ее статусе, ибо такие основы могут демонстрировать, несмотря на их простоту, производную основу с материально невыраженными отношениями производности, членимая основа представляет собой образование, позволяющее делать заключения более широкого характера. Такая единица обязательно вторична. С другой стороны, является ли данная основа деривационно производной или же морфологически производной, мы можем судить только по проведении специального анализа. Таким образом, различение самих вторичных основ зависит от того, в результате какого процесса они были созданы: формообразования или словообразования. Вторичные единицы дифференцируются, следовательно, в зависимости от того, какие отношения производности они отражают — отношения формальной или же словообразовательной производности. Разграничению этих типов отношений была посвящена пятая глава нашей книги.

Итак, с нашей точки зрения, деление основ на первичные и вторичные, или же производные и непроизводные,

⁴² Исключение из этого правила демонстрируют нечленимые основы, содержащие морфонологические приметы своей вторичности.

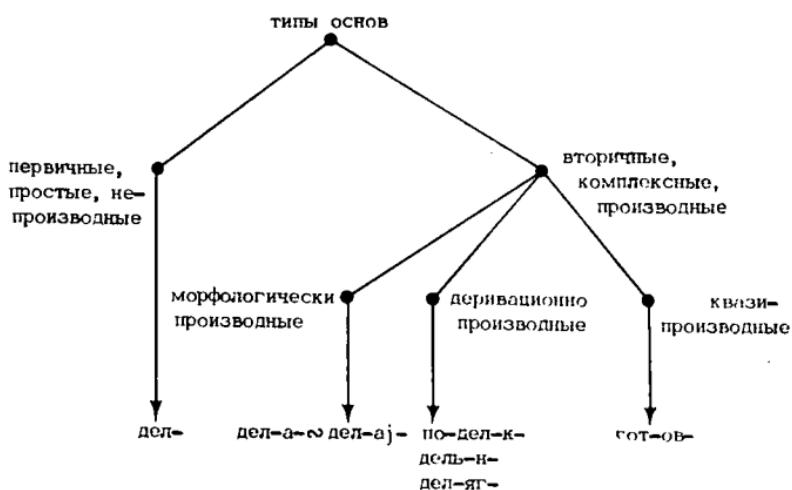

Рис. 6

базируется исключительно на том, является ли данная конкретная основа обусловленной другой единицей или же она представляет собой «готовую данность». В терминах генеративной грамматики вторичная единица есть единица, порождаемая в ходе синхронной деривации по правилам и нормам формообразования и словообразования данного языка. Ввиду того, что термины «производный» и «производность» использовались традиционно для обозначения явлений, относящихся к сфере словообразования на морфологическом уровне представляется желательным оперировать терминами «первичные и вторичные основы» и придерживаться следующей их классификации (рис. 6).

Как следует из всего сказанного, первичной основой считается основа, не обусловленная в языке никакой другой единицей; напротив, основа, отражающая любой из процессов синхронной деривации, является вторичной. Вторичные единицы, всегда поддающиеся рассмотрению как обусловленные другой единицей (корнем, основой) и мотивированные ею, можно подразделить на:

1) морфологически производные, являющиеся результатом процессов формообразования (таковы корни, выступающие в сочетании с основообразующими классификаторами, таковы основы причастных форм, таковы основы степеней сравнения прилагательных и пр.);

2) деривационно или словообразовательно производные, производные в собственном смысле традиционного термина (таковы результативные единицы всех процессов словообразования);

3) псевдопроизводные, или квазипроизводные (обычно результаты иных диахронических процессов, например, заимствований, калькирования, полной фразеологизации слова и пр.)⁴³.

Классификация основ по указанным группам может быть достигнута только в ходе проведения анализа основ как в морфологическом, так и в словообразовательном отношении, т. е. на разных уровнях описания. Важно подчеркнуть при этом, что если морфологический анализ основ, приводящий к установлению структурных различий основ по их простоте или сложности, упрощается тем, что сами структурные различия выступают как непосредственно наблюдаемая данность, и отклонения от этого могут быть описаны серией правил (см. ниже), то различия основ по их словообразовательной производности и непроизводности выражены гораздо менее очевидно. По существу, установление этих различий предполагает не изучение основ как таковых, а изучение слов, их содержащих. Дело не только в том, что отношения словообразовательной производности выявляются в первую очередь именно между словами, т. е. возникают как особые отношения между мотивирующими и мотивированными словами⁴⁴. Дело заключается и в том, что словообразование в принципе связано с созданием новых слов как новых единиц наименования: процесс создания новой основы является с этой точки зрения вторичным результатом процесса словообразования. Косвенным отражением этого факта является и то, что словообразовательный акт, который обязательно находит

⁴³ Псевдопроизводные сближаются с группой подлинных дериватов благодаря своему структурному параллелизму с последними и явной «ненростотой» состава, противоречащей их семантической слитности; это группа условно-членимых или дефектно-членимых образований с квазиморфами.

⁴⁴ Ср.: Е. С. Курякова. Что такое словообразование. М., 1965, стр. 49—50; Р. И. Лихтман. Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке? — ВЯ, 1968, № 2, стр. 53 и сл.; П. А. Соболева. Апликативная грамматика и моделирование словообразования. Докт. дисс. М., 1969, стр. 18—19 и др.

отражение в слове как определенной системе словоформ и обязательно сказывается на поведении слова на выше-лежащих уровнях языка⁴⁵, совсем не обязательно находит свое отражение в основе. Сюда относятся не только случаи так называемой невыраженной производности — конверсия, обратное словообразование, образование слов посредством усечения или мены аффиксов и т. п., но и все случаи словообразования, сопряженного со словоизменением и формообразованием: таковы словообразовательные акты, в которых материальным носителем новых деривационных значений или выразителем самих отношений словообразовательной производности оказываются словоизменительные или формообразующие морфемы и даже, точнее, наборы таких морфем. Мы подробно описали случаи этого рода на материале древних германских языков⁴⁶; находят они свое описание и на материале других языков⁴⁷. Если признавать саму допустимость осуществления словоизводства посредством формообразующих морфем и парадигмы в целом, на что указывал еще А. И. Смирницкий⁴⁸ и что отразилось на описании отдельных способов словообразования⁴⁹, то следует сделать вывод о невозможности связать акт словообразования исключительно с основой. Из этого вытекает простой вывод: отношения словообразовательной производности и тем более их направление выявляются лишь по сопо-

⁴⁵ См.: П. А. Соболева. О трансформационном анализе словообразовательных отношений. «Трансформационный метод в структурной лингвистике». М., 1964, стр. 119 и сл.

⁴⁶ См.: «Сравнительная грамматика германских языков», т. III. М., 1963, стр. 43 и сл., 75 и сл.

⁴⁷ См.: Р. И. Лихтман. Указ. соч.

⁴⁸ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 77; ср. также: M. Dokulil. Zur Frage der sog. Nullableitung. «Wortbildung, Syntax und Morphologie. Festschrift zum 60. Geburtstag von Hans Marchand». The Hague, 1968, стр. 58 и сл.

⁴⁹ Огромный фактический материал такого рода собран в работах Г. Марчанда, развивающего, правда, мысль об использовании в данных случаях деривационного нулевого суффикса, см.: H. Marchand. Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem im Französischen und die entsprechenden Verhältnisse im Englischen und Deutschen. «Zeitschrift für Französische Sprache und Literatur», 1963, Bd. 73, N 3/4; ср. также: В. В. Лопатин. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 207.

ставлению слов, и эффективнее описывать их вследствие этого именно на уровне слова, а не на уровне основы. Основа является тем самым незаменимой единицей морфологического анализа, противопоставленной словоизменительным морфемам. В словообразовательном же анализе ее использование может быть целесообразным в одних случаях (когда акт деривации находит прямое отражение в структуре основы) и нецелесообразным или менее целесообразным и оправданным в других (когда акт словообразования находит отражение за пределами основы). Конституирующими признаком основы, соответственно всему вышесказанному, является ее способность организовывать вокруг себя парадигматические и словообразовательные ряды, в каждом из которых она выступает как носитель лексических значений. И в том, и в другом случае основа выражает тождество единиц, относящихся к каждому объединению, в лексико-семантическом плане. Для функционирования основ главное значение имеют непосредственно наблюдаемые структурные ее характеристики — состав основы и ее членимость ∞ нечленимость. Меньшую роль играют признаки первичности ∞ вторичности как таковые: в этом смысле основа существенно отличается от слова, для которого иерархия указанных свойств принимает обратную форму. Слова ведут себя по-разному прежде всего в зависимости от того, первичны они или вторичны, производны или непроизводны, основы — в зависимости от того, просты они или комплексны и каковы они по своему фонологическому облику.

VI. Отличительные особенности морфологической структуры слова в германских языках

Мы рассмотрели основные морфологические модели слов, исходя из того, с какими служебными морфемами могут или не могут сочетаться неслужебные последовательности и какими сочетаниями морфем представлены эти последние. Оказалось, что в германских языках слово может состоять как из одних служебных, так и из одних неслужебных морфем или же сочетать эти виды морфем в разных комбинациях. Если обозначить термином «изменяемость» обязательное наличие в системе

форм слова образования, содержащего словоизменительную морфему, то можно утверждать, что в современных германских языках морфологические классы слов отличаются не только разными наборами парадигматических рядов, конституируемых разными словоизменительными морфемами, но и самой принципиальной возможностью присоединения этих морфем к ядерным, или основным, последовательностям. Иначе говоря, одни и те же морфологические классы слов ведут себя в отдельных германских языках различно по отношению к категории изменяемости ∞ неизменяемости. Так, артикли, неизменяемые в английском языке, в других германских языках способны сочетаться со словоизменительными морфемами, обозначающими род и число, а зачастую и падеж; в немецком и исландском языке артикли склоняются. Предлоги неизменяемы во всех германских языках, кроме немецкого и голландского, в которых предлог сливаются с падежными формами определенного артикля, благодаря чему предлог выступает как форма, снабженная маркером рода и числа, ср. нем *in dem-im, in das-ins, zu der-zur*, голл. *te den-ten* и *te der-ter*. Прилагательные, которые в исландском и немецком языках склоняются, а в других языках присоединяют показатели рода и числа, в английском языке неизменяемы, хотя, как и во всех других языках, образуют степени сравнения. Неоднозначной по отношению к категории изменяемости ∞ неизменяемости оказывается и такая часть речи, как числительное. В исландском языке, например, порядковые числительные склоняются как слабые прилагательные, а у числительных, состоящих из трех и более знаков, окончания приобретают только десятки и единицы. Количествочисловые числительные от 5 и выше не склоняются, а от 1 до 5 обладают особыми, сильными формами. В немецком языке числительные являются, в сущности, частным разрядом прилагательных с особым числовым значением, и в целом характеризуются теми же свойствами, что и относительные прилагательные. Количествочисловые числительные ведут себя как неизменяемая часть речи, но числа 1, 2 и 3 нарушают это положение, демонстрируя формы род. п. *zweier, dreier* или дат. п. *zweien, dreien*. В норвежском языке порядковые числительные характеризуются теми же признаками, что и слабые прилагательные, а из количеств-

венных числительных формы словоизменения имеет лишь единица, ср. общий род — еп, ср. р. ett, слабая форма ене и т. п. Естественно, что указанные части речи демонстрируют разные модели слов.

Таким образом, несмотря на общность для всех германских языков шести основных моделей слов, каждая из них находит в отдельном языке достаточно разное применение. Каждый из морфологических классов слов отличается в силу этого особым набором моделей из указанных шести: в пределах одного морфологического класса могут быть представлены разные морфологические структуры и, наоборот, одинаковые морфологические структуры могут быть типичными для разных морфологических классов (ср. табл. 6 и 10). В конечном счете каждый морфологический класс слов, в том числе и прежде всего отдельные части речи, представляет собой известный — конечный и исчислимый — набор парадигматических рядов как объединений, реализующих определенный тип отношений между единицами данного класса, но сформированный нередко неоднородными морфологическими структурами. Неоднородность парадигматических рядов, базирующихся на разных морфологических структурах, является следствием сложных исторических процессов развития морфологической системы: то, что с синхронной точки зрения предстает перед нами как напластование разных структур, генетически могло являться сочетанием однородных структур; напротив, за униформными с синхронной точки зрения структурами могут стоять гетерохронные и гетерогенные единицы. Для синхронного описания два указанных направления в развитии парадигматических рядов сказываются в том, что в первом случае строение ряда возможно описать через некую идеальную структуру и правила ее преобразования в том или ином морфонологическом контексте; во втором случае эти правила существенно упрощаются (ср., например, описание форм мн. ч. в современном английском языке). В целом сложность синхронного описания морфологических структур определяется именно характером и количеством ограничений, налагаемых на появление определенной идеальной структуры в современном языке. С этой точки зрения сложность синхронного описания обусловливается степенью отклонения от идеальных морфологических

структур и их мотивированностью явлениями современного языка, т. е. возможностью или невозможностью связать отклонения от модели, принимаемой за исходную, с морфонологическим контекстом, обнаруживаемым в современном состоянии языка.

В специальной литературе последнего десятилетия широкое распространение получило положение о несоответствии морфологических и словообразовательных структур одних и тех же единиц. Особое внимание уделялось в этой связи описанию способов словообразования, ведущих к созданию дериватов с невыраженными отношениями производности. В терминах аппликативной порождающей грамматики это положение отразилось в виде тезиса о несоответствии количества тактов порождения слова и количества морфем в слове. Было наглядно продемонстрировано, что такие способы словообразования, как конверсия, усечение аффиксов, обратная деривация, чередования и т. п., не приводят к усложнению морфологической структуры слова в прямом смысле, так как они не увеличивают количества морфем. Расхождения этого рода были описаны в настоящей работе при рассмотрении различий между морфологическим и словообразовательным анализом, где мы указывали также на конкретные примеры несоответствия морфологических структур и деривационных структур слова. Теперь, после подробного рассмотрения самих морфологических структур, мы должны подчеркнуть следующее важное обстоятельство: в языках со сложной системой морфологии, выступающей как результат длительного процесса исторического развития, любые отношения производности могут быть не полностью выявлеными в структуре вторичных образований, причем положение о несоответствии тактов порождения слова и количества морфем, в нем представленных, равно относится как к производным, так и к формам слова. В морфологической структуре слова могут быть неотраженными не только моменты или этапы его деривационной истории, но и этапы его конструирования как особой формы слова. Другими словами, не все отношения формальной производности, производности морфологической или парадигматической, равно как и не все отношения деривационной производности, находят эксплицитное выражение в морфологической структуре

слова. В то время как одни морфологические структуры в явной и очевидной форме отражают все этапы конструирования слова, другие морфологические структуры вообще не отражают этих процессов или же отражают их лишь частично, в замаскированной и неочевидной форме. В структурах первого рода, идеальных морфологических структурах, общее значение формы складывается из суммы значений морфем, по отдельности или в определенных стандартных сочетаниях выражающих однозначно определенные фрагменты плана содержания (или по крайней мере общее значение формы мотивировано значением ее отдельных частей). В структурах второго рода соотношение формы и содержания указанного типа нарушено. Наиболее общим и типичным случаем этих «нарушений» являются формы с нулевыми морфемами. Подстраиваясь под структуры с материально выраженным экспонентами тех или иных грамматических значений, эти формы не могут быть по морфемной технике и структуре приравнены морфологическим структурам, эксплицитно выражающим свои грамматические значения и демонстрирующим каждый этап конструирования отдельными морфемами.

В том же самом смысле, в каком говорят о несоответствии морфологических и деривационных структур, можно, по-видимому, говорить о несоответствии идеальных и актуальных морфологических структур, или же о несоответствии (глубинных) морфологических и морфемных структур. Приведем конкретные примеры.

Из описания форм русского глагола, данного — с последовательными уточнениями — Р. Якобсоном, М. Халле и Т. М. Лайтнером, ясно следует, что идеальной морфологической структурой, представляющей формы настоящего времени глагола, является последовательность «корень + глаг. суффикс + тематический гласный наст. врем. + показатель лица — числа» и что такая, например, форма глагола *сидеть*, как *сижу*, скрывает за собой последовательность [(s'id + e + i) + u]⁵⁰. Преобразование этой идеальной морфологической структуры

⁵⁰ R. Jakobson. Russian conjugation. «Word», 1948, v. IV, № 3; M. Халле. О правилах русского спряжения. «American contributions to the V International Congress of slavists». The Hague, 1963.

в реальную глагольную форму с двуморфемным строением *сиж-у* показывает, что оно было связано с целым рядом морфонологических процессов — смягчением конечной фонемы корня перед неокругленными гласными, за которыми следуют округленные, усечением гласных морфемы перед другими гласными и т. п.⁵¹ Итогом этих процессов и является создание морфемной структуры, не отражающей всех этапов конструирования формы, всех деталей в отношениях производности, связывающих данную форму со всеми другими формами той же системы и, главное, с исходной глагольной формой. Таким образом, путь синхронного моделирования формы может быть воссоздан посредством описания совокупности правил, относящихся к преобразованию морфологических структур под влиянием определенных, констатируемых во всех деталях, условий. Выработкой подобных правил и занимается в основном генеративная грамматика, в частности, аппликативная порождающая грамматика, формулирующая пути перехода от генотипического языка к языку реальному, от идеальных абстрактных структур — к структурам, засвидетельствованным в живых конкретных языках⁵². Для германских языков подобные исследования только-только начинаются⁵³, и в целом еще трудно судить о тех результатах, к которым они приведут. В принципе, однако, идеи последовательного восстановления этапов синхронного конструирования формы представляются чрезвычайно плодотворными.

Синхронная морфология была вплоть до совсем недавнего времени связана в основном с констатацией результатов исторического развития языков в данной области. Ее основные единицы описывались так, как они были даны в непосредственном наблюдении. В центре внимания неизбежно оказывались линейные модели единиц и, соответственно, материально выраженные экспоненты морфологических структур. Классические образцы

⁵¹ См.: Т. М. Лайтнер. О циклических правилах в русском склонении.— ВЯ, 1965, № 2, стр. 46—47.

⁵² Обобщающей работой такого рода является, например, фундаментальный труд С. К. Шаумяна и П. А. Соболевой «Основания порождающей грамматики русского языка». М., Изд-во «Наука», 1968. Ср. также работы В. И. Перебейнос.

⁵³ См., например: И. С. Кесельман. Опыт интерпретации аппликативной порождающей модели для английского языка. «Проблемы структурной лингвистики 1967». М., 1968.

описательной грамматики были представлены такими типами, как «item and process» или «item and arrangement»⁵⁴. Этим дескриптивным моделям противостояла, ничуть им не уступая, модель «word and paradigm»⁵⁵. Во всех этих моделях морфологическая структура слова выступала в виде определенной последовательности реальных единиц или реальных переходов. Достижения порождающей грамматики заставляют обратиться к пересмотру этих моделей и постулировать необходимость создания, параллельно традиционным моделям и в дополнение к ним, новой грамматической модели, строящейся по принципу «item → process → arrangement», которая поставила бы своей целью исследование того, какие процессы стоят за той или иной аранжировкой морфем и при какой аранжировке морфем часть из этих процессов остается неотраженной в непосредственно данной структуре.

В модели такого рода неизмеримо возрастает роль морфонологии. В силу этого потребуются исследования явлений, возникающих при сочетании морфем и при их соединении в типовые последовательности. Знание этих процессов позволит описать правила преобразования идеальных морфологических структур в реально представленные морфемные структуры. В соответствии с этим мы полагаем, что если задачи морфонологии связаны с объяснением причин несоответствия морфологических и морфемных структур как с диахронической, так и с чисто синхронной точки зрения, то задачи морфологии включают констатацию случаев подобного несоответствия и формулирование правил превращения идеальных структур в актуальные в каждом парадигматическом объединении. По-видимому, только при таком подходе выявятся случаи наложения и перекрывания морфем, которые вплоть до настоящего времени не получили специального освещения или же описывались преимущественно в сфере словообразования⁵⁶. Между тем без анализа

⁵⁴ Ср.: Ch. F. Hockett. Two models of grammatical description. «Word», 1954, v. 10, № 3; Н. Д. Арутюнова. О структурных и традиционных методах в грамматике. «Филол. науки», 1963, № 4, стр. 173—174.

⁵⁵ Ср.: R. Robins. In defence of WP.— TPS, v. 59. London, 1959.

⁵⁶ См., например: Е. А. Земская. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке.— ВЯ, 1964, № 2.

явлений этого рода возникают не только трудности в установлении морфемных границ⁵⁷, но и затруднения при характеристике морфологической структуры тех или иных форм. Это объясняется тем, что при наложении одной морфемы на другую или полном выпадении одной или нескольких из контактирующих морфем нарушается то соответствие между морфемным составом формы и ее общим грамматическим категориальным значением, которое свойственно регулярным образцам того же типа или идеальным структурам.

Чтобы завершить описание морфологических структур слова, представленных в современных германских языках, отметим наиболее важные случаи наложения или усечения морфем внутри некоторых форм, ведущие к расхождениям между морфологическими структурами в их идеальной записи по НС и теми морфемными последовательностями, которые эти формы реализуют. Как правило, наложение морфем происходит обычно, когда морфемы, подлежащие соединению, совпадают полностью или частично по составу, или если на стыке морфем возникло бы труднопроизносимое сочетание согласных или гласных и т. п.⁵⁸ Как мы уже отмечали выше, в морфологическом описании на первый план выходит, однако, не объяснение или перечисление причин наступающих изменений, а перечисление их результатов. По-видимому, однако, это перечисление не может являться самоцелью, но подчинено описанию структуры слова или конкретного парадигматического ряда. Ведь формы, внутри которых произошло наложение морфем, часто воспринимаются на фоне регулярных образцов как «исключения» и потому требуют особого упоминания. Интересно также подчеркнуть, что за одним и тем же процессом наложения морфем следуют разные результаты в преобразовании формы. Ниже, приводя конкретные примеры, мы предлагаем следующую систематизацию морфологических последствий наложения морфем:

1) отсутствие или невыраженность регулярной служебной морфемы;

⁵⁷ Ср.: В. Н. Ярцева. Сопоставительный анализ структуры слова в современных германских языках, стр. 11.

⁵⁸ Ср.: Е. А. Земская. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке.

2) выпадение срединных значащих морфем или маркеров;

3) незначащее чередование основ или служебных морфем.

I

1. Прилагательные в датском языке, образующие регулярные неопределенные формы среднего рода посредством присоединения служебной морфемы -t, не получают этого -t после основы, включающей -t или -sk; ср.:

общ. р. en god bok — ср. р. et god-t hus, но
en kort dag — et kort svar
en dansk bog — et dansk ord.

Аналогичная картина наблюдается в шведском языке, если основа прилагательного оканчивается на -t после согласного или на -tt.

2. В голландском языке образование превосходной степени прилагательных происходит за счет присоединения формообразующей морфемы -st, ср. duur ‘дорогой’ — превосх. степ. duur-st. Прилагательные, оканчивающиеся на -s, прибавляют, однако, не -st, а -t.

fris ‘свежий’ — frist
wijs ‘мудрый’ — wijs.

3. В немецком языке регулярными показателями мн. ч. являются морфемы -e, -er и -en. Их прибавления не происходит в том случае, если основа существительного м. и ср. р. уже содержит в своем составе -en, er или -el. Подобное ограничение действует в области формообразования, но, по-видимому, не распространяется на словообразование, ср. das Ruder ‘весло’ — die Ruder ‘вёсла’ — Rudern ‘гребля’ — Rud(er)er ‘гребец’; das Segel ‘парус’ — die Segel ‘паруса’ — Segler ‘парусник’.

II

1. В датском языке у существительных на -er, обозначающих действующее лицо или национальность и образующих мн. ч. на -e, этот показатель выпадает перед постпозитивным определенным артиклем -ene < -ne, откуда: ед. ч. arbejd-er ‘рабочий’ — мн. ч. arbejder-e, опред. форма с артиклем — arbejd-er-ne < arbejd-er-e-ne;

ср. en have ‘сад’ — have-r-ne ‘сады’ и russ-er ‘русский’ — russ-er-e, по опред. форма russ-er-ne ‘(эти) русские’.

2. В немецком и шведском языке существительные с маркером -(e)um теряют его в формах мн. ч., откуда формы типа шведск. jubileum — jubile-er, gymnasium — gymnasi-er, museum — muse-er, нем. das Stadium — die Stadi-en, das Museum — die Muse-en, das Album — die Alb-en.

3. В исландском языке возвратные формы глагола образуются посредством суффигирования -st ~ -zt к соответствующей невозвратной форме, так что НС указанных форм должны быть «глаг. основа + показатель времени + показатель лица — числа + показатель залога», ср. З л. мн. ч. изъяв. накл. наст. врем. við gleð-j-um ‘мы радуем’ и соответствующую возвратную форму við gleð-j-um-st ‘мы радуемся’ или З л. мн. ч. прет. изъяв. накл. við glöd-d-um и возвратную форму við glöd-d-um-st. Однако при образовании форм 2 и 3 л. наст. врем. изъяв. накл. перед суффиксом -st выпадают окончания -ug, -r, -ð или -gð, так что показатели лица и числа в данных формах не представлены, ср.:

éг gleð — éг gleð-st
þú gleð-ur — þú — » —
hann gleð-ur — hann — » —

от глагола I кл. gleðja ‘радовать’.

III

1. При образовании степеней сравнения в датском и норвежском языках суффикс сравнительной степени выступает в форме -ere или -re, а суффикс превосходной степени — в форме -est или -st в зависимости от конца основы прилагательного, ср. степени сравнения от датских прилагательных dyb ‘глубокий’ и ringe ‘незначительный’ и норвежских прилагательных høy ‘высокий’ и ringe ‘плохой’:

dyb — dyb-ere — dyb-est, но

ringe — ringe-re — ringe-st, т. е. *ringe + ere,
høy — høy-ere — høy-est, но

ringe — ringe-re — ringe-st, т. е. *ringe + est.

2. В исландском языке суффигированный артикль принимает форму -iⁿ или -n в зависимости от того, оканчивается существительное на гласный или нет, ср. формы без артикля и с артиклем типа: род. п. ед. ч. hest-s — hest-s-in-s, по дат. п. ед. ч. hest-i — hest-i-n-um и т. п. (см. стр. 44 и сл.).

3. В шведском и датском языках форма прибавляемого суффигированного артикля тесно связана с исходом существительного: в случае окончания шведского существительного на -a или -e происходит стяжение сочетания -a + -en > -an, а -e + -en > -en, ср. en blomma ‘цветок’ — опред. форма blomman, en gosse — опред. форма gossen ‘мальчик’ и т. п. (ср. аналогичные по типу изменения при образовании форм мн. ч.); в датском языке форма постпозитивного артикля -en и -et теряет -e- при присоединении к существительным, уже содержащим -e- в конце слова, ср. en mand ‘человек’ — опред. форма mand-en, но en have ‘сад’ — опред. форма haven, et hus ‘дом’ — huset, но et tilfælde ‘случай’ — tilfældet.

В группе случаев I и II наблюдается известное несоответствие идеальной морфологической структуры и морфемной структуры слова, поскольку грамматические категории, находящие в рассматриваемой языковой системе морфологическое выражение, в данных формах специального морфемного выражения не получают и передаются самой формой в целом.

Если теперь оставить в стороне рассмотренные здесь случаи морфологических структур с невыраженными грамматическими значениями или с невыраженными отношениями производности, можно отметить, что определение морфологической структуры слова проявляет прямую зависимость от следующих признаков:

а) от наличия ∞ отсутствия в слове деривационных морфем — по этому признаку слова делятся на производные и непроизводные;

б) от количества неслужебных морфем в слове — по этому признаку слова делятся на простые и сложные;

в) от наличия в системе словоформ слова словоизменительных морфем — по этому признаку слова делятся на изменяемые и неизменяемые;

г) от наличия в слове словоизменительных морфем с тем или иным набором служебных значений — по этому

признаку производится разбиение слов по определенным морфологическим классам.

Как мы старались показать выше, несмотря на тесную взаимозависимость всех указанных признаков, оппозицией каждого из них в морфологии создаются особые микросистемы — словообразования, словосложения и словоизменения, проявляющие известную автономность. Изучение морфологической системы языка и должно идти, следовательно, по трем разным направлениям — изучения производного слова в его отличии от непроизводного, изучения сложного слова в его отличии от простого и, наконец, изучения изменяемых слов в отличие от слов неизменяемых. Описав структуры этих разных единиц в языке, мы получаем в итоге представление о морфологической структуре слова, а через нее — и о морфологической системе языка, ибо, несомненно, что именно морфологическая структура слова имеет «кардиальное значение для всесторонней общей характеристики языка»⁵⁹.

⁵⁹ См.: Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 64.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Морфологический анализ является особой разновидностью лингвистического исследования, направленной на познание морфологической структуры слова и закономерностей ее синхронного формирования. Он представляет собой эффективное средство в описании морфологического строя языка, обеспечивая характеристику тех частей морфологической системы, которые связаны с функционированием морфемы и организацией регулярных морфемных последовательностей, выступающих на правах особых единиц данного языка. В этом смысле он оказывается эффективным средством установления конститутивных признаков морфологического слова.

Целью морфологического анализа является не только выделение в слове отдельных составляющих его морфем и установление структурного и функционального статуса последних: эти задачи составляют содержание начальных этапов анализа. Направленный на выявление морфологической структуры слова, морфологический анализ связан также с определением иерархии частей слова и обнаружением зависимостей между этими частями и общей грамматической характеристикой слова. В конечные задачи морфологического анализа входит, следовательно, определение конкретных связей между морфологическими функциями слова и его внутренней организацией. Решению этой задачи должно предшествовать описание типов подобной внутренней организации слова в изучаемом языке, т. е. изучение моделей структуры слова, их составных частей и принципов их объединения в целостные образования, главным образом слова и основы.

Морфологический анализ проводится по определенной программе, предусматривающей последовательность

постановки отдельных задач по определению морфологической структуры слова, а также совокупность исследовательских методик и приемов по их решению. Иначе говоря, программа анализа должна включать не только своеобразную анкету как список вопросов, на которые исследователю необходимо ответить во время исследования, но и ряд процедур, которые могут способствовать решению поставленных задач. Программа ориентируется в основном на описание организации слова в терминах морфемы и классов морфем, а также в терминах особых последовательностей морфем. По мере необходимости в анализ вводятся и другие понятия, отражающие принципы объединения морфем в единое целое и отвечающие задаче описания процессуального аспекта указанного объединения. Важной частью инвентаря понятий, используемых по ходу проведения морфологического анализа, являются также понятия, относящиеся к связям и зависимостям между устанавливаемыми единицами.

В качестве простейшей единицы описания рассматривается морфема. Морфема понимается как конечная строительная часть слова, носящая знаковый характер. Она служит для соотнесения плана выражения с планом содержания и обладает свойствами предельности (неразложимости на морфологическом уровне на единицы того же качества), целостности (невыводимости ее функций из функций составляющих ее элементов низшего уровня) и двусторонности. Морфема представляет собой минимальную знаковую единицу языка, значимость которой обусловливается ее участием в составе слова: эта значимость определяется тем, передача какой части информации, связанной с данным типом слов, приходится на ее долю. Таким образом, морфема является минимальной, но не единственной единицей морфологического уровня; в настоящем исследовании она рассматривается как единица, иерархически подчиненная слову. Соответственно этому, задача описания морфемы не является здесь самоцелью и поэтому подчинена более общей задаче — описанию структуры слова. Этой задачей и определяется предлагаемая программа анализа.

В качестве самостоятельных ступеней, или этапов, морфологического анализа считается целесообразным выделять: 1) сегментацию текста на элементарные конечные составляющие (морфы и квазиморфы); 2) отождествление

выделенных сегментов с целью объединения морфов одной морфемы; 3) классификацию выделенных единиц по их функциональному и структурному статусу как внутри слова, так и шире — в морфологической системе языка; 4) изучение особенностей синхронного конструирования типовых морфемных последовательностей; 5) определение типов морфологической структуры слов в изучаемом языке и места установленных моделей в морфологической системе данного языка, в частности, в формировании тех или иных парадигматических рядов.

Специальное описание морфологической структуры слова становится необходимым в том случае, когда слово включает, помимо корня, еще какие-либо составные части. Воспроизведение подобных слов или их синхронное порождение связаны в морфологии с процессами трех видов: словоизменением, формообразованием и словообразованием. Морфологическая структура слова, отличного по своему строению от чистого корня, может в силу этого представлять собой результат одного из указанных процессов или их разной комбинации в применении к исходной единице, корню или основе. Относительно каждой отдельной последовательности, встреченной в тексте, мы должны знать, какие процессы синхронного преобразования исходной (смысловой) единицы она отражает.

Принципиальное различие формообразования и словообразования в строении и функционировании языка мы усматриваем прежде всего в том, что они направлены на создание разных структурных единиц и на использование этих единиц в разных целях. Словообразование направлено на создание новых единиц в сфере номинации, формообразование (в широком смысле этого термина) — на организацию и использование единиц номинации в составе предложения. Первой цели служит создание новой единицы обозначения или использование такой единицы как особого названия, второй — создание единицы, пригодной для использования в акте коммуникации и оформленной в соответствии с грамматическими нормами конкретного языка. Первой цели отвечает создание производного, второй — возникновение определенной словоформы. Поскольку цели эти в общем не взаимоисключающие, словообразование может быть более или менее тесно связанным с формообразованием и потому разграничение класса формообразующих и словообра-

зующих морфем иногда практически трудно достичимо. Сами эти процессы, однако, функционально не тождественны и потому подлежат раздельному описанию. Последнее становится возможным, если обратиться к изучению тех группировок вторичных последовательностей, которые являются результатом осуществления указанных процессов в чисто синхронном плане. При этом параллельно изучению форм на фоне однотипных образований, т. е. на фоне парадигматического или словообразовательного ряда, мы предлагаем обратиться к изучению вторичных последовательностей по их соотношению с исходной для них единицей.

Под названием «формообразование» мы объединяем любые процессы, находящие в языке регулярное формальное отражение, конечным итогом которых является создание единиц, выступающих как члены парадигматического ряда. В отличие от этого словообразовательными называются процессы, находящие в языке регулярное формальное отражение, конечным итогом которых является создание единиц, выступающих как члены словообразовательного ряда. Основное различие формообразования и словообразования заключается в этом смысле в создании морфологических объединений, разных по их соотношению с серией исходных единиц и по их внутренней организации.

Для того чтобы показать это различие и исследовать принципы построения парадигматического ряда в отличие от ряда деривационного, можно рекомендовать следующую процедуру: каждой анализируемой вторичной последовательности языка ставится в соответствие исходная последовательность, удаленная от нее на одну и только одну формальную операцию (столу — стол, столик — стол), результативные и исходные единицы помещаются в однотипные структурные ряды (столу : стол :: стул : стул :: дому : дом ; стул : стул :: домик : дом и т. п.), вслед за этим производится анализ отношений между сопоставляемыми единицами и их частями. По характеру этих отношений в структурно-семантическом плане исследователь может сделать следующие выводы.

Если применение какой-либо формальной операции к исходной единице приводит к тому, что лексическое значение единицы остается без изменений, а меняется

только грамматическое ее значение, а общее значение результивной единицы может быть представлено как предсказуемое и суммативное (т. е. выступающее как сумма значений складывающихся частей), причем весь ряд форм построен по тому же принципу, то ряд называется парадигматическим. Стандартность организации парадигматического ряда, проявляющаяся в повторяемости формальной операции по порождению форм и в семантических связях внутри формы, позволяет определить его построение через определенную формулу. Членом парадигматического ряда является любое вторичное образование, подводимое под эту формулу. Итак, если результивная единица удалена от однокорневой исходной единицы на одну формальную операцию и если они отличаются друг от друга в смысловом отношении наочно фиксированное и повторяющееся для всех однотипных форм в константном виде смысловое расстояние, то эта вторичная последовательность представляет собой определенную словоформу, принадлежащую определенному парадигматическому ряду.

Если при сравнении исходной и результивной единиц таких отношений не наблюдается, семантические сдвиги предсказуемы не полностью, меняется не только грамматическое значение единицы, но и ее индивидуальное лексическое значение, то анализируемая вторичная последовательность представляет собой производное, принадлежащее определенному словообразовательному ряду.

Отношения первого типа, стандартизированные в двух планах одновременно, есть чисто формальные отношения, или отношения формальной производности; отношения, стандартизированные в плане выражения, но варьирующиеся в плане содержания, есть словообразовательные отношения, или отношения словообразовательной производности.

Воспроизведению лексической части слова в неизменном виде на уровне парадигматики резко противостоит факт ее преобразования или переосмысления на уровне словообразования. Для отношений словообразовательной производности и является определяющим тот мотивированный, хотя и не точно предсказуемый, семантический сдвиг, который наблюдается при сравнении производных и производной единиц. Поскольку словообразователь-

ный ряд выстраивается также в силу определенной формальной общности его членов (обычным выразителем тождества словообразовательного ряда является, например, суффикс или префикс), словообразовательные отношения могут быть определены как такие междусловные отношения, которые сочетают формальную производность и семантическую мотивированность. Словообразовательные отношения существуют как особый тип формально-семантических отношений. Системный характер этих отношений заключается в том, что способы семантической мотивации одного знака другим упорядочиваются и вводятся в определенное формальное русло, т. е. известным образом моделируются.

Отсюда и проистекает двойственность словообразования, которое, с одной стороны, является областью создания и функционирования единиц номинации и потому должно составлять особую ономасиологическую дисциплину, но которое, с другой стороны, должно найти свое место внутри морфологии как область реализации и создания особых вторичных единиц и особого типа формально-семантических отношений. Таким образом, словообразование входит в морфологию как область создания и функционирования особых морфологических структур. Можно говорить, соответственно, об особой области морфологии — деривационной морфологии или морфологии вторичных образований, являющихся следствием словообразовательных актов. В морфологии флексивных языков собственно морфология (словоизменение и формообразование, парадигматика) и морфология деривационная проявляют тесную связь и взаимообусловленность. Конкретный характер этой связи выявляется по мере установления: зависимости между морфологической структурой слова и его словообразовательной характеристикой, корреляций между деривационной структурой слова и его парадигматическими особенностями, роли отдельных способов словообразования в грамматической категоризации слов и т. п.

Различие процессов словоизменения, формообразования и словообразования выступает в особенно очевидной форме при сопоставлении основ исходных и вторичных (результативных) однокорневых единиц. Идентификация актов порождения этих последних происходит в зависимости от того, была ли затронута в этих актах: а) форма

исходной основы, б) ее содержание, а также в зависимости от того, в) как конкретно сочетались эти изменения и как оказались они на общем значении результативной последовательности. Шесть сформулированных правил (см. гл. пятую, раздел V) помогают определить характер наблюдаемых отношений, отличить отношения формальной производности от отношений словообразовательной производности и, наконец, разграничить акты словоизменения и формообразования. Поскольку для применения этих правил важное значение имеет умение отделить деривационные отношения от чисто формальных, для определения непосредственных объектов морфологического анализа существенными оказываются определенные данные анализа словообразовательного. Вместе с тем для разграничения областей словоизменения, формообразования и словообразования важно дифференцировать принципы морфологического и словообразовательного анализа.

Теоретической базой, на которой строится разграничение двух указанных разновидностей лингвистического исследования, является ориентация словообразовательного анализа исключительно на установление отношений словообразовательной производности и их типов, а также на выявление словообразовательной модели данного образования. Подчеркнем еще раз, что констатировать отношения словообразовательной производности между двумя единицами можно только там и тогда, когда мы можем отметить одновременное сочетание производности по форме и мотивированности одного знака другим по смыслу.

Различие морфологического и словообразовательного анализа вызывается также возможным несоответствием конечных составляющих формы и ее непосредственно составляющих, или, в других терминах, необязательной причастностью конечных составляющих слова к актам словообразования, создавшим данное слово. Сюда могут быть отнесены три группы фактов. Первая включает случаи полной невыраженности деривационной производности в морфологической структуре слова, ср. словообразование посредством конверсии, усечения или обратной деривации. Вторая группа включает случаи членения слова на морфемы, не принимавшие прямого участия в последнем акте словообразования и потому не являющиеся НС формы со словообразовательной точки зрения: так, нем. das Auseinanderfallen 'распад' выделяет и пре-

фикс, и суффикс, и корневую морфему, не имеющие отношения к акту образования этого существительного от глагола *auseinanderfallen*. Третья группа включает производные, в морфемной структуре которых отражены не все морфемы исходной мотивирующей единицы, т. е. не все деривационные НС данного слова. Это особенно наглядно при словообразовании посредством универбации словосочетания, ср. *молотильная машина* → *молотилка*, голл. *zuidwesten wind* → *zuidwester*; ср. также шведск. *enakter*, нем. *Einakter* и т. п.

Словообразовательный анализ предполагает исследование одновременно в двух направлениях: формальном и семантическом. Он предполагает выяснение модели производного, а тем самым установление факта мотивации одной единицы другою и способа выражения этой мотивации в целой серии однотипных случаев. Морфологический анализ связан не с изучением конкретных значений отдельных частей слова как таковых, а с определением типа зиачеии, передаваемого каждой частью; морфологический анализ проводится в значительной степени в абстракции от лексического значения формы. Таким образом, морфологический и словообразовательный анализ оказываются различными по непосредственным целям исследования, по направленности на выделение и описание разных единиц, и в ходе их осуществления исследователь оперирует разными понятиями и терминами. Отражая выявленность в структуре слова нетождественных процессов, морфологический и словообразовательный анализ позволяют вскрыть разные стороны в строении слова и потому их данные существенно дополняют друг друга.

Морфологический анализ начинается с сегментации текста. Членение текста на морфологическом уровне направлено на то, чтобы представить весь анализируемый текст в виде отдельных частей, каждая из которых соответствует отдельной морфеме, точнее, реализующему ее морфу. Согласно исходному определению морфемы, предполагается, что эта процедура связана с обнаружением конечных составляющих слова, повторяющихся в разном окружении и проявляющих при этом черты формально-семантического сходства. Проверка правильности проведенного членения осуществляется за счет применения правил о членности форм. Выделенные в соответствии с дан-

ными правилами отрезки квалифицируются как морфы, а последовательности, содержащие более одного такого отрезка, — как членимые последовательности. Наряду с безусловными морфами, в тексте, однако, нередко встречаются отрезки, морфемный статус которых вызывает сомнение либо потому, что мы не можем связать с ними отчетливого значения, либо потому, что мы не можем обнаружить эти отрезки в другом лингвистическом окружении. Для описания этих единиц, остающихся в тексте после вычленения из него безусловных морфов, мы вводим понятие квазиморфа. Квазиморф — это своеобразная морфемная единица, выполняющая функцию формирования слова, но не достигающая статуса морфа из-за нарушения одной из сторон знака, т. е. единицы, отличающейся от морфа либо формальными, либо семантическими особенностями. Наличие квазиморфов в тексте заставляет признать, что отдельные последовательности текста не одинаковы не только по своей членности ∞ , но и по степени членности.

Учитывая дистрибутивные и семантические свойства отдельных конечных составляющих слова, мы приходим к выделению следующих разрядов слов:

I — все слова делятся прежде всего на членимые и нечленимые в зависимости от их способности ∞ неспособности выделять в своем составе отдельные значащие части, повторяющиеся с непротиворечащим значением в другом лингвистическом окружении;

II — все членимые образования делятся на формально-членимые и дефектно-членимые в зависимости от способности выделенных отрезков встречаться либо в неуниверсальном, либо в уникальном окружении; у формально-членимых слов каждая из выделенных частей встречается в разном окружении, у дефектно-членимых слов хотя бы одна часть повторяется в другом окружении, а другая (другие) — в уникальном окружении;

III — все формально-членимые образования делятся на обладающие свойствами живой морфологической членности (при условии ясности значения у выделенных отрезков и его непротиворечивости в разных окружениях) и на обладающие свойствами условной членности (при условии неясности значения выделяемых отрезков, ср. дифференциальное значение у В. Коатса или остаточное значение, описанное А. И. Смирницким).

При дефектном членении отдельные отрезки вычленяются благодаря соседству с безусловными морфами и вопреки дистрибутивной дефектности их самих, т. е. способности выступать в качестве строительных частиц единичных образований и встречаться только в уникальном окружении (ср. русск. *стеклярус*, англ. *cran-beerry*, шведск. *hallon*). При условном членении отдельные отрезки вычленяются благодаря их повторяемости в разных окружениях, но вопреки неясности их значения и условности его спецификации (ср. англ. *de-ceive*, *re-ceive*, *con-ceive*, *perceive*, *de-form*, *re-form* и др.). Условно-членимыми образованиями являются чаще всего псевдопроизводные, т. е. образования, морфологическая структура которых противоречит их семантической слитности и неразложимости (ср. грамматический термин *предложение*, нем. *Zeitung*, англ. *afroad*).

Формы, характеризующиеся живой морфологической членностью, состоят целиком из морфов; напротив, конечными составляющими условно-членимых и дефектно-членимых образований могут являться морфы и квазиморфы. В отличие от обычных корневых морфем корневые квазиморфы, или квазикорни, характеризуются полной связью; в отличие от обычных аффиксальных морфем квазиаффиксы уникальны. Трудности, возникающие при членении текста, прямо пропорциональны наличию в нем квазикорней и квазиаффиксов.

Представив анализируемые тексты в виде последовательностей морфов и квазиморфов, мы переходим к следующей ступени морфологического анализа, получившей название идентификации или отождествления морфемы и заключающейся в объединении морфов одной морфемы. На этом уровне абстракции морфема рассматривается как инвариантная сущность, отдельные варианты которой могут характеризоваться известными расхождениями как по форме, так и по содержанию. Специальные процедуры отождествления морфемы и вызваны, собственно, необходимостью показать, что различающиеся единицы могут тем не менее экспонировать одну и ту же сущность; эти процедуры вводятся в анализ для того, чтобы по возможности более объективно определить границы допустимого варьирования морфов одной морфемы.

В практике американских дескриптивистов и их последователей варьирование разных сторон знака расцени-

валось не одинаково: в то время, как определяющим моментом для отождествления морфемы считали тождество выполняемых ее членами функций, варьирование формы знака было объявлено вообще не существенным. Соответственно этим допущениям строились и процедуры идентификации морфемы. Однако последовательное признание морфемы единицей двусторонней исключает, по-видимому, возможность группировать в одну морфему морфы, не обладающие фонологическим сходством. Исходным при выработке правил отождествления морфов одной морфемы являются, по нашему мнению, следующие условия:

1) тождество морфемы обеспечивается тождеством значений у реализующих ее морфов или их относительным тождеством, т. е. регламентированным системой варьированием значений в пределах их непротиворечивости;

2) тождество морфемы обеспечивается тождеством формы реализующих ее морфов или относительным тождеством этой формы, т. е. регламентированным системным варьированием облика отдельных морфов;

3) тождество морфемы может существовать только при одновременном выполнении обоих указанных условий.

Регламентированным может быть названо такое варьирование, которое совершается в соответствии со строго определенными правилами, т. е. носит упорядоченный характер, происходит по повторяющемуся образцу и поддается описанию с помощью особой формулы. Так, например, в современном английском языке переход /k/ или /t/ в /s/ перед /i/ может рассматриваться как регламентированное варьирование, ибо он происходит исключительно при присоединении деривационных морфем типа -у, -ity, -ism к неисконным, заимствованным основам, ср. public — publicity, democrat — democracy. Подобные морфы и могут быть объединены в одну морфему.

Понятие регламентированного варьирования и относительного формального тождества морфов устанавливается отдельно для каждого языка, причем решение этих задач является итогом специальных морфонологических исследований.

При отождествлении морфемы целесообразно также использовать понятие дистрибуции: морфы, принадлежащие одной морфеме, никогда не встречаются в одном

окружении. Отклонения от этого правила предусматриваются следующим дополнительным условием: если морфы, проявляющие черты формально-семантического сходства, встречаются в одном окружении, то они могут рассматриваться как принадлежащие одной морфеме тогда, когда замена одного морфа другим не ведет к изменению общего значения конструкции, ср., например, аффиксальные морфемы в русск. *синей краской* — *синею краскою* и пр.

В сложных и спорных случаях тождественности морфем можно рекомендовать подобрать для сравниваемых морфов диагностические синтаксические окружения, т. е. окружения, в которых все грамматические значения этих морфов находят обязательное выражение в другой форме того же синтаксического целого. Интересно отметить, что предлагаемое решение отвечает желательности объединения корневых морфем (не суффиктивных) форм одного парадигматического ряда: легко показать, что словоформы, принадлежащие одной парадигме, никогда не встречаются в одном синтаксическом окружении.

Для языков, парадигматические ряды в которых строятся с участием частично различающихся, т. е. альтернирующих морфем, большое значение имеет изучение моделей строения морфемы. С этой точки зрения определение правил формального варьирования морфов одной морфемы составляет важную сторону морфологического описания языка, ибо изменение облика морфа может коррелировать с изменением его морфологической нагрузки.

В строении альтернирующих морфем можно усмотреть отчасти те же принципы системной организации, что и в строении изменяемого слова. Подобно тому, как изменяемое слово существует в языке через представительство определенного числа своих словоформ, альтернирующая морфема существует в языке через представительство своих морфов. Характеризуя модели строения морфем альтернирующего типа, можно использовать поэтому понятие парадигмы. Каждый отдельный тип указанных морфем описывается с помощью особой парадигмы, объединяющей морфы разного облика. При каждом из них указывается диапазон ролей, которые играет морф с данным обликом в морфологической системе изучаемого языка. В качестве единицы, параллельной основе, в парадигме выступает та часть морфов, которая выражает фонологическое сход-

ство всех морфов; варьирующиеся же части морфов выступают как части, параллельные по своим функциям флексии. Сведения о количестве подобных парадигм, об их строении и конкретных образцах, обобщенные надлежащим образом, позволяют представить роль альтернирующих морфем в формообразовании и словообразовании изучаемых языков и определить их удельный вес в той или иной морфологической системе.

Итогом отождествления морфем является, следовательно, не только объединение морфов одной морфемы и переход на более высокую ступень абстракции, но и характеристика строения морфемы в зависимости от типа реализующих ее морфов, а также определение места альтернирующих морфем в морфологической системе изучаемого языка.

На следующей ступени морфологического анализа все отождествленные морфемы подвергаются всесторонней функциональной и структурной классификации. По своему назначению в системе языка морфемы делятся на два больших класса — класс служебных и класс неслужебных морфем. Дифференциальным признаком этих морфем служит их разная ранговая характеристика: служебная морфема, повышаясь в ранге, может экспонировать слово, но не может выступать в качестве предложения. Неслужебная морфема может реализовать через ступень слова единицу следующего, синтаксического уровня,—высказывание. Таким образом, они характеризуются разной степенью коммуникативной самостоятельности и, как правило, разной степенью свободы.

Корневые морфемы, морфемы неслужебные, делятся в зависимости от этого признака на: а) актуально свободные, т. е. способные встречаться в тексте без сопровождения другими какими бы то ни было морфемами; б) виртуально свободные, т. е. способные встречаться в тексте исключительно в сочетании со словоизменительными материально выраженным морфемами; в) связанные, т. е. морфемы, не встречающиеся иначе, чем в сопровождении деривационных морфем.

Служебные морфемы делятся в зависимости от степени связанности на: а) свободные, т. е. способные встречаться в тексте в качестве самостоятельных единиц (ср. предлоги и союзы); б) связанные, т. е. способные встречаться только в виде части слова, в окружении определенных раз-

рядов морфем; в) относительно связанные, или морфемы, морфы которых встречаются в одних типах окружения в виде свободных, а в других типах окружения — в виде связанных единиц. Типичным примером морфем этого рода являются так называемые отделяемые приставки в германских языках (немецком, голландском и скандинавских).

Мы полагаем, что аффиксами могут считаться любые служебные связанные и относительно связанные морфемы. Предлагаемая трактовка аффиксов позволяет причислить к ним так называемые полуаффиксы, т. е. морфемы, служебные по функции, но коррелятивные самостоятельным (автономным) словам. Аффиксальные морфемы делятся, в соответствии с их основными функциями, на словоизменительные, формообразующие и словообразующие. Они различаются по совокупности признаков, в числе которых разные типы передаваемых ими значений, дистрибутивные и позиционные признаки, характер их взаимоотношения с основой и т. п.

Поскольку конечный аффикс маркирует обычно принадлежность слова тому или иному парадигматическому или деривационному ряду, можно говорить также об опознавательной функции аффикса. Интересно отметить, что выполнение этой функции может быть связано не только с наличием на конце слова служебной морфемы, но и наличием квазиморфемной единицы. Служебные морфемные и квазиморфемные единицы, указывающие на принадлежность данного слова к определенному формальному объединению, мы называем маркерами. Среди маркеров особо выделяются служебные единицы, тождественные в звуковом и семантическом отношениях обычным аффиксам, но в отличие от них вступающие в соединение с квазикорнями (ср. *черника*, *голубика*, но *брусника*), а также квазиаффиксы, не имеющие коррелята в виде безусловного аффикса и вычленяющиеся из серии структурно однотипных слов благодаря повторяемости по форме и содержанию (ср. *капрон*, *силон*, *нейлон*, *орлон* и т. п.). Понятие маркера служит описанию конструкций, общее значение которых может быть представлено как разложимое на семантические части, одна из которых соотносится с отрезком, повторяющимся по форме в разных окружениях. Можно полагать вследствие этого, что оно способствует более адекватному отражению всех ти-

пов значения, передаваемых определенным словом (так, псевдопроизводное типа нем. *Zeitung* несет через свой квазисуффикс известную информацию о принадлежности этого слова к числу имен женского рода, присутствие этого квазиморфа предопределяет и образование парадигматического ряда его множественного числа на -*en*). Наличие квазиморфемного маркера ведет к большей оформленности слова, чем при отсутствии конечной служебной материально выраженной морфемы, ибо, помимо лексических индивидуальных значений, форма, содержащая маркер, передает те или иные категориальные значения.

От обнаружения элементарных единиц морфологического уровня, определения их классной принадлежности к указанным разрядам исследователь может перейти к завершающим этапам анализа, связанным с установлением моделей морфологических структур и их частей. Как показывают фактические данные, отдельное слово может состоять в германских языках из следующих конечных составляющих:

1) одной служебной морфемы (ср. предлоги, союзы и некоторые другие виды служебных частиц, например, artikel в английском языке);

2) нескольких служебных морфем (ср. так называемые сложные или составные предлоги, склоняемые артикли и пр.);

3) одной неслужебной морфемы (ср. так называемые примарные наречия, не образующие системы словоформ);

4) одной неслужебной морфемы в сочетании с одной или несколькими служебными морфемами или маркером (ср. субстантивные и глагольные формы с простыми основами);

5) двух и более неслужебных морфем (подобные слова редки, поскольку сложные основы представлены чаще всего среди именных форм, а последние выступают обычно в сопровождении словоизменительных морфем);

6) двух и более неслужебных морфем в сочетании с одной или несколькими служебными морфемами или маркером (таковы формы полнозначных слов со сложными основами).

В книге приводятся образцы всех указанных форм, причем в связи с описанием их морфологической структуры констатируются следующие явления:

- 1) конкретный состав формы и ее конечные составляющие;
- 2) последовательность расположения отдельных частей формы;
- 3) сочетаемость морфем в посткорневой части образования;
- 4) внутриморфемные преобразования, имеющие место при конструировании соответствующих форм;
- 5) межморфемные изменения, происходящие при конструировании форм.

Особое внимание удалено в работе контрастному сопоставлению субстантивных и глагольных форм, а также изучению их морфемной протяженности (см. табл. 6 и 10).

В специальной литературе последнего десятилетия были достаточно подробно описаны случаи несоответствия наблюдающихся морфологических структур и их деривационной модели. Особое внимание было удалено в этой связи наличию производных с невыраженными в их морфемной структуре отношениями словообразовательной производности. На материале конкретных языков было продемонстрировано, что такие способы словообразования, как конверсия, усечение, обратная деривация, универбация и некоторые другие, не приводят к усложнению морфологической структуры исходной (производящей) единицы в буквальном смысле слова, так как они не сопряжены с увеличением количества конечных составляющих производной единицы. В настоящей работе обосновывается положение о том, что не только отношения словообразовательной производности, но и отношения формальной производности могут быть не полностью выявленными в морфемной структуре вторичных образований. В книге описываются и классифицируются основные случаи несоответствия идеальных и актуальных, непосредственно наблюдаемых морфологических структур в области имени и глагола.

Для глагольных форм реконструируется пятичленная идеальная структура, свертыванием которой реализуются непосредственно наблюдаемые глагольные словоформы отдельных германских языков. Параллельно этому описанию, демонстрирующему пути синхронного свертывания и упрощения глубинных структур, дается также описание возможного усложнения этой модели за счет разворачивания или распространения ее ядерной части. Таким образом, характеристика морфологической струк-

туры слова в германских языках завершается описанием типов основ, представленных в германских языках, и констатацией зависимостей между определенным типом основы и парадигматическими особенностями включающей данную основу единицы. Ряд отклонений от парадигматических образцов связан в германских языках со сложностью основы и наличием в ее составе тех или иных деривационных элементов, и это позволяет утверждать, что формообразование в указанных языках тесно переплетено со словообразованием и потому, что формообразование оказывается отнюдь не безразличным к простоте или, напротив, морфологической сложности такой части структуры слова, как его основа. Описание состава основы в парадигматике является поэому неотъемлемой частью общей характеристики морфологической структуры слова.

Можно, по-видимому, различать образование форм с л б в а (словоизменение) и образование форм о с н о в ы (собственно формообразование). Словоизменение и формообразование вместе образуют область парадигматики, составляющей центральную часть морфологии. Помимо этого, в морфологии целесообразно выделять учение о морфологической структуре слова.

Модели морфологических структур слова в языке определенного типа исчислимы и обычно немногочисленны. Тесная связь этих моделей с распределением слов по частям речи и техникой выражения грамматических значений, со словообразовательными потенциями слов и механизмом объединения морфем в более сложные единства и т. п. делает морфологическую структуру слова важным компонентом типологической характеристики языка.

В морфологической структуре многих слов находят отражение диахронические процессы разного порядка. В ней нередко отражаются также синхронные процессы словоизменения, формообразования и словообразования в различном их переплетении и взаимодействии. Можно полагать вследствие этого, что познание морфологической структуры слова, обеспечиваемое морфологическим анализом, является ключом к пониманию многих процессов и явлений как в синхронии, так, отчасти, и в диахронии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	
Задачи настоящей работы и ее теоретические предпосылки	3
I. Задачи морфологического анализа и постановка обсуждаемых проблем в современной лингвистике	3
II. Исходные понятия настоящей работы. Слово и морфема	9
III. О предмете морфологии и ее основных разделах	1
IV. Цели настоящего исследования	22
Глава вторая	
Первичная сегментация текста	26
I. Общие замечания о сегментации текста	26
II. О членности слов и типах морфологической членности	39
III. Спорные случаи членения форм и описание условного и дефектного типов морфологической членности	48
IV. Типы простейших морфологических единиц. Морфы и квазиморфы	58
Глава третья	
Отождествление морфемы	66
I. Общие замечания об отождествлении морфов одной морфемы	66
II. Правила отождествления морфов одной морфемы	79
III. О некоторых сложных случаях отождествления морфемы	87
IV. Тождество морфемы и границы варьирования ее означающих и означаемых	99
Глава четвертая	
Классификация морфем	110
I. Функциональная характеристика морфем. Служебные и неслужебные морфемы	110
II. Структурная классификация морфем. Связанные, несвязанные, относительно связанные и относительно свободные морфемы	118

III. К уточнению понятия аффикса	131
IV. Функциональная классификация аффиксов	143
V. Об оформленности слова, его морфологических примерах и маркерах	165
Глава пятая	
Принципы описания сложных морфемных последовательностей и теоретические основы их анализа с морфологической и словообразовательной точек зрения	177
I. Процессы образования регулярных морфемных последовательностей и главные типы этих процессов	177
II. О двух типах отношений производности в морфологической системе языка	188
III. О специфике отношений словообразовательной производности и их месте в морфологической системе языка	198
IV. О разграничении принципов морфологического и словообразовательного анализа слов	213
V. Конкретные процедуры разграничения формообразования, словоизменения и словообразования	227
Глава шестая	
Морфологическая структура слова в германских языках	236
I. Основные модели слов в германских языках	236
II. Типы именных форм в германских языках	246
III. Типы глагольных форм в германских языках	258
IV. О типах основ и их роли в морфологической структуре слова	271
V. Определение производной основы и типы этих основ	281
VI. Отличительные особенности морфологической структуры слова в германских языках	289
Заключение	301